

Ю.Н.АФАНАСЬЕВ

**ИСТОРИЗМ
ПРОТИВ
ЭКЛЕКТИКИ**

Ю. Н. АФАНАСЬЕВ

ИСТОРИЗМ ПРОТИВ ЭКЛЕКТИКИ

Французская историческая
школа "Анналов" в современной
буржуазной историографии

МОСКВА
"МЫСЛЬ" 1980

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А 10601-091 — 185-80 0502000000 ©Издательство "Мысль". 1980
004 (01)-80

ВВЕДЕНИЕ

Современная французская буржуазная историография занимает важное место в мировой исторической науке, а в западной историографии ей принадлежит одна из ведущих ролей. Такое положение она обеспечила себе прежде всего путем методологической трансформации, которая сделала ее более адекватной современным условиям общественного развития.

За последние десятилетия чрезвычайно обострился кризис буржуазной исторической мысли, который дал о себе знать уже на рубеже двух веков и развивался в последующие годы. К первым десятилетиям XX в. относится и начало поисков выхода из тупика, сопровождавшихся повышением интереса к теории истории со стороны буржуазных ученых. Все это способствовало активизации усилий в направлении методологического переоснащения буржуазной исторической науки.

Наиболее заметно это проявилось во французской буржуазной историографии, в результате чего в период 40 – 60-х годов она пережила процесс существенной внутренней трансформации. Был основательно пересмотрен весь прежний концептуальный каркас буржуазной исторической науки: познавательные функции историка, принципы и приемы исторического исследования и исторических объяснений, круг источников и принципы их научной критики и т. д. Были пересмотрены и такие понятия, как исторический факт, взаимосвязь событий и явлений, причины и сущность изменений в истории и др.

Эта методологическая перестройка французской буржуазной исторической науки в значительной степени связана с деятельностью большой группы историков так называемой школы "Анналов"* (по названию журнала, начавшего выходить в 1929 г.), в первую очередь с именами таких выдающихся французских ученых, как Марк Блок, Люсьен Февр и Фернан Бродель. За ними следует плеяда их последователей и учеников – Ж. Дюби, Ж. Мёврэ, П. Губер, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри и др. Анализ трудов каждого из них мог бы

* Для характеристики этого направления мы применяем устоявшийся в советской историографии термин, считая его обоснованным¹, хотя и не выражающим в полном объеме представленное "Анналами" научное направление. Сами же историки "Анналов", начиная с М. Блока и Л. Февра, термин "школа" (в понимании "школа М. Н. Покровского", "школа Л. Пастера", "школа Аристотеля" и т. д.) категорически отрицают².

стать темой самостоятельного исследования. Однако целью данной работы является не столько характеристика отдельных трудов отдельных историков школы "Анналов", сколько выявление общих закономерностей развития всего этого направления в целом со времени его возникновения и до сегодняшних дней, его отличий от других направлений французской буржуазной историографии.

Анализ эволюции школы "Анналов" позволяет сделать вывод, что эта школа прошла в своем развитии три этапа, которые условно можно назвать этапами М. Блока и Л. Февра (1929 — 1946 гг.), Ф. Броделя (1946 — 1969 гг.) и так называемых "обновленных" "Анналов" (1969 — 1979 гг.). Каждому из этих этапов посвящена отдельная глава настоящего исследования, которое строится не по статическому тематически-именному, а по эволюционно-проблемному принципу.

Представляемое "Анналами" историографическое направление приобрело широкую международную известность, способствовало кристаллизации родственных направлений во многих капиталистических странах. Сегодня об "Анналах" говорят на всемирных конгрессах историков, о них пишут книги во Франции и за ее пределами, у этой школы появилось много сторонников и не меньше противников. Главной задачей настоящего исследования является определение места школы "Анналов" в новейшей историографии Запада, выявление ее позитивного вклада в развитие исторической науки, а также тех ее негативных сторон, которые отличают субъективную эклектику от объективного историзма.

Школа "Анналов", ее место и роль в буржуазной историографии, отдельные этапы ее развития, основные теоретико-методологические установки — все это уже давно стало предметом специального исследования и острой полемики среди историков, социологов, экономистов, представителей других областей общественных наук. К настоящему времени имеется довольно обширная критическая литература, посвященная "Анналам". Правда, большая ее часть опубликована на Западе, а в тематическом плане преобладают работы об отдельных историках³. В обобщающих исследованиях (все они изданы за рубежом и исчисляются единицами⁴) основное внимание уделяется начальному периоду истории "Анналов", значительно меньше — 40 — 60-м годам, и лишь в нескольких статьях затрагиваются отдельные проблемы современного периода.

Одна из самых характерных особенностей зарубежной литературы о школе "Анналов" — это крайняя полярность оценок:

от неумеренной апологетики до почти полного отрицания ее значения и даже подчеркивания "вредности" для буржуазного обществоведения, что само по себе уже знаменательно — не часто какая-нибудь буржуазная историческая школа вызывает столь бурные споры.

В специальных трудах и лекционных курсах на Западе эта школа нередко оценивается как самое значительное явление в мировой исторической науке за последние 50 лет. Поборники "Анналов" приписывают этой школе осуществление "революции исторической мысли, единственно значимой в нашем столетии", создание "дисциплинарной матрицы", пригодной для всей исторической науки⁵. Ей присваивается право на "последнее слово" в анализе и оценке исторического процесса, в осмыслении его перспективы.

Противники методологии школы "Анналов" столь же решительно хулят ее со страниц буржуазных исторических журналов и трибун международных научных конгрессов, конференций и симпозиумов. В западногерманской историографии еще в 50-х годах Г. Риттер⁶, а затем и его последователи⁷ усмотрели в "Анналах" угрозу чуть ли не самому существованию всей "западной цивилизации" из-за якобы имеющего место "скатывания" этой школы к "марксистскому ходу мысли" и отказа ее от духовного своеобразия Запада "перед лицом советской системы". Атаки на "Анналы" справа ведутся и в самой Франции. Одним из постоянных оппонентов "Анналов" является старейший философ-идеалист и политолог, патриарх французского антикоммунизма Раймон Арон. Еще в 1938 г. в своей книге "Введение в философию истории" он пытался доказать, что никакая историческая школа не может выйти за пределы исторической субъективности, так как "история есть всегда история духа, даже если она является историей производительных сил"⁸. В 1977 г. Р. Арон вновь выступил с "защитительной речью" в пользу приходящей в упадок Европы. Не называя прямо "Анналы", он негодовал по поводу "конформизма" французской буржуазной интеллигенции, сокрушаясь, что во Франции и Италии в университетах и школах продолжают якобы "преподавать, распространять, вдалбливать в головы марксизм"^{9*}.

* Политический последователь Р. Арона известный французский реакционный публицист Э.-Ф. Ревель, один из издателей откровенно антикоммунистического еженедельника "Экспресс", стремится сделать идеи своего "мэтра" достоянием широкой публики, утверждая, что люди типа историков школы "Анналов" даже хуже откровенных коммунистов, ибо они-то и "соблазняют" наивных французов Марксом¹⁰.

В своих атаках на школу "Анналов" Р. Арон во Франции не одинок. С позиций крайнего релятивизма, отрицания познавательных возможностей истории, философского обоснования субъективизма в 1945 г. выступил А.-И. Марру¹¹. В 1955 г. Р. Арон и его последователи (П. Рикёр, Ф. Ариес и др.) выпустили коллективный труд "Новые концепции истории" (предисловие Арнольда Тойнби), ставший чем-то вроде манифеста идеалистической философии истории и объективно направленный против любых материалистических исторических школ¹². С середины 50-х и до начала 70-х годов во Франции появилась целая библиотека "антианналовской" литературы, в которой особенно выделяются работы П. Рикёра, П. Вейна, М. де Серто¹³.

Объективную научную позицию в оценке роли и места школы "Анналов" в мировой исторической науке заняли советские исследователи и французские историки-марксисты.

Во Франции, начиная с обобщающей работы Ж. Брюа в 1949 г.¹⁴, историки-марксисты пристально следили за эволюцией этого направления в буржуазной исторической науке¹⁵. Не вдаваясь в детали их оценок (они будут даны по ходу нашего дальнейшего анализа), отметим здесь два момента: интерес французских историков-марксистов ко второму, "броделевскому" этапу и критику "обновленных" "Анналов", особенно их идеологии антиреволюционности¹⁶, а также различные оценки вклада школы "Анналов" в историческую науку — от отрицания рационального в ее исследованиях¹⁷ до призыва не пренебрегать накопленным "Анналами" опытом исторического исследования, из которого может быть почерпнуто много полезного¹⁸.

Работы историков школы "Анналов" всегда вызывали значительный интерес и в СССР, что подтверждается переводами на русский язык некоторых из их фундаментальных трудов¹⁹, а также статей по методологии истории²⁰. В ряде работ советских историков и философов содержится анализ общих методологических принципов буржуазной историографии, в том числе и методологии отдельных историков школы "Анналов"²¹. В специальных трудах, посвященных структурализму²², социальной психологии²³, исторической географии²⁴, принципам социологического анализа в истории и т. д.²⁵, затрагиваются некоторые проблемы, имеющие непосредственное отношение к исторической концепции "Анналов".

За три последних десятилетия в СССР опубликовано немало работ, специально посвященных историкам школы "Анналов"²⁶, а также ее печатным органам²⁷. Следует, однако, отметить

непропорциональность освещения различных этапов истории "Анналов": больше всего работ о первом этапе (преимущественно проблемы истории феодализма²⁸), меньше — о втором²⁹ и совсем немного — о третьем³⁰, причем в центре внимания советских историков до сих пор стояла, как правило, не "школа", а труды и взгляды отдельных ее представителей³¹.

Лишь в самое последнее время в советской исторической литературе появились обобщающие работы по французской историографии, в которых были предприняты продуктивные усилия для определения места и влияния школы "Анналов" в современной французской исторической науке³². В первом ряду здесь находятся исследования М. Н. Соколовой, и прежде всего ее последняя обобщающая монография³³ — первая в СССР попытка проследить историю развития всей французской исторической науки за последние 50 лет. В монографии показана идейная борьба буржуазных и марксистских историков по узловым вопросам французской истории, обстоятельно, со знанием дела проанализированы основные труды почти всех крупных историков современной Франции — М. Блока, Л. Февра, Ж. Лефевра, Ф. Броделя, Э. Лабрусса, Ж. Дюби, П. Вилара, А. Собуля и др. В этой работе впервые в советской историографии широко представлено творчество историков третьего этапа школы "Анналов" — П. Шоню, Ж. Ле Гоффа, Э. Ле Руа Ладюри, много места уделено критике идеологии антиреволюционности Ф. Фюре и Д. Рише.

Вместе с тем, стремясь показать весь спектр современной французской историографии, М. Н. Соколова сосредоточила основное внимание не столько на тенденциях ее развития, сколько на творчестве отдельных крупных историков Франции. Отсюда приглушенное звучание некоторых общих закономерностей развития французской буржуазной исторической науки, недооценка влияния школы "Анналов" на буржуазную историографию. Более того, сами "отцы-основатели" "Анналов" — М. Блок и Л. Февр, как и продолжатель их дела Ф. Бродель, оказались оторванными от детища всей их жизни — школы "Анналов"³⁴. Да и сами "Анналы" проходят в книге М. Н. Соколовой не как "школа" или направление во французской исторической науке с относительно целостной концепцией, а лишь как периодический печатный орган — журнал "Анналы", как если бы после 1929 г. с "Анналами" во французскую историографию не пришло ничего нового.

Таким образом, в советской исторической науке за 50 лет существования школы "Анналов" сделано уже немало в плане

ее исследования, накопилась определенная сумма оценок отдельных сторон научной деятельности этого направления, но общее комплексное видение развития этой "школы" пока еще не сформировалось. Так, например, "Анналы" порой безоговорочно относят к прогрессивному течению французской историографии, отмечается даже близость этого направления к марксизму. Действительно, в отличие от многих других буржуазных научных школ и течений "Анналы" вплоть до самого последнего времени не выступали прямо против марксизма, относились к нему как к рациональной научной доктрине. В то же время они всегда рассматривали научную концепцию марксизма как "вчерашний день" в науке. Наряду с реверансами в сторону К. Маркса делались попытки доказать, что школа "Анналов" якобы "превзошла" марксизм, что она наряду с другими "рационалистическими" теориями синтезировала все наиболее научно ценное (в том числе и из марксизма) и на этой основе выдвинула свою глобальную историко-социологическую концепцию. При этом если М. Блок и Л. Февр в чем-то шли параллельно с марксизмом, а Ф. Бродель полагал, что он уже "опередил" марксизм, то нынешнее поколение "Анналов" пошло в лобовую атаку против марксизма-ленинизма.

Для М. Блока и Л. Февра, когда они вели свои "битвы за историю" как науку, основным противником всегда находился справа, в их представлениях он ассоциировался с реакционными философскими воззрениями, с фашизмом, в борьбе с которым геройски погиб М. Блок. По традиции об "Анналах" порой вообще судят, имея в виду тот период в их истории, когда они были действительно левыми, когда они шли вместе с народом Франции, находились на стороне прогрессивных сил. Однако в ходе трансформации методологических основ этого историографического направления постепенно и, казалось бы, неосознанно для многих историков "Анналов" произошла метаморфоза социально-политического характера этой "школы" и ее главный противник оказался слева.

Именно потому, что развитие школы "Анналов" — не прямая линия, а кривая, с множеством изгибов, зачастую теряющаяся под нагромождением внешне научных форм и приемов, критическое воссоздание ее 50-летней истории — задача чрезвычайно сложная; комплексное ее решение потребует, очевидно, дополнительных усилий и, возможно, не одного-двух, а группы ученых разного профиля. Что же касается предлагаемой читателю работы, то это лишь одна из попыток в указанном направлении.

Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность всем, кто на разных этапах разработки данной темы оказывал ему содействие и всестороннюю помощь, особенно академику И. И. Минцу, профессорам Академии общественных наук при ЦК КПСС Х. Н. Момджяну, В. П. Наумову и Н. М. Кейзерову, ознакомившимся с рукописью и сделавшим ценные замечания. Особую благодарность хотелось бы выразить французским историкам-марксистам: заведующему кафедрой в Сорбонне профессору Альберу Собулю, заместителю директора Института Мориса Тореза при ЦК ФКП профессору Сорбонны Клоду Вилару и видному специалисту по истории французского Сопротивления Жермене Вилар, беседы с которыми во многом помогли автору.

Глава первая

МАРК БЛОК И ЛЮСЬЕН ФЕВР В ПОИСКАХ СПОСОБОВ ОБНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ. СТАНОВЛЕНИЕ ШКОЛЫ "АННАЛОВ"

1. Социально-политические и общенаучные условия формирования школы "Анналов"

Возникновение и становление французской исторической школы "Анналов" относится, пожалуй, к одному из самых оригинальных явлений в развитии всей буржуазной историографии. Можно назвать очень немногие из ее школ или направлений, утверждение которых происходило бы путем "битв за историю", сопровождалось столкновением противоречивых тенденций и вместе с тем было бы отмечено такой научной плодотворностью, появлением настоящих талантов. В атмосфере теоретической растерянности и пессимизма, царившей в западной историографии в первые десятилетия XX в., несколько французских ученых во главе с М. Блоком и Л. Февром* не поддались общей панике, сохранили оптимизм и твердую веру в возможности исторической науки. Они поставили перед собой задачу превратить историю из *lettres в science*, т. е. из словесности, ограничивающей, как правило, познание прошлого критикой источников и описанием поверхностных фактов, в науку, способную раскрыть действительные связи явлений. Период становления "Анналов" — с конца 20-х до середины 40-х годов — ознаменовался для Блока и Февра непрекращающимися выступлениями "за" и "против" одновременно по многим направлениям. Даже названия книг и статей, в которых они изложили свои идеи о природе исторического знания, о настоящем и будущем исторической науки, отразили накал страстей вокруг нового историографического направления. Блок назвал свою книгу об

* В ходе дальнейшего изложения имена основателей "Анналов" часто будут стоять рядом. Между М. Блоком и Л. Февром как личностями и как историками нельзя, конечно, поставить знак равенства. Но в главном — во взглядах на историю как науку — они были единомышленниками. Книга М. Блока "Апология истории" открывается посвящением Л. Февру, в котором мы читаем такие строки: "Среди идей, которые я намерен отстаивать, не одна идет прямо от Вас. О многих других я и сам, по совести, не знаю, Ваши они, или мои, или же принадлежат нам обоим"¹.

историческом значении "Apologie pour l'Histoire" — "апология", "оправдание", "защитительная речь" в пользу истории. Названия книг и статей Февра в этом отношении также довольно красноречивы: "Битвы за историю", "За всеобъемлющую историю", "О той форме истории, которая не является нашей. Историзирующая история", "Да здравствует история!".

Уже в первых своих работах Блок и Февр выступили против наивного, бездумного подхода к исторической науке, против распространенного в официальной французской историографии того времени убеждения, что цель этой науки — лишь спасти от забвения факты прошлого, а главная задача историка — изучение и критика документов, извлечение фактов и их датировка. "Тексты, одни только тексты, ничего, кроме текстов", — повторяли тогда, как заклятье, многие авторитеты. Основатели "Анналов", как и другие объединившиеся вокруг них ученые, были полны решимости избавить историческую науку "от рутины учены и от эмпиризма в обличье здравого смысла"². В то же время историки "Анналов" недвусмысленно высказались и против широко распространенных в буржуазной философии истории настроений воинствующего антиисторизма, субъективизма, неверия в возможности исторической науки.

С 1929 г., с момента основания журнала "Анналы экономической и социальной истории"^{*}, который первые годы издавался в Страсбурге, Блок и Февр стали признанными лидерами, олицетворением "битв за историю". С этого времени их деятельность "за" развивалась по трем основным направлениям. Во-первых, они осуществляли конкретно-исторические исследования и, разрабатывая отдельные проблемы европейского, и прежде всего французского, средневековья, истории культуры, техники, экономики, создали большое количество трудов, из которых отдельные считаются классическими во французской исторической литературе и занимают достойное место в истории мировой науки. Исключительно плодотворной была научная деятельность Блока. Уже по общему количеству, характеру и тематике работ, опубликованных им всего за четверть века научной карьеры, — более 180 книг и статей и около 1000 рецензий, обзоров, заметок и других материалов³ — можно судить

* Журнал несколько раз менял свое название: в 1929 — 1938 гг. (№ 1 — 10) он выходил под названием "Annales d'histoire économique et sociale"; в 1939 — 1941 гг. (№ 1 — 3) — "Annales d'histoire sociale". В 1942 — 1944 гг. вместо закрытых в годы фашистской оккупации "Анналов" выходили сборники (№ I — IV) "Mélanges d'histoire sociale"; в 1945 г. вышли два сборника в честь М. Блока — "Annales d'histoire sociale". После 1946 г. журнал называется "Annales. Economies. Sociétés. Civilisations".

о его исключительном трудолюбии и преданности своему делу, высокой культуре и многогранности интересов. Во-вторых, основатели "Анналов" много времени уделяли вопросам организации исторической науки: занимались разработкой исследовательских программ, привлекали к их реализации молодых историков, осуществляли координацию со смежными с историей научными дисциплинами, руководили журналом. В-третьих, Блок и Февр вели большую теоретическую работу по обоснованию приемов и методов исторического исследования, места и роли исторической науки в общественной жизни, в системе других наук и т. п. Этому виду деятельности особенно большое внимание уделял Февр. Он был борцом по темпераменту, обладал талантом публициста; его книги, статьи, выступления, письма⁴ — это действительно "веер живой истории"* , через который просматривается человек, обладающий пытливым умом, энциклопедическими знаниями, несокрушимым оптимизмом.

Что же побудило М. Блока и Л. Февра начать свои "битвы за историю" как науку и сознательно противопоставить свои принципы традиционной буржуазной историографии и модернистским гиперкритическим концепциям антиисторизма?

Однозначного ответа на этот вопрос, видимо, не существует. Ясно, однако, что дело здесь не только в профессиональной озабоченности. Для Блока, например, "проблема целесообразности, оправданности исторической науки" — это не "мелкие сомнения цеховой морали", а проблема, "затрагивающая всю западную цивилизацию"⁶. Следовательно, ответ на поставленный вопрос надо искать прежде всего в объективных условиях развития французской историографии в первой половине XX в.

Становление школы "Анналов" проходило в обстановке углубления кризиса буржуазной исторической мысли и исторической науки. Этот кризис начался еще на рубеже XIX — XX вв. вместе с переходом капитализма в империалистическую стадию и стал частью более широкого явления — кризиса буржуазной идеологии и обществоведения⁷. Углубление кризиса буржуазной историографии в 20-х годах XX в. было обусловлено рядом причин социально-политического и гносеологического характера.

Социально-политические условия определялись двумя основными линиями общественного развития: ростом революционного движения во всем мире как главной линией всей эпохи перехода от капитализма к социализму, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция,

* Так называется книга, посвященная Л. Февру⁵.

и нарастанием кризиса капиталистической системы. Доминирующей во всей буржуазной историографии стала тенденция, выражающаяся в ложной интерпретации, в извращении исторического значения именно этих важнейших факторов в развитии человеческого общества с целью историко-идеологического обоснования незыблемости капитализма. Однако эта тенденция проявлялась в отдельных странах и в разное время по-разному в зависимости от конкретных условий. Социально-политическое развитие Франции в 20—40-х годах, когда происходило становление школы "Анналов", характеризовалось значительным повышением роли народных масс. Это нашло выражение в таких явлениях, как подъем рабочего движения, образование Французской коммунистической партии, создание Народного фронта. В то же время этот период был отмечен усилением влияния в политической жизни страны реакционных сил, их попытками остановить революционное движение. В начале 30-х годов во Франции резко возросла опасность фашизма. Все эти социально-политические процессы оказали воздействие на формирование общего идеологического климата в стране и на развитие французской историографии.

В области гносеологии углубление кризиса буржуазной исторической мысли выразилось в том, что в первые три десятилетия XX в. в результате явной неспособности дать научное объяснение исторического процесса потерпели полное банкротство многие концепции из арсенала традиционной буржуазной историографии, а вместе с ними и доминировавшие у буржуазной исторической науки школы и направления, в том числе и прежде всего позитивистское направление. Исчерпал себя и начал сходиться со сцены "классический" буржуазный либерализм, набор ценностей которого сформировался в борьбе против клерикализма и реакции, за республику и "свободу личности". Республика была восстановлена, буржуазные свободы провозглашены, а социальные противоречия продолжали обостряться, классовая борьба становилась все ожесточеннее. Сопровождавшаяся огромными разрушениями и жертвами первая мировая война, экономический кризис 1929—1933 гг. и его последствия, приход к власти фашистов в Италии и Германии и подготовка ко второй мировой войне — все эти события отразились отчаянием и паникой в буржуазном сознании, окончательно развеяли представления о равноускоряющемся поступательном восхождении человечества к царству разума и свободы. Возникшая и расцветшая на почве идеологии буржуазного либерализма известная историческая школа А. Олара перестала существовать, либерально-

позитивистские установки "знатоков" истории XIX в. академик Э. Лависса и сорбоннского профессора Ш. Сеньбоса оказались пригодными лишь для уничтожающей критики. В явное противоречие с реальной действительностью пришли апологетические концепции буржуазного реформизма, и в частности многие оптимистические прогнозы Э. Дюркгейма — основателя французской социологической школы, поскольку в условиях империализма не сокращалось, а катастрофически увеличивалось количество неразрешимых в рамках капитализма противоречий: усиление господства человека над природой сопровождалось углублением пропасти между бедностью и богатством, экономический и технический прогресс вел к усилению экономического, политического и военного противоборства, к порабощению целых народов и стран. Крушение многих теорий буржуазного реформизма было предопределено начавшимся распадом казавшихся незыблемыми капиталистических устоев и первыми успехами молодого Советского социалистического государства.

Уже к концу 20-х годов стало очевидным, что ни традиционный либерализм, ни откровенно апологетические концепции буржуазного реформизма не отвечают новым интеллектуальным и идеологическим запросам. Назрела потребность в более широких научных обобщениях, в более углубленных раздумьях о судьбах цивилизации вообще и французского общества в частности. Эта потребность была присуща и широким слоям французской интеллигенции, которая в своей массе стояла на мелкобуржуазных позициях. Ее положение во французском обществе определялось, с одной стороны, нежеланием порвать с господствующим классом, с другой — верностью идеям гуманизма, демократическим и республиканским традициям, отказом солидаризироваться с реакционной внутренней и внешней политикой правящих кругов. Повышение роли народных масс во французском обществе способствовало полевению значительной части интеллигенции. В этих условиях наиболее прогрессивно мыслящие ученые начали осознавать, что одним из важнейших условий развития исторической науки и усиления ее влияния на судьбы Франции является отказ от традиционной буржуазной схемы мышления, и в том числе от антикоммунистического варианта этой схемы. В то же время связи с господствующим классом, равно как и весь груз буржуазной культуры, удерживали большинство французской интеллигенции от обращения к революционной теории марксизма.

Эти настроения М. Блок и Л. Февр смогли не только почувствовать, но и выразить полнее и лучше других. Таким образом,

объективной основой для возникновения "Анналов" стала потребность мелкобуржуазных слоев в такой интерпретации общественного развития, которая бы в современных условиях отвечала их вожелению пройти по жизни "третьим путем" под лозунгом: "Ни реакции — ни марксизма".

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что эта объективная основа сразу же воплотилась в субъективное стремление основателей "Анналов" разработать альтернативу марксизму. В таком случае они скорее всего уже в самом начале растворились бы в общем мутном потоке реакционного антиисторизма. Действительность оказалась значительно сложнее. Она не вписывалась в строго определенные рамки социального заказа. Вот почему в отношении первого этапа в развитии школы "Анналов" неправомерны безоговорочные утверждения о ее антимарксистской направленности. Помимо своеобразия социально-политической обстановки во Франции здесь следует учитывать также личные качества, общественно-политические взгляды объединившихся вокруг "Анналов" ученых.

Блок и Февр не занимали четкой позиции в социальных и политических битвах современности. Не продемонстрировали они и стремления охарактеризовать наиболее важные события в социальной жизни XX в., дать им оценку. Это не означает, разумеется, что они вообще не выразили своего отношения к окружающей их действительности. Блок геройски погиб в борьбе с фашизмом. Февр принимал активное участие в создании, а впоследствии и в работе ЮНЕСКО. Дыхание современной эпохи чувствуется во многих из опубликованных ими работ. Однако выражается оно чаще всего в категориях, характеризующих масштабность, размах, но не существо происходивших в мире социальных перемен. Об идейной ориентации Блока и Февра в определенной мере можно судить по тем именам, которые стали для них олицетворением лучших традиций в истории общественной мысли. Таких имен много, но достаточно назвать хотя бы некоторые из них, такие, например, как Рабле, Декарт, Стендаль, Монтень, Паскаль, Боссюэ, Монтескье, Вольтер, Мишле, чтобы стало понятным то общее, что объединяет их всех, — приверженность гуманистическим идеалам. Иногда, говоря о своей верности определенным традициям, Блок и Февр называли (хотя и реже, чем других) Прудона и Сен-Симона.

К сказанному добавим, что за всю свою жизнь Блок и Февр политически никогда не присоединялись к антисоветскому хору, хотя и не высказывали своего позитивного отношения к социалистическому обществу. Не поступаясь истиной, можно сказать,

что основатели "Анналов" не смогли увидеть тех новых социальных ценностей, которые были выдвинуты современной эпохой. Вместе с тем усвоение лучшего достояния национальной и мировой культуры, верность гуманистическим традициям французской общественной мысли, высокие принципы гражданственности — все это позволило им разглядеть довольно широкие горизонты обновления исторической науки.

Переходя к более конкретному рассмотрению идейных истоков школы "Анналов", попытаемся выделить в первую очередь те идеи и концепции, которые непосредственно повлияли на формирование мировоззрения ее основателей, наиболее полно отразились в конкретно-исторических исследованиях историков этой школы и в конце концов, что, пожалуй, самое главное, предопределили ее своеобразие среди всех других направлений и школ в буржуазной исторической науке. Следует при этом учесть, каким образом сами основатели "Анналов" решали вопросы о связи исторической науки с жизнью, о взаимодействии различных форм общественного сознания.

Блок и Февр были глубоко убеждены, что наука не делается в "башне из слоновой кости" учеными, живущими вне времени и пространства жизнью чистой интеллектуальности⁸. Неоднократно возвращаясь к мысли о тесной связи исторической науки с жизнью, Февр конкретизировал ее в том плане, что историю какой бы то ни было науки невозможно воссоздать без учета ее отношений с экономикой, политикой, социальными условиями конкретной исторической эпохи. Научные концепции, говорил он, возникают не в сфере "чистых идей", а в самой действительности, их вырабатывают не оторванные от жизни маньяки, а конкретные люди, которые независимо от того, осознают они это или нет, извлекают именно из окружающей их среды все объекты для своих размышлений⁹. В силу этого и сама история науки — это "не покрывшееся пылью мрачное хранилище мертвых теорий и устаревших объяснений, она представляет собой живую главу общей истории человеческого мышления"¹⁰.

Блока и Февра характеризовали необычайная способность к восприятию новых идей и глубокое осознание взаимосвязанности различных отраслей знания. Характерно в этом смысле следующее признание Блока: "Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию... Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данной дисциплины — пусть самые специальные с виду, — необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно

проявляются в других группах наук”¹¹. Эту же мысль часто повторял и Февр¹².

”Навстречу ветру!” — так Л. Февр назвал одну из своих статей, опубликованных в ”Анналах”¹³. В статье говорится о величии задач, стоящих перед исторической наукой, о ее будущем. Задачи истории как науки Февр рассматривал в неразрывной связи с развитием мировой цивилизации, цивилизации землян, которая, по его убеждению, распространится на всю Галактику. В статье Февра выражены мысли, развивающиеся в русле лучших традиций французского, и не только французского, Просвещения. Пафос Февра, его страстная вера в прогресс человечества, признание самостоятельного значения и индивидуального своеобразия истории каждого народа созвучны мыслям Гердера — выдающегося немецкого философа-просветителя, который, по образному выражению Гейне, ”рассматривал все человечество как великую арфу в руках великого мастера, каждый народ казался ему по-своему настроенной струной этой исполинской арфы, и он постигал универсальную гармонию ее различных звуков”¹⁴. Величие исторической науки, по убеждению Февра, не должно напоминать невозмутимое равнодушие египетских пирамид. Она лишь тогда сможет подняться до уровня стоящих перед нею задач, когда будет способна изменяться в ритме меняющегося на глазах мира, когда будет идти вперед, навстречу самым животрепещущим проблемам современной эпохи и сможет осветить будущее.

”Навстречу ветру!” — это больше, чем название одной из статей. В этих словах своего рода девиз, под которым прошла вся жизнь и Февра, и Блока и которым пронизано все их творчество.

Каким же ветрам навстречу вышли основатели ”Анналов”? Какие ”живительные соки”, питавшие их принципы и методы познания прошлого, смогли они почерпнуть в сложной и противоречивой научной и идейно-политической реальности первых десятилетий XX в.?

Непосредственное и очень сильное влияние на формирование Блока и Февра как ученых оказала происшедшая в начале века революция в естествознании и связанная с ней крутая ломка основных мировоззренческих принципов познания. ”Вся концепция мира, — писал Февр, — вся стройная система, выработанная поколениями ученых в течение следовавших друг за другом веков, разлетелась с одного удара... Наши знания внезапно вышли за пределы нашего понимания. Конкретное взорвало рамки абстрактного. Попытка объяснения мира с помощью ньютоновской или рациональной механики закончилась полным провалом.

Нужно было заменить старые теории новыми. Нужно было переосмотреть все научные понятия, которыми пользовались до сих пор”¹⁵.

Среди идей и понятий, получивших обоснование в результате революции в естествознании, остановимся лишь на тех, которые привлекли наибольшее внимание Блока и Февра¹⁶.

Прежде всего понятие ”мир как система”, или проблема несводимости при исследовании сложных объектов качества целого к части, системы к элементам.

Следует оговориться, что эта проблема была известна науке на протяжении почти всей ее истории. Но до XIX в. дискуссии между сторонниками элементаризма и теми, кто отстаивал принципы целостности, носили преимущественно умозрительный характер. Научное решение этой проблемы в философском и социально-экономическом плане впервые было дано марксизмом. ”Капитал” К. Маркса стал первой работой, в которой было осуществлено научное исследование капиталистического общества как сложной системы. Эта работа, писал о ней В. И. Ленин, ”показала читателю всю капиталистическую общественную формуляцию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями”¹⁷. Ф. Энгельс в ”Диалектике природы” дал всестороннее обоснование положения о несводимости сложных форм движения к простым. Он не только раскрыл гносеологический смысл этого положения, показав ограниченность научного анализа, сводящегося лишь к поискам элементарных частиц и процессов, но и доказал, что сложность мира представляет собой его субстанциальное свойство, что мир — это сложная система как в целом, так и в каждом его элементе, отображающем это целое. В ”Диалектике природы” содержится глубокое философское исследование истории и важнейших вопросов естествознания, дана критика механицизма, метафизического метода. Многие положения ”Диалектики природы” предвосхитили выводы естественных наук на целые десятилетия, и, когда эта работа была впервые опубликована в 1925 г., они прозвучали в унисон с теми проблемами, которые решались естествознанием на рубеже XIX и XX вв. Необходимо, однако, отметить, что ни эта работа Энгельса, ни ”Капитал” Маркса не оказались тогда в поле зрения основателей ”Анналов”.

В естествознании первые шаги в научном решении проблемы "мир как система" также были сделаны в XIX в. В области термодинамики австрийский физик Людвиг Больцман (1844—1906 гг.) первый стал рассматривать "ансамбль" частиц как единый предмет, а не только как совокупность отдельных, независимых друг от друга, самостоятельных частиц, что и позволило ему предположить наличие специфических законов этого ансамбля, несводимых к закономерностям каждой составляющей его частицы и не вытекающих из них, хотя и тесно связанных с ними. Этим законом "ансамбля" было второе начало термодинамики. С начала XX в. новый подход к изучению сложных объектов получил распространение и в ряде других наук. Важнейшую роль в этом отношении сыграла теория относительности, в которой пространственно-временной мир предстал как структурный, заполненный взаимодействующими, бесконечными по своей сложности системами. Еще более отчетливой структура этого мира стала благодаря достижениям квантовой механики, которая связала с наиболее объемлющей системой — Метагалактикой самое бытие элементов мироздания — элементарных частиц. Важную роль в научном решении проблемы "мир как система" сыграли органические концепции в биологии, экологии, психологии.

На общем фоне достижений естествознания основатели "Анналов" смогли отчетливее увидеть наиболее слабые стороны буржуазной исторической науки. Можно вполне согласиться с характеристикой, которую дал ей Блок: "Это наука, переживающая детство... Или, лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода"¹⁸. Одна из важнейших причин подобного положения буржуазной исторической науки заключалась, по мнению Блока, в том, что ей не хватало перспективы целого, "из которой необходимо исходить"¹⁹.

Вторая проблема, связанная с революцией в естествознании и приковавшая к себе внимание основателей "Анналов", — это "великая драма относительности"²⁰, как ее квалифицировал Февр. Эта вторая проблема настолько тесно связана с первой, что их практически нельзя рассматривать отдельно. Если в первом случае речь шла о субстанциальных свойствах мира как сложной системы, то во втором — особое значение приобретали вопросы о множественности связей внутри системы, о многообразии типов этих связей и взаимодействий, о детерминизме.

Способ решения этих проблем определяет принципиальное различие между классической наукой и той, которая пришла ей на смену. Известно, что основанной на элементаристских мировоззренческих принципах классической физике был свойствен механицизм в решении вопросов причинности. Научная мысль исходила из необходимости установления однозначных связей между элементарными явлениями мира. В конечном счете любые явления могут быть объяснены посредством жестких каузальных связей, где каждая причина с необходимостью порождает единственное следствие. Абсолютизация этих однозначных связей и отказ от рассмотрения других типов связей нашли свое выражение в лапласовском детерминизме. Статистическая физика, теория относительности, современная биология и другие науки разрушили эти механистические представления. Из теории вероятностей, например, стало известно, что каждая частица, составляющая ансамбль, движется по самым обычным законам классической механики и по этим же законам взаимодействует со всеми соседними с ней частицами. При взаимных столкновениях они ведут себя, как идеальные упругие шары. Однако при этом законы, управляющие каждым данным микропроцессом, не позволяют установить, какое количество микропроцессов из общего, невообразимо громадного их числа, образующего макропроцесс, будет протекать в одном направлении и какое в другом. Это явление можно объяснить уже не на основе однозначной причинности, не индивидуальным поведением каждой частицы, а лишь на основе вероятностного принципа. Таким образом, в науку вошли понятия случайности и вероятности, вошли отнюдь не как вспомогательные средства для изучения сложных процессов, а как понятия, выражающие саму природу процесса.

Научная революция, отмечал Февр, коренным образом изменила и представления о живой природе. После открытий в области микробиологии перед человеком вдруг предстал совершенно иной мир. С одной стороны, в нем были организмы, как, например, его собственное тело, видимые невооруженным глазом и вполне ощутимые; к отдельным частям этих организмов, скажем к кровеносной системе, оставались вполне применимы законы классической механики, основанные на неевклидовой геометрии; с другой стороны, существовали миллиарды и миллиарды клеток, составляющие этот организм, и явления, происходящие на уровне этих клеток, постоянно отрицали то, что происходило на уровне чувственных восприятий человека. "Здравый смысл" был шокирован научными открытиями.

”Они вновь и вновь возвращали нас,— писал Февр,— к тому же понятию прерывности, которое проникло в физику с квантовой теорией. Удешаивая уже произведенные теорией относительно разрушения в наших научных концепциях, микробиология, казалось, окончательно поставила под вопрос традиционное понятие — старую идею причинности и одновременно идею детерминизма — этот безусловный фундамент любой позитивной науки, эту непоколебимую опору старой классической истории”²¹.

”Великая драма относительности”, если судить по тому вниманию, которое ей уделили Блок и Февр, произвела на них очень сильное впечатление. Все накопленные представления, констатировал Февр, были пересмотрены, будь то концепция исторического факта, научного закона или случайности²². Что же касается формирующего воздействия этого фактора на мировоззрение основателей ”Анналов”, то оно просматривается по многим направлениям. Например, они стали считать достойными внимания науки такие типы связей и взаимодействий между явлениями, как функциональные, корреляционные и другие, получившие выражение в статистических, динамических и других законах. Для них все эти связи и взаимодействия не только уравнились в правах, но и несколько возвысились над причинными. Драматизм без кавычек, истинный драматизм относительности проявился у Блока и Февра и в том, что относительность как объективное свойство процесса познания довольно часто соседствовала у них с прямой ее противоположностью, с тем, что называется субъективным релятивизмом. ”Действительность,— писал М. Блок,— дает нам почти бесконечное множество силовых линий, которые все сходятся в одном явлении. Выбор, производимый нами среди них, может быть основан на признаках, практически вполне достойных внимания. И все равно это только выбор”²³.

Наконец, проблема относительности существенно повлияла на кредо Блока и Февра в отношении самой науки, которой они посвятили свою жизнь. ”Поколения последних десятилетий XIX и первых лет XX века,— писал Блок,— жили, как бы завоженные очень негибкой, поистине контовской схемой мира естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, сформулированным в виде универсальных законов... Умственная атмосфера нашего времени уже не та. Кинетическая теория газов, эйнштейновская

механика, квантовая теория коренным образом изменили то представление о науке, которое еще вчера было всеобщим. Представление это не стало менее высоким — оно сделалось более гибким. На место определенного последние открытия во многих случаях выдвинули бесконечно возможное; на место точно измеримого — понятие вечной относительности меры”²⁴.

Такое представление, безусловно, шаг вперед по сравнению с контовским догматизмом. Область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства, где объектам познания не может быть навязана единообразная интеллектуальная модель, заимствованная из наук о природе, и где нет места шаблону, не может считаться по этим причинам ненаучной. Однако, затворяя ворота в храм науки перед догматизмом, не следовало при этом оставлять открытой калитку для релятивизма, как это делали Блок и Февр, ибо ”релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание”²⁵.

Третья проблема, на которую следует обратить внимание при анализе исторических условий возникновения школы ”Анналов”, — это сам процесс научного познания и конструктивная роль ученого, созидającego средства, методы этого познания. Известно, что революция в естествознании выразилась не только в новых научных открытиях и теориях, радикально изменивших прежние представления о физическом мире и мире живой природы. Сама разработка этих теорий сопровождалась коренной ломкой укоренившихся в классической науке мыслительных форм, утверждением принципиально нового стиля научного мышления.

На стене Брюссельского университета висит доска, на которой начертано высказывание, принадлежащее Анри Пуанкаре*: ”Мысль никогда не должна подчиняться ни догме, ни направлению, ни страсти, ни предвзятой идее, ни чему бы то ни было, кроме фактов, потому что для нее подчиниться значило бы перестать существовать”.

Факты... Мысль... Свобода... Не всегда факты занимали по праву принадлежащий им престол в царстве мысли, и тогда, как это было, например, во времена средневековой схоластики,

* Анри Пуанкаре (1854 – 1920 гг.) — французский математик и физик, известен работами по теории дифференциальных уравнений, математической физике и др. В философии был близок к махизму²⁶.

мысль лишалась свободы. Но бывало, что и царствование фактов превращалось в ее оковы. Это случалось, когда их власть становилась абсолютной. Так было, например, в период, непосредственно предшествовавший революции в естествознании. В то время эмпирики до небес превозносили индукцию и рассматривали ее как универсальный метод. Господствовало убеждение, что ученый должен собирать факты, наблюдать, изучать их и затем переходить к построению теории. Но как быть, если ученый начинает подозревать или знает, что наблюдаемые им факты упрощают или искажают действительность? Должна ли научная мысль подчиняться фактам в абсолютном смысле?

Одним из первых ответил на эти вопросы Эйнштейн: частная концепция, т. е. концепция, основывающаяся на некотором комплексе эмпирических наблюдений, должна логически вытекать из более общей концепции. Это уже совсем иной стиль мышления, в широких просторах которого и стала возможной теория относительности. Вероятно, и квантовая механика не была бы создана, если бы не возникла проблема, как согласовать наблюдаемую фактическую стационарность электронных орбит в атомах и вытекающий из классической электродинамики вывод об изменении орбиты движущегося электрического заряда в связи с постепенной потерей им энергии. Новый стиль научного мышления явился порождением противоречия, обусловленного невозможностью применить старые способы объяснения к новым фактам.

Когда Февр говорил о свойственном современной науке климате, о том, что она ничем уже не напоминает прежнюю науку, что все постулаты, на которых основывалась эта прежняя наука, расшатаны, он, очевидно, имел в виду именно столкновение этих двух стилей научного мышления. "Я хочу поставить вопрос, один простой вопрос: будем ли мы, историки, и только мы одни по-прежнему считать годными эти устаревшие постулаты? Неужели не очевидно, что весь арсенал научных понятий, которыми мы пользуемся, мы заимствовали от людей, занимавшихся той наукой, которая больше соответствует наполеоновским временам, чем современности, и от которой, впрочем, ничего уже не осталось, кроме воспоминаний и фантомов? Найти ответ на этот вопрос, — убежденно писал Февр, — значит разрешить кризис исторической науки"²⁷.

Кризис оказался, однако, затяжным, а укоренившиеся в буржуазной исторической науке фантомы — более могущественными, нежели это казалось тогда Февру. Но сама его мысль была светлой и плодотворной, она вполне соответствовала стилю

мышления, утвердившемуся в естествознании. Разумеется, этот новый стиль нельзя было механически заимствовать. Для того чтобы в наблюдаемом противоречии усмотреть источник научной проблемы и так ее сформулировать, чтобы ее решение предполагало и решение многих других проблем, нужно было, конечно, обладать научным талантом. И если Блок и Февр повторяли как заповедь: "Мыслить проблемами!", то здесь сказалась не только сила примера современного им естествознания. Следующие слова Блока, которыми он начинает свою книгу "Характерные черты французской аграрной истории", свидетельствуют о том, что факт мировоззренческого воздействия на него революционных преобразований в естествознании — это в то же время и факт раскрытия и утверждения его собственной мысли: "В развитии науки бывают моменты, когда одна синтетическая работа, хотя бы она и казалась преждевременной, оказывается полезнее целого ряда аналитических исследований, иными словами, когда гораздо важнее хорошо сформулировать проблемы, нежели пытаться их разрешить"²⁸.

Основатели "Анналов" глубоко ощутили воздействие того "могущественного тока к обществоведению от естествознания", о котором говорил В. И. Ленин. Научные открытия XX в. в области естествознания стали для них дополнительным стимулом к выяснению гносеологических и методологических проблем исторической науки. И хотя их поиски в этом направлении, как мы еще увидим, далеко не всегда приводили к успеху и часто сопровождались издержками в пользу субъективизма, магистральная линия этих поисков оставалась оптимистической: прошлое человечества доступно научному познанию, необходимо лишь соответственно преобразовать историческую науку, а для того, "чтобы наметить разносторонние, значительные планы ее преобразования, нужны разносторонние и значительные умы. Нужно ясное видение вещей. Нужна работа, согласованная с движением времени. Нужно, чтобы все мелочное, пошрое, скудное, отсталое вызывало отвращение. Одним словом, нужно уметь думать"²⁹.

Французской буржуазной исторической науке, если рассматривать ее в общем ряду других социальных наук, не принадлежит, однако, пальма первенства в стремлении овладеть "новым способом видения мира". Еще раньше это стремление проявилось в географии, экономике, социологии³⁰.

В предыстории, а затем и в самой истории "Анналов" очень важное место занимает французская географическая школа³¹, в конце XIX — начале XX в. возглавлявшаяся крупным ученым

П. Видаль де Ла Блашем (1845 – 1918 гг.). Эта школа в известной мере предопределила (“породила”, по выражению Февра) своеобразие, характерные особенности того направления в исторической науке, о котором историки “Анналов” говорили: “Это – наша история”³². Взаимоотношения с французской географической школой являются одним из самых наглядных свидетельств ставшего традиционным для “Анналов” стремления идти навстречу другим наукам, устанавливать с ними творческие контакты, постоянно обогащаться достижениями всех отраслей научного знания.

Можно было бы назвать несколько направлений, по которым осуществлялось воздействие французской географической школы на развитие исторической науки*. Однако если выделить наиболее важные, магистральные линии, то они непременно будут пересекаться в области исходных методологических принципов, ставших общими для обеих наук. Эти принципы продолжительное время разрабатывались большим коллективом ученых и в наиболее общем виде были сформулированы в ряде работ П. Видаль де Ла Блаша, в частности в рукописях, опубликованных уже после его смерти Э. де Мартонном под названием “Принципы географии человека”. Эта работа начинается кратким изложением основополагающих концепций французской географической школы по следующим проблемам: география человека, земное единство и среда, человек и среда, человек – географический фактор³⁴.

В основе научной географии и ее метода лежит идея “земного единства”: Земля – это целое, части которого согласованы; в земном организме ничто не существует изолированно; всюду общие законы проявляются таким образом, что нельзя, коснувшись одной части, не затронуть всю цепь причин и следствий. Эта идея, как подчеркивал Видаль де Ла Блаш, будучи одной из наиболее общих и плодотворных, уже давно проникла в географию, но лишь в конце XIX в. получила научное обоснование. В плане последующего анализа методологических принципов школы “Анналов” весьма важно обратить внимание на то, как

* Л. Февр в книге “Земля и эволюция человечества”, в частности, отметил, что благодаря работам Видаль де Ла Блаша было реализовано то, что собирался сделать еще Мишле, энергично доказывавший, что “без географической основы народ – этот актер исторической драмы – выглядит шагающим по воздуху, как на китайских рисунках, где земли нет”. Несчастье заключалось в том, что во времена Мишле научной географии еще не существовало. С работами Видаль де Ла Блаша, писал Л. Февр, этот пробел начал заполняться и многие научные дисциплины, такие, как, например, экономическая история, обрели более прочное основание³³.

Французские географы понимали главные задачи своей науки. Рассматривая Землю как сложный комплекс взаимосвязанных явлений, они усматривали эти задачи в изучении отношений и взаимодействий между земными явлениями. Не случайно, отмечает советский географ О. А. Александровская, столь частое употребление ими в работах методологического характера таких терминов, как *liaison* (соединение, сцепление, связь, взаимодействие, последовательность), *connexite* (связь, соотношение, сродство), *combinaison* (сочетание, комбинация, совокупность). "Рассмотренные изолированно, черты, которые составляют облик местности,— писал Видаль де Ла Блаш в своей работе "Общий атлас",— имеют значение факта, но они приобретают значение научного понятия лишь в том случае, если их располагают в цепи, частью которой они являются и которая одна только способна придать им их полный смысл"³⁵.

Одним из основополагающих понятий "географии человека" стало понятие "среда", которое опирается на идею "земного единства" и является ее дальнейшим развитием. Среда понимается французскими географами как некая материальная система, которая выражается сложной комбинацией физических и биологических условий той или иной части Земли; здесь сталкиваются многие факторы различного порядка, образующие известное равновесие³⁶. Приведение всех явлений и сил такой системы в равновесие происходит благодаря взаимному приспособлению как неодоушевленных форм, так и живых существ.

Географическим фактором первого порядка Видаль де Ла Блаш считал человека. Признавая важность проблемы влияния географических условий на судьбы человечества и его историю, он, однако, подчеркивал, что "изучение эволюции земных явлений предполагает хронологию, отличную от хронологии истории человека. И вряд ли можно объяснить зрелище цивилизаций и их упадка изменениями природного порядка"³⁷. Такое понимание соотношения географии и истории стало значительным шагом вперед по сравнению с упрощениями этой проблемы, имевшими место в трудах Монтескье, Тэна и других французских историков XVIII—XIX вв. Оно тем более не имело ничего общего с доведенной до абсурда идеей географического детерминизма, выразившейся у немецкого географа Ф. Ратцеля в фаталистической формуле "среда (географическая.— Ю. А.) делает человека"³⁸.

Проблема соотношения географии и истории как научных дисциплин надолго привлекла внимание французских историков; ее научное решение осуществлялось главным образом

путем дальнейшего углубления и развития обоснованной Видаль де Ла Блашем концепции "географии человека", согласно которой необходимо изучение взаимоотношений природы и человека, роли человека как фактора, изменяющего географическую среду. Не принимая основную идею географического детерминизма о том, что природная среда определяет судьбы человечества, французские географы и историки главной задачей исследований проблемы взаимоотношений природы и человека считали выяснение реального уровня географических влияний и реакций на них человека на протяжении всей его истории.

Отношения между французской географической школой и "Анналами" — это нечто большее, нежели добрососедские отношения двух наук. География органически интегрировалась в научные исследования "Анналов" и стала их неотъемлемой частью. У истоков "Анналов" рядом с Блоком и Февром стоял и один из наиболее видных представителей французской географической школы — Альбер Деманжон. В свою очередь историки школы "Анналов" внесли столь существенный вклад в развитие французской географической науки, что ее уже с трудом можно представить себе без их работ.

Очень многие явления и события в области общественных наук, да и во всей идейной жизни Франции первых десятилетий XX в. неразрывно связаны с именами двух крупных ученых — философа и литератора А. Берра и социолога Э. Дюркгейма³⁹. Каждый из них смог объединить вокруг себя большую группу ученых, представляющих самые различные области знания. Социологическая школа Э. Дюркгейма приобрела широкую известность и влияние в западном мире. А. Берр не создал своей научной школы в точном смысле этого понятия, но он основал так называемый Международный центр синтеза, в который наряду с буржуазными политическими деятелями и представителями деловых кругов вошли и крупнейшие ученые: А. Эйнштейн, Э. Резерфорд, Дж. Фрейзер и др. Историческая секция этого центра была представлена такими именами, как П. Ренувэн, А. Пиренн, Д. Хёзинга, Д. Травельян и др. Каждое из этих объединений ученых располагало своим печатным органом: А. Берр издавал "Revue de synthese historique", Э. Дюркгейм — "Annee sociologique".

Между двумя научными направлениями было много общего, что и дает основание рассматривать их как относительно единый феномен в истории буржуазного обществоведения. Это общее в своей основе определялось социально-политическими позициями и идейно-теоретическими воззрениями большинства ученых,

объединившихся вокруг Э. Дюркгейма и А. Берра. Социально-политическая и теоретическая концепции Дюркгейма отвечали идеологическим запросам реформистски настроенной либеральной буржуазии. Целью Дюркгейма было создание новой идеологии буржуазии, идеологии, которая бы имела "научный характер"⁴⁰. Идейный смысл "теории исторического синтеза" Берра состоял в том, чтобы устранить некоторые наиболее очевидные пороки традиционной буржуазной историографии и с помощью элементов "экономического материализма" создать видимость, что исторический материализм — это уже пройденный этап науки, поскольку все "ценное", что в нем было, якобы уже "синтезировано", а то, что осталось, односторонне и не заслуживает серьезного внимания⁴¹.

Эти научные направления отличало единство взглядов по многим вопросам, относящимся к характеру современной науки, ее социальным функциям. Берр и Дюркгейм выступали против иррационализма и бездумной фактографии. Со страниц их журналов нередко звучал решительный протест против откровенного спиритуализма и клерикальной реакции. Критика реакционных течений в буржуазной философии и историографии, выступления против априорных схем спекулятивной философии истории и социологии, разработка отвечающих требованиям времени методов научного анализа поднимали авторитет этих направлений и привлекали к ним внимание широких кругов научной общественности. Вокруг Берра и Дюркгейма объединялись ученые самых различных политических убеждений и научных интересов. Многим ученикам Дюркгейма был, например, близок реформистский социализм жоресистского толка. Дюркгеймовцы М. Мосс, Ф. Симиан, Л. Леви-Брюль были членами социалистической партии. Именно с этими учеными "Анналы" поддерживали непосредственные контакты.

Блок и Февр начали с активного сотрудничества с каждым из этих научных объединений. Блок входил в историческую секцию Международного центра синтеза, систематически выступал на страницах "Ревю де синтез историк". Февр опубликовал в задуманной Берром коллекции "Районы Франции" одну из самых первых своих работ по региональной географии — "Франш-Конте". Его книгой "Земля и эволюция человечества" открывалась рассчитанная на 200 томов серия Берра "Эволюция человечества". Эта книга служила своего рода введением ко всему изданию и была призвана "задать тон", пробудить своими гипотезами и выводами интерес читателей ко всем последующим публикациям серии. Совместная борьба Блока, Февра и Берра

против традиционной историографии, за обновление исторической науки составляет непосредственную предысторию школы "Анналов"—этого, по выражению Ф. Броделя, "настоящего дитя" издаваемого Берром "Ревю де синтез историк"⁴². О школе Дюркгейма Февр и Блок также всегда отзывались с большим почтением. Эта школа, писал Февр, "живет как в делах каждого из нас, так и в нашем общем деле, каковым являются "Анналы"⁴³. Блок говорил о социологии Дюркгейма: "Наша наука многим ей обязана. Она научила нас анализировать более глубоко, ограничивать проблемы более строго, я бы даже сказал, мыслить не так упрощенно"^{44*}.

Эти оценки, а также анализ трудов историков школы "Анналов" и сопоставление их теоретических положений с основными концепциями "исторического синтеза" Берра и так называемого "социального реализма" школы Дюркгейма дают достаточно оснований для утверждения, что именно берровская теория и дюркгеймовская социология во многом определили исходные принципы "Анналов" и стали для них теоретико-методологической основой.

Научная позиция Берра была в основном определена в его докторской диссертации, которая называлась "Синтез исторических познаний. Очерк о будущем философии". Здесь он сформулировал ту магистральную линию, которой придерживался всю жизнь: заменить, исправить, дополнить "ныне осужденную" философию истории. Берр выступил не против сотрудничества истории и философии вообще, а против традиционной философии истории гегелевского толка. История и философия, должным образом согласованные, должны были, по убеждению Берра, стать двумя основными аспектами будущей науки, которая приобретет характер "исторического синтеза"; это будет наука "в одинаковой мере умозрительная и основанная на практике, ретроспективная и устремленная в будущее"⁴⁶.

* Влияние социологии Дюркгейма не сводилось к простому следованию ее канонам со стороны "Анналов". "Мы следовали не столько учению Дюркгейма, — отмечал Февр, — сколько Мосса и Симиана, настойчивые исследования которыми в одном случае так называемых примитивных обществ, а в другом — цен и зарплаты вызывали у нас живой интерес". В числе тех, с кем основатели "Анналов" совместно "открывали новые горизонты", Февр называет также Л. Леви-Брюля, М. Хальбвакса⁴⁵. Ниже будут рассмотрены некоторые теоретические положения М. Мосса и Ф. Симиана, которые стали "своими" для "Анналов". Следует, однако, иметь в виду, что перечисленные Февром дюркгеймовцы хотя и способствовали, как заметил Блок, "смягчению первоначальной жесткости принципов" социологической теории Дюркгейма, но тем не менее никогда не отвергали основополагающих взглядов ее основателя.

Блок и Февр прошли вместе с Берром большой и сложный путь — путь сомнений, поисков и приобретений, которые воплотились впоследствии в их концепции исторической науки. Они были вместе с Берром до тех пор, пока он разделял их веру в прогресс человечества и убежденность в безграничных возможностях научного познания, пока он доказывал, что история лишь тогда сможет утвердиться как наука, когда в ней восторжествуют столь же строгие научные методы, как и в науках естественных. Для них были близки и понятны выступления Берра против историков-атомистов⁴⁷, рассматривавших общество как механический агрегат индивидов. Они безусловно поддерживали Берра, когда он боролся против подмены точных исторических фактов произвольными схемами и субъективно-идеалистическими спекуляциями. А дальше? ...Дальше в Берре заговорил философ. Причем не философ вообще, а самый ординарный представитель той традиционной буржуазной философии истории, против которой он сам на словах очень яростно боролся. Берр не смог устоять перед соблазном априорной схемы, и суть дела не стала иной даже тогда, когда он объявил эту схему "романом о происхождении человечества". Эта общая схема трех фаз эволюции человеческого общества с тремя группами причинных отношений и соответствующими им тремя типами фактов и явлений в истории представляла собой именно ту абстрактную философию *à l'allemande* ("в немецком духе"), в которой, по убеждению Блока и Февра, "историки очень большой нужды не испытывают"⁴⁸, так как их "идеи извлекаются из самой истории"⁴⁹.

Таким же двойственным было отношение Блока и Февра и к социологии Дюркгейма.

Из всей совокупности взглядов Дюркгейма, составляющих его социологическую теорию, выделим лишь два положения, которые в наибольшей степени повлияли на формирование научного мировоззрения основателей "Анналов": взгляд на общество и понимание социологического объяснения.

Первое положение — взгляд на общество — основано на антиредукционизме Дюркгейма и, если его рассматривать с общенаучных и философских позиций, размещается в том же ряду проблем, о которых уже говорилось выше в связи с революцией в естествознании и общей методологией французской географической школы: дихотомия элементаризма и целостности, простого и сложного.

Проблема общества как целостной системы, как единого социального организма (наряду с проблемой взаимоотношений

общества и индивида) занимала центральное место во всей теории Дюркгейма и рассматривалась в двух планах⁵⁰. Согласно этой теории, общество — это, во-первых, совокупность коллективных представлений: сюда входят общие идеи, верования, моральные нормы, мотивы деятельности, идеалы. Целостность общества в этом смысле обеспечивается за счет того, что отдельные индивиды, взаимодействуя между собой на основе коллективных представлений, становятся не изолированными единицами, а составляющими единого целого. Во-вторых, общество — это структура, элементами которой являются экономические, географические, демографические факторы, например численность и плотность населения, размещение населения и т. п. Целостность в этом смысле объясняется по аналогии с живым организмом: любой элемент, функционируя, обеспечивает соответствие между собой и определенной потребностью общества как целого, в котором этот элемент функционирует.

Трактовка Дюркгеймом общества, если ее рассматривать в плане решения основного вопроса философии, основана на объективном идеализме. Он считал материей синонимом физического тела, и поэтому для него не существовало в обществе иной "материи", кроме географических факторов, технологии и т. п. Под экономическими факторами он понимал мотивацию экономической деятельности. В том случае, когда Дюркгейм говорил об объективной реальности, он имел в виду ее независимость от индивидуального сознания, т. е. эта реальность представлялась как объективно существующее коллективное сознание по отношению к сознанию индивидуальному. Дюркгейм нередко употреблял понятие "материальный субстрат". "Считалось правилом социологического метода,— пояснял М. Мосс,— что социальная жизнь во всех ее формах: моральной, религиозной, юридической и т. д.— является функцией ее материального субстрата, что вся жизнь меняется вместе с этим субстратом, т. е. с численностью, плотностью населения, составом социальных групп и пр."⁵¹. Однако впоследствии этим субстратом дюркгеймовцы стали считать опять-таки коллективные представления.

Если проанализировать дюркгеймовскую трактовку общества, имея в виду методологический аспект проблемы, то станет очевидным, что здесь, как это и свойственно позитивизму в целом, совершенно отсутствует идея какого бы то ни было монизма. Сущность явления и форма ее проявления, отмечает Е. В. Осипова, рассматривались Дюркгеймом как нечто одноплановое, "горизонтальное", они не только были взаимосвязаны,

но и менялись местами: то коллективные представления были продуктом общества, то общество — продуктом коллективных представлений, и это не смущало Дюркгейма, а, напротив, казалось ему признаком научности.

Состояние общества как целого в определенный промежуток времени является для Дюркгейма исходным моментом социологического объяснения. В качестве определяющего фактора выступает социальная среда. Она включает в себя явления морфологического порядка: "число и характер основных элементов, из которых слагается общество, способы их сочетания, степень достигнутой ими сплоченности, распределение населения на территории, число и характер путей сообщения, форма жилищ и т. д."⁵²; кроме того, социальная среда — это и коллективные представления. "... Начало каждого социального процесса, представляющего некоторую важность, — писал Дюркгейм, — должно быть отыскиваемо в устройстве внутренней социальной среды"⁵³.

Два приведенных положения социологии Дюркгейма с теми или иными модификациями получили конкретное воплощение во многих трудах историков школы "Анналов". Особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что в своих "Правилах социологического метода"⁵⁴ Дюркгейм почти полностью игнорировал влияние исторических факторов на современное состояние общества. Он считал, что объяснить общественную жизнь в данный момент можно, лишь зная современное состояние социальной среды. Исходя из этого, Дюркгейм критиковал эволюционизм, основанный на идее, что этапы, которые человечество проходит в своем развитии, возникают один из другого. Он считал, что успехи предшествующего этапа могут быть лишь отправной точкой, позволяющей идти дальше, но не побудительной силой: "Предшествующее состояние не производит последующее, отношение между ними исключительно хронологическое"⁵⁵, а не причинное. Что же касается причинного анализа, то он в социологии Дюркгейма всецело сводился к установлению зависимости социального явления от социальной среды.

В принципах социологического объяснения Дюркгейма слились воедино два изначально разноплановых момента. В области теории познания взамен однолинейной схемы эволюционизма он выдвинул идею системного подхода к обществу. Вместе с тем, будучи идеологом буржуазного реформизма, Дюркгейм противопоставил идею социального "порядка", "нормального" функционирования данной системы идее становления и развития, пониманию этой системы как явления преходящего.

В плане выяснения идейных истоков "Анналов" важно обратить внимание на отношение Берра и Дюркгейма к марксизму. Если в XIX в. для противников марксизма наиболее характерным было стремление замолчать его, игнорировать как науку, то с началом XX в. появились две другие тенденции: вульгаризаторская критика марксизма и его оппортунистическое опошление. Первая тенденция во Франции была представлена главным образом дюркгеймовской социологией и вообще позитивизмом как таковым. Марксизм изображался в виде вульгарного экономического учения, якобы отрицающего значение духовного фактора в жизни общества и предполагающего, что развитие общества осуществляется автоматически под воздействием изменений в экономическом базисе. Философия марксизма представлялась Дюркгеймом не более как одна из разновидностей доктрин, отождествляющих материю и сознание, исторический материализм изображался как наука, ограничивающая свои задачи анализом исключительно экономических сторон жизни общества. В отношении Берра к марксизму были некоторые нюансы по сравнению с отношением к нему Дюркгейма, но они носили непринципиальный характер. Влияние марксизма "признано, но его доктрина не принята", — утверждал Берр. Ему был чужд и непонятен материалистический монизм марксистской теории, он отвергал идею классовости исторической науки. Что значит "буржуазная" или "пролетарская", "материалистическая" или "идеалистическая" история, спрашивал А. Берр и отвечал: "Истина не является ни тенденциозной, ни исключительной. Материализм или идеализм? Нет. Материализм и идеализм"⁵⁶. О второй тенденции весьма образно и в то же время в свойственной ему абстрактно-констатирующей манере высказался сам Февр: "Дурные марксисты сослужили марксизму столь же плохую службу, как и христианству безмерно вульгарные и невежественные проповедники, которых ненавидели накануне Реформации все тонко чувствующие души"⁵⁷. Среди этих "дурных марксистов", если воспользоваться терминологией Февра, были и те, с кем его же самого, как и Блока, связывали самые тесные узы научного сотрудничества и идейное единодушие по многим вопросам. Это были испытывавшие на себе двойное влияние — Дюркгейма и Жореса — социалисты Ф. Симиан, М. Мосс, М. Хальбвакс и несколько позднее Э. Лабрусс. Сюда же следует отнести и небезызвестного ренегата социализма, выступавшего в "защиту отечества" в годы первой мировой войны, Альбера Тома, чьи качества как историка и как политического деятеля восхвалял Февр⁵⁸. А. Тома оказался в состоянии понять,

отмечал Февр, "устремления и замыслы наших "Анналов" и принял живое участие в их становлении"⁵⁹.

Сказанное не следует, конечно, понимать в том смысле, что отношение "Анналов" к марксизму было равнозначно берровско-дюркгеймовскому плюс социал-реформистское. К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся. В данном же случае можно констатировать лишь одно: прежде чем Февр и Блок познакомились с работами Маркса непосредственно, они уже впитали в себя, и в весьма внушительных дозах, вульгарно истолкованный марксизм. Когда Февр говорил, что историки не испытывают большой нужды в абстрактной философии "в немецком духе", он имел в виду не только Гегеля.

Таким образом, у Блока и Февра нашлось много точек соприкосновения с "историческим синтезом" Берра и социологической школой Дюркгейма. Тем не менее, несмотря на крепкие узы идейного родства, связывавшие их, всем им суждены были разные дороги. Впрочем, иначе был бы необъясним и сам факт появления "Анналов" как новой школы в буржуазной исторической науке. Главными причинами возникших разногласий, а затем и окончательного размежевания явились принципиальное расхождение во взглядах по проблеме "История как наука в системе других наук", а также догматизм дюркгеймовской социологии.

Дюркгейм признавал значение исторического исследования как элемента сравнительного метода и отводил ему важную роль в доказательстве научных гипотез. Однако в сотрудничестве историка и социолога, как его представлял себе Дюркгейм, историку отводилось место далеко не пропорциональное той значимости, которая признавалась им за историей. Согласно Дюркгейму, историк, пользующийся научными методами, — это уже не историк, а социолог. За пределами социологии он оставлял категорию историков, которые и не пытаются установить законы и типичные явления, а просто-напросто следуют по шкале времени за индивидуальностями, будь то отдельный персонаж или какой-то коллектив. История и социология, по мнению Дюркгейма, могут сотрудничать между собой, но не как равные: социолог нуждается в обработанном историком материале, чтобы иметь в своем распоряжении конкретные факты для их исследования; историк же может отобрать факты, достойные интереса, или установить связь между двумя отдельными фактами, например причинные отношения, лишь в том случае, если он будет располагать результатами сравнительного анализа, предоставленными ему социологом. Вполне естественна

реакция Блока на эту режиссуру Дюркгейма. Случалось, правда редко, пишет Блок, что слово "история" даже хотели вычеркнуть из словаря. "Социологи дюркгеймовской школы отводят ему определенное место — только подальше, в жалком уголке наук о человеке; что-то вроде подвала, куда социологи, резервируя за своей наукой все, поддающееся, по их мнению, рациональному анализу, сбрасывают факты человеческой жизни, которые им кажутся наиболее поверхностными и произвольными"⁶⁰.

Догматизм Дюркгейма Блок и Февр усматривали в его следовании канонам, исходящим из философии Просвещения, и контовской социологии. Дюркгейм оказался не в состоянии сделать надлежащие выводы из новейших достижений в области естествознания и современной ему действительности. Оставаясь, как и Конт, в значительной мере пленником натуралистических представлений просветителей, которые пытались разработать единый научный метод познания природы и общества, включить явления общественной жизни в единую цепь изучаемых наукой закономерностей, Дюркгейм также продолжал верить в универсальные законы, одинаково пригодные для понимания как природы, так и общества. Он и его школа, отмечал в этой связи Блок, действительно считали возможной науку об эволюции человечества, которая согласовывалась бы с неким "всеначным" идеалом, и, не щадя сил, трудились над ее созданием⁶¹. Негодование Блока и Февра по поводу догматизма Дюркгейма понятно. Весь вопрос в том, как избавить науку от этого порока. Догматизм можно преодолеть научно. Его можно также разбавить определенной дозой релятивизма. Далее мы увидим, какая из этих двух возможностей и в какой мере была реализована в трудах историков школы "Анналов".

Итак, можно сказать, что предварительное знакомство с основателями "Анналов" и той средой, в которой они искали способы обновления исторической науки, состоялось. Мы показали также их реакцию на события и процессы в различных областях научного знания в первой четверти XX в. Но для понимания смысла и характера "битв за историю" М. Блока и Л. Февра необходимо посмотреть, что же представляли собой владения самой Клио до вторжения в них "Анналов".

Если попытаться в самых общих чертах определить состояние французской буржуазной исторической науки в первой четверти XX в., можно сказать, что существенных изменений по сравнению с минувшим веком за это время не произошло. Более того, внешне все выглядело так, как будто во Франции в отличие от некоторых других стран Западной Европы все еще

продолжалось "столетие историков", каковым многие — и не без оснований — считали XIX век*.

Преобладающей в первой четверти XX в. во Франции продолжала оставаться позитивистская историография⁶². Она была представлена такими именами, как Э. Лависс, считавшийся в конце XIX — начале XX в. своеобразным "папой" официальной историографии, А. Олар, возглавлявший Общество истории французской революции, Л. Альфен, который, опубликовав в 1946 г. книгу "Введение в историю"⁶³, поставил последнюю точку в разработке позитивистского метода исторического исследования. Наиболее полное выражение этот метод получил в трудах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Их совместная работа "Введение в изучение истории"⁶⁴ — своего рода библия позитивистского историзма.

Выступления Дюркгейма и Берра против позитивистской историографии, которую они называли "историзирующей" ("l'histoire historisante"), "событийной" ("l'histoire événementielle"), имели широкий резонанс, но все-таки никакой "революции" не сделали и в самой исторической науке в это время никак еще реально не проявились. Эти выступления были, если можно так сказать, внутриклановыми по своему характеру. Критика позитивистской историографии осуществлялась в основном с позиций философии и идеологии позитивизма. Данное обстоятельство во многом объясняет несколько приглушенное звучание антипозитивистской критики, отсутствие в ней ниспровергающих заходов на самые основы позитивистской историографии. Следует также учесть, что эти выступления не завершились разработкой позитивной программы обновления методологических основ исторической науки. В планы Дюркгейма такая задача вообще не входила. Берр прилагал определенные усилия в этом направлении, однако, не будучи профессиональным

* По-иному складывалась историографическая обстановка в других странах. В Германии, например, выступления В. Виндельбанда, В. Дильтея, Г. Риттера, М. Вебера, Г. Зиммеля поставили под вопрос все основные мировоззренческие принципы познания прошлого, выдвинутые историографией и философией XIX в.: идеи о закономерности, единстве, поступательном характере всемирно-исторического процесса. Аналогичные явления имели место и в других странах. Многие из наиболее крупных представителей буржуазной историографии, как, например, Ч. Бирд и К. Беккер (США), Р. Коллингвуд (Англия), Б. Кроче (Италия), выражали сомнение в возможностях истории как науки, декларировали непознаваемость прошлого, начали проповедовать мистику, иррационализм. Дискредитация, а затем и постепенное изъятие из употребления основополагающих теоретических положений, замена их новыми, а также усиление субъективно-идеалистических тенденций положили начало кризису буржуазной исторической мысли и исторической науки.

историком, он не смог продвинуться дальше реализации пусть существенных, но все-таки главным образом организационных мер. Что касается Блока и Февра, то, хотя они и высказались за "превращение истории в науку", их голоса в первые два десятилетия XX в. звучали еще слабо, они практически не выделялись в общем хоре поверхностного оптимизма позитивистской историографии.

Неудовлетворенность состоянием исторической науки, ее неспособностью ответить на запросы современности выражали в то время и многие другие представители французской интеллигенции. Любопытные наблюдения на этот счет сделал один из талантливых французских публицистов и поэтов, академик Поль Валери. В книге "Взгляд на современный мир", опубликованной в 1931 г., он писал, что новейшие открытия коренным образом изменили прежнее видение мира. Этот мир предстал перед нами, отмечал П. Валери, совсем не таким, каким мы привыкли его видеть, стал более тесным и единым. Система причин, которая определяет судьбу каждого из нас, простирается ныне на весь земной шар. Современным представлениям о развитии человечества не соответствует больше "старая историческая геометрия и старая политическая механика". Этот новый мир может быть снова ввергнут в катастрофу, какой явилась для него мировая война, если политический рассудок не избавится от привычки "мыслить событиями", а не проблемами, не категориями, соответствующими современной науке. Эта привычка мыслить поверхностно продолжает поддерживаться традиционной историей, из поля зрения которой ускользают "отношения перво-степенной важности". Поскольку в этой истории отбор "фактов" не подчинен научному методу, она представляет собой "ужасную мешанину", содержит в себе все и дает примеры всему. В силу этого она абсолютно ничему не учит, более того, "она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растравляет их старые раны, вызывает у них манию величия и манию преследования, делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными", и в этом смысле "история — самый опасный продукт, выработанный химией интеллекта"⁶⁵.

Осуждение суровое. Блок, как и многие другие, усомнился в его справедливости, полагая, что оно равнозначно оправданию невежества⁶⁶. Но так ли это? Разве данное самим Блоком определение буржуазной исторической науки первой четверти XX в. как науки, не проникшей глубже лежащих на поверхности фактов⁶⁷, разве это определение не столь же суровый приговор?

Общим для всех этих оценок было одно: хотя они почти не касались глубинных основ, определявших плачевное состояние буржуазной исторической науки, тем не менее в них содержались довольно точные указания на внешние проявления бесспорной истины, — позитивистская история оставалась действительно прозябающей "в эмбриональной форме повествования"⁶⁸. В то время, когда в мире происходили беспрецедентные по своей масштабности изменения, она оказалась не в состоянии не только адекватно отразить, но даже заметить их. Из поля зрения истории ускользали не случайные явления, а "отношения перво-степенной важности", т. е., по сути дела, сам предмет исторического познания. Вполне понятно, почему у нее не могло быть и научного метода исторического исследования, или соответствующего "способа видения вещей". В отличие от естественных наук история не располагала "системой специальных понятий" для достижения объективных знаний. Все вместе взятое и определяло ее состояние пассивного созерцания и беспорядочного обозревателства.

Теперь можно сформулировать вопрос, выяснение которого имеет важное значение для настоящего исследования: что же явилось тем камнем преткновения, тем рубежом, преодолеть который позитивистская историография оказалась не в силах, чем и объясняется в конце концов ее кризисное состояние? Другая, наиболее интересующая нас часть этого же вопроса касается историков школы "Анналов": чем определяется их место в развитии исторической науки? Пытались ли они преодолеть те трудности, которые оказались непосильными для позитивистской историографии, или же поставили перед собой иные задачи, просто-напросто обойдя тот камень преткновения, о который споткнулся "классический" позитивизм?

Прежде всего следует иметь в виду, что французская позитивистская историография хотя и явилась непосредственной предшественницей того направления в буржуазной исторической науке, которое утвердилось позже вместе со школой "Анналов", не сумела, однако, превзойти достижения французской исторической мысли конца XVIII — первой половины XIX в. Более того, здесь можно говорить и о движении вспять. Историки-позитивисты отошли от философской мысли Просвещения, отличавшейся широким взглядом на исторический процесс, скатившись к эмпиризму и унылому описательству.

Попытаемся это пояснить. Одним из главных достижений научной мысли XIX в.⁶⁹ явилось выдвижение принципов

историзма, наиболее важными из которых применительно к исторической науке были следующие.

Вопреки представлениям французских просветителей о том, что смысл и значение любого исторического явления возможно определить с позиций универсальности и всеобщности, на основе априорных понятий, историзм предполагает, что основа каждого явления может быть обнаружена лишь в его собственной истории, что все исторические явления следует рассматривать с точки зрения фактов и событий, а не в связи с чем-то надысторическим.

Важным принципом историзма стало также понимание исторического процесса как "органического" развития, независимо от сознательной воли людей. Такое понимание было существенным продвижением вперед по сравнению с рационалистической концепцией исторического процесса, согласно которой определяющей силой человеческой истории являются разум, просвещение, сознательная деятельность законодателей и правителей.

Согласно принципам историзма, выдвинутым в XIX в., "органическое" развитие исторического процесса раскрывается не в глобальном развитии всего человечества, а в конкретной истории отдельных стран и народов. Это положение основано также на признании самостоятельного значения и индивидуального своеобразия сменяющихся в ходе истории эпох, периодов, каждый из которых рассматривается как относительно завершенный, устойчивый, что и дает возможность сопоставления его с другими периодами, эпохами.

Один из принципов историзма основан на признании генетического характера исторического процесса, причинной обусловленности перехода от одного исторического этапа к другому. Для утверждения и развития этого принципа большое значение имели философские концепции прогресса, и в частности выдвинутые еще Ж. Кондорсе и И. Гердером положения об историческом процессе как о бесконечном совершенствовании человеческого рода и всех его учреждений путем восхождения от низших этапов к высшим, при котором каждый последующий этап необходимо связан с предыдущим.

Выдвижение принципов историзма сыграло важнейшую роль в последующем развитии всех наук об обществе и природе. Наиболее полное и творческое воплощение историзм получил в разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом теории исторического материализма⁷⁰. Два важнейших положения этой теории — материалистическое понимание истории и учение об общественно-экономических формациях — позволили установить предметную

и методологическую общность исторической науки и естествознания и найти научное решение проблемы монизма естественных и социальных наук. Материалистическое понимание истории позволило разобраться в многосложном хаосе событий, выделить главные движущие силы общественного развития на различных этапах истории, открыть законы огромного разнообразия изменений, происходящих в обществе, установить их объективную логику. Учение об общественно-экономических формациях сделало возможным рассмотрение истории человечества как естественноисторического процесса поэтапного восхождения от низших форм к высшим. Принцип историзма находит воплощение в обоих указанных положениях марксизма в том, что марксистская наука об обществе, с одной стороны, рассматривает каждый данный этап развития общества во всем его конкретно-историческом своеобразии, с учетом всей совокупности разнообразных фактов и событий, с другой — выводит каждый данный момент развития из предшествующего и определяет тенденцию его развития в будущем. Генетический компонент отличает всю систему социальных воззрений основоположников марксизма, он стал основой теоретического обоснования преходящего характера капиталистического общества, в нем источник революционно преобразующей силы марксизма.

Совсем иной подход к принципам историзма наблюдается в буржуазной исторической науке. В течение более чем ста лет с момента выдвижения этих принципов буржуазная историография скорее выхолащивала изначально плодотворное их содержание, нежели развивала и обогащала историзм. Ни один из указанных выше принципов не получил полного воплощения в конкретно-исторических исследованиях.

Это относится, в частности, к попыткам воссоздания индивидуального своеобразия отдельных этапов истории как в определенных национальных и географических рамках, так и применительно ко всей истории человечества в целом. Решая эту задачу, буржуазная историческая наука, безусловно, продвинулась вперед по сравнению с историографией и философией Просвещения, когда имело место пренебрежительное отношение к целым историческим эпохам. Исходя из убеждения, что задача истории заключается в том, чтобы осудить прошлое как результат ошибок и преступлений и озарить светом разума реальную действительность, многие просветители не усматривали, например, никакого позитивного содержания во всей эпохе средневековья. Романтическая историография, наоборот, уделяла этой эпохе большое внимание и рассматривала ее как необходимый период

зарождения современных наций и государств⁷¹. Однако дальнейшее продвижение вперед буржуазной исторической науки в решении указанной проблемы оказалось сопряженным с серьезными трудностями. Они начались уже с определения самих понятий "эпоха", "период". Где искать их начало и окончание? Ведь исторический период не может начаться в точно определенный момент, как лунное затмение или морской прилив. Что представляет собой исторический период по существу — только ли совокупность явлений, имевших место в промежуток между двумя датами, или же некоторое единство, определяемое субординацией всех этих явлений? Наконец, если такая субординация реально имеет место, что лежит в ее основе, возможно ли определить "доминирующую ноту" каждой конкретной эпохи? Иными словами: непрерывный перечень всей серии фактов от начала и до конца определенного периода или же разработка системы иерархически соподчиненных и скоординированных фактов и явлений?

Поиски ответов на эти и другие вопросы вначале ознаменовались важными достижениями исторической науки. В работах крупнейших французских историков XIX в. О. Тьерри, Ф. Минье, Ф. Гизо, Ж. Мишле были выдвинуты и обоснованы идеи о роли народных масс в истории, о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса, об общественном строе как выражении состояния собственности. Названные идеи способствовали конкретизации понятия "исторический период" и стали основой принципов историзма. Однако эти идеи не получили последовательного развития в буржуазной исторической науке, оставляя открытым, например, вопрос о том, чем же в конце концов определяется состояние собственности. Кроме того, дальнейшее развитие буржуазной исторической науки характеризовалось отказом и от самих этих идей. Революция 1948 г. уже "не вписывалась" в концепции историков периода Реставрации, поскольку они считали пределом достижимого в развитии человечества установление конституционной монархии, а эта революция была направлена против защищаемого ими буржуазного порядка. Своеобразие той или иной исторической эпохи стали чаще усматривать в "духе времени", в особенностях духовного склада и национальной культуры. Некоторые историки осуществляли исторические исследования, руководствуясь убеждением, что каждая эпоха имеет определяющую тенденцию, но она дана "от бога". Основным методом подобных исследований становилось "вживание", "вчувствование" в изучаемую эпоху, что расчищало почву для мистицизма, интуиции и веры вопреки разуму.

Естественное стремление наиболее выдающихся историков и философов к обобщениям, попытки выделить главные линии в развитии общества часто сопровождались субъективными, произвольными построениями. Когда же выявилась несостоятельность таких, например, построений, как универсальные законы в социологии Конта, многие историки извлекли из этого, как говорил Блок, урок "трезвого смирения". Для Ш. Сеньобоса основным и единственным стало нехитрое правило, заключавшееся в том, что история — это лишь цепь бесспорных и очевидных фактов, из которых каждый является и причиной, и следствием⁷².

Не трудно представить, сколь ничтожно малая часть из реального предмета исторического познания оставалась в поле зрения позитивистской историографии, если иметь в виду, что ее филигранная цепочка причин и следствий протягивалась лишь на уровне политических событий прошлого, а из всего огромного многообразия типов связей и обуславливаемых ими изменений в обществе доступными для этой историографии были лишь связи причинно-следственные, понимаемые к тому же весьма примитивно, на уровне механистических представлений о них.

Наиболее важную, можно сказать, стержневую роль во всей совокупности идей, объединяемых общим понятием "историзм", играет взгляд на действительность как на процесс, протекающий во времени. На протяжении почти ста лет до начала XX в. развитие французской исторической науки, как правило, осуществлялось на основе мировоззренческого принципа, согласно которому данное состояние любого явления признавалось обусловленным его конкретными историческими взаимосвязями и его предшествующим состоянием. Широко распространенным до второй половины XIX в. было также представление о поступательном, прогрессивном характере исторического развития. Однако степень распространенности этих представлений в исторической науке не была пропорциональна адекватности отображения действительности в конкретных исследованиях, осуществленных на их основе. Это объясняется чрезвычайной сложностью самой задачи — воспроизвести состояние общества на определенном этапе как универсальное взаимодействие большого количества самых разнообразных его элементов и в то же время представить эту универсальную связь как подвижную, динамическую, находящуюся в постоянном изменении, в развитии. Сложным переплетением объективных гносеологических трудностей реализации указанного принципа историзма и его классово обусловленностью во многом определяются основные

закономерности развития буржуазной исторической науки, в частности тот факт, что основное понятие исторического мировоззрения — понятие развития никогда в ней не было реализовано последовательно, в виде конкретного историзма.

В позитивистской историографии идея развития получила воплощение в форме плоского эволюционизма и прямолинейного прогресса, плавно осуществляемого при помощи реформ. "Так как мы не придерживаемся революционной точки зрения,— писал видный представитель позитивистской историографии А. Сэ,— мы остаемся на точке зрения эволюционной"⁷³. Эта позиция существенно отличалась от убеждений буржуазных историков периода Реставрации, многие из которых считали революцию явлением закономерным и благотворным.

"Эволюционная точка зрения" оставляет неразрешенными многие методологические проблемы, в том числе и проблему исторических изменений, которые представляют собой собственно процесс развития общества. Выше уже говорилось о том, что в поле зрения позитивистской историографии попадали лишь очень немногие типы изменений из всех существующих в реальной действительности. Однако сущность и этих немногих типов оказалась для нее недоступной. Для Сеньобоса, например, была характерной подмена понятий "сущность изменений" и "результат изменений". "Первое эмпирическое понятие,— писал он,— которое вытекает из исследования целого ряда состояний, следующих друг за другом, есть понятие изменения. Сравниваем ли мы общую организацию страны или одну подробность этой организации в двух или нескольких моментах, следующих друг за другом, в социальных явлениях каждого порядка, мы обнаруживаем, что состояния, сравниваемые таким образом, не тождественны друг другу; эти различия между моментами и представляют собой изменения социальных явлений"⁷⁴. Как видно, здесь сущность процесса изменения выражается в понятиях, относящихся к характеристике результатов изменения. Сеньобос допускает ту же самую ошибку, что и все те, кто пытается выразить движение как таковое в несвойственных ему статических категориях. Такое понимание движения, отмечал В. И. Ленин, фиксирует лишь " (1) *...результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*..."⁷⁵.

Неразрешимой в рамках эволюционного взгляда на историю оказалась и проблема диалектического единства прерывности и непрерывности процесса исторических изменений. Все развитие

позитивистской историографии прошло под знаком метафизической абсолютизации момента непрерывности и сведения высших форм состояния общества, возникающих в результате изменения низших, к этим низшим формам. Эта позиция была четко выражена уже в первом "манифесте" позитивистской историографии, написанном в 1876 г. Г. Моно: всякое изменение в истории всегда есть лишь "трансформация старых элементов, а не создание совершенно новых"⁷⁶. Наиболее полное теоретическое обоснование эта позиция получила в социологии Э. Дюркгейма. Примером конкретного воплощения ее в исторических исследованиях может служить работа И. Тэна "Происхождение современной Франции", в которой французская буржуазная революция XVIII в. изображается как историческая аномалия, а весь этот труд выдержан в духе реакционного прагматизма, в нем осуждаются любые попытки нарушить "плавный ход" истории, осуществить "перерыв в постепенности"⁷⁷. Вследствие метафизической абсолютизации момента непрерывности в процессе исторических изменений позитивистская историография оказалась не в состоянии адекватно отобразить механизм обусловленности каждого данного состояния любого исторического явления его предшествующим состоянием. Связь между различными периодами в истории понималась скорее как хронологическая — каждый период наступает вслед за другим, нежели как генетическая — каждый период возникает из другого. Абсолютизация момента непрерывности исключала возможность усмотреть в связи между периодами момент развития, которое можно представить как ряд различных ступеней, "связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой"⁷⁸.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать, что позитивистская историография оказалась не в состоянии: 1) отобразить своеобразие, выражающее сущность каждого данного периода в истории; 2) показать исторические периоды как звенья, составляющие весь исторический процесс и связывающие как то, что изменяется и уничтожается, так и то, что остается неуничтоженным; 3) раскрыть механизм отрицания старого и появления нового и, следовательно, представить изменения в истории, чередование периодов как процесс поступательного развития человеческого общества. Теперь сформулированный ранее вопрос о том направлении в буржуазной исторической науке, которое утвердилось вместе со школой "Анналов", можно конкретизировать так: какой тип изменений действительности получил в этой науке наиболее полное воплощение?

Представлено ли ею прошлое человеческого общества как закономерный процесс поступательного развития?

2. М. Блок и Л. Февр: понимание истории как науки и как процесса исторического развития общества

В одной из статей Февр вполне определенно сказал, что без предварительной, заранее обдуманной теории, без гипотез и исследовательских программ научная деятельность невозможна⁷⁹. Та уверенность, с которой Блок и Февр приступили к изданию своего журнала ("Если мы что-то предпринимаем, мы хотим преуспеть"⁸⁰), их убежденность, что французская историческая наука займет именно для нее предназначенное "место под солнцем"⁸¹, — все это говорит о том, что уже к 1929 г. ими были разработаны многие из тех принципиальных теоретических положений, которые позднее они сами стали называть "доктриной "Анналов"⁸² и которые ныне квалифицируются во французской историографии как их "классическая концепция"⁸³.

Эта концепция дополнялась и совершенствовалась в течение всей жизни Блока и Февра как теоретически, так и в ходе осуществления конкретно-исторических исследований. Следует учесть, что к 1929 г. было создано уже довольно много работ из их общей библиографии. Блок опубликовал три книги по отдельным проблемам средневековья. В момент выхода первого номера "Анналов" он завершал обобщающую работу в этой области — "Характерные черты французской аграрной истории", в которой предпринята наиболее серьезная во французской историографии попытка выяснить особенности аграрной истории дореволюционной Франции. Л. Февр к этому времени опубликовал уже пять книг, в том числе в 1928 г. одну из наиболее крупных своих работ — "Одна судьба: Мартин Лютер".

Изучение трудов основателей "Анналов", а также посвященной им современной историографической литературы⁸⁴ приводит к убеждению, что само возникновение новой исторической школы и ее развитие стали возможными в результате или, точнее, на основе разработки ряда новых теоретических установок, которые можно квалифицировать если не как цельную историческую концепцию, то, во всяком случае, как довольно согласованный комплекс взглядов, включающий в себя очень широкий круг проблем методологического и конкретно-исторического характера. Многие из этих проблем уже давно привлекают

внимание советских исследователей и получили глубокую критическую оценку в работах И. С. Кона, А. Д. Люблинской, В. В. Иванова, М. А. Барга, Л. Я. Гуревича, А. В. Адо, М. Н. Соколовой и др. В соответствии с задачами настоящего исследования мы попытаемся, опираясь на проделанную уже советскими историками работу, выделить из всей совокупности взглядов главным образом те, которые помогут ответить на вопросы о месте "Анналов" в истории французской исторической науки и об отличительных особенностях каждого из основных этапов развития этой школы. С этой целью представляется целесообразным провести анализ по линии: предмет исторической науки — главная исследовательская задача — подход к ее решению и метод — предметное содержание и характер исторического развития общества.

В наиболее полной и завершенной форме вопрос о предмете исторической науки получил освещение в работе Блока "Апология истории". В этой работе не только итог, обобщение результатов многолетних поисков, но и "некая доля программы", как признавался сам Блок⁸⁵. Что касается собственно вопроса о предмете исторической науки, то это по существу центральная проблема, которая сопровождает автора на протяжении всей его книги. Отправной точкой для Блока стало научное наследие лучших представителей французской историографии, и в частности таких, как Л. Мишле и Фюстель де Куланж, полагавших, что предметом истории является человек. Блок не считал это определение исчерпывающим: "Скажем точнее — люди" — и ссылался на мнение о предмете исторической науки Февра, который писал: "Нет, не человек, и еще раз: никогда просто человек — человеческие общества, организованные группы"⁸⁶. Суждение Блока и еще более категоричное утверждение Февра не следует, разумеется, воспринимать как игнорирование ими человека, личности и ее права на внимание историка. Хорошо известно, что они были далеки от этого. Но их настойчивость в данном вопросе не случайна. Изолированный человек, по мнению Л. Февра, — это абстракция, реальность — это человек в социальной группе⁸⁷. Для истории не представляет интереса некий абстрактный человек, неизменный в своей основе, вечно тождественный самому себе. Сфера ее интересов — это люди, которых можно понять лишь в рамках общества, членами которого они являются⁸⁸.

Важно обратить внимание (особенно в свете современного состояния французской буржуазной историографии) на решительные протесты Блока и Февра против попыток ограничить

предмет исторической науки историей понятий и вещей. История должна не абстрагироваться от них, но обязательно видеть за ними людей. В рецензии на одну из книг, вышедших в серии "Народы и цивилизации", Февр писал: "Не то чтобы в этой книге не отводилось места экономике — здесь говорится и о "революции транспортных средств", и о промышленном прогрессе, и о росте кредита, но в ней ничего не сказано о социальной структуре народов и наций. Вещи? Да, конечно. Люди? А что им делать в мастерских Клио?" "Мы об этом твердим,— возмущался Февр,— пережевываем, мы уже выглядим ожесточенными против той истории, которая для нас является неприемлемой. Во всяком случае, налицо не вызывающий сомнений конфликт, отчетливая оппозиция двух школ"⁸⁹. Через все работы Блока и Февра красной нитью проходит идея: в центре внимания историка должны находиться социальные группы и отношения между ними. "Кто этого не усвоил, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции,— утверждал Блок. — Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча"⁹⁰. Для Блока и Февра социальные группы и отношения между ними — это не исчерпывающее решение вопроса о предмете исторической науки, а скорее лишь исходный момент. "Объект наших исследований,— писал Февр,— это не какой-то фрагмент из всей реальности, не один из изолированных аспектов человеческой деятельности"⁹¹. Основатели "Анналов" отвели центральное место социальным группам лишь потому, что, рассматривая их не изолированно, а как один из элементов более широкой системы, усмотрели возможность именно через призму отношений между людьми исследовать материальные условия развития общества и его духовную жизнь. Иными словами, предмет исторической науки, по их мнению,— это человеческое общество как единая система, главными компонентами которой являются условия материальной жизни, экономика, социальная структура и все проявления духовной жизни. История лишь тогда станет наукой, говорил Блок, когда ее развитие будет подчинено правилу, что "цивилизация, как и индивидуум, ничем не напоминает пасьянса с механически подобранными картами; знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого — оно даже не позволит познать самые эти фрагменты"⁹².

Блок один из первых, в частности в работе "Феодальное общество", предпринял попытку представить общество в конкретно-историческом плане в качестве системы, все элементы которой тесно связаны между собой и находятся в сложном

взаимодействии. Эта попытка — первое, что отличает новизной и делает оригинальными работы самого Блока и созданной им школы в исторической науке. После работ Блока средние века уже не представлялись лишь как совокупность независимых элементов. Целостность общественной структуры стала важнейшим методологическим принципом всех конкретно-исторических изысканий школы "Анналов".

Такой подход имел важное значение для исторической науки. Перед ней была поставлена задача проникнуть в глубину исторического движения, выйти за пределы кратковременных, почти мгновенной длительности фактов и событий из области политики, дипломатии, культуры, религии и т. п., перейдя к изучению процессов, явлений, структур. Вследствие этого в поле ее зрения, а подчас и в центре внимания оказались не культивируемые ранее пласты экономической и социальной действительности. Вместо великих событий и выдающихся личностей предметом познания стали повседневная жизнь и безымянный человек-труженик. На смену средневековью "городскому", каким оно предстало, например, в работах историков XIX в., с Блоком в историческую науку пришло средневековье "сельское". Вместо истории династий, политических событий историки сосредоточивали внимание на различных аспектах экономической, материальной жизни. Они стали изучать природную среду, питание, движение народонаселения, способы обработки земли, историю техники*.

Перемещение центра внимания историков школы "Анналов" на повседневную жизнь в ее массовых проявлениях кроме расширения сферы исторических исследований повлекло за собой и еще одно важное новшество. Объектом исторического наблюдения стали в том числе и факты "не исторические" по своему характеру. Историки начали больше обращать внимания на то, что продолжает оставаться "литургическим", "неизменным" в исторических обществах, на структуры и процессы, имеющие большую протяженность во времени.

Подобные факты и явления имеют место в реальной действительности и вполне достойны внимания исторической науки, но при одном обязательном условии: им не должно уделяться

* Уже в первом номере журнала "Анналы" были определены темы коллективных исследований по сравнительно узким проблемам из истории материальной культуры⁹³. В 1935 г. была разработана программа коллективного исследования по истории техники⁹⁴. Тогда же М. Блок опубликовал в качестве образца подобного рода исследований несколько этюдов: о появлении и распространении водяной мельницы⁹⁵, о средневековых "изобретениях"⁹⁶.

исключительное внимание. Это условие далеко не всегда соблюдалось Блоком. Он относился откровенно критически к тем программам исторических исследований, в которых отдавалось предпочтение "движениям", "революциям", "происшествиям" в ущерб изучению материальных, общественных и духовных структур⁹⁷.

Принцип всеобъемлющего и целостного подхода к обществу, будучи выдвинутым на одно из первых мест во всей системе взглядов основателей "Анналов", обусловил и еще одну коренную, основополагающую для них идею — о месте истории в системе всех других наук о человеке. Они были убеждены в том, что историческая наука сможет охватить научным анализом и, главное, синтезом все разнообразные аспекты жизни людей лишь в том случае, если она решит проблему междисциплинарных связей и будет взаимодействовать с социологией, этнографией, экономическими науками, лингвистикой и т.п. Одной из наиболее характерных особенностей французской буржуазной исторической науки с момента возникновения школы "Анналов" стало стремление многих ученых превратить историю из частной гуманитарной дисциплины, одной из многих, занимающихся человеком, во всеобъемлющую, комплексную, синтезирующую науку об общественном человеке.

После сказанного выше о реакции Блока на важнейшие результаты революции в естествознании, о его отношении к французской географической школе и к социологии Дюркгейма вопрос о генезисе принципа целостности в системе взглядов Блока во многом проясняется. В отношении конкретного воплощения этого методологического принципа в его работах можно сказать, что среди советских историков имеются на этот счет различные мнения*. Отчасти это объясняется тем, что воззрения самого М. Блока были непоследовательны и нередко противоречивы. При всем этом, однако, очевидно, что Блок не сумел найти убедительного решения проблемы целостного охвата

* Так, М. А. Барг считает, что "феодализм мыслится Блоком не как отдельно взятый институт, хотя и важный, но не объемлющий общество в целом, не как одна сторона общественной организации или организация одного из классов общества, а как строй общества, взятого в целом, сверху донизу, от короля до серва"⁹⁸. Ю. Л. Бессмертный полагает, что такая оценка концепции М. Блока нуждается в уточнении, что представление о связи крестьянско-сеньориальных отношений с феодальной системой лишь объективно вытекает из концепции М. Блока, но не содержится в ней непосредственно, что само феодальное общество, с точки зрения М. Блока, есть общество, в котором существовали феодальные личные связи внутри правящей элиты, а не целостная и взаимосвязанная социальная система, охватывающая все этажи общественного здания⁹⁹.

общества путем социально-экономического его анализа¹⁰⁰. Почему? Этот вопрос подводит нас к следующему компоненту концепции школы "Анналов".

Определение предмета исторической науки стало для Блока и Февра важнейшей задачей всей их теоретической и практической деятельности. Однако они хорошо понимали, что решить эту задачу — значит прежде всего наметить участок, обрисовать контуры того огромного поля, которое еще только предстоит обработать исторической науке. Как это сделать? С чего начать? На чем сосредоточить главное усилие, чтобы это поле в конце концов стало плодородным? Эти вопросы вполне естественно встали перед основателями "Анналов". Их формулировка главной исследовательской задачи исторической науки логически вытекала из самого определения предмета исторической науки. Экономическое — социальное — духовное. Каждое из этих понятий включает в себе огромное количество различных по характеру проблем, охватывающих все многообразие жизни общества как по горизонтали, так и по вертикали. Это и окружающая среда, и способ добывания средств к существованию, и механизмы объединения людей в различные социальные группы, и способы восприятия мира, и самые разнохарактерные явления, события, процессы, ритмы, противодействия и т. д. и т. п. Кажется, было бы логично задуматься над тем, что же объединяет все это многообразие. Но Блок и Февр никогда этого вопроса перед собой не ставили. Более того, они недвусмысленно квалифицировали его лишь как удобный прием, в котором всегда есть известная доля произвольности¹⁰¹.

Более достойной исторической науки, по их мнению, является другая задача. Исходя из реальной действительности, они констатировали, что основные компоненты общества находятся в сложных взаимодействиях, что даже такие, казалось бы, отдаленные один от другого факторы, как религиозный и экономический, не просто сосуществуют, но и, переплетаясь между собой, порождают сложные феномены действительности. Кроме того, различные формы общественных отношений имеют свой собственный ритм. В один и тот же период, констатировал Блок, политика, экономика и искусство никогда не находятся в точках равной высоты на соответствующих кривых. Именно благодаря такому разнообразию и создается ритм социальной жизни, почти всегда неравномерный¹⁰². Каковы причины этого разнообразия ритмов и как оно проявляется в жизни общества на каждом данном этапе его развития? Ответ на этот вопрос основатели "Анналов" надеялись отыскать в установлении

связей и взаимовлияний между экономическим, социальным и духовным. Это по существу и стало их главной исследовательской задачей, что надолго предопределило еще одну из ведущих тенденций и отличительную особенность вначале школы "Анналов", а затем и почти всей французской буржуазной историографии.

Задача эта по-разному конкретизировалась в трудах отдельных историков, воплощаясь, как правило, в таких антитезах, как действие и противодействие (*action et réaction*), движение и сопротивление (*mouvement et résistance*), постоянство и перемены (*permanence et changements*). В ряде работ делались попытки (надо сказать, во многом успешные) установить, как реагировали различные социальные структуры на импульсы, исходящие из экономики, какова была роль географических условий в эволюции общества, в каких случаях духовное выступало в роли тормоза социального, экономического и т. п.

Очень интересные обобщения по вопросу о взаимовлиянии психологических и экономических факторов сделал в своих работах Блок. В книге Февра "Проблема неверия в XVI веке. Религия Рабле" показано, как определенной совокупностью представлений, традиций и идей определялись поступки людей, ограничивались интеллектуальные порывы свободных умов. Сильное впечатление и заметное влияние на историков школы "Анналов" оказали две работы Э. Лабрусса: "Очерк движения цен и доходов во Франции XVIII века" и "Кризис французской экономики в конце старого порядка и в начале революции", в которых автор показал влияние экономических циклов на историческое развитие вообще и на обострение классовой борьбы, на политику в частности¹⁰³. То же самое можно сказать и о работе Ж. Лефевра "Великий страх"¹⁰⁴. В ходе исследования очень оригинального явления исторической действительности — распространения паники в самых широких массах Франции в июле 1789 г. в связи со слухами о подготовке заговора дворянства против "третьего сословия" — Лефевр установил, что явления массовой психологии далеко не во всем соответствовали социальным реальностям. Многие другие примеры конкретно-исторических исследований подтверждают, что отдельные компоненты социальной системы обладают относительной самостоятельностью, что изучение разнообразных связей, установление механизмов взаимовлияния различных компонентов целостной структуры общества являются достойной задачей исторической науки. Но можно ли только на этой основе соотносить отдельные явления с социальным целым, выявить то, что

определяет в конечном счете изменения во всех сферах общественной жизни?

Основатели "Анналов" считали недопустимой саму постановку такого вопроса. "... Суеверное преклонение перед единственной причиной,— писал Блок,— это в истории чересчур часто лишь скрытая форма поисков виновного, а значит, суждения оценочного... Монизм в установлении причины — вызван ли он предрассудком здравого смысла, постулатом логика или навыком судейского чиновника — будет для исторического объяснения только помехой. Историк ищет цепи каузальных волн и не пугается, если они оказываются (ибо так происходит в жизни) множественными"¹⁰⁵.

Блок был не одинок в этом убеждении. Оно стало одним из основных правил историков школы "Анналов". Их общий взгляд на историю был лишен монизма; у них не было ни стройной идеалистической, ни, что особенно важно, материалистической концепции. "Действия — ответные действия (ответная реакция): ни в прошлом, ни в настоящем нет ни непроницаемых перегородок, ни подавляющего деспотизма Материи или Разума. Есть жизнь — эта гармония, эта воля"¹⁰⁶ — таково на этот счет кредо Февра.

Именно эти убеждения, имеющие концептуальное значение, во многом определили конкретно-исторические поиски историков школы "Анналов", большинство из которых не смогли выйти за пределы эклектизма в объяснении исторического процесса в целом. История человечества представлялась ими не как "ряд коротких и глубоких рывков, каждый из которых охватывает всего лишь несколько человеческих жизней"¹⁰⁷, а в виде эволюции, как огромный континуум, в котором волнообразное движение способно передаваться от самых отдаленных молекул к ближайшим¹⁰⁸. В этой истории действует множество сил, "факторов", но нет их соподчиненности, все они способны "переливаться" один в другой и каждый может иметь значение определяющего. Правда, основатели "Анналов" делали акцент на материальной жизни и дали сильный импульс исследованиям именно в этом направлении. Но история материальной жизни понималась ими эмпирически-упрощенно, в плане непосредственно "вещного" ее выражения — географическая среда, биологические условия существования человека, техника, экономика. Из экономической истории у них выпадало важнейшее качественное звено и важнейший момент в причинных связях, переходный рычаг от "вещей", "материальной жизни" к общественному человеку и его истории — отношения людей в процессе производства.

Не случайно поэтому они усматривали связь времен не в исторически необходимой человеческой деятельности, а в "коллективной памяти", в коллективных представлениях, которые "сливаются в каждом индивидуальном рассудке"¹⁰⁹. Именно эту область они называли своими "заповедными угодьями". "Общество,— по мнению Блока,— как его ни рассматривай, в конечном счете пусть и не сумма (это, несомненно, было бы слишком грубо), но по меньшей мере продукт индивидуальных сознаний..."¹¹⁰. Один из нынешних редакторов "Анналов", Ж. Лё Гофф, по поводу этих "заповедных угодий" писал, что Блок и Февр "явно пытались сделать эту область, этот пласт истории самым глубоким, все раскрывающим, подлинной причиной и объяснением истории, сутью истории"¹¹¹.

Если к этому добавить убежденность Блока и Февра в том, что в науке всякое утверждение является лишь гипотезой¹¹², станет ясным, что релятивизм и идеализм начали обретать свои права в "Анналах" уже на этапе формулирования главной исследовательской задачи исторической науки.

Историк размышляет не только о "человеческом". Среда, в которой его мысль естественно движется,— это категория длительности. Блоку было присуще постоянное стремление разобраться во всех сложностях и разрешить многие трудности исторического исследования, связанные с понятием "историческое время". Об этом следует сказать как в связи с характеристикой концепции школы "Анналов" на этапе ее становления, так и потому, что в дальнейшем трактовка историками "Анналов" этого одного из основополагающих понятий исторической науки существенно изменится.

Для Блока историческое время — это, с одной стороны, своеобразная плазма, в которой плавают "феномены", это как бы среда, в которой они могут быть поняты. Это время — по природе своей некий континуум, непрерывность. Но оно также и постоянное изменение. "Из антитезы этих двух атрибутов,— пишет Блок,— возникают великие проблемы исторического исследования"¹¹³. Вопрос, которым предваряется подход к решению главной исследовательской задачи исторической науки, сформулирован Блоком так: "Возьмем два последовательных периода из череды веков. В какой мере связь между ними, создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем,— иначе, надо ли считать знание более старого периода необходимым или излишним для понимания более нового?"¹¹⁴.

Ответ на данный вопрос — это по существу все творчество Блока, вся его многогранная, не поддающаяся однозначной оценке историческая концепция. Иногда изречения Блока: "Понять настоящее с помощью прошлого", "Понять прошлое с помощью настоящего", давшие название соответствующим разделам его "Апологии истории", рассматриваются как наиболее полное, едва ли не исчерпывающее решение проблемы соотношения прошлого и настоящего, предшествующего и последующего, а вместе с тем и проблемы исторического объяснения. В действительности же именно здесь аккумуляровались все нерешенные или, скорее, весьма своеобразно решенные проблемы его исторической концепции.

Одной из важных заслуг Блока перед исторической наукой является то, что он на конкретно-историческом материале показал недостаточность для объяснения данного этапа истории, природы данного социального организма знания лишь его предшествующих состояний.

Верный принципу, что только более поздний пейзаж дает перспективу целого, из которой надо исходить, Блок пытался представить любое историческое явление на максимально зрелой стадии его развития, прежде чем брался за исследование этого же явления в отдаленном прошлом. Во всех конкретно-исторических поисках Блок неукоснительно следовал логически вытекающему из этого принципа регрессивному методу. Классический пример в этом отношении — его работа "Характерные черты французской аграрной истории". Почти во всех ее главах изложение материала подчинено хронологическому принципу. Взор Блока проникал в глубь прошлого, он прослеживал развитие отдельных сторон аграрной истории и всего общества от раннего средневековья до XVIII — XIX вв. Этот подход позволил ему установить сопряженность этапов и преемственность факторов в той широкой перспективе, "где основные контуры не подвергаются опасности затеряться в темной массе мелких фактов"¹¹⁵.

Однако, правильно решив вопрос о том, что для объяснения природы данного социального организма недостаточно знания только его истоков, Блок не смог справиться с проблемой причинного объяснения в истории и, как следствие, с проблемой генетического анализа вообще. Само стремление историков сосредоточивать внимание на установлении истоков какого-то явления Блок квалифицировал как "манию происхождения", "эмбриогеническое наваждение", воплощение одного из "сатанинских врагов" подлинной истории — "мании судить"¹¹⁶.

Гносеологически такое отношение Блока к проблеме причинности в истории можно объяснить его отрицательной реакцией на свойственное историческому мышлению XIX в. стремление отыскать при объяснении любого явления единственное, исключительное начало, возводимое в ранг субстанции. Марксистское понимание "субстанции", в которой заключены движущие силы истории ("та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть та реальная основа того, что философы представляли себе в виде "субстанции" и в виде "сущности человека..."¹¹⁷), оставалось неведомо Блоку. Для него понятие "субстанция" ассоциировалось именно с тем, что философы представляли себе до Маркса и вопреки Марксу, — с последней клеточкой, с неделимым и единственным атомом, способным объяснить все сущее, и с основанными на этих представлениях концепциями о географическом детерминизме, о "духе народа", о "жизненном порыве" и т. п. Блок отвергал эти требования единственности, исключительности начала, характерные для элементаристских, атомистических представлений о мире, принцип же подлинного материалистического монизма оставался за пределами его понимания. В методологическом плане решение проблемы соотношения предшествующего и последующего периодов в истории зависит от характера истолкования принципа социального детерминизма и закономерности общественного развития. Блок впервые в западной медиевистике сумел показать особый характер феодального общества и его особое место в истории. В отличие от теории "романо-германского культурного синтеза", основанной на представлении о феодализме как о смещении существовавших ранее уже готовых элементов, Блок доказывал, что "европейский феодализм в своих характерных учреждениях не был архаическим сплетением пережитков"¹¹⁸, что он представлял собой качественно новое общество. Но как и почему стало возможным феодальное общество? Если оно представляло собой, как это доказывал Блок, относительно целостную систему, то что ей предшествовало в истории — хаотическая совокупность множества элементов или же другое целостное образование? Наконец, каким образом одна целостная система, если таковая существовала в дофеодальный период, сменилась другой целостной системой?

Блок не рассматривал феодализм как закономерный этап в историческом развитии человечества, пришедший на смену рабовладельческому строю, как особую общественно-экономическую формацию, и в этом принципиальное различие его

взглядов и марксистской концепции феодализма¹¹⁹. Согласно его точке зрения, европейский феодализм "был порождением всей социальной среды в целом"¹²⁰, т. е. конкретным стечением обстоятельств, совокупностью различных по своему характеру фактов, вызванных к жизни столкновением римского и германского обществ.

Отсюда главная исследовательская задача и подход к ее решению: анализ функционирования данной общественной системы и ее обусловленности данной средой вместо анализа генетической связи следующих друг за другом этапов исторического развития.

Разработка основополагающих идей исторической концепции "Анналов" в свою очередь вызвала необходимость пересмотра многих других понятий, определяющих историю как науку, и прежде всего таких, как исторический источник и исторический факт.

Традиционная буржуазная историография, повествовавшая главным образом о политических событиях и об истории дипломатии, обходилась в основном письменными источниками. Когда же круг интересов исторической науки значительно расширился, когда она стала заниматься сложными социально-экономическими явлениями и процессами, потребовались совершенно новые виды источников. "История, — писал Февр, — воссоздается, без сомнения, на основе письменных источников. Когда они есть. Но, когда их нет, ее можно и должно воссоздавать и без письменных документов, на основе всего того, что изобретательность историка позволит ему использовать для добычи его меда за неимением цветов, привычных для него. Слова. Символы. Пейзажи. Черепица. Формы полей и сорняки. Лунные затмения и хомуты для упряжек. Экспертизы камней и шпаг, сделанные геологами и химиками. Словом, историю следует писать, используя для этого все, что было у человека, зависит от него, служит ему, что выражает человека, означает его присутствие, деятельность, вкусы и манеру быть человеком"¹²¹.

К наиболее оригинальным и во многом плодотворным поискам Февра относится научная разработка им понятия "исторический факт". Она сопровождалась критическим пересмотром всего арсенала средств, которым располагала историческая наука к тому времени. И не только историческая наука. Февр сумел извлечь выводы из достижений других наук, и в частности антропологии. Его трактовка исторического факта во многом переключается с понятием "тотального социального феномена"

в антропологии М. Мосса*. В так называемых примитивных, или архаических, обществах, отмечал Мосс, все факты сами по себе являются весьма сложными; "в тотальных социальных феноменах, как мы предлагаем их называть, выражаются одновременно и сразу различного рода институты: религиозные, юридические, моральные и в то же время политические и семейные, а также экономические, предполагающие особые формы производства и потребления"¹²³. К "тотальным социальным феноменам" М. Мосс относил, например, семью как с точки зрения тотальности функций, выполняемых ею в обществе, так и с точки зрения ее сложности как феномена, доступного научному пониманию лишь при условии объединения усилий многих наук. "Тотальный социальный феномен" в трактовке М. Мосса — это сложная структура. Исследование отношений между такими структурами является, по его мнению, самой важной задачей науки об обществе.

На разработке основателями "Анналов" понятия "исторический факт" сказались их общие взгляды, убежденность в необходимости творческой, активной позиции ученого в исследовании прошлого. Февр считал требование абсолютной объективности истории наивностью, порожденной рудиментарным позитивизмом. Установить факты и затем использовать их в работе — вот одна из догм традиционной историографии. Этого было вполне достаточно, когда история сводилась главным образом к описанию последовательной смены событий. Но как быть с такими явлениями, как понижение заработной платы, повышение цен? Как быть с такими явлениями, которые имеют бессознательную природу, когда многообразие действительности воплощается в символических формах? Они представляют большую ценность для историка, но их нельзя извлечь в готовом виде из прошлого, поскольку подобного рода факты — это неделимые атомы, они представляют собой собирательные понятия. В 1933 г. на торжественной лекции в Коллеж де Франс, где он выступал как новый заведующий кафедрой современной истории, Февр впервые дал наиболее развернутое определение исторического факта как своеобразной "конструкции". Поскольку история исследует не только разнородные события, но и сложные процессы и явления, она должна оперировать и соответствующими понятиями, способными адекватно выразить эту сложную действительность. Факты-конструкции могут иметь

* Марсель Мосс (1872 — 1950 гг.) — французский социолог и этнолог, один из наиболее известных последователей Э. Дюркгейма¹²².

значительную временную протяженность и широкие пространственные измерения. Они могут быть установлены лишь на основе данных многих наук — географии, демографии, лингвистики, экономики, психологии и т. д. Такой исторический факт — абстракция, он вызывается к жизни лишь творческим воображением ученого. Отсюда категоричные утверждения Февра: исторический факт — изобретение историка или даже: нет истории, есть историки. Подобные выражения он как бы специально разбросал в своих работах в расчете на будущих критиков, которые пожела-ли бы обвинить его в самых тяжких субъективистских грехах вплоть до солипсизма. Оснований для упреков действительно достаточно. Справедливо отмечая, что исторический факт — это всегда выбор, Февр не очень задумывался о подчиненности этого выбора определенным критериям. Подчеркивая активность ученого, он не считал нужным поставить вопрос о соотношении любой абстракции с объективной реальностью. Словом, возможностей для спекуляций по поводу его трактовки понятия "исторический факт" много. И все-таки это был значительный шаг вперед по сравнению с догмами традиционной буржуазной историографии. Без вооружения историка творческой инициативой, без более широкого видения возможностей исторической науки вряд ли можно было бы приступить к воссозданию глобальной истории общества в том виде, как это себе представляли Блок и Февр.

При рассмотрении исторической концепции школы "Анналов" периода ее становления главное внимание было обращено на ее методологическую основу, на концептуальную заданность. Для более исчерпывающей характеристики этой концепции следовало бы учесть целый ряд других элементов. Большое значение, например, имеют методы исторического исследования, и в частности наиболее распространенные из них, такие, как ретроспективный и сравнительно-исторический. Кроме того, в рамках школы "Анналов" были разработаны многие правила, положения, частные методик. Даже стиль изложения можно рассматривать как органическую составную ее часть.

К характеристике "Анналов" как исторической школы имеет прямое отношение и то, что на основе общей для них концепции было разработано несколько исследовательских программ, сделаны первые шаги к осуществлению планирования тематики кандидатских и докторских диссертаций. По инициативе основателей "Анналов" начали проводиться научные симпозиумы, коллоквиумы, конференции по тем вопросам, которые они считали достойными внимания историков.

Важную роль в деле обновления исторической науки выполнял журнал "Анналы экономической и социальной истории"* . Основные задачи журнала в этом направлении были сформулированы Блоком и Февром уже в первых его номерах, а также в обширной переписке, которую вели редакторы "Анналов" со многими учеными — историками, экономистами, социологами. Прежде всего они обосновали идею о необходимости расширения сферы исторических исследований за счет экономических и социальных проблем¹²⁴. Одну из главных задач журнала его основатели видели в том, чтобы "разрушить глухую стену, которая до сих пор чаще всего разделяет экономическую историю прошлого и изучение экономики настоящего"¹²⁵. Важнейшее назначение журнала Блок и Февр усматривали в том, чтобы он стал средством "научного воспитания многочисленных исследователей, преподавателей лицеев, ученых из провинции, предоставленных самим себе, не получающих поддержки, не имеющих никакой связи друг с другом"¹²⁶. Журнал должен был способствовать искоренению "разграничений замкнутости, барьеров, которые разделяют, искажают, изолируют историю"¹²⁷.

К Международному конгрессу историков 1928 г. Блок подготовил проспект о новом журнале, в котором следующим образом декларировались основные задачи "Анналов". В наши дни, говорилось в нем, более чем когда-либо, люди интересуются экономическими проблемами. Во Франции, как, впрочем, и в других странах, два типа журналов пытаются удовлетворить растущий интерес в этой области: одни журналы делаются историками и всецело ограничиваются прошлым, другие объединяют экономистов, техников и других людей, связанных с деловой жизнью, — эти журналы интересуются лишь современными проблемами. Но как понять какую бы то ни было эпоху без знания того, что ей предшествовало во времени, и можно ли проанализировать экономические явления, даже самые отдаленные, без знания живой реальности сегодняшнего дня? Существенно важно сблизить две группы исследователей, которых занимают одни и те же проблемы, произвести обмен взглядами и в итоге установить постоянное и плодотворное сотрудничество. Сблизить, объединить, а не разделять — такова цель, такова задача "Анналов"¹²⁸.

В соответствии с основными задачами журнала был сформирован и его редакционный комитет, в который вошли А. Деманжон — географ, профессор Сорбонны, Ж. Эспинас — сотрудник

* См. примечание на с. 11.

архива министерства иностранных дел, специалист по средневековой истории, М. Хальбвакс — социолог, представлявший в журнале школу Э. Дюркгейма, А. Хосер — экономист, профессор экономической истории Сорбонны, А. Пиганьоль — специалист по классической античности, А. Пиренн — один из крупнейших бельгийских историков, Ш. Рист — экономист, профессор политэкономии, заместитель управляющего Французского банка, А. Сейгфрейд — профессор Школы политических наук в Париже.

В каждом номере журнала было две-три основных статьи. Все эти статьи можно подразделить на два типа: оригинальные исследования по отдельным узким проблемам ("Один из этапов сеньории: эксплуатация резерва в Прэне в IX в."; "Большая экспортная коммерция средневековья: вина Франции", "Проблема золота в средневековье" и т. п.) и статьи на более широкие темы ("Поля и деревни", "Городское жилище и его эволюция", "Место религии в экономической и социальной жизни Японии"; "Странности в экономической жизни Испании XVI и XVIII вв." и т. п.). Общим для всех этих статей являлось то, что они в основном ограничивались постановкой сравнительно частных вопросов; общие проблемы исторического процесса, философии истории в них затрагивались очень редко. В специальном разделе журнала публиковались материалы, посвященные методу исторического исследования. В разделе "Научная жизнь" помещались сведения об отдельных ученых, исследовательских центрах, научных конгрессах, о библиотеках и архивах и т. п. Большое место в журнале занимал раздел "от настоящего к прошлому: критические корреспонденции", в котором давались рецензии на важнейшие публикации в области общественных наук. Журнал знакомил читателей с новыми книгами, наиболее интересными статьями, публикуемыми не только во Франции, но и во многих других странах. Как и фундаментальные статьи, этот раздел выполнял функцию ориентира в плане проблематики и методологии исторических исследований. Именно на этот раздел журнала возлагалась поставленная Блоком нелегкая задача "установить полицейский заслон перед плохими книгами по истории"¹²⁹.

Магистральными для журнала стали такие проблемы экономической и социальной истории, как техника, торговый обмен, цены, экономический кризис, колонизация, социальная структура общества, урбанизация, история культуры. В хронологическом плане тематика журнала ограничивалась главным образом периодами средневековья и нового времени. Этим периодам посвящено большинство публикаций исследовательского

характера. Современные проблемы хотя и занимали в журнале значительное место, но освещались главным образом за счет рецензий и отдельных публикаций экономистов и социологов. В качестве примера коллективных исследований, осуществлявшихся журналом, можно привести разработанную еще в 1930 г. программу исследования истории цен¹³⁰. Реализацией этой программы непосредственно занимался один из наиболее видных последователей Дюркгейма — Ф. Симиан. Журнал систематически публиковал результаты исследований историков и экономистов, определяя тем самым главные направления научных изысканий по данной проблеме и способствуя привлечению к ней внимания читателей и будущих авторов.

Общее направление и профиль журнала во многом определялись прогрессивными по ряду вопросов взглядами его руководителей — Блока и Февра. Хотя в целом их отрицательное отношение к "событийной" истории вытеснило с первого плана исследование таких важных событий, как народные восстания, революции, они все-таки не были склонны вообще игнорировать факты социальной борьбы масс в истории. "... Сельское восстание, — писал Блок, — представляется столь же неотделимым от сеньориального порядка, как, например, забастовка от крупного капиталистического предприятия"¹³¹. Это сказалось на тематике журнала. С момента его основания и в течение всего предвоенного периода здесь регулярно помещались материалы о Великой французской революции. Они были представлены главным образом статьями и рецензиями Ж. Лефевра. В одном из первых номеров журнала в октябре 1929 г. он опубликовал статью "Место революции в аграрной истории Франции"¹³². В 1948 г. его же статья, помещенная в "Анналах", называлась "Место революции в мировой истории"¹³³. В промежутке между этими двумя датами оформлялась научная концепция французской революции Ж. Лефевра. Эта концепция, процесс формирования которой в какой-то мере можно проследить и на страницах журнала, не вписывалась в общую его направленность, поскольку идейно-теоретические позиции Лефевра по многим вопросам были значительно радикальнее основополагающих установок "Анналов". Тем не менее Лефевр продолжал сотрудничать в журнале. И это определенным образом характеризует сам журнал в те годы, свидетельствуя о его лояльности, а иногда и благосклонности к тем, кто занимал позиции несколько левее его осевой политической линии.

Это можно подтвердить и другими примерами. В 1935 г. в журнале впервые выступил молодой социолог Ж. Фридман

со статьей "Фридерик Вильсон Тейлор: оптимизм одного инженера"¹³⁴. В статье рассматривались технические, экономические, психологические, моральные и социальные аспекты доктрины Тейлора и доказывалось, что весь пафос отца "научной" организации производства продиктован жадной прибыли и направлен против рабочего класса.

Весьма показательными в этом же плане являются и некоторые выступления в журнале самого Февра. В 1932 г. в статье, посвященной памяти историка А. Матъеза, он писал: "С грустью сомкнем изрядно поредевшие ряды и приготовимся изо всех наших сил поддерживать всех тех, кто терпеливо и трудолюбиво, анализируя с самого основания набросок, так детально сделанный Жоресом, будет воссоздавать нам революционную историю, которой нам все еще недостает: историю масс, а не звезд, историю, помещенную в первостепенные и необходимые рамки экономической реальности"¹³⁵.

В 1937 г. в рецензии на книгу Ж. Фридмана "Кризис прогресса"¹³⁶ Февр писал, что первоначально могущество буржуазии основывалось на разуме. Он был превосходным оружием в руках революционной буржуазии. Права человека, Равенство, политическая Свобода — все это абстрактные постулаты Разума. Вместе с Робеспьером был обезглавлен этот воинствующий рационализм как выражение требований отдельного класса. Правда, в борьбе против сильных остатков феодализма и церкви буржуазия нуждалась в рационалистической философии. Но это продолжалось недолго. На глазах буржуазии организовывался мир рабочих, они создали свою партию, свои профсоюзы. С этих пор имущие вынуждены бороться со своим главным противником, и буржуазия ищет себе союзника на стороне церкви. Интересы и идеология буржуазии вступают в противоречие с рациональными представлениями о природе, с картезианской и галилеевской наукой: именно в то время, когда буржуазия всю себя отдает техническим изобретениям, применению науки, прославляемой под именем Прогресса, который уже не служит ей, она перестает верить в Науку и в Прогресс. Перед лицом надвигающейся опасности буржуазия в конце XIX в. сделала окончательный выбор: "напротив дворца Разума она воздвигла храм Интуиции, наряду с научным познанием она утвердила оккультизм, против Демократии — Диктатуру, против Прогресса — Ухмылку"¹³⁷.

Следует обратить внимание и на гневное, полное сарказма выступление Февра против изданной в 1932 г. под редакцией Ш. Сеньобоса и с участием П. Милюкова трехтомной "Истории

России”¹³⁸. Февр назвал ее ”грудой анекдотического хлама”, ”мертворожденной историей”, поскольку в ней не было самого главного — подлинной жизни, мощного дыхания русских рек, труда крестьян, рождения и развития городов, организации помещичьих угодий и образа жизни дворянства, великих русских ярмарок и т. п. С возмущением писал Февр о том разделе ”Истории России”, в котором речь шла о событиях начиная с октября — ноября 1917 г. (раздел этот был написан П. Милюковым). Несмотря на все усилия, отмечал Февр, ничего нельзя понять из той истории, где есть лишь фатальная печать определенных пристрастий; к этой истории бесполезно подходить с надеждой, что она поможет понять, ”что на самом деле движет людьми, которые вот уже шестнадцать лет несут тяжелое бремя управления советским кораблем”¹³⁹.

Наконец, нельзя не сказать о полных тревоги за будущее культуры, демократии, мира и человечества выступлениях Февра против реакционных философских и исторических взглядов, которые на практике смыкались с идеологией и политикой фашизма. Ярким примером этому может служить опубликованная в 1936 г. рецензия Февра на книгу О. Шпенглера ”Закат Европы”¹⁴⁰.

Все вышесказанное не означает намерения представить довоенные ”Анналы” в таком розовом, почти революционном цвете. Таким этот журнал никогда не был, и в довоенный период его не всегда откровенно выраженная идеологическая линия всецело оставалась в рамках основных постулатов буржуазного реформизма. Вместе с тем отдельные смещения влево, имевшие место в ”Анналах” в те годы, заслуживают самого серьезного отношения. В условиях угрозы фашизма и второй мировой войны, когда необходимо было сделать выбор между реакционной, чреватой тяжелыми последствиями внешней политикой правящих кругов Франции и борьбой сил демократии, руководители ”Анналов” безоговорочно встали на сторону французского народа. Все это не только способствовало росту авторитета ”Анналов”, но и повлияло определенным образом на проблематику и характер многих осуществленных ими исторических исследований.

3. Э. Лабрусс, Ж. Лефевр и школа ”Анналов”

Почти одновременно с ”Анналами”, в начале 30-х годов, пришел в историческую науку один из крупнейших историков

Франции XX в.— Эрнест Лабрусс. Создав позднее собственную школу в науке, он вместе с тем сыграл очень важную роль в развитии "Анналов" и вообще всей французской историографии. В послевоенный период Э. Лабрусс и Ф. Бродель, по мнению некоторых историков, длительное время принадлежало своего рода "интеллектуальное господство" над всей французской историографией¹⁴¹. Работы Лабрусса "Очерк движения цен и доходов во Франции XVIII века" и "Кризис французской экономики в конце старого порядка и в начале революции" наряду с трудами Блока и Броделя относят к высшим достижениям французской исторической науки. Научный уровень этих работ высоко оценивается и во французской марксистской историографии¹⁴². Историки школы "Анналов" считали Лабрусса "своим" по духу и во многом по существу*. Оценивая одну из работ Лабрусса, Февр писал: "Это — "наша история", та, к которой мы обращаем все наши чаяния; ее торжество мы будем пытаться обеспечить всеми нашими силами. Эта история завтра станет единственной Историей, и ее результаты преобразуют наше видение мира"¹⁴⁴. Лабрусс руководил наиболее значительными исследованиями по проблемам социально-экономической истории, которые осуществлялись в рамках школы "Анналов" в 40 — 60-х годах.

Общественно-политические взгляды Лабрусса во многом определились воздействием на него марксизма и его участием в деятельности французской социалистической партии. В начале 20-х годов он принадлежал к руководству Союза коммунистической молодежи, был одним из редакторов "Юманите". Непосредственное влияние на формирование его научных интересов оказали труды одного из самых видных во Франции специалистов в области экономической истории — Франсуа Симиана. Лабрусс в своих конкретных исследованиях, пользуясь разработанным Симианом методом, во многом превзошел своего учителя. В центре его научных интересов встали те проблемы, которые в трудах Симиана занимали второстепенное место. Лабрусс дал более глубокое обоснование многим вопросам социальной истории. Однако в общей трактовке исторического процесса

* В предисловии к книге "Экономическая конъюнктура. Социальные структуры", изданной в 1974 г. в честь Э. Лабрусса, Ф. Бродель отметил: "Эрнест Лабрусс, школу которого за последние 20 — 30 лет прошло целое поколение молодых историков -- и это было его основным делом, не прекращает делать ставку на все новое, на те пути, которые еще предстоит увидеть. Именно это ставит его на то же магистральное направление мысли, которого всегда придерживались Марк Блок и Люсьен Февр и школа "Анналов"..."¹⁴³.

Лабрусс не вышел за пределы основных положений концепции Симиана. Поэтому стоит, хотя бы кратко, охарактеризовать эту концепцию.

Главная работа Ф.Симиана "Заработная плата, социальная эволюция и деньги" вышла в 1932 г. В ней дано обоснование общей теории, которую сам автор определил как "социальный монетаризм с возбуждающими колебаниями"¹⁴⁵. Эта теория основана на положении, что развитие общества осуществляется путем коротких или продолжительных колебательных движений в экономике, которые находят свое проявление в отношениях и в психологии основных социальных категорий или групп. Исследовательский метод Ф.Симиана заключался в том, чтобы: а) на основе статистики выявить три продолжительные серии данных: количество денег в обращении, цены, доходы; б) установить взаимные связи между этими сериями; в) определить, как отражается на основных социальных группах движение цен и доходов. Основным индикатором развития экономики, согласно Симиану, являются цены. Если количество денег в обращении увеличивается (в результате дополнительного притока золота или серебра), цены поднимаются, и это влечет за собой подъем производства и увеличение доходов — фаза "А". Если по каким-то причинам наступает "монетный голод", цены понижаются, в производстве начинается депрессия, сокращается объем валового продукта, уменьшаются доходы — фаза "Б". Колебания в экономике, поскольку они влияют на прибыль и заработную плату, на интенсификацию и производительность труда, оказывают воздействие на отношения социальных групп общества и на формирование их коллективной, или, как говорил Симиан, экономической, психологии. Бесконечное чередование фаз "А" и "Б" на протяжении столетий представляет собой ту ткань, из которой и состоит вся экономическая история, а каждый данный момент в ее развитии — это своеобразная конъюнктура.

Последующие поколения французских историков, в том числе и школу "Анналов", привлекали не столько исследовательские методы Симиана и общие положения его "конъюнктурной" теории (она, по определению П. Вилара, оставалась всецело антидедуктивной, пренебрежительной в отношении структур, монетаристской и психологической в своих окончательных выводах¹⁴⁶), сколько сам характер его трудов, который определялся основополагающим правилом: в исследовательской практике необходимо отказаться от рассмотрения единичных фактов, с тем чтобы обратиться к фактам повторяющимся, т. е. необходимо отбросить случайное, с тем чтобы заняться регулярным,

закономерным, исключить индивидуальное, чтобы изучать социальное¹⁴⁷. Из этого правила вытекало несколько требований, ставших обязательными для многих исследователей социально-экономической истории. К наиболее важным из них относятся следующие: исследования должны осуществляться на основе максимального использования статистических данных, на точном цифровом анализе основных экономических показателей, на выявлении свойственных каждому данному периоду специфических ритмов развития экономики; воссоздание своеобразной для каждого исторического периода конъюнктуры возможно лишь при условии сопоставления однородных и непрерывных серий данных; анализ денежного обращения не является монополией специалистов, он представляет собой важный элемент в любом историческом анализе; поскольку экономические ритмы являются по своему характеру интернациональными, любое локальное исследование должно вписываться в достаточно широкие рамки общей конъюнктуры¹⁴⁸.

Лабрусс, соглашаясь с Симианом в том, что историческое развитие определяется экономическими циклами движения цен и доходов, сосредоточил главное внимание на социальных и политических аспектах теории циклического развития общества.

Вначале Лабрусс, как и Симиан, исследовал экономические циклы большой длительности. В работе "Очерк движения цен и доходов..." он предпринял попытку систематизации всей экономической жизни французского общества в XVIII в. Свои выводы Лабрусс использовал для разработки в последующем общих положений об "экономике старого режима" как о стабильной экономике традиционного общества и о свойственных ей "экономических кризисах старого типа"¹⁴⁹, развивающихся по схеме: неурожай хлебных культур – рост цен – падение покупательной способности – сокращение промышленного, прежде всего текстильного, производства – падение доходов буржуазии и обнищание масс.

В более поздних своих работах, в таких, например, как "Кризис французской экономики в конце старого порядка и в начале революции", "1848 – 1830 – 1789. Как возникают революции", "Аспекты кризиса и депрессии французской экономики в середине XIX века. 1848 – 1851"¹⁵⁰, Лабрусс сосредоточивает внимание уже не на столетнем периоде, а на циклах экономической конъюнктуры менее длительной протяженности. В предшествующих революциям периодах он исследует динамику классовых антагонизмов, причины возникновения революционных движений.

По мнению советских историков, труды Э. Лабрусса представляют большой научный интерес¹⁵¹. Вместе с тем его методологию, как отмечает А. В. Адо, отличали черты своеобразного "экономического материализма", упрощенно-механистического толкования связи экономики и политики, характерные для реформистского подхода к истории. Анализируя экономику Франции XVIII — первой половины XIX в., он оставлял в стороне разложение феодальных и утверждение капиталистических производственных отношений, что было определяющим качественным признаком и двигателем этого периода французской истории. Французская буржуазная революция выступала у него лишь как следствие экономического кризиса "старого типа" и порожденного им "кризиса нищеты".

Влияние Э. Лабрусса на школу "Анналов" не было безграничным. Из его научной проблематики историки этой школы заимствовали далеко не все: один из наиболее важных вопросов, интересовавший Лабрусса, — как возникают революции — не привлек к себе особого внимания с их стороны. Это относится и к таким проблемам, как классы и классовая борьба, политические события революционных периодов в истории. Наибольший интерес "Анналов" вызвали проблемы соотношения долговременных социально-экономических структур, периодических циклов в развитии экономики и кратковременных конъюнктур. Эти проблемы исследовались главным образом в региональном плане и на различных этапах истории средневековья и нового времени методами количественного анализа и сопоставления таких факторов, как цены, доходы, валовой продукт и вся совокупность демографических показателей. На этой основе стало возможным преодоление распространенных в позитивистской историографии представлений об однолинейном развитии истории и выявление различных ритмов, свойственных данному уровню развития общества.

Наиболее характерным примером избирательности "Анналов" при заимствовании идей, исследовательской проблематики, методов научного анализа из других направлений историографии и отраслей научного знания вообще является отношение этой школы к одному из самых оригинальных французских историков — Жоржу Лефевру.

Линии "Анналов" и Лефевра пересекались неоднократно. Как уже говорилось, Лефевр опубликовал в журнале Блока и Февра многие свои статьи, рецензии, заметки, несколько лет был членом редакционного комитета журнала. Он многое воспринял от основателей "Анналов", относился к ним с огромным

уважением, разделял их чаяния и надежды превратить историю в науку. Влияние самого Лефевра на школу "Анналов" было плодотворным и многогранным. И все-таки это были две разные линии.

Ж. Лефевр вырос в семье простых тружеников, в молодости был сторонником одного из лидеров французского рабочего движения XIX в. — Жюля Геда. Вся свою жизнь он оставался верным трудовому народу Франции. Уже имея за плечами 80 лет, он продолжал ежегодно в дни памятных манифестаций приходить к Стене коммунаров, выражая тем самым свою верность их идеалам, отдавая долг погибшим за лучшее будущее трудящихся.

Деятельность Лефевра как ученого была посвящена истории французской буржуазной революции XVIII в. Формирование его взглядов проходило под сильным влиянием Жореса. Лефевр неоднократно обращался к трудам К. Маркса, подчеркивал плодотворность марксистских методов исследования¹⁵², но убежденным сторонником марксизма так и не стал.

Развивая радикально-демократические взгляды А. Матьеза, Лефевр внес существенный вклад в исследование истории французской революции¹⁵³. Его усилия были направлены на доказательство социального характера революции и выяснение ее экономических предпосылок. Он стремился увидеть революцию "снизу", глазами ее главного героя — народных масс. Одной из основных задач исследований Лефевра стало раскрытие роли крестьянства в революции; решению этой задачи была посвящена его работа "Крестьяне департамента Нор во Французской революции"¹⁵⁴. Именно этой работой Лефевр доказал, что по своим причинам и результатам, по своему содержанию это была революция социальная. Ее значение определялось отменой феодальных прав и церковной десятины, налоговых привилегий аристократии, перераспределением земельной собственности.

Будучи неутомимым и серьезным исследователем и занимаясь всю свою жизнь историей Великой французской революции, Лефевр сумел глубоко разработать эту тему, и его труды стали образцом научного исследования вообще, примером конкретного решения многих самых сложных методологических и методических проблем исторической науки. Одно из главных достоинств работ Лефевра в том, что они представляют собой своего рода модель всеобъемлющей истории. Именно подход к исторической действительности как к сложной системе взаимодействий экономических, социальных и духовных структур стал одной из точек пересечения методологических линий Лефевра и "Анналов". Следует иметь в виду, что Лефевр на несколько

лет раньше Блока, уже в работе "Крестьяне департамента Нор...", практически реализовал эту идею. Вместе с тем, что особенно важно подчеркнуть, сам характер реализации этой идеи у Лефевра, по крайней мере в двух моментах, существенно отличается от характера ее реализации в рамках школы "Анналов".

Во-первых, Лефевр не только постоянно подчеркивал наличие связи между экономикой, социальной структурой и духовной жизнью общества, но и пытался установить субординацию основных факторов исторического развития. "Многие среди нас,— писал он в одной из своих статей,— по разным причинам предпочитают при объяснении истории ставить на первый план движение идей. Я никогда не оспаривал роль идей. Но я полагаю, что идеи, какими бы они ни были, всегда находятся в определенной связи с социальной структурой данного времени и, как следствие, с экономикой, которая способствует появлению этих идей"¹⁵⁵. Кроме того, Лефевр со всей определенностью доказывал, что "формы собственности, социальная структура и культурное развитие общества зависят от состояния производства"¹⁵⁶.

Во-вторых, в отличие от школы "Анналов", где уже со времен Блока определилась тенденция при разрешении дилеммы "история событий — история структур" отдавать предпочтение структурам, Лефевр теоретически и на практике придерживался материалистической диалектики в этом вопросе, высказывался за его марксистскую интерпретацию¹⁵⁷ и нашел конкретно-историческое решение указанной проблемы. В подтверждение можно еще раз сослаться на его превосходную работу "Великий страх". По существу в ней исследуется лишь одно из событий в истории Франции — паника, вызванная боязнью "аристократического заговора". Это явление из сферы коллективной психологии предстает перед читателем книги Лефевра связанным тысячами невидимых нитей с такими реалиями, как голод, безработица, бродяжничество, разбой, безземелье, болезни и эпидемии, сельские общины, дороги, городские предместья и т.п. На основе огромного количества документов Лефевр доказал, что видимым, непосредственным поводом для паники явилась "гигантская ложная новость" о готовящемся заговоре аристократии, а глубинными ее причинами были явления структурного порядка — состояние производства, формы собственности, глубокий социальный кризис "старого порядка".

Среди работ Лефевра есть одна, специально посвященная проблеме "История событий и история структур". Это его статья "Убийство графа Дампьерра", которую иногда не без

оснований называют "защитительной речью" в пользу исторического события. Вот как оценивает эту работу один из ведущих французских историков-марксистов, Альбер Собуль: "В восхительном анализе, сделанном Жоржем Лефевром, это событие (жестокая расправа, учиненная крестьянами над графом Дампьерром 22 июня 1791 г. около 3 часов дня) вновь обретает свою значимость. Убийство графа не было случайным поступком. Этот эпизод, несомненно, связан с той атмосферой страха, которая царилла после бегства короля. Но в политическом событии, как всегда, просматривается социальная мотивировка, которая и была его основной побудительной причиной"¹⁵⁸.

Отношение "Анналов" к творчеству Ж. Лефевра, как и Э. Лабрусса, определялось не чем иным, как социальной мотивацией. Они сделали "своими" лишь те из его принципов и методов исторического анализа, которые не противоречили их собственным. Сочетание проблемного подхода к исследованию прошлого с углубленной научной критикой исторических источников, комплексный принцип в анализе взаимосвязей между основными компонентами общественной жизни, метод количественного анализа и способы исследования коллективной психологии, интерес к повседневной жизни простых людей в ее массовых проявлениях — все это естественно вписывалось в основополагающие концепции "Анналов". А остальное? То, что, собственно, и определяло творческую индивидуальность Лефевра как историка? Л. Февр постоянно упоминал его имя в связи со школой "Анналов". Ф. Бродель — уже значительно реже. Нынешние руководители "Анналов" если и говорят о Лефевре, то все чаще в связи с "архаизмами", от которых им очень хотелось бы избавиться исторической науке.

4. Формирование школы "Анналов" и марксизм

Некоторые аспекты вопроса о влиянии марксизма на школу "Анналов" уже затрагивались выше, когда речь шла о формировании мировоззрения основателей этой школы, о научных и социально-политических предпосылках ее образования. Рассмотрение основных взглядов историков школы "Анналов" и представителей других наиболее близких к ней направлений проливает дополнительный свет на этот вопрос и позволяет подвести по нему некоторые итоги.

Что касается самого факта влияния марксистской мысли на французскую буржуазную историческую науку, и в частности

на школу "Анналов", то он признается многими и с учетом всего вышеизложенного представляется бесспорным. "Любой историк, — писал Февр, — даже если он никогда не читал ни одной строчки Маркса, даже если он считает себя яростным "антимарксистом" во всех областях, кроме научной, неизбежно проникнут марксистской манерой мыслить, постигать факты и примеры; многие идеи, которые Маркс выразил с таким мастерством, давно уже вошли в общий фонд, образующий интеллектуальную сокровищницу нашего поколения"¹⁵⁹. Влияние исторического материализма на многих историков школы "Анналов" неоднократно констатировалось французскими марксистами¹⁶⁰, оно отмечается и в некоторых публикациях официальных органов, представляющих французскую историческую науку. Так, в книге, изданной Французским комитетом исторических наук Национального центра научных исследований, читаем: "Немыслимо говорить о течениях, отметивших развитие современной французской историографии, без того, чтобы не воскресить в памяти автора "Капитала"¹⁶¹.

Наибольший интерес с точки зрения выяснения характерных особенностей и своеобразия "Анналов" как буржуазной исторической школы представляют присущее именно этой школе отношение к марксизму, а также конкретные проявления влияния марксизма на ее общую ориентацию и на трактовку наиболее важных исторических проблем.

Отношение "Анналов" к марксизму во многом определялось тем обстоятельством, что основатели этой школы, как и многие другие объединившиеся вокруг нее историки, продолжительное время довольствовались поверхностными знаниями о марксизме, полученными к тому же из вторых рук уже в извращенном или существенно деформированном виде. Непосредственное знакомство Блока и Февра с трудами основоположников марксизма началось, когда их основные мировоззренческие принципы как ученых уже сформировались, а многие, если не все, наиболее оригинальные их исследования были уже осуществлены.

Весьма показательной в этом смысле является работа Блока "Характерные черты французской аграрной истории". Диффузное воздействие марксизма на автора этой книги проявилось уже в самом выборе темы, в новом подходе к исследуемым проблемам. В отличие от своих предшественников Блок "отважился на обзор аграрного строя *всей* страны и, кроме того, дал его на широком сравнительном фоне европейского феодализма в целом..."¹⁶². Стремление разобраться в сущности важнейших

проблем социально-экономической истории позволило Блоку "остроумно подметить и объяснить" особенности французского феодализма. Все это было совершенно недоступно традиционному буржуазному мышлению. И в то же время в этой работе Блока проявилось почти полное незнание им марксизма как такового¹⁶³. В сочетании с довлеющим над ним огромным грузом буржуазных представлений это привело к тому, что он оказался не в состоянии преодолеть пропасть, разделяющую буржуазную историографию, в рамках которой возможно познание лишь отдельных сторон исторического процесса, и марксизм, дающий научное познание самого этого процесса в целом. Это можно подтвердить следующим фактом. Заканчивая свой труд, Блок говорит о постижении сущности истории, о непрерывном процессе, каким является эволюция человеческих обществ, об обнаружении связи прошлого и настоящего, о том, что именно этим проблемам посвящено его исследование. Естественно напрашивается вопрос, как же реализовался этот замысел. Во многих случаях Блок увидел и верно объяснил отдельные стороны исследуемого им процесса, но цельной концепции у него не получилось. Ему все казалось, как это очень точно подметила прекрасно знающая творчество Блока А. Д. Люблинская, что он не может добраться до существа дела из-за недостаточной разработанности того или иного вопроса. Так, в противовес многим буржуазным историкам, видящим движущую силу развития истории в росте населения, Блок пытается найти объяснение и самому этому факту, ответить на вопрос, почему становится возможным этот рост. Однако именно здесь, почти вплотную подойдя к первопричине, т. е. к росту производительных сил, он останавливается в недоумении¹⁶⁴. Откровенность, с которой Блок признается в затруднениях, ставших для него непреодолимыми, характеризует его как исключительно честного исследователя. Вместе с тем это и красноречивое свидетельство ограниченности его исторического мировоззрения. Он приложил огромные, но, увы, тщетные усилия, пытаясь ответить на многие вопросы и не зная, что задолго до него научный подход к их решению был уже найден К. Марксом и Ф. Энгельсом. Такая же участь постигла и многие другие работы историков "Анналов", а также их общую историческую концепцию.

С середины 30-х годов наблюдается некоторое повышение интереса "Анналов" к марксизму. В журнале появляются сообщения об издании трудов К. Маркса и Ф. Энгельса — на некоторые из них даются рецензии, — а также об издании Собрания сочинений В. И. Ленина на французском языке. Наиболее полно

отношение "Анналов" к марксизму в это время выразил в ряде своих публикаций Л. Февр.

В 1935 г. группа французских ученых — математиков, физиков, биологов, астрономов, лингвистов, философов — выпустила книгу "В свете марксизма"¹⁶⁵. В основу ее были положены лекции, организованные научной комиссией кружка "Новая Россия" и прочитанные во Франции в 1933 — 1934 гг. Среди авторов книги психолог А. Валлон, написавший общее предисловие, физик П. Ланжевен, математик Р. Лаберэнн, биолог М. Пренан, историк Ш. Парэн и другие известные французские ученые, получившие всемирное признание. Но книга знаменательна не только в этом отношении. Она подытожила первые результаты работы научной комиссии кружка "Новая Россия", а это был пока единственный случай, когда за пределами Советского Союза не отдельные исследователи, а сразу несколько крупных ученых, объединившись в коллектив, начали, каждый в своей области знаний, сознательно применять материалистическую диалектику как метод научного исследования. "Мы убеждены, — писали авторы книги, — что публикация данной работы повлечет за собой плодотворную дискуссию среди интеллигенции и позволит расширить во Франции круг ученых, занимающихся научными исследованиями на основе марксизма"¹⁶⁶.

Л. Февр, одним из первых откликнувшийся на призыв к дискуссии, опубликовал в "Анналах" рецензию на эту книгу под названием "Техника, наука и марксизм"¹⁶⁷. По рецензии можно судить о двойственном отношении Февра к марксизму. С одной стороны, в ней было выражено признание научных заслуг К. Маркса и констатировалось влияние марксизма на французскую историческую науку. Именно здесь говорилось о том, что марксизм является неотъемлемой частью интеллектуальной сокровищницы современной эпохи, и такая оценка существенно отличала Февра от очень многих других буржуазных ученых-обществоведов, пытавшихся скомпрометировать марксизм прежде всего как науку. С другой стороны, в рецензии были выражены и взгляды, которые ставили Февра в один ряд со всеми буржуазными историками. Принимая отдельные положения марксизма, он не принял исторический материализм как целостную теорию. Февр смотрел на марксизм с точки зрения его "полезности" для исторической науки в узком, почти делаческом смысле этой полезности. "Читайте Маркса те, кому позволяют способности и кто обладает достаточными знаниями для постижения его сложной мысли, — писал Февр, — читайте также Ленина и тех, кто продолжал усилия Маркса в разрешении

ряда трудных и решающих проблем. По своему усмотрению собирайте мед со всех этих цветов. Ваш мед, но не наш. И дайте его нам, историкам, нам, которые не созданы для этого труда. Мы не историки философии, не догматики и доктринеры, мы труженики, находящиеся непосредственно на рабочем месте, наши материалы перед нами, нам надо строить". Вы утверждаете, обращаясь Февр к авторам книги "В свете марксизма", что знаете методы лучше старых. Раскройте их нам, объясните их нам ясно, просто, без непременно ссылок на Гегеля, Маркса, Энгельса. Говорите конкретно с конкретными тружениками¹⁶⁸. Следует также обратить внимание на попытки Февра сгладить остроту теоретических противоречий между марксизмом и буржуазной исторической наукой. Идеи Маркса, писал он, живут, смешавшись и объединившись с другими... и не понятно, почему многие слишком озабочены тем, чтобы "вернуться к чистоте марксистских текстов... Пусть эти идеи понемногу сольются в некую анонимность, которая не будет нас скандализировать"¹⁶⁹. Сказано откровенно. Революционная сущность учения Маркса скандализировала буржуазное сознание Февра, и он хотел бы, как и любой эклектик, видеть в марксизме аморфную совокупность отдельных положений и правил, из которой кто угодно мог бы заимствовать лишь то, что ему подходит.

Процесс формирования отношения Блока и Февра к марксизму на этом не завершился. Более того, есть достаточно оснований полагать, что после этого они стали все чаще обращаться непосредственно к работам К. Маркса и Ф. Энгельса, а по мере знакомства с ними изменялось и их отношение к марксизму.

В 1936 г., ознакомившись с изданной во Франции книгой "Избранные отрывки из произведений К. Маркса", Февр выразил неудовлетворение тем, что это были именно "отрывки". "Я, как историк, — заявлял он, — плохо чувствую себя перед текстами, изолированными из их общего контекста и сближенными с другими текстами, ни время появления которых, ни причины, по которым они были написаны, не являются одними и теми же". Вместе с тем он нашел эти отрывки, умело подобранные А. Лефевром и Н. Кутерманом, очень полезными. "Историк в особенности будет счастлив, — отмечал Февр, — имея под рукой наиболее важные тексты, иллюстрирующие марксистскую концепцию истории". Здесь же Февр высказал мысль о бессмертии марксизма. По поводу фашистского лозунга "Смерть марксизму" он писал: "Этот лозунг гитлеровцев, провозглашаемый и повторяемый повсюду в Германии, свидетельствует по меньшей мере о том, что Маркс, тот Маркс, о котором нам каждый день твердят,

будто его не существует более,— один из тех неумирующих людей, которых стараются убить или, вернее, создать иллюзию, что их убили”¹⁷⁰.

Смысл и значение этих слов можно оценить по достоинству, если учесть, что они были публично произнесены в условиях нарастающей угрозы фашизма и войны.

В 1937 г. в уже упоминавшейся рецензии на книгу Ж. Фридмана “Кризис прогресса”, написанную во многом с марксистских позиций, Л. Февр отметил, что она представляет собой “волнующую в своей страсти исповедь” автора. Благодаря этой книге, писал Февр, можно лучше понять причины приобщения к марксизму-ленинизму стольких образованных современных молодых людей, приобщения, иногда удивляющего тех, кто, “будучи долгое время во власти других умственных привычек, довольно плохо воспринимает разрыв с традициями”¹⁷¹. Не исключено, что в этих словах Февра есть и доля его личного признания.

Кульминационной точкой в процессе формирования отношения “Анналов” к марксизму в довоенный период можно считать 1937 год. В этом году Февр опубликовал в журнале рецензию на второй том книги “В свете марксизма”, который вышел под названием “Карл Маркс и современная мысль”¹⁷². В этой рецензии Февр говорит о марксизме уже как о целостной концепции диалектического материализма и признает, что сущность этой концепции в ее революционном характере. Оценивая предисловие к книге, написанное А. Валлоном, как яркое, сильное, иногда даже волнующее, отличающееся широтой взглядов, которая и позволила автору представить марксизм как стройную концепцию, Февр пишет: “В итоге эта широта взглядов приводит к четкому разграничению... двух противоположных друг другу концепций познания: одной — официальной и другой, в адрес которой часто слышатся проклятия. Одна концепция упорядочивает, классифицирует, наклеивает ярлыки и, завершив классификацию, гипостазирует ее результаты, превращает их в вечные принципы, которые она противопоставляет реальной действительности”. Другая концепция, сторонники которой помышляют лишь о действии, о переменах, является для многих устрашающей, поскольку в своей основе она революционна и отличается от первой, как способ мышления средневековых алхимиков от способа мышления схоластов. Правда, алхимики действовали наугад, не зная конечных результатов, к которым могут привести их действия. Второй способ мышления становится еще революционнее по мере того, как он

освобождается от элемента случайности. Маркс и Энгельс, по мнению Л. Февра, стали для многих "проклятыми мыслителями" именно потому, что они, освободив вторую концепцию научного познания от элементов случайности и действия наугад, сделали ее подлинно революционной¹⁷³.

В 1940 г. М. Блок написал книгу "Странное поражение", в которой с негодованием говорил о предателях Франции, о "мюнхенцах". Указывая на классовый эгоизм французской буржуазии, он подчеркивал, что боязнь народа и демократии толкнула ее на путь национальной измены. Характерно, что именно в этой книге Блок впервые выразил свое восхищение мощью марксистского метода социального анализа¹⁷⁴.

Приведенные факты свидетельствуют о нараставшем интересе Блока и Февра к марксизму. Не допуская никогда прямых антимарксистских выступлений, они постепенно, по мере изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, постигали смысл и могущество марксистской теории и публично заявляли, что она достойна уважения. Все это имеет прямое отношение к характеристике эволюции общественно-политических и теоретических взглядов руководителей "Анналов". Не следует, однако, отождествлять эти взгляды с их философско-методологическими установками, на основе которых они осуществляли свои исследования и которые по своей сути не имели ничего общего с марксизмом. Если основатели "Анналов" стремились разрешить ставшее для них очевидным противоречие между конкретно-исторической реальностью и сложившимися в буржуазной историографии представлениями о ней, то делали они это всегда в русле традиций позитивистского мышления. На протяжении почти всей своей творческой деятельности они руководствовались убеждением: "Правда состоит в том, что наши историки как труженики в их повседневной работе не испытывают нужды в рекомендациях Маркса"¹⁷⁵.

Мы уже могли убедиться, что эта позиция не позволила в полной мере раскрыться их талантам и существенно ограничивала их возможности в деле обновления буржуазной исторической науки. Что же касается марксистской исторической науки, то она учитывает объективные результаты творчества М. Блока и Л. Февра и рассматривает их реальный вклад в науку как необходимый и ценный материал, осмысливая его с позиций материалистического понимания истории.

Глава вторая

”АННАЛЫ” И ”ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ”. ИСТОРИЯ БЕЗ РАЗВИТИЯ

1. Некоторые черты социально-политической обстановки во Франции и школа ”Анналов” в послевоенные годы

Период 40 – 60-х годов является кульминационным в развитии школы ”Анналов”. Именно в это время она стала доминирующим направлением во французской буржуазной историографии и получила широкое международное признание. Далеко за пределами Франции стали говорить о ”феномене” ”Анналов” и об их ”доктрине” как о концепции истории, существенно отличающейся от всех других. Этот период ознаменовался значительным ростом числа ученых, объединившихся вокруг ”Анналов”, обилием публикаций, увеличением периодических изданий. Тогда же окончательно сложились научно-организационные и финансово-экономические основы ”Анналов”.

Развитие школы ”Анналов” в послевоенные годы неразрывно связано с деятельностью крупнейшего современного французского историка Фернана Броделя, который после смерти Л. Февра в 1956 г. стал общепризнанным лидером этого направления в историографии.

Политическая ориентация и общая направленность развития школы ”Анналов” в этот период во многом определялись историческими условиями, сложившимися в итоге второй мировой войны. Разгром фашизма, в котором решающую роль сыграл Советский Союз, дальнейшее углубление революционного процесса в мире, образование мировой системы социализма и превращение ее в определяющий фактор мирового развития, крушение колониальной системы империализма, подъем рабочего и демократического движения в капиталистических странах, развитие научно-технической революции – все эти события отразились в исторической науке значительным усилением противоборства марксистско-ленинской и буржуазной исторической мысли по всем наиболее важным методологическим и конкретно-историческим проблемам. Это, в частности, нашло выражение в интернационализации многих идеологических схем буржуазного обществоведения, а также в его еще более настойчивых, чем

в довоенный период, попытках противопоставить целостной марксистской теории исторического развития и лежащей в ее основе методологии свои собственные "всеобъемлющие" исторические конструкции. С явной претензией на "глобальность", "универсальность" разрабатывали свои концепции Арнольд Тойнби, Жорж Гурвич, Раймон Арон, Мартин Хайдеггер, Уолт Ростоу и др.

В буржуазном обществоведении 40 – 60-х годов школа "Анналов" занимает особое место. В отличие от многих других его течений "Анналы" решительно отмежевались от разнузданного антикоммунизма периода "холодной войны". Более того, вплоть до 70-х годов они, как правило, не допускали прямых выступлений против марксизма. Их отношение к социально-исторической концепции К. Маркса свидетельствовало скорее о желании разобраться в ней, пойти на развернутый диалог с марксизмом, включить в круг своих интересов проблематику и взять на вооружение методы анализа общественно-исторического развития, игнорируемые традиционным буржуазным историзмом*. Однако, если задуматься о тех основах, на которых сегодня осуществляется консолидация немарксистских и антимарксистских направлений в историографии, о том "свежем потоке" идей, который помог всем им модернизировать методологические основы буржуазного обществоведения с целью более успешного его противостояния марксизму-ленинизму, станет очевидным, что "Анналы" сыграли здесь далеко не последнюю роль.

Главной отличительной чертой "броделевского" этапа развития "Анналов" было стремление построить глобальную концепцию истории, учесть все слагаемые исторического прошлого человеческого общества на определенном этапе его развития, представить это прошлое комплексно, объемно, многопланово. "Анналы" оказали значительное воздействие на методологические основы буржуазного исторического мышления; их "социально-экономическая", "структурная", "глобальная" история стала для многих обнадеживающим примером.

Критический анализ концепции "глобальной истории", выдвинутой школой "Анналов", требует прежде всего выяснения условий, в которых эта концепция разрабатывалась.

В послевоенный период положение и развитие гуманитарных и социальных наук в системе французских университетов

* Именно эти позитивные моменты дали основание многим советским авторам зачислить сторонников школы "Анналов" в ряды прогрессивных буржуазных историков¹.

и в рамках Национального центра научных исследований определялись двумя противоположными тенденциями. Первая была обусловлена возрастанием роли рабочего класса, всех демократических, прогрессивных сил в жизни французского общества. Политические последствия Народного фронта и движения Сопротивления, борьба рабочего класса под руководством ФКП за демократические преобразования в области экономики, социального обеспечения, образования и достигнутые в первые послевоенные годы успехи в этой борьбе оказали определенное воздействие и на научную интеллигенцию. Сопричастность ученых общей борьбе прогрессивных сил в эти годы проявилась в их выступлениях против расточительного отношения к экономическим ресурсам, в ряде акций, направленных на демократизацию системы образования. В русле этой тенденции происходило укрепление гуманистических идеалов и критериев нравственности многих французских ученых, возрастание роли прогрессивной историографии, создание марксистской школы профессиональных историков. Вторая тенденция определялась атмосферой "холодной войны", проводившейся Францией политикой "атлантической солидарности", ее участием в "плане Маршалла". Среди ученых широко распространилась индивидуалистическая идеология свободного предпринимательства. Подавляющее большинство их в послевоенный период уже не тешили себя мечтами об экономической независимости в условиях капиталистической действительности, вместе с тем многие еще сохраняли иллюзии о возможности полной независимости в области науки и идеологии. Материальное благополучие большинства ученых, политика заигрывания с ними со стороны властей поддерживали впечатление, что в университетах и научно-исследовательских центрах они "как у себя дома", занимают положение полновластных хозяев. По мере укрепления позиций монополистического капитала иллюзии о "научном нейтралитете" быстро рассеивались, и большинство ученых, в том числе и в области гуманитарных и социальных наук, стали активно отстаивать интересы господствующих классов.

С установлением в 1958 г. режима Пятой республики правительственная политика в области науки и университетского образования существенно изменилась. Цель этой политики состояла в том, чтобы ликвидировать какие бы то ни было последствия Народного фронта и движения Сопротивления в сфере высшего образования и науки, подчинить экономически работников этой сферы, оплачивая умственный труд лишь в той мере, в какой он отвечает интересам монополий. Последовательная

реализация этой цели нашла выражение в создании технократических организаций типа Генеральной дирекции научно-технических исследований и в непосредственной постановке правительством определенных задач перед гуманитарными и социальными науками. Последнее достигалось главным образом посредством формирования научных подразделений для целевой реализации утвержденных тематических программ, а также практикой финансирования научных исследований. "Американизация" условий научно-исследовательской работы способствовала усилению конформистских настроений среди научной интеллигенции. Отбросив окончательно ширму "научного нейтралитета", она становилась неотъемлемой частью государственно-монополистической системы. Либерально-буржуазные и радикально-демократические критерии нравственности и социального поведения, которых придерживались многие ученые поколения Народного фронта и движения Сопротивления, выглядели уже анахронизмом. Системе усиливающегося социального принуждения, тому фактическому положению "винтиков" капиталистической машины, в котором оказались представители "свободных профессий", в большей мере соответствовала позиция трезвого приспособления к буржуазному обществу и "обоснованного" отказа от участия в борьбе за социальные и политические преобразования².

Каждая из этих противоположных тенденций нашла отражение в "Анналах". В первые послевоенные десятилетия здесь не только сохранились, но и получили дальнейшее развитие прогрессивные традиции, заложенные М. Блоком и Л. Февром. Это можно объяснить тем, что они хотя и не соответствовали общей идеологической линии буржуазии, но и не вступали какое-то время в острое противоречие с ее политикой в условиях определенной демократизации общественной жизни в послевоенной Франции. Кроме того, сами историки, объединившиеся вокруг "Анналов", пытались приспособить историческую науку к стремительно меняющемуся миру, руководствовались во многом реалистическими взглядами, далеко не всегда совпадавшими с политикой правящих кругов. Однако со временем позиция политического нейтралитета, которой придерживалась школа "Анналов", вступила в прямой конфликт с интересами крупного капитала. Этим интересам противоречили и научная ориентация школы, и ее растущее влияние на научную и студенческую молодежь не только во Франции, но и в других капиталистических странах. Повышенное внимание историков этой школы к социально-экономическим процессам, реалистичное изображение

отдельных сторон исторической действительности грозили увести молодое поколение из-под влияния традиционного неопозитивизма и идеализма к чему-то, что в представлении противников "Анналов" граничило с марксизмом. В 40—60-х годах отношение монополистической буржуазии к "Анналам" выразилось в двух, казалось бы, противоположных явлениях — мощной идеологической атаке справа и не менее мощных финансово-экономических и организационных усилиях крупного капитала интегрировать "бунтарей" в буржуазно-респектабельный истеблишмент Пятой республики.

Первыми атаку на прогрессивные тенденции во французской буржуазной историографии начали правифланговые западногерманского реакционного историзма во главе с поборником идеографического метода в историографии Герхардом Риттером. Не ограничиваясь выступлениями в печати, они стали использовать для борьбы против "Анналов" любые международные научные форумы. Уже на первом после второй мировой войны конгрессе историков, созванном Международным комитетом исторических наук в 1950 г. в Париже, Г. Риттер заявил, имея в виду тенденции, подобные анналовским: "Там, где марксистское мышление (прямо или косвенно, сознательно или непреднамеренно) берет верх, там соотношение государства и культуры сильно затмевается структурными отношениями экономической и социальной жизни, исходя из которых в основном должна "объясняться" политика..."³ На Бременском съезде западногерманских историков в 1953 г. представители реакционного историзма уже вполне определенно выразили свое политическое и методологическое кредо по отношению к этому направлению в историографии: "Опасность направления "Анналов" ясна: оно полностью пренебрегает политической историей"⁴.

Свои окончательные выводы по этому вопросу Г. Риттер сформулировал в 1955 г. в одном из отчетов о Римском конгрессе историков. "Склонность к односторонне социологической и экономической трактовке истории и внутреннее отчуждение по отношению к политической истории, к жизни государства вообще, чрезвычайно опасное именно в нашу эпоху, распространяются прежде всего во французской историографии. Как может Запад, — сокрушался Риттер, — утвердиться в своем духовном своеобразии перед лицом советской системы, если он сам утрачивает уверенность в своей оценке значения социально-экономических мотивов общественной жизни, т. е. если он сам подвергается опасности — сознательно или бессознательно — скатиться к марксистскому ходу мыслей?"⁵ Это выступление

Риттера уже похоже на окрик, на требование к "Анналам" не объяснять мир, а спасти то, что еще осталось от него в руках буржуазии. У Риттера нашлось много союзников в западногерманской историографии. В 50—60-х годах атаки на школу "Анналов" справа вели Х.-О. Зибург, Т. Шидер, Е. Питц и др.⁶

В самой Франции выступления против школы "Анналов" в послевоенный период разворачивались в несколько ином направлении. Если представители западногерманской реакционной историографии со свойственной им грубой прямолинейностью расставляли точки над "i", имея в виду прежде всего политический аспект проблемы, французская реакция действовала тоньше, не всегда называя прямо своего противника. Она сосредоточила внимание на гносеологических проблемах исторической науки. Нужно было прежде всего развеять те представления о социальной значимости исторической науки, о ее познавательных возможностях, которые сложились в широких кругах французской интеллигенции в результате "битв за историю" М. Блока и Л. Февра.

Еще в 1938 г. вышла книга известного французского социолога и политолога Р. Арона "Введение в философию истории" с многозначительным подзаголовком "Очерк о пределах исторической объективности"⁷. В этой книге, написанной с позиций объективного идеализма, Р. Арон отстаивал и развивал идеи Дильтея, Риккерта и Вебера, пытаясь доказать, что прошлое в целом непознаваемо, что нет реальности, независимой от науки, что предметом истории могут быть только единичные, отдельно взятые факты. История представлялась им как не связанные между собой отдельные фрагменты; любые попытки введения в историческую науку понятия детерминизма Арон рассматривал как мифотворчество⁸. Главное назначение "Введения в философию истории" Р. Арона состояло в том, чтобы дискредитировать историю как науку, способствовать, как говорил он сам, "германизации французской философии истории", т.е. утверждению в ней идеографического метода. Внешние и внутренние события последующих лет — мюнхенский договор, начавшаяся вторая мировая война, поражение Франции, антифашистское движение Сопротивления — ослабили общественный резонанс "антианналовского" трактата Арона. Но его эстафету подхватили после войны духовные последователи этого крупнейшего современного философа-идеалиста.

Одним из первых в послевоенный период попытался развить взгляды Р. Арона на историю А.-И. Марру, который является в настоящее время самым видным представителем идеалистической

клерикальной историографии во Франции. В 1954 г. он опубликовал работу "Об историческом знании", основными установками которой были доведенный до крайности релятивизм, отрицание исторических закономерностей, обоснование субъективности исторического знания. "История неотделима от историка"⁹ — таков главный смысл книги А.-И. Марру.

"Критическая философия истории", от имени которой выступали Р. Арон и А.-И. Марру, стала в послевоенный период главной сферой притяжения всех релятивистских и субъективистских интерпретаций методологии исторического познания. Французский философ-марксист Ф. Шатле следующим образом оценил эту философию: "Если на место спекуляций о возможностях современной историографии (которые являются главной заботой "критической философии истории") поставить научный поиск "смысла истории", то релятивизм вполне можно рассматривать как авантюру, в которой, как в сказке для глупцов, много шума и ужасов и никакого значения. Разумеется, относительность знаний о прошлом имеет место, но это не может изменить самой сути прошлого. Все это объясняет резкость атак со стороны марксизма против "идеализма", который пытается сделать историю "неуловимой"^{10*}. "Критическая философия истории" с самого начала приобрела ярко выраженную антимарксистскую направленность. Однако, будучи воплощением политической реакции в области историографии вообще, она оказалась враждебной любым прогрессивным начинаниям в исторической науке. Не случайно поэтому, что и школа "Анналов" с ее намерениями превратить историю в подлинную науку оказалась для "критической философии истории" противником "слева". В выступлениях таких, например, представителей этой философии, как П. Рикёр, П. Вейн, М. де Серто¹³, "Анналы" стали мишенью для резкой критики. В 1971 г. вышла книга П. Вейна "Как пишется история", в которой он с неоиdealистических позиций "критической философии истории" предпринял попытку развенчать основные теоретические установки "Анналов" 40—60-х годов. Все построения П. Вейна основаны на том, что он отказывает истории в праве называться наукой, устанавливая причинную

* В этой статье Ф. Шатле выступает не только против А.-И. Марру и его книги "Об историческом знании", но и против таких авторов, как Р. Арон, П. Рикёр, Ф. Ариес и другие, которые в 1955 г. опубликовали коллективную работу "Новые концепции истории"¹¹, ставшую своего рода манифестом идеалистической философии истории. Весьма показательно, что общее предисловие к ней, названное "Неуловимая история", написал небезызвестный А. Тойнби, чьи взгляды на историю усиленно пропагандировал во Франции Р. Арон¹².

связь событий; удел историка — рассказ, повествование, удовлетворение любознательности¹⁴. Особое недовольство П. Вейна вызывает то обстоятельство, что в некоторых исторических исследованиях слово "причины" оказывается рядом со словом "революция". В этом случае, объявив причины просто несуществующими, он одним ударом расправляется и с революциями. Достигается это при помощи следующей не очень сложной операции. Иллюзия относительно того, что революция дана нам как факт и остается лишь отыскать ее причины, пишет Вейн, рассеивается, когда вместо слова "революция" ставится то, что за этим словом скрывается, — "агрегат мелких фактов". Со ссылкой на такой непререкаемый для него авторитет, как Р. Арон, П. Вейн утверждает, что "причины", взятые в их совокупности, не влекут за собой "революцию" как нечто проистекающее из них: есть лишь "частные причины", каждая из которых объясняет один из многочисленных "частных фактов", которые затем объединяют под названием "революция"¹⁵.

На первый взгляд может показаться, что Вейн ратует за возвращение к старому, к тем временам, когда позитивисты Ланглуа и Сеньобос повествовали в своих книгах по истории "так, как это было на самом деле". Однако методология Вейна — это не просто движение вспять. Современная философия идеографического метода имеет мало общего с примитивным эмпиризмом традиционной позитивистской историографии. В ней главенствующая роль отводится познающему субъекту. Теория и метод познания, согласно этой философии, всецело подчинены ему и лишены всякого объективного содержания. Направляя главные свои атаки против марксистской теории исторического процесса, субъективистская философия истории не намерена обходить и то, что представляется ей опасным в отдельных направлениях буржуазной историографии. Вейну не по душе стремление некоторых французских буржуазных историков мыслить масштабно, подходить к изучению истории комплексно, привлекать к сотрудничеству с историей другие науки — географию, статистику, демографию и др. У истории, заявляет он, нет ни своего метода, ни предмета; это не наука, а искусство. Поскольку же искусство — дело индивидуальное, то любые попытки объединить усилия различных наук с целью познания прошлого лишены всякого смысла.

Как видно из сказанного, атаки на школу "Анналов" со стороны реакционной историографии и поборников "критической философии истории" имеют одну общую основу: опасения, как бы проблематика научных исследований этой школы,

сосредоточение внимания на экономических и социальных процессах, склонность к широким обобщениям и стремление устанавливать взаимосвязь явлений не приблизили ее к марксизму.

Со второй половины 40-х годов во Франции начали осуществляться определенные меры в целях организационного укрепления исторической науки. Первым шагом в этом направлении стало создание в 1947 г. Секции экономических и социальных наук (VI Секция) Практической школы высших исследований в Париже. Эта секция с самого начала выполняла роль одновременно научно-исследовательского, учебного и издательского учреждения¹⁶. Она была призвана стимулировать развитие тех гуманитарных и социальных наук, которым не уделялось достаточно внимания на факультетах Сорбонны. В первые послевоенные десятилетия в VI Секции было четыре основных отдела: экономической и социальной истории, экономики, социологии, культуры, которые в свою очередь подразделялись на 42 исследовательских центра. Многие из этих центров создавали свои филиалы в разных городах Франции и за ее пределами. Центром исторических исследований руководил Ф. Бродель, центром экономических исследований – Ш. Моразе. Общее руководство Секцией экономических и социальных наук Практической школы высших исследований осуществлял Л. Февр, а после его смерти – Ф. Бродель. Следует отметить, что VI Секция была создана за счет финансирования из Фонда Рокфеллера¹⁷.

До начала 60-х годов VI Секция была лишь одним из многочисленных научно-исследовательских центров, в котором разрабатывалась одна из доктрин истории, – в полном соответствии с концепцией плюрализма и французской пословицей: "Не клади все яйца в одну корзину – так их легче раздавить". Но по мере того как VI Секция набирала силу, расширяя круг своих адептов, она стала теснить "конкурентов". Сильные мира сего начали менять свое отношение к "бунтарской" школе, особенно после того, как увидели в концепции "глобальной истории" Ф. Броделя средство сплотить переживавшую кризис после второй мировой войны французскую историческую науку на прочном фундаменте новой немарксистской плюралистической доктрины.

В 1963 г. правительственным декретом было санкционировано важное мероприятие, направленное на усиление интеграции гуманитарных и социальных наук. За счет средств Фонда Форда и финансирования по линии министерства национального образования на бульваре Распай в Париже началось строительство Дворца Наук о Человеке (Maison des Sciences de l'Homme), где уже в 1970 г. разместились большинство центров VI Секции. Первым

руководителем этого объединенного научно-исследовательского учреждения стал Ф. Бродель.

Эти события сыграли важнейшую роль в развитии "Анналов" в послевоенный период. Уже сам факт, что во главе VI Секции оказались историки — руководители этой школы, говорил о многом. С одной стороны, объединение в рамках VI Секции экономических наук, социологии, антропологии, географии, психологии, лингвистики ориентировало все эти науки на проблемы истории человеческого общества, с другой стороны, это давало возможность самой исторической науке обогащаться за счет достижений других наук в ходе организации и осуществления совместно с ними комплексных исследований. Важное значение имело и то обстоятельство, что руководители "Анналов" и наиболее видные историки близких к ним направлений в исторической науке получили солидную материально-организационную основу для утверждения своих концепций, для расширения в нужном для них направлении исследовательской проблематики. После опубликования в 1949 г. работы "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II" Ф. Бродель привлек большую группу талантливой научной молодежи к разработке своей "геоистории", к комплексному исследованию крупнейших регионов мира в период XVI — XVII вв. То же самое можно сказать и об Э. Лабруссе, который, осуществляя руководство подготовкой кандидатских диссертаций, способствовал направлению усилий многих молодых исследователей VI Секции на решение таких проблем, как история цен, чередование социально-экономических конъюнктур, история классов и т. п.

Оценивая значение создания Секции экономических и социальных наук, один из последователей Блока и Февра, Ж. Гленнисон, имел все основания заявить, что она послужила местом институционального расположения "доктрины" "Анналов", стала для этой школы своеобразным рычагом, с помощью которого она могла влиять на научную карьеру университетских кадров, способствовала воцарению на какое-то время "спокойствия" в исторической науке, обеспечив ее иерархизацию и централизацию на основе ставших господствующими концепций и взглядов¹⁸. Менее ревностный, чем Ж. Гленнисон, поборник школы "Анналов" М. де Серто, разделяя точку зрения о большом значении Секции экономических и социальных наук, оценивает его, однако, сугубо в негативном плане, считая, что в результате "Анналы" из направления мысли стали превращаться в организационно оформленную "школу" мышления¹⁹. В суждениях М. де Серто есть немалая доля истины. VI Секция, по его мнению,

не только придала устойчивое социальное положение "доктрине" "Анналов", но и сделала возможной эту "доктрину", поскольку в рамках VI Секции, как, впрочем, и в любой научной школе или подгруппе, "научное исследование становится таковым лишь в том случае, если оно согласуется с самим социальным "корпусом", внутри которого осуществляется". Невозможно, отмечает М. де Серто, сделать анализ какой бы то ни было историографической работы без учета той институциональной субстанции, в соответствии с которой эта работа "организуется в науку"²⁰. Существует неписанный закон "среды", выполняющий роль "производственной полиции" в научных исследованиях. "Как некогда за учеником, отвечающим в классе, стоял его учитель, так оценка труда ученого зависит не столько от мнения тех, кто его читает, сколько от мнения коллег, "ровней", которые аттестовывают его согласно научным критериям, отличным от критериев публики и являющимся к тому же решающими для автора, если он имеет в виду создание историографического труда"²¹.

"Институционализация" анналовской "доктрины" в определенную социальную среду VI Секции стала одним из этапов общего процесса "огосударствления" школы "Анналов" в послевоенный период. Важнейшую роль в этом процессе сыграли финансовые рычаги правительственных учреждений и частных фондов. Историки школы "Анналов", как правило, не склонны акцентировать внимание на том факте, что их деятельность финансировалась не только за счет государственного бюджета, но и из фондов Рокфеллера и Форда. Зато их коллеги в США весьма недвусмысленно высказались о назначении этих фондов²². Крупнейший американский буржуазный историк Ч. Бирд писал о позиции этих фондов в связи с исследованием роли США во второй мировой войне: "Фонд Рокфеллера и Совет по вопросам внешней политики не хотят, чтобы историки ставили под сомнение официальные точки зрения"²³. Другой известный американский историк — А. Шлесинджер-младший отметил, что они "предпочитают субсидировать те проекты, которые дают ответы на специфические современные проблемы"²⁴. На стремление государственных учреждений и частных фондов втянуть науку в общую орбиту официальной политики и воздействовать на образ мыслей научной интеллигенции указывают и французские ученые. По словам известного социолога Ж.-Ж. Саломона, природа современной буржуазной науки и структура "индустриальной системы" объединяются, чтобы превратить ученых и политических деятелей в обязательных партнеров²⁵.

Параллельно шел и другой процесс: интеграция ученых школы "Анналов" в государственные учреждения Франции. В послевоенные годы руководители школы начали занимать ключевые позиции в системе высшего образования и науки: Л. Февр стал членом директората Национального научно-исследовательского центра, Ф. Бродель возглавил кафедру современной цивилизации в Коллеж де Франс, был утвержден председателем жюри по защите кандидатских и докторских диссертаций. Ряд официальных постов заняли и их ученики.

Теперь основные теоретические положения, ставшие общими для широкого круга ученых, объединившихся вокруг "Анналов", использовались для обоснования и разработки правительственных программ, определявших перспективы развития всех гуманитарных и социальных наук. Весьма показательным в этом отношении являлся представленный французскому правительству в 1957 г. доклад президента Высшего совета научных исследований и технического прогресса, в котором излагалась по существу анналовская позиция по вопросам организации и методологии научных исследований. Политическая обстановка в мире, говорилось в этом докладе, вынуждает систематически осуществлять прагматическую перегруппировку социальных наук. Эти науки, как правило, представляются тем, кто ими пользуется, как простой инструмент. Их надо, конечно, использовать, но надо, не останавливаясь на этом, идти дальше; надо подчинить эти науки новой проблематике, надо создавать временные объединения, которые бы определяли будущее различных направлений исследований. "Лишь та страна, которая выиграет эту партию, — говорилось в докладе, — сможет возглавить научные исследования в международном масштабе. Несмотря на очевидное отставание в этом отношении, мы во Франции способны взять на себя этот аванс. Американцы, хотя они и имеют целую армию социологов и специалистов в области политических наук и располагают всеми необходимыми материальными и людскими средствами для превосходных исследований, разочарованы достигнутыми результатами. Им всегда не хватало и еще долго будет не хватать в их исследованиях, продиктованных сиюминутными интересами, содействия стоящих географов, историков и философов. В США всегда ощущалась небрежность в отношении философии, которая создает необходимые условия для логической конструкции истории и которая ввела в обиход понятие глубинных движений большой продолжительности (понятие, целиком заимствованное у Ф. Броделя. — Ю. А.) как необходимый элемент любого социального объяснения; им всегда не

хватало географии, которая утверждает живое понятие экономического окружения. Мы в отличие от американцев прочно удерживаем эти позиции". В докладе говорилось о своего рода разделении труда в сфере гуманитарных и социальных наук: на долю американских обществоведов выпадает решение проблем, продиктованных сиюминутными интересами и текущей политикой, французские же ученые должны сосредоточить свои усилия на стратегических направлениях развития науки. Франция способна взять на себя выполнение этой задачи, поскольку здесь уже сформировались "новые тенденции", которых еще не наблюдается в США и которые там даже не смогли хорошо почувствовать²⁶. Поскольку "новые тенденции", о которых упоминалось в докладе, воплотились прежде всего в школе "Анналов", ясно, сколь серьезный аванс выдавался этому направлению во французском обществоведении. Каковы же были основания для этого?

Возрастающее влияние школы "Анналов" на французскую историографию и другие гуманитарные науки в послевоенный период можно проследить по нескольким направлениям. Прежде всего необходимо учитывать все, что уже говорилось о Секции экономических и социальных наук Практической школы высших исследований и о той роли, которую здесь играли ученые школы "Анналов". Этот процесс можно было бы проследить и по наиболее важным обобщающим публикациям в период 40 – 60-х годов о развитии и современном состоянии французской исторической науки. За это время были опубликованы три такие работы. В 1959 г. вышел XX том Французской энциклопедии под названием "Мир в становлении (История, эволюция, взгляд в будущее)"²⁷. Проспект этого тома был разработан еще Л.Февром. В 1961 г. под руководством Ш.Самарана был издан капитальный коллективный труд (1800 страниц убористого текста) "История и ее методы"²⁸. В 1965 г. Французский комитет исторических наук совместно с Национальным центром научных исследований опубликовал сводный труд "Исторические исследования во Франции с 1940 по 1965 г."²⁹. Каждый из этих трудов и все они вместе представляют собой настоящую энциклопедию по методологическим и методическим вопросам исторической науки, истории ее развития, ее организации в современном обществе. Хотя в этих работах речь идет главным образом о французской исторической науке и они вписываются прежде всего, как говорится в "Истории и ее методах", "во французскую перспективу", все они по своей значимости выходят далеко за национальные рамки. Они подготовлены

коллективами крупнейших историков, источниковедов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин, и в них затрагивается очень широкий круг исторических проблем. Все эти работы, представляющие большой научный интерес и заслуживающие специального рассмотрения, можно оценивать с различных точек зрения. В данном же случае нас интересует степень влияния школы "Анналов" на французскую историческую науку в целом. Это влияние весьма ощутимо уже в первых двух работах. В их библиографических указателях полно представлены труды М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и других историков этой школы. Во многих статьях излагаются взгляды основателей "Анналов"; некоторые из этих статей, как, например, "Геоистория", "Место и время", "История умонастроений" в "Истории и ее методах", а также статьи по вопросам экономической истории, демографии и т. п. в XX томе Французской энциклопедии, написаны с анналовских позиций. Центральное место в XX томе занимает большая статья Ф. Броделя по истории цивилизаций — одна из лучших его публикаций, в которой дается сжатое изложение исторической концепции "Анналов" в том виде, как она выглядела в 50-х годах. И все-таки эти первые две работы не оставляют впечатления о доминирующем влиянии школы "Анналов" во французской исторической науке. Здесь, видимо, следует учесть то обстоятельство, что эти работы, опубликованные в конце 50-х — начале 60-х годов, отражают фактическое положение во французской исторической науке более раннего периода, может быть начала или середины 50-х годов, когда школа "Анналов" была еще на пути к тому, чтобы занять ведущее положение во французской буржуазной историографии. Две центральные статьи в "Истории и ее методах" — "Что такое история" и "Как понимать профессию историка" — написаны А.-И. Марру с идеалистических позиций "критической философии истории". "Мир в становлении" открывается большой статьей Р. Арона "Объект истории", в которой излагается позиция, диаметрально противоположная анналовской. Некоторые ведущие области исторического знания представлены в этом издании авторами, которые по своим методологическим установкам были скорее противниками, нежели союзниками школы "Анналов". Словом, содержание первых двух работ не дает оснований для вывода о преимуществах интересующего нас направления во французской историографии. Даже говорить о размежевании позиций, исходя из этих публикаций, можно лишь условно.

Совсем иная картина открывается в работе "Исторические исследования во Франции с 1940 по 1965 г.". Основа этой работы

и ее суть — три "кита" французской историографии 40 — 60-х годов — Ф. Бродель, Э. Лабрусс и П. Ренувэн. Если учесть, что П. Ренувэн лишь в начале 50-х годов в какой-то мере противостоял "Анналам" со своей "политической историей", а в дальнейшем их позиции все больше сближались на анналовской основе, что Э. Лабрусс еще на Римском конгрессе историков в 1955 г. "сознательно" отмежевался от марксистско-материалистического понимания истории, как это с радостью констатировал Г. Риттер³⁰ (этого понимания, надо добавить, он никогда последовательно и не придерживался), и после этого довольно заметно интегрировался в школу "Анналов", можно с достаточным основанием рассматривать указанную работу как монолитную в своей основе*. Если же при этом иметь в виду, что она издана Французским комитетом исторических наук, то середину 60-х годов можно считать кульминационной точкой в истории "Анналов".

В подтверждение этого можно привести и другие факты. Финансовые возможности и материальная база VI Секции позволили значительно расширить подготовку соискателей ученых степеней и издательскую деятельность. Если с 1929 и до 1946 г. основанное М. Блоком и Л. Февром направление было представлено лишь "Анналами экономической и социальной истории", то в 50 — 60-х годах "семейство" анналовских журналов значительно увеличилось. Стали выходить "Études rurales", "Cahiers d'études africaines", "L'Homme: Revue française d'anthropologie", "Cahiers du monde russe et soviétique", "Communications" и др. Более щедрые субсидии по сравнению со стипендиями аспирантам в системе университетов привлекали способную молодежь к школе "Анналов". Постепенно она оттесняла на второй план старые университетские центры и по количеству публикаций, и по тематике исследований. Все чаще соискатели ученых степеней во Франции предпочитали выбирать проблематику VI Секции. Уже в 1961 г. в "Ревю историк" было отмечено, что 41% докторских диссертаций и столько же дипломных работ представляют собой исследования в области экономической и социальной истории, и делался вывод о триумфе новых тенденций³².

Однако утверждение доминирующего положения "Анналов" во французской буржуазной исторической науке определялось не столько количественными показателями, сколько

* О степени единства взглядов "триумvirата" (Ф. Бродель, Э. Лабрусс, П. Ренувэн) можно составить представление и по коллективной публикации "Ориентация исторических исследований"³¹.

умением Ф. Броделя объединить вокруг "глобальной" проблематики своей школы и в рамках VI Секции целое созвездие талантов, среди которых можно выделить таких крупных ученых, как Пьер Губер, Жорж Дюби, Шарль Моразе, Жорж Фридман, Робер Мандру, Жак Ле Гофф и многие другие. Во всех направлениях деятельности VI Секции принимали участие и такие виднейшие представители французской науки, которых, как, например, Э. Лабрусса, Ж. Лефевра, П. Ренувэна, практически невозможно рассматривать вне школы "Анналов". Тесное сотрудничество на базе VI Секции установилось между "Анналами" и такими учеными, как Л. Альтюссер, П. Вилар, К. Леви-Стросс, чьи политические убеждения и научные взгляды по многим вопросам существенно расходились с анналовскими.

В 60-х годах значительно возрос интерес к школе "Анналов" в зарубежной историографии. Переводы работ М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и других историков на многие языки, зарубежные командировки наиболее видных французских историков и их выступления в крупнейших университетах мира, стажировка на базе VI Секции большого количества молодых ученых различных стран — все это способствовало тому, что в 50—60-х годах далеко за пределами Франции заговорили о "феномене" "Анналов", у них появились последователи, им были посвящены многочисленные публикации и специальные исследования в странах Европы и Америки*.

В марксистской историографии одним из первых в послевоенный период критический анализ трудов историков школы "Анналов" предпринял Ж. Брюа в конце 40-х годов³⁹. С тех пор во Франции, в ряде других стран, в том числе и в Советском Союзе (о чем мы уже говорили во введении), была создана обширная марксистская литература об "Анналах".

* В качестве примеров можно сослаться на работы испанского историка П. Вольгеса, бельгийского Л. Халькэна, итальянского М. Каини³³. Много последователей у "Анналов" оказалось в западногерманской историографии, в частности такие историки, как К. Босл и В. Конце. В ФРГ опубликовано несколько специальных работ, посвященных отдельным историкам школы "Анналов" и наиболее важным методологическим проблемам, разрабатываемым этой школой³⁴. Западногерманский историк Н.-Д. Манн опубликовал в 1971 г. на французском языке в Париже монографию о Л. Февре³⁵.

Определенный интерес школа "Анналов" вызвала и в англо-американской историографии³⁶. В 60-х годах в ряде американских университетов — Беркли, Колумбийском, Калифорнийском, Иллинойском — разрабатывалось несколько докторских диссертаций о школе "Анналов"³⁷.

Следует отметить, что в советской литературе не все авторы разделяют точку зрения о значительном методологическом влиянии школы "Анналов" на французскую и мировую буржуазную историографию³⁸.

Несомненные успехи "Анналов", превращение их в доминирующее направление во французской буржуазной историографии ощущали и сами историки этой школы. Очевидно, именно это обстоятельство побудило Ж. Глениссона закончить свой и без того в целом весьма оптимистический обзор состояния французской историографии на 1965 г. на самой высокой ноте, в исключительно мажорном тоне. "Сегодня,— писал он,— надо ли это повторять?— неоспоримый триумф той исторической концепции, самыми активными поборниками которой были "Анналы", почти не оставляет места для враждебных или даже просто отличных от нее тенденций. Фактически нет больше битв в единой семье историков. Периодические издания типа "Revue historique", продолжая заметно отставать от передовых позиций "Анналов", тем не менее предоставляют свои страницы проблемам методологии и не препятствуют необратимому движению. Что касается позитивистской истории, то, хотя она и продолжает оставаться мишенью для критики и объектом сарказмов, проклятия в ее адрес носят теперь скорее ритуальный характер, она воспринимается как огородное чучело, которое уже давно выброшено из настоящего времени. Оказались отвергнутыми и любые притязания философии, которая усилиями таких, например, ученых, как А.-И. Марру, сосредоточивает внимание на "анализе логических структур исторического знания" и которую после Р. Арона принято называть "критической философией истории". Вот если бы еще не существовало историков-марксистов, которые периодически докучают и сеют распри, позволил себе пометать Ж. Глениссон, наступило бы вообще полное успокоение и воцарилась бы обстановка примирения и согласия, которая еще 15 лет назад могла показаться невероятной⁴⁰.

Идиллия, достойная умиления! Но, как мы увидим далее, она оказалась недолгой. Уже в то время, когда Ж. Глениссон выражал столь радужные надежды, над "Анналами" начали сгущаться тучи осложнений. И не только историки-марксисты оказались причастными к тому, что было нарушено их почитание на лаврах. Сама историческая концепция, триумф которой в "Анналах" еще не успели как следует отпраздновать, неожиданно для ее создателей дала такие внутренние трещины, которые вскоре сделали ее непригодной в качестве "парадигмы" для этого историографического направления. Пришлось начинать все сначала.

Но прежде чем говорить об этом, необходимо выяснить, какие дефекты были заложены в самом проекте сооружения, на возведение которого были затрачены огромные усилия и которое

тем не менее уже к концу 60-х годов, не выдержав испытания в новых условиях, начало разрушаться.

2. Историко-социологическая концепция Ф. Броделя

Среди наиболее важных проблем, находящихся в настоящее время в центре внимания буржуазной историографии, нет, пожалуй, такой, которая бы в той или иной форме не затрагивалась или не получила обоснования в работах Ф. Броделя*. Все эти проблемы можно объединить общим понятием "история": история как прошлое человеческого общества, как процесс исследования этого прошлого и как итог исследования, или как совокупность суждений историка о прошлом человеческого общества. В числе этих проблем можно назвать, например, такие, как история событий и история структур, история стран (или обществ) и история цивилизаций, соотношение структурно-функционального и генетического подходов, история изменений и история постоянств, соотношение социального времени и пространства и многие другие. С именем Ф. Броделя связывают окончательное утверждение заложенного уже в трудах М. Блока нового типа исторической рефлексии, существенно отличающегося от таких, как прагматический, генетический, логический и диалектический⁴². В еще более широкой постановке вопроса творчество Броделя и его исторической школы рассматривается в связи с кризисом современной буржуазной историографии: что представляет собой "броделевский" этап развития "Анналов" — один из многочисленных симптомов этого кризиса или же удачную попытку выхода из него?⁴³ Видимо, нет нужды говорить, насколько важное значение все эти проблемы имеют для историографического анализа. Кроме того, в общем контексте данной работы самостоятельное значение приобретает вопрос о месте и роли творчества Броделя в общей эволюции школы "Анналов": в какой мере его можно рассматривать как логическое продолжение предшествующего этапа, есть ли различия между историческими концепциями М. Блока и Ф. Броделя и, если есть, то какова их роль, как из этих различий выросла "историческая теория" третьего поколения школы "Анналов"?

* В советской литературе наиболее полный анализ взглядов Ф. Броделя впервые был осуществлен М. Н. Соколовой⁴¹.

Как видно, все названные проблемы весьма объемны по своему содержанию, и перечислены они здесь скорее с целью определения основных ориентиров для последующего изложения, нежели как задачи, которым предполагается дать исчерпывающее решение. Творчество Ф. Броделя как историка очень многогранно, а его деятельность как организатора исторической науки весьма продуктивна, поэтому для полной и разносторонней характеристики этого ученого потребовалось бы специальное исследование. В данном же случае приходится ограничиться более скромной задачей: с учетом уже имеющихся в советской историографии оценок концепции Ф. Броделя, в частности в работах А. В. Адо, М. А. Барга и М. Н. Соколовой, рассмотреть труды этого историка с тех же точек зрения, с каких уже проанализирована концепция М. Блока и Л. Февра. Это позволит сопоставить взгляды Блока и Броделя и поможет определить закономерности дальнейшей эволюции школы "Анналов".

Представляется необходимым, однако, предварительно выяснить, как сам Бродель оценивал состояние и перспективы исторической науки в первые послевоенные годы.

"Новый мир, почему же не новая история?" — эти слова Броделя стали своего рода девизом всей его творческой и организаторской деятельности. Мир действительно стал иным после второй мировой войны, да и сама эта война не могла не навести на глубокие размышления об окружающей действительности.

Всю войну Ф. Бродель провел в лагере для военнопленных французских офицеров в Любеке. "В течение мрачных дней моего плена, — писал он, — я лично прилагал большие усилия к тому, чтобы избавиться от хроники этих тяжелых лет (1940 — 1945 гг.). Чтобы не подчиниться событиям и всему этому времени, необходимо было несколько отстраниться, укрыться от них, немного меньше верить им, что позволяло посмотреть на них несколько издали, лучше их оценить; от короткого времени перейти к времени более продолжительному и от него — к времени очень большой продолжительности (если таковое существует, оно может быть лишь достоянием мудрецов) и затем, дойдя до этого момента, остановиться, снова посмотреть вокруг себя, все заново обдумать, переосмыслить: операция, достойная усилий историка"⁴⁴.

В числе тех проблем, которые, по мнению Броделя, необходимо было переосмыслить, одной из самых важных оказалась проблема о роли исторической науки в современном обществе. Бродель рассматривал вопрос об "ответственности истории", о необходимости ее приспособления к быстро меняющейся

действительности не только сквозь призму ближайших последствий и уроков второй мировой войны, но и в более широкой ретроспективе всей первой половины XX в. "История — дочь своего времени, — повторял Бродель, — ее тревоги те же, которые оказывают давление на наши сердца и умы, — это тревоги самой современной эпохи, слишком богатой катастрофами, революциями, сюрпризами"⁴⁵. Бродель видел, что многие духовные ценности, сформировавшиеся у людей его поколения, не выдержали испытания в столкновении с действительностью; не на уровне стоящих перед нею задач оказалась и историческая наука. Во вступительной лекции в качестве нового заведующего кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс в 1950 г. Бродель следующим образом выразил свои чувства и мысли: "Да, сколько перемен! Все или почти все социальные символы, даже и те, за которые еще вчера мы готовы были умереть без долгих разговоров, утратили свое содержание... Все интеллектуальные понятия изуродованы или разбиты. Наука, на которую мы, невежды, опирались, даже не подозревая об этом, наука — это убежище, этот новый символ веры XIX в. — внезапно стала преображаться, чтобы возродиться к новой жизни, чудесной, но неустойчивой, всегда в движении, но недоступной... Все социальные науки, в том числе и история, изменяются в том же направлении, хотя и не столь очевидно, но столь же решительно. Новый мир, почему же не новая история?"⁴⁶

Та уверенность, которая звучала в последних словах Броделя, была основана на его жизненном опыте. В то время ему было 48 лет и он не был новичком в исторической науке. Заведующим кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс Бродель стал на второй год после выхода его книги "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II", над которой он работал более 15 лет. Это исследование сразу же получило широкую известность, а сегодня в числе немногих считается классическим во французской историографии.

Уже в этой работе и самой этой работой Бродель вполне определенно заявил, каким традициям он намерен следовать и какую "форму истории" собирается развивать. В самом процессе создания книги наглядно отразились основные вехи истории "Анналов". Книга была задумана Броделем между 1923 и 1925 гг. в форме воссоздания средиземноморской политики Филиппа II⁴⁷. Выбор сюжета для исследования — политическая история, методы исторического анализа — работа с архивными документами, критика источников в духе классической эрудиции (правилами которой, надо сказать, Бродель овладел

в совершенстве), установление фактов — все это свидетельствовало, что он в то время в основном следовал традициям позитивистской историографии. Затем под влиянием ученых, с которыми Бродель работал в Сорбонне, характер его исследования изменился. Французская школа "географии человека", и прежде всего А. Деманжон, имеет прямое отношение к тому, что главным направлением научного поиска Броделя стала не средиземноморская политика Филиппа II, а весь мир Средиземноморья второй половины XVI в. Это огромный мир в 5 млн. кв. км земного пространства и моря, мир без административных делений и государственных границ, но с живыми очертаниями естественного пейзажа и климата, мир, в котором продолжается уходящая своими истоками в отдаленные столетия истории упорная борьба человека и вещей, его негромогласный диалог с природой. Этот новый ракурс заставил Броделя заглянуть в глубь веков, охватить взором почти четыре тысячелетия уже не столько истории, сколько геоистории с ее медленно текущим, почти неподвижным геологическим временем.

В 30-х годах произошел еще один, решающий поворот, целиком связанный с Блоком и Февром, с "Анналами", которым, как отмечал Бродель, он "больше всего обязан"⁴⁸ и прямым продуктом которых является "Средиземноморье"⁴⁹. В поле зрения Броделя оказался огромный пласт экономической и социальной истории. Существенно расширились целевые установки исследования: Бродель теперь усматривал их в воссоздании взаимосвязи различных уровней исторической действительности — материального, социально-экономического и политического. Кроме того, повышенный интерес историков 30-х годов к нервной конъюнктурной динамике, обусловленный прежде всего жестокой реальностью мирового экономического кризиса и нашедший выражение, в частности, в работах Ф. Симиана и Э. Лабрусса, заставил Броделя обратить внимание и на сравнительно короткие периоды в истории, исчисляемые одним-двумя десятилетиями. Все это, вместе взятое, побудило его уже в предисловии к первому изданию своей книги написать: "Как было не обратиться к этой социально-экономической, революционизированной истории, которую во Франции небольшая группа тружеников пыталась утвердить? Понять историю Средиземноморья во всей ее сложности означало последовать их совету, полностью положиться на их опыт, бороться за новую форму истории, переосмысленную, разработанную у нас и заслуживающую более широкого распространения"⁵⁰. В предисловии ко второму изданию книги (1966 г.) Бродель называет десятки

имен историков, следующих в "фарватере" его "Средиземноморья", и говорит, что потребовались бы многие и многие страницы, чтобы рассказать о результатах огромной работы, проделанной после 1949 г. в самых различных областях научных исследований, которые тем не менее прямо касаются проблематики и основных задач его книги.

Книга Броделя с каждым годом увеличивала число его последователей. Вместе с тем имело место и обратное воздействие: учитель сам испытал на себе влияние учеников, точнее, благодаря им он лучше почувствовал новые веяния современной эпохи, очередную трансформацию исторического знания. Во втором издании "Средиземноморья" основная направленность этой работы осталась прежней, но во многом это издание существенно отличается от первого: текст дополнен новыми разделами, привлечен новый фактический материал, а главное, и прежние и новые данные подверглись более тщательной обработке с использованием тех методов научного анализа, которыми историческая наука 30-х годов еще не располагала. В результате второе издание "Средиземноморья" выглядит еще более внушительным; структура книги, расположение материала, схемы, географические карты, графики и т. п. сделали ее более современной, а многие выводы более доказательными. Все эти новшества вовсе не были данью моде, внешним антуражем. Скорее здесь более полно проявилось то, что всегда определяло направленность и стиль научного мышления Броделя. Очевидно, именно это он хотел выразить в последних строчках второго тома своей книги: "Я "структуралист" по темпераменту, меня мало влечет к событию, и я лишь частично испытываю влечение к конъюнктуре, к группе событий, имеющих общие признаки. Но "структурализм" историка не имеет ничего общего с проблематикой, которая, выступая под именем структурализма, волнует другие науки о человеке. Он ведет его не по направлению к математической абстракции отношений, которые соответственно находят свое выражение, а к самим источникам жизни со всем, что в ней есть наиболее конкретного, наиболее обыденного, нерушимого, наиболее человеческого в самом общем, анонимном смысле"⁵¹. От позитивизма эволюционистского толка начала XX в. с его приверженностью к политической истории — к позитивизму структуралистскому (правда, с существенными оговорками в пользу гуманизма) с его склонностью к тому, что меньше всего изменяется в ходе истории, — такова общая направленность развития научной рефлексии, просматривающаяся в процессе создания книги Броделя — одной из книг одного из историков.

А может быть, в этой интеллектуальной метаморфозе действительно просматривается, как об этом говорит один из учеников Броделя — П. Шоню, нечто большее, чем индивидуальная практика одного из историков?⁵².

Многие из ученых, на которых ссылается Бродель и которым выражает признательность в своих работах, являются как бы олицетворением основополагающих методологических установок его общей историко-социологической концепции и ее инструментария (идея холизма, или целостности, понятие тотального социального феномена, модель, структура, синхрония, конъюнктура, событие, социальное время и др.). С некоторыми именами, называемыми в этой связи Броделем, мы уже встречались — это социолог М. Хальбвакс, антрополог и историк М. Мосс, психологи Ш. Блондель и А. Валлон, антрополог К. Леви-Стросс и др. Довольно часто Бродель упоминает еще одного ученого — социолога Жоржа Гурвича*. О нем следует сказать несколько подробнее по ряду причин. Многие понятия, разработанные Гурвичем, например "глобальная структура общества" и ее "уровни в глубину" (*paliers en profondeur*), "социальные детерминизмы" и другие, нашли отражение в концепции Броделя, или, как говорил он сам, "кое-как акклиматизировались" в ней⁵⁴. Концепцию Броделя нельзя представить без социологического ее содержания, а самой "близкой", "почти братской"⁵⁵ для него стала именно социология Гурвича. Наконец, в работах Гурвича проявились две тенденции, общие для буржуазной социологии и философии истории 40 — 60-х годов, без учета которых очень важные, а может быть, и самые главные аспекты концепции Броделя могли бы оказаться за рамками нашего исследования.

* Ж. Гурвич (1894 — 1965 гг.) — выходец из России; в 1918 г. был ассистентом Петроградского университета, в 1919 г. — профессором Томского университета. В 1920 г. он эмигрировал в Прагу, а с 1925 г. жил в Париже. Его политические убеждения сформировались в партии правых эсеров; научным наставником Гурвича был его политический единомышленник П. Сорокин, обосновавшийся после Октябрьской революции в Нью-Йорке, где в годы второй мировой войны проживал и Гурвич. Все труды этих двух социологов, как об этом говорится в одной из публикаций в журнале "Pensée", "отмечены их личным поражением в ходе Октябрьской революции"⁵³.

Ж. Гурвич оставил заметный след в истории французской социологии. Он был профессором Сорбонны и преподавал философию в Практической школе высших исследований. С его именем связано создание Центра социологических исследований и Международной ассоциации социологов франкоязычных стран, в которой он выполнял роль почетного президента. Он также был создателем и руководителем Международных кафедр по социологии, в рамках которых проводятся исследования социологии познания и морали.

Одна из этих тенденций выразилась в попытках разработать в обществоведении некую цельную, всеохватывающую, комплексную теорию, которую можно было бы рассматривать как альтернативу марксизму. Известный французский социолог М. Дюверже, оценивая многие проблемы буржуазной социологии в начале 60-х годов как результат отсутствия противостоящей марксизму "общей западной теории социальных наук", видел в изобилии соперничающих между собой различных теорий состояние на грани анархии⁵⁶. Уже известный нам историк А.-И. Марру на VI Международном конгрессе философских обществ заявил: "Хотелось бы поработать над приведением в порядок анархической мысли, беспорядочность которой может скомпрометировать ее плодотворность. Для переживаемого нами периода характерно отсутствие унифицирующего принципа, общего идеала; одни идеологии развиваются наряду с другими, совершенно отличными. Это как раз относится к истории"⁵⁷. Философ Е. Калло, специализирующийся на проблемах философии истории, соглашаясь с точкой зрения Марру, добавлял: "Надо было бы радоваться тому обстоятельству, что историческая наука привлекает к себе столь повышенный интерес философов и историков, занимающихся вопросами теории. Можно восхищаться и свободным обменом мнениями, большим разнообразием точек зрения, поочередно поддерживаемых, опровергаемых, вновь высказываемых и вновь отбрасываемых. Но если обычно, как говорят, в спорах рождается истина, то результатом всех дискуссий в данном случае являются лишь мрак и путаница"⁵⁸. Социологическая теория Ж. Гурвича — одна из попыток буржуазного обществоведения заполнить существующий пробел и разработать тотальную науку об обществе, которая бы превзошла по рациональности все ранее существовавшие. Наглядным подтверждением масштабности замысла Гурвича является осуществленное под его руководством двухтомное издание "Трактат о социологии", в котором дается критика всех социологических теорий, включая марксизм⁵⁹. Один из разделов "Трактата", под названием "История и социология", написан Ф. Броделем.

Вторая тенденция касается самого содержания разработанных социологических теорий, претендовавших на глобальность. В этой связи сошлемся еще раз на М. Дюверже. Уже в середине 50-х годов, по его мнению, отчетливо проявилась общая методологическая переориентация антимарксистских социологических теорий. Если раньше они разрабатывались главным образом на основе психоанализа, бихевиоризма и тому

подобных концепций, рассматривающих общество как совокупность межличностных отношений и придающих психологическим элементам преобладающее значение при объяснении социальных феноменов, то теперь общая направленность поиска резко изменилась. Главное внимание было перенесено на "структуры", "системы", на макросоциологию. Отмечая "нарастающий успех" функционалистских теорий, которые возвышаются над сугубо межличностным, взаимоотношенческим подходом и рассматривают общество глобально или по крайней мере ставят перед собой такую цель, Дюверже подчеркивал, что этот успех соответствует современному этапу в развитии обществоведения с характерным для него прогрессирующим отказом от психологических теорий в пользу теорий собственно социологических⁶⁰. Основные теоретические положения Гурвича развиваются именно в русле структурно-функциональной социологии. На Западе их иногда относят наряду с теориями П.Сорокина и Т.Парсонса к числу тех немногих "великих теорий", которые были рождены буржуазной социологией XX в.⁶¹

Одним из главных элементов общего скелета социологии Гурвича является типология "глобальных обществ", или "цивилизаций". Типологизация "глобальных обществ" осуществляется им с помощью целой серии критериев, в числе которых выделяются такие, как функциональная иерархия группообразований (не всегда совпадающих у него с социальными классами), комбинации различных проявлений социальности, уровень и характер разделения труда, иерархия социальных детерминизмов и пр.⁶²

Среди всех этих критериев главное место отводится социальной структуре. Это является следующим важным элементом социологии Гурвича. Характер такой структуры определяется различными комбинациями ее "уровней в глубину"* . В этой связи Гурвич формулирует два положения, не только имеющие особенно важное значение для всей его концепции, но и ставшие также одними из основополагающих методологических принципов историков школы "Анналов".

Первое: между различными уровнями социальной реальности всегда существуют "ножницы", безысходные конфликты, острая напряженность. Однако, пишет Гурвич, "антагонизмы и борьба, характеризующие в любом обществе на каком-то

* Ж. Гурвич определяет несколько таких уровней: морфологическая и экологическая плоскость; социальные модели; коллективное повседневное; социальные символы; коллективные ценности и идеи; умственные состояния и коллективные психологические поступки и т. п.⁶³.

одном уровне социальной реальности отношения между отдельными группами (и в частности, между социальными классами там, где они существуют) и даже внутреннюю жизнь каждой группы (где многочисленные "мы" находятся в состоянии конфликта между собой), часто вынуждают нас забывать о напряженности между самими этими уровнями"⁶⁴. Степень важности конфликтов между уровнями социальной реальности, продолжает он, особенно возрастает, если иметь в виду, что эти конфликты проявляются не только в рамках глобального общества, но и во внеструктурных общественных образованиях -- в каждой отдельной группе и даже при любом проявлении социальности, т.е. затрагивают не только область макросоциологии, но и групповую социологию и микросоциологию.

Следует обратить внимание на то, как Гурвич расставляет акценты: не только и даже не столько антагонизмы внутри какого-то из "уровней в глубину", т.е. собственно социальные антагонизмы, должны привлекать внимание социологии, она должна сосредоточиться на проблеме корреляций между различными уровнями.

Второе: любая реальность допускает неустойчивый, постоянно варьирующийся, трудно поддающийся фиксации компромисс между прерывностью и непрерывностью. Этим компромиссом определяется сама возможность применения принципа причинности. Если же решено, что социальная реальность в значительно большей степени, чем реальность физическая или биологическая, характеризуется перевесом прерывности над непрерывностью, следует признать, что эта прерывность проявляется и в отношениях между различными уровнями всей глубины коллективной жизни. Степень этой прерывности меняется не только в зависимости от типов "глобальных обществ", но и в самих этих обществах в зависимости от складывающейся в каждом отдельном случае социальной конъюнктуры. При таком положении, пишет Гурвич, только доведенные до крайних пределов гиперрелятивизм и сюрэмпиризм могут избавить социологию "в глубину", как и любую социологию вообще, от бесчисленных ошибок"⁶⁵.

В данном случае обратим внимание на допустимость обособленного рассмотрения важнейших характеристик движения, какими являются прерывность и непрерывность, что в корне противоречит принципам материалистической диалектики, а также на предпочтительное отношение Гурвича к моменту прерывности и в связи с этим на его утверждение об ограниченных возможностях применения принципа каузальности (причинности), который неотделим от рассмотрения материи вообще

и человеческого общества в частности как существующих в непрерывном движении, в развитии.

Следующий важный элемент сюррелятивизма Гурвича вытекает из его определения социологии как науки, изучающей тотальные социальные феномены в их динамическом состоянии, в их постоянном движении структурализации, деструктуризации и реструктуризации. Это идея о множестве "социальных детерминизмов", обоснованию которой он посвятил одну из своих монографий — "Социальные детерминизмы и человеческая свобода"⁶⁶. Эта идея развивается и в последующих его работах. Смысл ее сводится к следующему.

"Социальных детерминизмов", утверждает Гурвич, столь же много, как много и специфических ситуаций социальной реальности. Есть частичные детерминизмы, есть социологический глобальный детерминизм, применимый опять-таки лишь к определенному типу глобального общества. Специфические детерминизмы присущи различным уровням, слоям, масштабам социальной реальности; одни детерминизмы определяют динамику структур, другие действуют в сфере неструктурированных элементов общества. Степень детерминированности явлений меняется в зависимости от состояния прерывности и непрерывности "уровней в глубину"; детерминизмы одного и того же типа могут меняться местами по степени важности в зависимости от типа глобального общества, от данного состояния динамики социальной структуры и т. д. и т. п.— до бесконечности.

С идеей множества "социальных детерминизмов" тесно связана трактовка Ж. Гурвичем понятия "социологический закон", которая логически вытекает из всей его теории и венчает ее. К числу "ложных" принципов социологической мысли XIX в. Гурвич относит убеждение, что научный поиск должен привести к установлению социологических законов⁶⁷. Если в прошлом, пишет он, считалось, что поиск социологических законов приближает социологию по уровню рациональности к естественным наукам, то сегодня можно утверждать прямо противоположное: чтобы приблизить социологию к физике, следует отказаться от установления законов, по крайней мере если понимать их как "каузальные законы", т. е. как "постоянные функциональные отношения между явлениями, которые строго повторяются". Особую нетерпимость Гурвич демонстрирует к каузальным законам и к закону эволюции. "Судьба каузальных законов,— заявляет он,— в какой-то мере напоминает свергнутых идолов"⁶⁸. Свое утверждение о неприменимости законов причинности в науках о человеке Гурвич пытается обосновать тем, что

в реальную действительность вмещивается сознательная воля человека, а также тем, что здесь всегда имеют место разрыв, интервал, пертурбация между причиной и следствием, исключаящие повторение и постоянство. Что касается закона эволюции, то наличие в социальной реальности такого факта, как прерывность, уже якобы ограничивает его действие. Кроме того, здесь каждый "уровень в глубину", каждая форма социальности, каждый тип группообразования или глобального общества демонстрирует особые, часто противоречивые тенденции, они различным образом комбинируются в зависимости от конкретных ситуаций. Признать реальность закона эволюции — это, по мнению Гурвича, все равно что признать противоестественное, пренебречь элементом прерывности, присущим социологическим типам. Освободив таким образом социологию от "ложных" проблем, а заодно и от объективных общественных законов, Гурвич предлагал этой науке довольствоваться лишь строго определенным количеством установленных теперь уже им самим детерминизмов: законы вероятности и статистические законы; единичная каузальность; функциональные корреляции и ковариации; регулярности — тенденции; прямая интеграция в ансамбли⁶⁹.

Таковы наиболее важные положения социологии Ж. Гурвича, которая стала "почти братской" для Ф. Броделя. Весь пафос этой социологии подчинен одной цели — переориентировать полностью науки о человеке с проблем всемирно-исторического развития человечества на исследование состояния каждого данного типа общества на определенном этапе его истории. Гурвич хотел бы освобожденную от идеи развития социологию предложить исторической науке в качестве совокупности категорий для определения исходной точки исторического исследования. Что же касается истории, то Гурвич видел ее задачу в том, чтобы, используя разработанную социологией типологизацию, сосредоточить внимание в исследовании исторической реальности на неповторимом, персонифицируя глобальные структуры, конъюнктуры, движения⁷⁰. В какой мере буржуазная историческая наука последовала указаниям Гурвича? С этим вопросом мы переходим к рассмотрению концепции "глобальной истории" Ф. Броделя.

Бродель придавал важнейшее значение вопросу о специфике исторической науки. Перспективы ее развития, возможность выхода из кризиса он непосредственно связывал с необходимостью всеобъемлющего определения ее предмета. К этому вопросу он возвращался неоднократно практически во всех своих многочисленных трудах⁷¹. Тем не менее такое общее определение предмета исторической науки в них отсутствует.

Возможно, и в этом проявилась верность Броделя "завещанию" Блока, каковым стала его "Апология истории" для всех последователей этого ученого. В самом начале этой работы Блок недвусмысленно высказался против "длинных и сухих" определений истории как науки. Кто из серьезных тружеников, писал он, обращал внимание на подобные символы веры? Из-за мелочной точности в этих определениях упускают все лучшее, что есть в интеллектуальном порыве. Я имею в виду, пояснял Блок, "попытки пробиться к еще не вполне ясному знанию, его возможности расширить свою сферу"⁷². Л. Февр в свойственной ему манере высказался еще яснее: "Любое определение – это тюрьма... Дать определение, найти дефиницию! Но не значит ли это глумиться над историей? Будьте осторожны, мой друг, вы сейчас выйдете за пределы истории. Перечитайте мое определение, там так все ясно!.. Если вы историк, не входите сюда – это область социологии, сюда тоже нельзя – это участок психолога. Направо? И не думайте об этом – это уже география. Кошмар! Глупость! Калечение!"⁷³

Может быть, Бродель, следуя наставлениям своих учителей, пытался уйти от прямого ответа? Или для этого были и другие причины? Да и ушел ли он от ответа? Ясно, однако, что представление Броделя, так же как Блока и Февра, о предмете исторической науки приходится "реконструировать", извлекая его не только из того, что он сказал по этому конкретному вопросу, но и из того, что им сделано, т. е. из всей совокупности его исторических исследований. Не претендуя на исчерпывающее решение этой задачи, попытаемся все-таки подступиться к ней.

"В "Средиземноморье" я пытался изложить, плохо ли, хорошо ли представить глобальную историю..."⁷⁴

"Можно ли охватить в одно и то же время тем или иным способом историю, которая быстро изменяется, которая обнажает явления и сами изменения этих явлений в их наиболее ярком выражении, и подспудную историю, или, скорее, историю безмолвную, сущность которой в ее скрытости, в почти неразличимости ее свидетелей и участников и которая мало подвержена упорному натиску времени?"⁷⁵

Эти два высказывания Броделя могут быть использованы как отправные точки, как ориентиры в поиске ответа на вопрос о предмете его "глобальной истории". Первое из них касается объекта наблюдений историка: его общие пространственно-временные очертания; конкретное содержание этого объекта с точки зрения основных его компонентов; представления о строении этого объекта в плане его целостности, наличия в нем

связей, зависимостей и т. п. Второе высказывание касается вопроса о том, что именно хотел бы историк увидеть во всей совокупности характеристик объекта его наблюдений. Чередование событий и явлений в их хронологической последовательности или же и их обусловленность? Только ли состояние этого объекта или же и его развитие? Если и развитие, то в чем его суть, каковы его причины, в каком направлении оно осуществляется?

Разумеется, такое раздвоение одного вопроса о предмете исторической науки весьма условно и не означает необходимости придерживаться жесткой последовательности в этом смысле при анализе взглядов Броделя, но в целях их систематизации и для окончательных выводов представляется оправданным.

К понятию "глобальная история" Бродель подходил с разных сторон. Он рассматривал его, например, с точки зрения соотношения общего и особенного. "Как и любой историк,— пишет он,— я тоже придаю значение единичным фактам, этим односторонним, быстро увядающим цветам, которые нельзя взять в руки дважды"⁷⁶. Но здесь же Бродель дает расширительное толкование единичного, не сводя это понятие к отдельному факту, событию, к какому-то одному из явлений общественной жизни. Если взять общество в совокупности всех его характеристик, говорит он, можно утверждать, что в целом, как оно предстает в данный момент, оно уже никогда не повторится, оно представляется как некая временная уравновешенность, но оригинальная, в своем роде уникальная. Однако история — это не только единичное, не только различие и новшество, не только то, чего нельзя увидеть дважды. Да и новшество никогда не бывает новшеством в полной мере, оно сосуществует с повторяющимся, с регулярностью. Иногда даже в таких, казалось бы, несхожих событиях, как военные сражения, которые разделяют столетия, можно усмотреть много общего в системе вооружения, в тактике, в поведении их участников и т. п.⁷⁷

Под понятие "глобальность" Бродель подводил и воспроизведение действительности во всем ее конкретном многообразии. В его работе "Материальная цивилизация и капитализм" на временном отрезке в четыре столетия рассматривается огромное множество самых различных проявлений материальной жизни — состав и движение населения отдельных регионов и целых континентов, техника и транспорт, питание и жилища, торговля, города и коммуникации и т. п. Конечно, пишет Бродель в заключении к этой работе, мы не претендовали здесь на то, чтобы представить всю материальную жизнь мира. Замысел этой книги заключается в том, чтобы "если не все увидеть, то по крайней

мере все расположить так, чтобы расположение всего увиденного непременно соответствовало мировому масштабу". А для этого необходимо было предпринять попытку представить все проявления материальной жизни в виде системы⁷⁸.

Еще один аспект проблемы глобальности — это решительный отказ от евроцентризма. "Еще вчера,— пишет Бродель,— мы, историки, как представители западного мира, слишком часто воображали, что весь мир вращается вокруг нас... Сегодня нам во что бы то ни стало необходимо оторваться от этого непомерного самолюбования"⁷⁹. Настаивая на том, что в европейской исторической науке должны получить "право на существование" проблемы истории всех регионов мира, Бродель одновременно выступал против ограничения исторического исследования рамками отдельного региона. В этом случае, считал он, история не видела бы ничего, кроме своей региональной замкнутости, и оценивала бы себя лишь собственной меркой, сквозь призму локальных особенностей и интересов. "Нет больше особой европейской истории, как нет в действительности и особой истории Азии или исламского мира. Есть только мировая история, рассматриваемая то с позиций Средиземноморья, или Европы, или же Азии, то с позиций крупных и сложных регионов и хитроумных связей ислама..."⁸⁰

Можно было бы привести и другие высказывания Броделя, оттеняющие различные аспекты его понимания глобальной истории, но первое, что представляется очевидным,— это его стремление доказать: главная задача заключается в том, чтобы, несмотря на трудности и присущие исторической науке противоречия, не нарушить "единство истории", которое определяется единством жизни⁸¹. Под единством истории в данном случае подразумевается единство во времени — от начала истории человечества до наших дней, единство в пространстве — все живущее на земле человечество, наконец, всеобщность, полнота охвата всех видов общественной жизни.

Бродель отдавал себе отчет в том, что одной лишь исторической науке не справиться с такими большими задачами; их решение возможно лишь совместными усилиями всех социальных и гуманитарных наук. Глубокой убежденностью в этом и объясняется разносторонняя деятельность Броделя, направленная на осуществление объединения, даже принудительного, различных наук о человеке, с тем чтобы "привести их к общей проблематике, которая освободит их от множества ложных проблем, от бесполезных занятий, и после необходимого избавления от всего лишнего и выявления главного подготовить

выделение на новом уровне предмета каждой из наук о человеке”⁸².

Что же касается собственно истории, то она, являясь, как и социология, глобальной наукой и представляя собой, как говорит Бродель, ”синтез”, ”оркестр”, призвана изучать человеческое общество во времени и во всех формах его социальной реальности. ”Я имею в виду при этом,— пишет он,— все обширные формы коллективной жизни: экономику, общественные институты и устройства и, наконец, особенно — цивилизации, любые реальности”⁸³.

Стремление Броделя превратить историю в синтетическую науку, которая имела бы объектом своего исследования прошлое человеческого общества в целом и как целое, заслуживает особого внимания и требует более подробного рассмотрения.

”Глобальная история” Броделя в этом смысле включает в себя три взаимосвязанных аспекта: 1) историческая действительность ”эшелонирована в глубину”, она слоиста, ступенчата, имеет несколько уровней, или ярусов; 2) одной из форм существования этой эшелонированной в глубину исторической действительности является единое социальное время, которое воплощается (в зависимости от глубины залегания пластов этой действительности) в различных по своей продолжительности ритмах; 3) историю человечества можно представить и познать лишь в том случае, если ее рассматривать одновременно сквозь призму временного и пространственного аспектов. Пространственный аспект — это внутренняя логика социального пространства, воплощающаяся в разнообразных формах исторической действительности, высшей среди которых является цивилизация.

Характеристику различных уровней исторической действительности и соответствующих им временных ритмов Бродель начинает с того, что было предметом традиционной историографии. Для нее было характерным повествование ”на коротком дыхании” о событиях, об индивидах. Это микроистория, вписывающаяся в рамки коротких промежутков времени (*le temps bref*). Событие для Броделя — это ”взрыв”, ”звонкая новость”. Поскольку событие обладает целым рядом значений и связей (оно, например, может быть связано со временем, далеко выходящим за пределы его собственной длительности), Бродель полагает, что к микроистории должно применяться не время, измеряемое событиями, а время, измеряемое короткими хронологическими единицами. Масштаб этого времени соразмерен с ритмом повседневной жизни индивида. Это время журналиста, хроникера, в поле зрения которого попадают не только большие

события, называемые историческими, но и явления небольшой длительности, встречающиеся во всех формах и сферах жизни: в экономике, политике, социальных отношениях, культуре и даже в природе (извержение вулкана, буря).

На первый взгляд кажется, говорит Бродель, что прошлое — это масса мелких фактов, одни из которых поражают нас, другие же, напротив, постоянно повторяясь, почти не привлекают нашего внимания. Но эта масса фактов не исчерпывает всей реальности, всех переплетений истории, через которые пробивается научное мышление.

Развитие исторической науки в первой четверти XX в., ее связи с другими науками о человеке, ее новая ориентация на социально-экономическую действительность — все это привело к тому, что в сфере истории помимо кратковременных событий оказались более продолжительные циклы, характерные для ритма экономической жизни. Изучение кривых цен и заработной платы, демографической прогрессии, развития производства, анализ товарного обращения — все это потребовало значительно более крупных масштабов времени. Появился новый способ исторического повествования, "речитативом" которого стали экономическая конъюнктура, цикл или "интерцикл", исчисляемые временными единицами в 10, 25, 50 лет.

Однако и этим, по мнению Броделя, не исчерпывается вся историческая реальность. Такие, например, ее проявления, как технология, политические институты, многие явления духовной жизни, методы познания, цивилизации, обладают своим ритмом жизни и развития и относятся к истории "большой продолжительности" ("longue durée"). Это история человека вместе с окружающей его средой, довольно часто состоящая из упорных повторов, из беспрестанно возобновляющихся циклов, почти вневременная история, соприкасающаяся с неодушевленными предметами, история, которая изменяется медленно, и поэтому эти изменения с трудом могут быть отмечены наблюдателем. Главными персонажами этой истории являются "структуры", определяемые Броделем прежде всего как любые обнаруживаемые в прошлом реальности, которые противостоят времени большой продолжительности. Их существование обусловлено воздействием космоса, географических, биологических факторов, коллективной психологии. Некоторые из этих долговременных структур становятся устойчивыми элементами жизни целого ряда поколений. Все они являются в одно и то же время и опорой, и препятствием исторического движения. Как трудно, пишет Бродель, преодолевать некоторые географические и биологические

условия, некоторые пределы роста производительности труда и даже духовные факторы, ограничивающие свободу действий.

В своих работах Бродель чаще всего оперирует именно теми тремя "уровнями" исторической действительности и соответствующими этим уровням "ритмами социального времени", которые названы выше. Однако сам же он отмечает, что это в известном смысле является упрощением исторической действительности, что на самом деле можно выделить десятки, сотни различных "уровней" и соответствующих им "временных ритмов". Причем это не просто теоретическое положение, но и правило, которого он придерживался в конкретно-исторических исследованиях.

Для окончательной оценки историко-социологической концепции Броделя важно уже теперь обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, следует иметь в виду, что, указывая на "многоэтажность" общественного "здания" как на предмет всей исторической науки в целом, он совершенно четко обозначает и сферу своих личных интересов — эту "почти неподвижную историю людей в их тесной взаимосвязи с землей, по которой они ходят и которая их кормит; историю беспрестанно повторяющегося диалога человека с природой... столь упорного, как если бы он был вне досягаемости для ущерба и ударов, наносимых временем"⁸⁴. Бродель категорически утверждает, что историю в целом можно понять только при сопоставлении ее с этим необозримым пространством почти неподвижной истории. Только так можно выявить действительный фундамент исторических событий, которые вырастают из этой глубины, центра притяжения, вокруг которого вращается все. Нетрудно заметить, что в отличие от Блока Бродель отдает предпочтение тому пласту исторической действительности, где люди преимущественно *ведут диалог с природой, а не между собой*, т. е. собственно социальный аспект исторического процесса оказался далеко не на первом плане его научных интересов. Утверждение Броделя, что историю в целом можно понять, только если смотреть на нее сквозь призму той почти неподвижной истории, в которой царствуют перманентная неизменность, многовековые постоянства, противоречит, как видно, одному из основных правил, которым руководствовался Блок: "Наука расчленяет действительность лишь для того, чтобы лучше рассмотреть ее благодаря перекрестным огням, лучи которых непрестанно сходятся и пересекаются. Опасность возникает только с того момента, когда каждый прожектор начинает претендовать на то, что он один

видит все, когда каждый кантон знания воображает себя целым государством”⁸⁵.

Чем объяснить смещение акцентов в концепции Броделя: ”ближе к земле”, к этим многовековым постоянствам и полунеподвижной глубине? Может быть, его стремление переориентировать в этом направлении историческую науку следует оценить как одно из проявлений той общей для всех буржуазных гуманитарных и социальных наук тенденции, о которой говорилось выше,—поворота от психологизма и межличностных отношений в сторону макросистем и структур как решающих способов объяснения действительности? Вероятно, это так. Броделю, стремившемуся сделать из истории науку, не уступающую другим наукам по уровню доказательности, по степени вооруженности современными средствами научного анализа, видимо, в большей мере импонировала та сфера, где не было простора для случая, для внезапных зигзагов, где, хотя и ценой огромных трудностей, но все-таки можно было отыскать прочные связи, долговременные структуры. Не следует сбрасывать со счетов и страстную приверженность Броделя к французской географической школе П. Видаль де Ла Блаша. На сегодня он, пожалуй, один из самых достойных продолжателей лучших традиций этой школы. Те разделы работы Броделя ”Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II”, где речь идет о географии человека, нельзя читать, не испытывая чувства восхищения. И дело не только в глубине, в содержательности этих разделов. Он неукоснительно следовал правилу: ”Дать увидеть — так же важно, как дать понять”. В его описаниях гор, прибрежных пейзажей, в которые естественно вписывается человек с его неторопливой повседневностью, есть нечто близкое и по форме, и по существу к стилю импрессионистов с характерной для них прозрачной непосредственностью, эмоциональностью и красочностью, что в сочетании с глубоким анализом делает эти страницы работы Броделя, пожалуй, наиболее яркими в его творчестве*. Не случайно, видимо, ему становилось ”скучно” и он, по его собственному выражению, ”ослабевал”⁸⁶, когда брался за хронику политических событий (она составляет третий раздел его ”Средиземноморья”).

* Стремление к образности, яркости, красочности выражения содержания характерно не только для Ф. Броделя. Работы многих историков школы ”Анналов”, таких, например, как Ж. Дюби, Р. Мандру, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гофф, приближаются к художественным произведениям. Это их качество можно отнести к тому, что называют ”стилем” ”Анналов”.

Однако вряд ли только указанными обстоятельствами можно объяснить смещение акцентов в концепции Броделя. Есть, как нам кажется, и более серьезные причины. И хотя они тоже укладываются в русло традиций и французской школы "географии человека", и французской социологической школы, лучшими эти традиции уже не назовешь. Речь идет в данном случае о понятии "среда", о ее роли в исторической действительности в соотношении с деятельностью человека — "субъекта" этой действительности. Буржуазная социология и история всегда спотыкались, доходя до этого момента при установлении предмета исторической науки. Бродель в этом смысле не исключение. Но он и не из тех, кто покорно следовал установленным образцам. С его именем, как нам представляется, связано "осовременивание" не решенной буржуазной исторической мыслью проблемы "объекта" и "субъекта" исторической действительности. Правда, сам Бродель не представлял в полной мере, к каким последствиям может привести заложенное им начало, суть которого в следующем.

Броделевская "неподвижная глубина" истории противопоставит не только упорному натиску времени, но и воздействию на нее людей. Однако историческую действительность (сошлемся в данном случае на вывод, сделанный советским философом А. Ф. Асмусом в ходе анализа взглядов К. Маркса на предмет исторической науки) нельзя рассматривать в виде только "объекта". При таком рассмотрении историк неизбежно вынужден разделять в своем созерцании то, что неразрывно связано в самой действительности: деятельность "субъекта" истории, т. е. общественного человека, и результат этой деятельности — те общественные отношения, учреждения, образования, события, в которых сама эта деятельность выражается и осуществляется⁸⁷.

У Броделя люди еще не "бесполезны" в общей сфере того "центра притяжения, вокруг которого вращается все"; они станут таковыми несколько позднее в трудах его учеников. Но они уже растворены в обстоятельствах, в "среде". Человек не рассматривается Броделем прежде всего в качестве "субъекта" и в связи с развитием человеческой деятельности, создающей те самые обстоятельства, в которых он будет действовать. Это и нашло выражение в его утверждении: "Люди творят историю. Да, но и история тоже создает людей, она формирует их судьбу — эта анонимная, но глубокая и зачастую безмолвная история"⁸⁸. Если бы все существо проблемы сводилось лишь к этому утверждению, можно было бы отметить, что оно не лишено доли

истины, обстоятельства действительно влияют на судьбу человека, формируют его. Но Бродель отводит обстоятельствам, "среде", "объекту" не просто роль фактора обратного воздействия. Он превращает их в доминанту, неподвластную сознательной, материальной, преобразующей деятельности людей. И если в трудах самого Броделя эта идея выражена в форме эскиза, общего наброска, то позднее, в работах третьего поколения историков школы "Анналов", она получит логическое завершение, будет наполнена конкретным содержанием.

Второе обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание и которое неразрывно связано с первым, вытекает из него, — это отношение Броделя к проблемам социального времени и многообразия его ритмов. Для Броделя "социальное время" не только познавательная категория, но и прежде всего объективная реальность, неразрывно связанная с предметом исторической науки. Он подверг обстоятельной критике идеалистическое понимание Ж. Гурвичем категории "социальное время". Гурвич предложил широкий набор временных единиц: долгосрочное, или медленно движущееся, время; иллюзорное, или внезапное, время; непрерывно пульсирующее время; циклическое время, как бы танцующее на одном месте; ожидающее время; время, бегущее медленно; время, бегущее то быстро, то медленно; взрывчатое время⁸⁹. Что делать, спрашивает Бродель, с этим набором историку? Как из всех этих ярких цветных вспышек создать необходимый ему ровный белый свет. Это хамелеоноподобное время оказывается самым поздним пришельцем в архитектурном сооружении, построенном Ж. Гурвичем, и по необходимости получает свое место среди других, ранее его устроившихся обитателей. Оно должно приспособливаться к жизненному пространству, уже занятому "уровнями в глубину", "проявлениями социальности", "социальными группами" или "глобальными обществами", и неизбежно оказывается закрытым в каждом из этих пространств, как ветры в кожаной сумке Зола. Потому-то все это громадное, идеально сконструированное сооружение существует вне времени. Ему не хватает истории. Для Броделя есть лишь одно реально существующее — необратимое время. В этом едином времени длительный период, период средней продолжительности, единичное событие сопоставимы друг с другом, так как они замерены в одном и том же масштабе. Вступить мысленно в одну из временных исторических перспектив — значит одновременно вступить в каждую из них⁹⁰.

Надо сказать, что броделевская идея различной продолжительности социального времени, как это уже отмечалось в советской

литературе, оказалась во многом плодотворной⁹¹. Будучи отражением объективной реальности, эта познавательная категория давала возможность представить предмет исследования глубже, полнее. Но вот сыграла ли она ту роль, которая ей отводилась в общей историко-социологической концепции Броделя, и можно ли с ее помощью воспроизвести наблюдаемый историком объект комплексно, в целом? Это весьма сомнительно. И не из-за несостоятельности самой идеи, а вследствие очевидных изъянов в представлении о предмете исторической науки. Отрыв человеческой "практики" (у Броделя это "второй" уровень) от обстоятельств, от "среды" хотя и не лишает возможности "одновременно вступить" в каждую из "временных продолжительностей", но не позволяет увидеть, что же их все объединяет, какова их общая основа. "Этажи" общественного здания Броделя и неразрывно связанные с ними "ритмы" различной продолжительности чаще всего пребывают в параллельных плоскостях, не перекрещиваясь, не переплетаясь между собой. Правомерен поэтому вопрос, поставленный в свое время К. Марксом и оказавшийся коварным для всего учения Прудона: "... каким образом одна только логическая формула движения, последовательности, времени могла бы объяснить нам общественный организм, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?"⁹²

В историко-социологической концепции Броделя важное значение имеет понятие социального пространства. Он постоянно обращает внимание на необходимость "редукции всех социальных явлений к занимаемому пространству". Предметом особых забот Броделя стало обоснование и применение на практике положения, что познание исторической действительности возможно лишь в органическом единстве всех ее пространственно-временных проявлений. Географические карты, писал он, на которых раскрывается и частично объясняется социальная реальность,— это фактически пространственные модели, одинаково хорошо работающие во всех временных перспективах (особенно при долгосрочном анализе), они применимы ко всем категориям социальных явлений. Характер исторического пространства претерпевает значительные изменения во времени. Каждому данному временному отрезку соответствуют своя пространственная архитектура, свои города и поля, свои дворцы и хижины. При этом любая историческая реальность редко скрывает в самой себе разгадку своей сущности. Как правило, эту разгадку приходится отыскивать в наследии предшествующих исторических эпох. Пытаясь найти своеобразный код, с помощью которого

можно было бы прочитать "карту" Средиземноморья XVI в., объединяющий момент, объясняющий направление сотен и тысяч линий, по которым осуществлялись связи между отдельными районами, Бродель усмотрел этот код в кружеве средневековых городов. "Главным для пространства Средиземноморья, — пишет он, — была его городская экипировка. Благодаря городу все было и оставалось связанным, все одушевлено, все объяснимо. Города — это источник энергии средиземноморской жизни, ее движущая сила, ее смысл, ее центры, обуславливающие неровную, скачкообразную жизнь Средиземноморья"⁹³.

Еще более важными и самыми сложными "персонажами" Средиземноморья, по мнению Броделя, были "цивилизации"*. На это следует обратить особое внимание, потому что именно понятие "цивилизация" венчает всю теорию Броделя. Цивилизация с большой буквы приобретает у него значение глобального общества в масштабах ойкумены⁹⁵. Именно в этом смысле он противопоставляет свою теорию, с одной стороны, взглядам на цивилизацию Шпенглера и Тойнби, с другой — социально-исторической концепции К. Маркса, его учению об общественно-экономических формациях⁹⁶.

Для Броделя цивилизация — то же, что "культурная площадка" для антрополога; это прежде всего пространство, место поселения человеческого сообщества. Внутри этого более или менее обширного пространства, у которого никогда, однако, не бывает очень четких территориальных границ, надо представить массу всякого "добра", самых различных культурных проявлений. Здесь можно встретить разные диалекты или группы диалектов, самые разнообразные кулинарные вкусы, материалы построек, характерные особенности в технике, свою манеру любить, свои верования. Добавьте к этому разнообразию еще, например, компас, бумагу, печатный станок и т.п. — и перед вами окажется упорядоченное объединение, вы увидите повторяемость некоторых характерных особенностей, их повсеместность для определенной зоны, что и является первым признаком некой культурной общности. "Если к этой общности в пространстве добавить неизменяемость во времени, — пишет Бродель, — получается то, что я называю цивилизацией, или культурным ансамблем, "общностью" реестра определенных культурных проявлений. Эта "общность" является "формой" осознанной в таком смысле цивилизации"⁹⁷.

* Во втором издании своей книги Бродель признается, что в 1949 г. он был "слишком ослеплен городами", т.е. их ролью в жизни Средиземноморья. "Цивилизации прежде всего" — таково его мнение на 1966 г.⁹⁴

Давая определение цивилизации, Бродель обращает внимание прежде всего на ее пространственную характеристику, на принадлежность культурной зоны к определенной географической территории. Эта зона, говорит он, имеет свой центр, свое "ядро", границы, в пределах которых наиболее ярко проявляются именно те феномены, которые и делают ее специфической. Иногда границы таких зон оказываются настолько велики, что они включают в себя несколько обществ или социальных групп. Отсюда возникает необходимость для историка быть внимательным по отношению к более мелким культурным единицам, расположенным на одном и том же географическом пространстве. Отсюда же, по мнению Броделя, возникает и сложность в определении точного количества элементов, из которых складывается человеческое общество в каждый данный исторический период, так как границы цивилизаций, обществ, социальных групп, переплетаясь, накладываются друг на друга⁹⁸. Разъединение понятий "общество" или "страна" и "цивилизация" очень последовательно проводится во всех работах Броделя.

Другой существенный момент в броделевской характеристике цивилизаций — это их способность к заимствованиям и к отказам от заимствований. Все культурные достояния цивилизаций — эти микроэлементы — непрерывно перемещаются (в этом и состоит их отличие от обычных социальных феноменов). Цивилизации поочередно и в одно и то же время их экспортируют или заимствуют. Эта широкая циркуляция никогда не прекращается. Но обмен культурными ценностями происходит не беспрепятственно. Цивилизации способны отказываться от заимствований, каких бы ценностей это ни касалось, будь то характер мышлений, форма верования или простой рабочий инструмент. Эти отказы, особенно если они осуществляются осознанно, твердо и последовательно, приобретают исключительное значение. Каждая цивилизация в тождественных случаях приходит к решающему выбору, этим выбором она и утверждается, проявляет себя. Эти "феномены диффузии, — пишет Бродель, — явно недооцененные Тойнби, мне представляются в виде наилучшего пробного камня в суждениях о жизнеспособности и оригинальности любой цивилизации"^{99*}.

* Ф. Бродель решительно выступал против реакционных выводов (правда, не называя их таковыми) Шпенглера и Тойнби о "закате Европы", об "упадке" западной цивилизации, начало которого Тойнби, например, связывал с 1550 г. "Я боролся, — пишет Бродель, — против этих упрощенных представлений и "великих" разъяснений. В самом деле, в какую из этих схем можно было бы с легкостью вписать судьбу Средиземноморья.

Бродель не дает никаких объяснений этой способности цивилизаций к заимствованиям и отказам от них, указывая лишь, что они совершаются иногда осознанно, а иногда бессознательно. В то же время вся история человечества оказывается у него всецело зависящей от этой необъяснимой способности. Следовательно, и любое продвижение вперед в истории, если оно и есть, выглядит не как естественноисторический процесс, не как следствие присущей каждому обществу внутренней детерминации, а как результат чисто случайных встреч различных цивилизаций, как результат их субъективного выбора. Однако, сколь бы загадочной ни выглядела эта способность цивилизаций осуществлять выбор, для Броделя она является поистине пробным камнем их жизнеспособности. В его работе "Современный мир", например, говорится о порожденном "коллективным бессознательным", решительном отказе, который на наших глазах "отстраняет развитой Запад и англосаксонскую Америку (включая Канаду) от марксизма". "... В данном случае,— поясняет Бродель,— речь идет, вероятно, об отказе одной цивилизации от другой"¹⁰¹. Не нужно объяснять, в какой поток реакционных течений буржуазной историографии, хотел того или нет сам Бродель, вливаются все эти его разглагольствования*.

Вне всяких сомнений, здесь не было единой модели упадка. Модель можно воссоздать лишь для каждого случая, начиная с базовых структур". Сам Бродель считает, что в 80-х годах XVI в. имел место, если воспользоваться схемой Э. Лабрусса, лишь очередной "кризис старого типа". Он вообще избегает термина "упадок", а говорит о нарушении "материального равновесия", об окончании "первенства" Средиземноморья и связывает эти явления с 1650 — 1680 гг.¹⁰⁰.

* Французские историки, отмечают, например, ученые-марксисты Ж.-Ж. Гобло и А. Пелетье в работе "Исторический материализм и история цивилизаций"¹⁰², в своей массе не высоко ценят дилетантство Шпенглера и не склонны воспринимать антинаучные понятия Тойнби. Но может быть, ставит вопрос Ж.-Ж. Гобло, данные авторы оказывают на французских историков более сильное влияние, чем это кажется самим этим историкам? К чему ведет произвол разработанных Шпенглером и Тойнби понятий, можно составить представление по документам конференции, организованной в 1961 г. в Зальцбурге Международным обществом сравнительного изучения цивилизаций. Там обсуждались вопросы "типологического метода", "души цивилизации", "метаистории" и различные теологические проблемы; ставился вопрос о будущем "западной цивилизации", о том, является ли Россия составной частью европейской цивилизации ("еретический" вариант которой она якобы представляет) или не является (якобы из-за большевизма в ней преобладает азиатское влияние, точнее, "дух турецко-татарской языковой группы"). В работе этой конференции принимали участие Тойнби, Андерль, Сорокин, Хилькман и др. Никто из французских историков не участвовал в этих дебатах, и можно было бы радоваться, говорит Ж.-Ж. Гобло, такому единодушию. Но достаточно ли в подобных случаях оказаться среди воздержавшихся?

Наконец, раскрывая сущность понятия "цивилизация", Бродель характеризует ее с точки зрения временных параметров. Его "цивилизации" отличаются прежде всего долговечностью. "Каждый из нас знает,— пишет Бродель,— что любое общество или социальная группа всегда оказываются более или менее тесно связанными с какой-то одной, а чаще всего с целой серией различных, но в то же время накладывающихся одна на другую цивилизаций. Каждая из этих цивилизаций и все они в совокупности вовлекают нас в гигантское историческое движение очень большой продолжительности. Это движение становится для каждого общества источником только ему присущей внутренней логики и в то же время находит свое проявление в бесконечных противоречиях, присущих движению в целом"¹⁰³.

Смысл всех этих несколько туманных рассуждений Броделя проясняется, когда речь заходит об изменениях во времени, затрагивающих цивилизацию. Дело, оказывается, в том, что внутри той или иной цивилизации, если смотреть на нее с позиций очень большой продолжительности, "социальное содержание может дважды, а то и трижды почти полностью обновиться; при этом, однако, не затрагиваются определенные глубинные ее черты, структурные проявления, которые по-прежнему будут сильно отличать ее от всех соседних цивилизаций"¹⁰⁴. Цивилизации переживают политические, социальные, экономические и даже, что особенно подчеркивает Бродель, идеологические потрясения. "Французская революция,— пишет он,— не стала полным разрывом в судьбе французской цивилизации, точно так же как и революция 1917 г. в судьбе цивилизации русской, которую кое-кто (имеется в виду Тойнби.— Ю. А.), чтобы еще больше расширить это понятие, называет восточноправославной цивилизацией"¹⁰⁵.

Теперь становится понятным, что означала для Броделя "готовность историка изменить весь стиль, установки, направленность мышления, готовность принять новую концепцию социального"¹⁰⁶, о чем он писал в 1958 г. в своей знаменитой статье "История и социальные науки. Большая продолжительность"^{107*}. Для М. Блока "социальное" складывалось прежде всего из отношений между людьми, между различными социальными группами в обществе. В новой концепции Броделя "социальное"— это то, что не подвластно моментам разрыва постепенности, в чем выражается преемственность неизменного, что

* Это единственная пока методологическая статья Ф. Броделя, опубликованная на русском языке¹⁰⁸.

Человечество в целом или каждая из цивилизаций, существующих на Земле, не в состоянии забыть. Иначе говоря, это все то, что связывает настоящее с длительностью, идущей из прошлого. "Социальное"— это язык, алфавит, счет, огонь, паровой двигатель и т. п.— словом, те основы, то достояние, которое на сегодня стало общим, обезличенным для любой культуры на определенном уровне ее развития. В этой связи французский философ-марксист А. Пелетье справедливо заметил, что "народное достояние — это не механическое и бесцветное сложение всего того, что осталось нам из прошлого, это не какая-то сумма пережитков. Это понятие включает в себя и целую серию победных сражений, преодоленных противоречий". Версальский дворец, например, с момента его постройки в XVII в. и до 1789 г. был прежде всего резиденцией короля и его двора. Нужна была революция, чтобы этот дворец превратился преимущественно в национальное достояние. Не передвинув ни одного камня, французская революция подвергла Версальский дворец глубокому преобразованию — она сделала его памятником преодоленного противоречия, т. е. прошлого, одновременно и уничтоженного и сохраненного,— превзойденного прошлого¹⁰⁹.

Итак, в самом общем виде представления Броделя о предмете исторической науки сводятся к следующему. Главное, что он сохранил из творческого наследия М. Блока и Л. Февра,— это идея целостности, системности как исходный принцип рассмотрения исторической действительности. Можно сказать, что в результате дальнейшей разработки на конкретно-историческом материале и в теоретическом плане таких понятий, как "эшелонированность исторической реальности", "социальное время различной продолжительности", "пространство и время", "общество и цивилизация" и других, Бродель затронул сложные проблемы исторической науки и тем самым объективно способствовал расширению и углублению (по сравнению с Блоком и Февром) представлений об объекте этой науки, обратил внимание на дополнительные возможности более углубленного его исследования. Следует также сказать, что Бродель, как и Блок, стремился рассматривать объект исторического наблюдения не в статическом, а в динамическом его состоянии. Собственно, все категории, которыми он мыслил, и те, что уже были названы, и другие, такие, как "соотношение структур и конъюнктур", "цивилизации и время", "время — это структура" и т. п., — все они были призваны зафиксировать соотношение во времени различных проявлений "тотальности социального" ("не упрятывать время, как ветер в сумку Зола"). Вместе с тем в работах

Броделя определился и некоторый отход от позитивных идей его предшественников. Он выразился, в частности, в его стремлении рассматривать объект исторической науки сквозь призму больших продолжительностей — постоянств, фиксировать преимущественно не то, что изменяется, а то, что остается неизменным. Кроме того, Бродель внес существенные коррективы в понятие социального. В отличие от Блока и Февра оно стало у него более "материализованным", более "вещным", а собственно социальные отношения практически выпали из поля его зрения. Хотя он и констатировал в своих работах такие явления исторической действительности, как экономическое и социальное неравенство, эксплуатация человека человеком, классы и классовая борьба, но никогда не проявлял к ним особого внимания. Даже умеренный социал-реформизм Э. Лабрусса в научном его выражении представлялся нежелательным Броделю, и он надеялся, что созданная на Римском конгрессе историков специальная Международная группа по изучению истории классов решительно сократит в программах Э. Лабрусса аванс, заимствованный из абстрактной социологии К. Маркса, слишком озабоченной концепцией классов"¹¹⁰.

И еще одну линию хотелось бы провести между М. Блоком и Ф. Броделем. С точки зрения общей эволюции школы "Анналов" она является едва ли не самой главной и проходит в направлении усугубления Броделем негативных моментов исторической концепции Блока. Эта линия затрагивает проблему исторического развития, а просматривается она особенно отчетливо в постановке и решении Броделем вопроса об объекте исторического наблюдения, а также в характере наиболее широко используемых им методов научного анализа.

К вопросу о главной исследовательской задаче, как и к вопросу о предмете истории, Бродель возвращался неоднократно. Можно было бы привести различные его высказывания, которые, варьируясь в деталях, каждый раз оттеняют все новые и новые моменты. Не останавливаясь на этих деталях, мы попытаемся определить прежде всего направление поиска Броделя и общий знаменатель всех его взглядов по этому вопросу. Для этого придется сделать небольшое отступление. Бродель, как правило, очень осторожен в отношении обобщающих заявлений и редко прибегает к широким ретроспективным обзорам, когда дело касается принципиальных проблем западного обществоведения. Но по крайней мере один раз, насколько нам известно, он изменил этому правилу. Это произошло в 1957 г., когда он написал упоминавшуюся уже статью "История и социология",

которая вошла как IV глава в "Трактат о социологии", подготовленный под руководством Ж. Гурвича. Видимо, сам характер "Трактата", его претензия на обобщение всего того, что противостоит в буржуазном обществоведении марксизму, вынудили Броделя подчиниться общей схеме этой публикации, высказать свое мнение о достигнутом буржуазной исторической наукой, заглянуть в будущее. В результате получилась весьма любопытная картина.

Говоря об общем развитии наук о человеке, Бродель отметил прежде всего, что "они заражаются одна от другой и история не избежала этой эпидемии"¹¹. Если бросить ретроспективный взгляд на период с начала XX в., пишет он, то в нашем распоряжении будет, не считая многих тысяч "портретов" истории, представленных книгами отдельных авторов, как минимум десяток аналитических публикаций. Далее он называет ряд работ, со многими из которых мы уже знакомы: "Введение в изучение истории" Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, "Введение в философию истории" Р. Арона, "Апологию истории" М. Блока, "Битвы за историю" Л. Февра, "Введение в историю" Л. Альфена, "Время истории" Ф. Ариеса, "История — наука о конкретном" Е. Дарделя, "Об историческом знании" А.-И. Марру и др.

Перечисленные Броделем работы весьма различны по исходным методологическим принципам и общей идейно-политической направленности. Все они вместе представляют довольно пеструю гамму течений буржуазного обществоведения первой половины XX в. — от "классического" позитивизма Сеньобоса до экзистенциализма Дарделя и неоидеалистической клерикальной философии истории Марру. Будучи неполной, ограниченной рамками лишь французской литературы, эта библиография, по мнению Броделя, давала тем не менее возможность составить представление об основных вехах полемики между различными буржуазными историографическими течениями и о самих ее пределах.

Броделю очень хотелось доказать, что расхождения, имевшие место между отдельными буржуазными историками и социологами, никогда не были принципиальными по своему характеру, — и в этом он не далек от истины, — что все они обусловлены либо столкновениями неодинаковых стилей, либо различиями в темпераментах. Наверное, и темпераменты сыграли здесь свою роль. Но, видимо сам того не желая, Бродель в своей ретроспективе уже самим фактом выбора представителей французской социологии и историографии и сопоставления их взглядов обнажил два магистральных направления, по которым шло развитие

всего буржуазного обществоведения в XX в.* Одно из них уходит своими истоками в эпоху Просвещения с ее идеями "органического" развития, прогресса, законосообразности, рационализма, генерализации. Второе берет начало от прусских романтиков исторической школы права с ее "апостериорным" историзмом, с пристрастием к индивидуальному, однократному, неповторимому, той исторической школы, "которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут..."¹¹³.

С годами эти два господствующих направления, как правило сохраняя общее для них обоих свойство — метафизический способ мышления, модифицировались, дробились на отдельные течения и школы, обростали "новыми" теориями, обогащались, каждое на свой манер, новым арсеналом методов и правил. Нередко они соперничали между собой; имело место и сближение этих двух линий, по которым развивалась буржуазная историография. На почве французской действительности, например, такое сближение имело место в конце XIX в. и выразилось в форме господства позитивистской историографии. В первые десятилетия XX в., и в особенности после создания школы "Анналов", воплотившей в себе на какое-то время многие лучшие традиции, присущие первому направлению, две указанные линии значительно разошлись. Противоборство между ними иногда приобретало довольно острый характер и персонифицировалось в таких парах-антиподах, как Сеньобос — Февр, Хозе — Симиан, Марру — Калло и др. Но всегда находились и миротворцы. Пытался выступать в такой роли Ж. Лефевр. Однако он не обладал необходимыми для этого качествами, да и многие его взгляды были слишком уж "колючими" как для одной, так и для другой стороны. А вот Бродель в такой роли преуспел. Правда, и ему было нелегко. Нужно было разработать такую широкую историко-социологическую концепцию, которая хотя бы в своей основе стала приемлемой для большинства представителей обоих направлений. И Бродель нашел выход из затруднительного положения. "Если я не заблуждаюсь,— писал он в рассматриваемой статье,— то отличительная особенность глубинного движения сегодняшней исторической науки состоит не в выборе одного из путей или одной из точек зрения, а в том,

* На эти две господствующие тенденции в развитии буржуазной историографии обратил внимание в одной из своих работ М. А. Барг¹¹².

чтобы принять их все, суммировать все доставшиеся нам в наследство определения истории, в каждое из которых тщетно пытались раньше заключить эту науку. Сколь бы ни были различными типы исторической науки, представленные вышеприведенной библиографией, все они являются *нашими*" (курсив наш.— Ю. А.)¹¹⁴.

Бродель обошел вопрос о том, на какой же методологической основе должно осуществиться суммирование различных "типов исторической науки". Не случайно его попытка механически объединить все разновидности буржуазной исторической мысли привела к тому, что их общим знаменателем оказался эклектизм. Что же касается главного направления сближения разнородных буржуазных интерпретаций истории, им стало, может быть, не вполне сознательное, но вполне отвечающее идеологии буржуазного реформизма стремление Броделя изъять из истории понятие "*общественное развитие*", заменив его понятием "*состояние исторической действительности на данном отрезке времени*".

Заканчивая свой обзор, Бродель с удовлетворением констатирует: вот наконец и сблизились те понятия и категории, с помощью которых каждый историк, "верный учению Февра и Мосса, призван охватить *тотальность социального*". Далее он перечисляет эти категории и рассматривает их взаимосвязанно — и как проявления исторической действительности, и как средства познания. Это — "уровни в глубину" социальной реальности, продолжительность и различные ритмы социального времени, структуры, конъюнктуры, события¹¹⁵. Все перечисленные категории нашли отражение и в броделевской формулировке главной исследовательской задачи исторической науки, которая в наиболее полном виде приведена именно в рассматриваемой статье и сводится к следующему.

В обширном семействе наук о человеке, отмечает Бродель, установилась — или должна установиться — единая терминология, поскольку и научная проблематика все больше и больше становится общей. Терминологическое единство находит выражение в победном шествии двух наиболее соответствующих данному моменту понятий: "модель" и "структура"¹¹⁶. Социальная наука, пишет он далее, должна хоть как-нибудь, но непременно сконструировать модель, дать предварительно общие и частные разъяснения социального, затем сопоставить эту модель с эмпирической, озадачивающей реальностью. Такой подход, по мнению Броделя, был бы наиболее ясным, наиболее простым с точки зрения его научного использования. На этой основе социальная

наука должна отбирать, вычленять, воспроизводить, учитывать противоречия, т. е. подвергать их серьезному исследованию¹¹⁷.

Следует сказать, что в общем такая постановка вопроса заключала в себе большие потенциальные возможности. Но далее Бродель перечисляет конкретно, что именно, по его мнению, историк должен усмотреть в объекте своего наблюдения, какие противоречия он призван обнаружить: "Имеет или не имеет социальное эту ступенчатую, "слоистую" структуру? Меняется ли реальность от ступени к ступени, от яруса к ярусу? В таком случае она прерывается "по вертикали". Обладает ли она структурностью на всей своей глубине или лишь на некоторой? За пределами жесткой оболочки структур как будто бы располагаются неорганизованные свободные зоны реальности, обладающие и не обладающие структурностью, плоть и кровь социального. А движение, увлекшее за собой общество, обладает ли оно также структурностью в соответствии со схемой структуры, называемой "динамичной"? Или, если хотите, существует ли закономерность неизбежно повторяющихся фаз во всех явлениях исторической эволюции? "Движение истории" вроде бы не действует вслепую..."¹¹⁸

Не трудно заметить, что если общая постановка вопроса о задачах исторического исследования затрагивает главным образом область логики научного познания, то в данном случае оттеняется социологический аспект. И опять-таки в самом общем виде набор проблем, выдвигаемых Броделем перед социологией и историей, выглядит весьма внушительным с научной точки зрения и представляется достойным самого углубленного исследования. Нельзя также не обратить внимание на то, что все вопросы, сформулированные Броделем, предполагают осуществление структурно-функционального анализа. Можно было бы предположить, что упоминаемые здесь "движение истории" и "динамичная структурность" содержат в себе элементы таких понятий, как "изменение", "развитие". Но это не вполне ясно выражено. Скорее здесь можно усмотреть нацеленность на выяснение функциональных корреляций. Однако не будем гадать и додумывать что-то за Броделя. Для более полного представления о понимании им главной исследовательской задачи истории нам придется спуститься еще на один порядок ниже, чтобы выяснить не только как эта задача формулируется Броделем в логических и социологических категориях, но и как она решается им в конкретно-исторических исследованиях.

"Средиземноморье" Ф. Броделя — это, как говорил он сам, "своего рода очерк глобальной истории, изложенной по трем

последовательным реестрам, или трем "уровням", а лучше сказать, по трем различным временным измерениям; при этом цель состоит в том, чтобы охватить в самых широких диапазонах все ритмы различной продолжительности, относящиеся к прошлому, найти в этом сосуществование, интерференции, противоречия, многоступенчатую глубину истории". "На мой взгляд,— замечает Бродель,— историю следовало бы петь, истолковывать на несколько голосов, что имеет, однако, одно очевидное неудобство, которое заключается в том, что слишком часто различные голоса будут перекрывать один другой и не всегда найдется голос, который мог бы солировать и в значительной степени выделялся бы на общем фоне"¹¹⁹.

В какой мере самому Броделю удалось этого добиться? С абсолютной определенностью ответить на такой вопрос трудно. Для этого нужно было бы пройти вслед за Броделем большой и сложный путь, охватить всю творческую лабораторию этого ученого, составить представление о проанализированной им огромной массе источников, литературы, а может быть, и привлечь дополнительные данные. Оставим это для будущих исследователей творчества Броделя. А пока что ограничимся лишь самой общей оценкой и прислушаемся прежде всего к мнению тех ученых, которые занимались смежной с ним проблематикой и хорошо знают соответствующий период европейской истории, и в том числе истории Средиземноморского региона.

Поставленная задача была разрешена Броделем не полностью по двум основным причинам: во-первых, из-за ее объективной сложности и, во-вторых, в силу изъянов в исходных методологических принципах, которых придерживался Бродель. Ему действительно удалось воспроизвести несколько "вертикалей" — от почти неподвижных глубин истории до "пены на гребне волны", т. е. политических событий. Известный итальянский буржуазный историк Эрнесто Сестан указал, в частности, на некоторые из таких "вертикалей"¹²⁰: морское пиратство, эпидемии, сезонные ритмы (лето со свойственной ему стремительной жизнью и зима с ее вечерней болтовней ни о чем в крестьянских домах), навигация, типы городов, демографические скачки, проблемы хлеба и голод и многие другие. Но синхронизация как метод исторического исследования, пренебрежение к генетическому анализу, отождествление несводимости детерминизма к одному из факторов с ненужностью отыскания решающих

факторов исторического объяснения* — все это привело к тому, что большинство из выстроенных Броделем "вертикалей" оказались в стороне от магистрального направления исторического развития и лишь частично, поверхностно соприкоснулись с проблемами генезиса капитализма, что было главным для рассматриваемой эпохи.

Однако в оценке "Средиземноморья" Броделя нельзя ограничиться констатацией того, что удалось и что не удалось ему решить в конкретно-историческом плане. Надо иметь в виду, что эта работа представляет собой броделевскую модель объекта истории и способов его адекватного научного отражения, и в этом смысле ее значение для последующего развития исторической науки выходит далеко за рамки ее конкретного содержания.

Что касается работы Броделя "Материальная цивилизация и капитализм", то здесь еще сложнее говорить о степени решения его исследовательской задачи, так как на сегодня мы имеем лишь одну из трех частей задуманного автором труда. Правда, во введении и в заключении к этой первой книге Бродель довольно определенно сказал о том, к чему он стремился и что намеревался сделать в будущем в плане общей оценки значения периода XV — XVIII вв. в масштабе всемирной истории. В самом начале этой работы мы находим внешне очень четкую постановку главной задачи: основной целью всего исследования Бродель считал выяснение того, "каким образом тот порядок, та сложная система существования, которая ассоциируется с понятием "старый режим", каким образом она, если ее рассматривать во всемирном масштабе, могла прийти в негодность, разорваться; как стало возможным выйти за ее пределы, преодолеть препятствия, свойственные этой системе? Как был прорван, как мог быть прорван потолок? И почему лишь в пользу некоторых, оказавшихся среди привилегированных на всей планете"¹²².

Анализируя этот круг проблем в свете броделевского представления о главной исследовательской задаче исторической науки вообще и своей работы в частности, нельзя не обратить внимание прежде всего на грандиозность его замысла. Поставить перед собой цель воспроизвести на основе конкретно-исторического материала общую картину жизни мира на отрезке времени

* "Мы не верим, — писал Ф. Бродель, — в возможность объяснения истории с помощью того или иного доминирующего фактора. Односторонней истории не существует. Ни расовые конфликты, ни экономические ритмы, ни постоянства социальных напряженностей, ни явления духовной жизни и т. д. никогда не выступают в истории в роли исключительных доминант"¹²¹.

в четыре столетия, представить ее в виде единой системы и установить момент нарушения равновесия в этой системе, указать на узловые точки, в которых проявились разрывы, ответить на вопрос "почему" — для такого замысла нужны были огромная целеустремленность и уверенность в своих силах.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, — это само существо поставленной Броделем проблемы. Марксистская историография рассматривает XV — XVIII вв. как один из переломных периодов мировой истории — период разложения феодального и становление капиталистического общественного строя¹²³. Об этом Бродель отлично знал, в частности из трудов С. Д. Сказкина и Б. Ф. Поршнева, которые он высоко оценивал. Если под этим углом зрения посмотреть, как Бродель формулирует главную исследовательскую задачу, станет очевидным, что она только внешне выглядит четкой и ясной, на деле же порождает массу дополнительных вопросов. Почему, например, он говорит не о конкретном обществе или обществах, а упорно настаивает на мировом масштабе? Какой смысл он сам вкладывает в понятие "старый режим"; подразумевает он под системой, которая "пришла в негодность", феодализм, как предшествующий капитализму этап в истории человечества, или что-то иное? Что означает фраза о выходе за пределы разорвавшейся системы, о "прорыве потолка"? Следует ли под этим понимать, что один строй прогнил, рухнул, а на смену ему пришел другой, более прогрессивный, или же здесь речь идет с нарушениях равновесия внутри одной системы связей в мире и об установлении новых связей? А может быть, "прорвать потолок" — значит вырваться за пределы возможного, определяемые одной системой, в плане экономического роста? Наконец, что значит "привилегированные"? Под этим понимается кто-то или что-то, т. е. сильные мира сего — класс капиталистов или же группа стран, какие-то регионы земного шара? А как понимать броделевское "почему", отнесенное к этим "привилегированным"? Может быть, оно целиком направлено на поиск причин превращения отдельных "уголков" мира в разряд привилегированных?

В первой части работы Броделя "Материальная цивилизация и капитализм" далеко не на все эти вопросы можно найти четкий ответ, даже на те из них, которые сформулированы самим автором в качестве главной исследовательской задачи. Возможно, в какой-то мере это объясняется незавершенностью работы. Но и то, что осуществлено Броделем, позволяет говорить о некоторых наиболее принципиальных его представлениях об историческом процессе.

Рассматривая во всемирном масштабе период с XV по XVIII в., пишет Бродель, следует говорить не об "обществах"— это понятие, по его мнению, слишком расплывчато,— а о "социоэкономиках" (*socio-économies*). В этом смысле, допускает Бродель, можно было бы даже воспользоваться терминологией К. Маркса при типологизации различных "социоэкономических" архитектурных ансамблей — одних для рабов и рабовладельцев, других для крепостных и для сеньоров, третьих для деловых людей и для предшественников будущих капиталистов — при одном, однако, непременном условии: надо отбросить "его четкие формулировки, жесткий порядок, который, как это казалось Марксу, заставляет любое общество двигаться от одного типа структуры к другому"¹²⁴.

Бродель предложил свои критерии типологизации, иерархизации, расположения "социоэкономических" структур на планете, и в этом едва ли не главная идея всей его книги. Архитектурный ансамбль, который намеревался выстроить Бродель, планировался трехэтажным: материальная жизнь, экономика, капитализм. Сооружение свое Бродель начал, естественно, с первого "этажа". Здесь он безропотно подчинился неодолимой силе, увлекавшей его, как мощный магнит, и оказался наедине с предметом своих основных интересов — с землей. Он в который раз взывает к земле, пытаясь объяснить все сущее, все происходящее на ней. Что же можно объяснить с помощью этой "безлюдности", этой рутины, с помощью этих смиренных проявлений жизни на самой низшей ее ступеньке? Все, утверждает Бродель, поскольку именно эта самая низшая ступенька включает в игру все остальные. "Начиная с первой главы этой книги,— пишет он,— я пытался об этом сказать, подчеркивая разность уровней в неравном мире людей"¹²⁵. Именно условиями материальной жизни объясняет Бродель разделение всех стран на планете на "привилегированные", а к их числу он относит те, в которых зародился капитализм, и "обездоленные", которые, "довольствуясь бесконечной перефабрикацией своих структур в ограниченных рамках присущих им элементов", продолжают неизменно пребывать в числе "застойных обществ", "традиционных цивилизаций".

Говоря о "неравном мире людей", Бродель имел в виду не только различия между цивилизациями; неравенство присуще и каждой "социоэкономической" структуре. "На протяжении многих страниц этой книги,— пишет Бродель,— речь шла о бедных и богатых, о роскоши и нищете, о двух противоположных берегах жизни. Это повторяющиеся истины"¹²⁶.

В чем же причина неравенства в этом смысле? И здесь Бродель снова пытается "дополнить" Маркса, "превзойти" его. "Нет, — решительно заявляет он, — не только в присвоении "прибавочной стоимости"; оно возникает не только в процессе труда людей". Неравенство, по мнению Броделя, проистекает также из-за различия в возможностях, из-за существования определенных условий, которые позволяют не только во всемирном масштабе, но и в рамках отдельной страны занять лучшее место, какой-то из "участков", который будет более выгодно "обрабатывать", чем другие. "Выбирать, даже если этот выбор довольно ограничен, — какая огромная привилегия!"¹²⁷ Такими словами заканчивается книга Броделя "Материальная цивилизация и капитализм". В свете осуществленного нами анализа решения Броделем основной исследовательской задачи этот его вывод звучит как убедительное свидетельство ограниченности буржуазной исторической мысли.

Анализ историко-социологической концепции Броделя еще раз подтверждает органическую связь основополагающих принципов любой теории, представлений об объекте научного наблюдения с исследовательским методом. Бродель пользовался большим набором средств и методов исторического анализа. Он одним из первых во французской буржуазной историографии внедрил в практику метод моделирования*. В работах "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II" (особенно во втором издании), "Материальная цивилизация и капитализм" он широко применяет количественный анализ, картографические методы. Как мы уже видели, Бродель взял на вооружение исторической науки методы и средства познания многих других отраслей знания — социологии, экономических наук, этнографии и др. Существенное расширение арсенала средств познания было обусловлено его взглядами на предмет исторической науки, в котором он усматривал такие свойства, как комплексность, многогранность, системность. В то же время неспособность Броделя увидеть подлинное единство самого предмета повлекла за собой и отсутствие единого принципа, логически объединяющего все эти методы**. Группировка их

* Ф. Бродель неоднократно подчеркивал, что приоритет в разработке и применении этого метода принадлежит К. Марксу. "Гений Маркса, — писал он, — секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе"¹²⁸.

** На это обратил внимание, в частности, французский философ Л. Альтюссер, отметивший, что Ф. Бродель не понял структуру целого; сконцентрировав внимание на характеристике глобального общества

по степени важности определялась не соответствием объективному содержанию предмета исследования, а субъективными представлениями о нем самого Броделя. Не случайно именно структурно-функциональный подход и метод исторической синхронизации оказались на первом месте в его исследовательской практике. Что касается первого из них, то о нем в какой-то мере уже говорилось. На методе же синхронизации следует остановиться подробнее.

Этот метод имеет определенные преимущества¹³⁰. Вместо "оси последовательного времени" (диахрония) он выдвигает на первый план в историческом исследовании "ось одновременности" (синхрония), что дает возможность осуществить как бы "поперечное рассечение" истории отдельного региона или всего мира на каждом данном этапе развития. Синхроническое исследование, охватывающее несколько стран, позволяет, как отмечал Б.Ф. Поршнев, частично преодолеть ограниченность истории одной страны. Отдельную страну нельзя обособить от широкой исторической среды, в которую она органически включена. Синхронический срез на карте мира обнаруживает не только границы между соседними государствами или между территориями народов и племен, но и границы других различий: языков, культурных общностей, вероисповеданий, экономических уровней, денежных систем и т. п. Наконец, этот метод позволяет выделить те аспекты исторической действительности, на основе которых возможны заключения о единстве мировой истории. Однако метод синхронического, или горизонтального, анализа, если его абсолютизировать, может привести к упрощению и даже искажению исторической действительности, на что, в частности, обратили внимание советские ученые И.В. Галактионов и А.Д. Эпштейн¹³¹. Если недостатком традиционного рассмотрения, отмечают они, являлась известная обособленность истории отдельных стран, то его очевидным преимуществом был историзм. При неизбежной сжатости хронологических рамок синхронного рассмотрения историк имеет дело не с глубинными процессами развития, а лишь с теми их проявлениями, которые фиксируются применительно к моменту предпринятого автором "поперечного рассечения".

Пожалуй, никто из историков до Броделя не применял столь широко метод исторической синхронии. На основе этого метода созданы обе его наиболее важные работы, к нему он неоднократно

в категориях различных временных ритмов и образов действия, он не рассматривал общество с точки зрения исторических отношений¹²⁹.

возвращался в своих теоретических исследованиях. И вряд ли у кого нагляднее, чем у Броделя, проявились одновременно и достоинства и недостатки этого метода.

Работы Броделя поистине грандиозны в смысле единовременного охвата огромного количества взаимосвязанных и взаимодействующих структур, явлений, процессов – в одном случае в масштабах региона, в другом – всего мира. Как уже отмечалось, хронологические рамки его "Средиземноморья" сравнительно невелики – вторая половина XVI в. Но Броделю удалось показать очень многие проявления органического единства этого региона*. Выполняя в этом исследовании одновременно роль историка, социолога, географа и этнографа, он доказал, что в ряде случаев более или менее существенные изменения в одном месте сказывались во всем этом огромном районе. Например, повышение цен в Севилье или новый коммерческий маршрут Барселона – Генуя влекли за собой целую серию отзвуков, которые затем проявлялись в едином для всего региона феномене. Сотни взаимодействий, таких, как климат и ритм социальной жизни, жители гор и прибрежных равнин, города и дороги, явления духовной жизни и развитие техники, взаимоотношения различных этнических общностей и т. п., нельзя было бы установить, рассматривая обособленно историю какой-либо одной страны.

Во вступительной лекции, прочитанной в Коллеж де Франс в 1950 г., Бродель рассказал о предпринятой им совместно с группой молодых ученых попытке исследовать общую мировую конъюнктуру в XVI в. И на этот раз удалось воссоздать впечатляющую картину самых разнообразных взаимодействий и взаимовлияний, нащупать почти неуловимые нити, которые связывали самые отдаленные точки планеты. Казалось бы незначительные технические усовершенствования в одном месте, такие, например, как перестановка артиллерийских орудий на корабельных палубах или уменьшение тоннажа парусников, влекли за собой не только полные драматизма события на всех морях и океанах, но и серьезные изменения в расстановке сил между отдельными государствами¹³³. Широкие взаимодействия

* Следует отметить, что Бродель не преувеличивал степень единства мира в тот период. "Человечество, – писал он, – обрело тенденцию к тому, чтобы стать единым, лишь с конца XV в. До этого времени – а по мере того как мы уходим в глубь веков во все большей степени – оно было разъединено по различным "планетам", каждой из которых была своя цивилизация, своя собственная культура. Даже будучи расположенными рядом, они никогда не смешивались между собой"¹³².

были выявлены и в духовной жизни¹³⁴, что стало возможным лишь с помощью синхронического анализа.

Метод исторической синхронии используется и в работе Броделя "Материальная цивилизация и капитализм". Хронологические рамки исследования здесь более широкие, чем в "Средиземноморье", но ретроспективный взгляд также почти отсутствует. Как уже отмечалось, Бродель написал только одну из трех частей задуманной им книги. В этой первой части речь идет о материальной жизни мира, т. е. о самом нижнем "ярусе" истории, где господствуют структуры "большой продолжительности". В этом смысле для Броделя несколько веков всемирной истории — момент неизменяемости, вполне объяснимый в категориях синхронии. В течение всего периода с конца XIV по XVIII в., считает он, в Европе существовала система, которая может быть описана с помощью нескольких положений и правил, довольно четких по своему содержанию. Несмотря на все изменения, которые, бесспорно, имели место в течение этих четырех или пяти веков, мы можем констатировать, пишет Бродель, что экономическая жизнь обнаруживала определенное единство вплоть до потрясений XVIII в. и индустриальной революции. Благодаря именно этим неизменяемостям, постоянствам в таком, казалось бы, неупорядоченном мире устанавливался некоторый порядок, характерный для всего периода¹³⁵.

С помощью метода исторической синхронии Бродель находил то, что искал,— дополнительные связи и взаимодействия между явлениями, находящимися в статическом и динамическом состоянии; некоторые общие для каждого данного периода и для определенного региона проявления исторической действительности; многовековые структуры, которые человечество преодолевает с огромным трудом; некоторые из тех точек, где происходят встречи цивилизаций. Стала ли от этого общая картина более полной, более красочной? Бесспорно. Комплексность, многогранность, объемность и широта — эти качества действительно отличают работы Броделя и делают их, пожалуй, самыми оригинальными во всей буржуазной историографии.

Вместе с тем именно метод исторической синхронии наиболее зримо оттеняет все слабые стороны как основополагающих теоретических установок Броделя, так и его приемов исторического исследования. Глубинные процессы развития, объясняющие не появление дополнительных штрихов на карте мира, а качественно новое в ее характеристике, как правило, оставались "за кадром" его научного анализа. Воспроизведение периода XIV — XVIII вв. в категориях системы связей и взаимодействий

”функциональной социологии” и ”чистой экономики”, в виде чередования циклов экономических конъюнктур, ”нисходящих” и ”восходящих” фаз не позволило Броделю установить, что в это время на смену феодализму как общественно-экономической формации в результате буржуазных революций пришел капитализм.

Подведем некоторые итоги нашего анализа историко-социологической концепции Броделя.

При оценке места и роли творчества Броделя в истории французской исторической науки очень важно обратить внимание на два момента: на общую методологическую направленность его трудов и объективно вытекающие из его основополагающих установок и осуществленных им исследований выводы идеологического и политического характера, с одной стороны, и на конкретно-историческую разработку им отдельных проблем — с другой. В том и другой случае, как это очевидно из приведенного анализа, оценка не может быть однозначной.

В отношении общей методологической направленности и объективных результатов деятельности Броделя, если их рассматривать с точки зрения социальных функций буржуазной исторической науки в современных условиях общественного развития, следует со всей определенностью сказать: по своему существу, в главном эта направленность антимарксистская и сводится к тому, чтобы опровергнуть взгляд на историю как на единый, закономерный, объективный процесс развития и смены общественно-экономических формаций, осуществляющийся в форме революционных скачков. В плане политическом выводы Броделя используются для обоснования незыблемости капитализма, бессмысленности поиска путей и способов его ликвидации. Однако было бы глубоко ошибочным полагать, что Бродель сознательно занимался изобретательством фальсификаторских приемов исторического объяснения и руководствовался заранее определенными целевыми установками идеологического и политического характера. Вся его деятельность сопровождалась углубленными научными поисками, результаты которых во многом можно оценить позитивно. И в методологическом и в конкретно-историческом плане он способствовал продвижению исторического знания к объективной истине, и в этом смысле его научные достижения не вызывают сомнений. Это касается прежде всего разработки таких проблем, как география человека, история материальной культуры, история человечества как сложная система с сотнями линий, по которым осуществляются связи и взаимодействия между самыми различными факторами,

явлениями, процессами в крупных регионах и во всемирном масштабе, и др.

Такая полярность оценок общих результатов деятельности одного ученого может вызвать недоумение. В самом деле, антимарксистская направленность и рациональное знание. Но то, что делает особенно сложным историографический анализ трудов действительно выдающихся буржуазных ученых, является одновременно и основанием для углубленного их анализа. Выявление идейно-смысловых нюансов основополагающих понятий необходимо для оценки конечных результатов буржуазной исторической мысли и, что не менее важно, для дифференцированного подхода к немарксистским идеологическим течениям. В.И. Ленин указывал, что "закрывать просто глаза" не только на буржуазную науку, но даже и на самые нелепые учения до крайнего мракобесия включительно, конечно, безусловно вредно..."¹³⁶. Ясно и то, что рассмотрение любой исторической концепции не должно ограничиваться, как это иногда бывает, лишь характеристикой ее идейно-политического содержания. "Сколь бы тесной ни была связь между научным зерном и идеологической шелухой,— справедливо заметил французский философ-марксист Люсьен Сэв,— разве следует отсюда, что не стоит прилагать усилий для того, чтобы отделить их друг от друга? Иначе всю работу Маркса над диалектикой Гегеля пришлось бы признать совершенно напрасной"¹³⁷.

В заключение приведем некоторые оценки концепции Броделя и отдельных ее положений, сделанные наиболее крупными историками.

Книгу Броделя "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II" нередко называют гениальной, она получила самое широкое признание на многих международных конгрессах историков¹³⁸. "... Работа Броделя,— отмечает уже упоминавшийся итальянский буржуазный историк Э.Сестан,— представляет собой школу в историографии и остается в высшей степени значительной для нашего времени"¹³⁹.

Вместе с тем историки, придерживающиеся самых разных позиций, выражают негативное отношение к некоторым теоретическим положениям и к отдельным результатам научных исследований Броделя. Тот же Э.Сестан, например, отметил следующее: "Несомненно, многие из структур, так гениально описанные Броделем (географические, естественные и др.), точно отражают реальность эпохи и способствуют полноте картины, но остаются несколько неподвижными и нейтральными по отношению к повседневной жизни, которая была все-таки отражена

в этих "презренных" событиях"¹⁴⁰. Французский буржуазный историк К. Леффор, оценив "Средиземноморье" как великий труд, как "одно из самых оригинальных начинаний нашей эпохи в социальных науках", обратил в то же время внимание на следующее. Не разъяснив в достаточной мере, какой смысл вкладывается в понятие "структура", Бродель осуществил целую серию мозаичных анализов, единство которых от нас, однако, ускользает. В объяснении им многих явлений очевидно проглядывает боязнь причинности. Приговор, вынесенный им причинным отношениям, ведет к фактологии, противоречащей самой социологической направленности работы¹⁴¹.

Разностороннюю характеристику трудов Броделя дали французские историки-марксисты.

Оценивая результаты научных исследований Броделя, П. Вилар, в частности, останавливается на разработке им проблемы времени и пространства. Считая рациональной саму постановку этой проблемы, Вилар отмечает, что предметом особого внимания Броделя является сопротивляемость некоторых структур изменениям в рамках "большой продолжительности". Такие "внеисторические" структуры, пишет Вилар, являются реальностью, но и они изменяются, как и вообще нет ничего полностью неизменного в глобальной структуре общества, которая в свою очередь сама постоянно изменяется. Акцентирование внимания на времени "большой продолжительности" может привести, считает Вилар, к дегуманизации истории. Убеждение Броделя в том, что задачей историка является поиск того, что произошло, без осмысления, почему это произошло, является данью позитивизму и неопозитивизму. В целом марксистская историография, говорит Вилар, могла бы принять во внимание некоторые проблемы, поставленные в трудах Броделя. Однако необходимо в полной мере учитывать ту опасность, которая проистекает из противопоставления Броделем двух миров — мира "короткого времени" и мира "большой продолжительности". Задача историка заключается скорее в том, чтобы установить отношения между ними, исследовать механизмы, которые связывают последовательность событий с динамикой структур. "Только на этой основе возможно сплочение лучших историков XX в. В сущности же это с неизбежностью привело бы их снова к Марксу"¹⁴².*

* Цитируемая статья П. Вилара называется "История после Маркса". Речь идет о буржуазной исторической науке, отвернувшейся от Маркса; отсюда смысл последней фразы.

А. Собуль обращает главное внимание на понятие социальной структуры общества в работах Броделя. Структура, отмечает он, это не только совокупность экономических, социальных, психологических отношений и долговечных связей, но и сплетение противоречий, подлежащее тщательному исследованию как в статическом, так и в динамическом аспектах. Некоторые структуры, говорит Собуль, действительно существуют продолжительное время, и тогда они становятся относительно стабильными элементами, превращаются в тормоз исторического движения, замедляют течение времени. Но структуры никогда не бывают абсолютно стабильными, им свойственны напряженность и внутренние противоречия, которые всегда приводят к их изменению и к установлению нового равновесия. В отличие от структурного анализа, который концентрирует все внимание на анатомии структуры, исторический анализ, уделяя должное внимание этой проблеме, главные усилия сосредоточивает на изменениях; он выходит за пределы синхронии, ему присущ одновременно и диахронический подход к исторической действительности¹⁴³.

Французский философ-марксист А. Пелетье подверг критическому анализу понятие цивилизации, которому придается важнейшее значение во всех работах Броделя. Это понятие, говорит Пелетье, носит у Броделя чисто абстрактный характер. Цивилизации, сколь бы обширными и долговечными он их ни представлял, не имеют у него конкретных основ, и прежде всего социальных и экономических. Более того, Бродель и его единомышленники, по мнению Пелетье, делают все возможное, чтобы лишить цивилизации той первоосновы, каковой является для них способ производства. В силу этого понятие цивилизации в трактовке Броделя не имеет научной ценности. В то же время оно приобретает очень важное значение с точки зрения социально-политической направленности его теории. "Цивилизации" Броделя отягощены прошлым. Настоящее здесь призвано не к тому, чтобы вносить изменения; его удел состоит лишь в том, чтобы служить продолжением прошлого. Не только одно, но даже несколько поколений ничего не в состоянии сделать против установившейся в веках действительности, которая буквально требует от них предоставить события их естественному развитию, оставаться пассивными¹⁴⁴.

С некоторыми оговорками в отношении неумеренных похвал, расточаемых в немарксистской историографии по адресу Броделя и его трудов, со всеми приведенными выше оценками можно согласиться. Надо, однако, иметь в виду, что сколь бы

правильными эти оценки ни были, они все-таки не являются исчерпывающими.

Весьма важно, например, учитывать, что сам Бродель, характеризуя свои теоретико-методологические принципы, подчеркивает, что не считает себя ни буржуазным, ни антимарксистским историком¹⁴⁵. Известны его позитивные отзывы о марксизме, он неоднократно отмечал в своих работах заслуги К. Маркса в плане обогащения исторической науки новыми средствами познания и т. п.* Не обратить на это обстоятельство внимания значило бы не оценить в должной мере очень важной тенденции в современной буржуазной историографии, нашедшей выражение в количественном и качественном усилении влияния марксизма на историческую литературу¹⁴⁸. В то же время возникает законный вопрос: а как относиться к тому, что является смыслом всей деятельности Броделя, — к его разработке концепции "глобальной истории". Оценить всесторонне эту концепцию можно лишь в том случае, если иметь в виду и другую, не менее реальную тенденцию современной буржуазной историографии — ее усиливающееся противоборство с марксистско-ленинским учением. Говоря о нарочитой озабоченности современной буржуазной исторической науки "понятием истории", П. Вилар очень тонко подметил, что "речь шла всегда о том, что необходимо это понятие "разработать", "создать", другими словами, признать, что научной истории никогда еще не существовало.

* С точки зрения эволюции отношения школы "Анналов" к марксизму интересно сопоставить, например, взгляды Л. Февра и Ф. Броделя. Первый из них, не очень хорошо зная содержание работ К. Маркса и Ф. Энгельса, иногда прямо противопоставлял свои взгляды по отдельным вопросам марксистским. При этом он подчас оказывался, мягко говоря, в пикантном положении. И дело не только в том, что наряду с остроумием и журналистским мастерством он демонстрировал и свое невежество в отношении марксизма. Сами идеи, которые он пытался в качестве более "гибких", "всеохватывающих" противопоставить "одностороннему", "прямолинейному" марксизму, выглядели тощими, поверхностными по сравнению с марксизмом. Особенно характерна в этом отношении его статья "Капитализм и Реформа", написанная в 1934 г.¹⁴⁶

Ф. Бродель в своих высказываниях никогда не допускал ни в какой форме выпадов против марксизма. По сравнению с Л. Февром он знает марксизм значительно глубже и как большой ученый смог правильно оценить отдельные стороны работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Марксизм, писал он, "это — самый мощный социальный анализ прошлого века". Однако нельзя не обратить внимание и на другое. Если не на словах, то по сути дела в его высказываниях, особенно если их рассматривать не изолированно, а в контексте, сквозит этакая высокомерная снисходительность, стремление подчеркнуть, что марксизм — это учение, каких было много, и, как любое учение, не лишенное рационального, он заслуживает в какой-то мере уважительного к себе отношения¹⁴⁷.

Замысел всегда выглядел как стремление отстоять познавательные возможности истории. Результатом же стало отрицание (даже в отношении трудов Маркса) научной истории и возможности использования ее результатов"¹⁴⁹.

На эту тенденцию обратили внимание многие советские историки¹⁵⁰. Мы согласны с общей принципиальной оценкой известного советского специалиста по современной французской историографии М. Н. Соколовой: "... марксизм для Ф. Броделя — только точка, от которой он отталкивался, чтобы разработать свою, отличную от марксизма историческую теорию"¹⁵¹. Однако в очень интересной работе М. Н. Соколовой, на наш взгляд, имеет место несколько односторонняя оценка творчества Броделя. Справедливо говоря о несостоятельности его попыток "презойти" марксизм, М. Н. Соколова в то же время необоснованно сужает его историко-социологическую концепцию, фактически сводя ее к теории разных скоростей социального времени, и по существу отказывает ей в научной плодотворности. Нам также кажется неоправданным стремление преуменьшить реальное влияние броделевской концепции на современную французскую (да и только ли французскую) буржуазную историографию, более того, изобразить Броделя таким ученым-одиночкой, изолировав его даже от "Анналов"*. В этом отношении оценки творчества Броделя такими советскими историками, как М. А. Барг, А. В. Адо и В. П. Смирнов, представляются нам более обоснованными.

Ф. Бродель боролся за расширение познавательных возможностей исторической науки и многое сделал в этом направлении, может быть, даже больше, чем М. Блок и Л. Февр. Субъективно он всегда был категорическим противником реакционных идеалистических выпадов Р. Арона, который утверждал, что "для истории философии настал час освободиться от исторического абсолютизма, который ей внушает марксистская традиция"¹⁵³. Другое дело, что некоторые современные французские буржуазные историки (в том числе и ученики Броделя), обосновывая самые реакционные идеологические концепции, ссылаются при этом на Броделя и канонизируют его труды, фактически давно отойдя и от личности бывшего учителя, и от его теории. Но об этом речь пойдет несколько позже.

* "Нам представляется ошибочным, — пишет М. Н. Соколова, — прямо связывать теорию Броделя с направлением "Анналов"... Теория разных скоростей исторического времени — совершенно самостоятельная в историко-философском плане и лишь в отдельных деталях связана с направлением "Анналов""¹⁵².

3. Исследовательская проблематика, характер основных публикаций историков школы "Анналов" в 40 — 60-х годах

Когда погружаешься в безбрежное море "анналовской" литературы 40 — 60-х годов, начинаешь испытывать противоречивые чувства. С одной стороны, поражает разнообразие исследовательской проблематики — от условий материальной жизни и воздействия на них биологических, климатических, географических, физиологических факторов через экономику во всех ее проявлениях, через демографию и "социальную стратификацию" к идеологическим и психологическим явлениям вплоть до "коллективного подсознательного". Монографии, докторские диссертации, учебники, серии публикаций охватывают различные по продолжительности периоды, исчисляемые и жизнью одного поколения, и тысячелетиями; различные пространственные единицы — от одной деревни до огромных регионов. К этому следует добавить неодинаковость подходов к исследованию конкретно-исторического материала. Не только в работах разных авторов, но и в каждой отдельной публикации чередуются самые разнообразные методы: статистические, структурно-функциональные, социологические, этнографические, климатологические, картографические, археологические и т. д. Это первое впечатление естественно наводит на мысль о безграничных возможностях, которые заключает в себе интеграция наук о человеке и ее согласованная нацеленность на единый для всех этих наук объект познания, даже если эта интеграция не свершившийся факт, а всего лишь наметившаяся тенденция.

С другой стороны, перечитав десятки работ, посвященных самым различным сюжетам, событиям и явлениям, весьма отдаленным друг от друга во времени и в пространстве, постепенно начинаешь улавливать в этих тематически столь разноплановых работах некий стандарт. При этом во многих из них просматривается своего рода заданность, неумолимо удерживающая авторов в строго определенных рамках, допускающих лишь некоторые вариации в инструментовке одних и тех же господствующих в этом историографическом концерте мелодий. Чем больше вслушиваешься в эти мелодии, тем отчетливее выделяются в них три главные партитуры: Ф. Броделя, Э. Лабрусса и П. Ренувзна. И это отнюдь не случайно, ибо большинство исследований 40 — 60-х годов во Франции было осуществлено на основе теоретических положений, принципов и методов анализа этих "трех китов" послевоенной французской буржуазной

историографии. Сюда относятся "глобальная история", "традиционная экономика", "кризисы старого типа", "социология международных отношений", "цивилизации", "коллективные умонастроения", "экономический рост" и т. п. Это объясняется не только личным воздействием лидеров французской буржуазной историографии и влиянием их работ. Именно в указанный период развернула свою деятельность VI Секция Высшей школы практических исследований, дали себя знать реализованные ею возможности по подготовке кадров и координации исследований, ее издательская база.

Очень важную роль в рассматриваемый период играл главный печатный орган школы "Анналов". Осуществленный советским историком Г. Г. Дилигенским анализ общей направленности, проблематики и характера основных публикаций в журнале "Анналы" на начало 60-х годов¹⁵⁴ освобождает нас от необходимости подробно останавливаться на этом. Обратим внимание лишь на некоторые моменты, относящиеся к эволюции журнала и отсутствующие в указанном обзоре Г. Г. Дилигенского. Сразу после войны журнал сменил название, которое теперь звучало так: "Анналы. Экономики. Общества. Цивилизации". В новом названии, как мы видим, отсутствует понятие, в значительной мере определявшее прежде всю направленность журнала: "социальная история". Что касается предшествующих изменений в названии журнала*, то Л. Февр со свойственным ему лукавством уходил от прямого ответа на этот вопрос. Так, например, об "Анналах экономической и социальной истории" он говорил, что никаких обдуманых доводов в пользу сочетания слов "экономической и социальной" у них с Блоком не было, что оно является скорее "остатком", "наследием" тех продолжительных дискуссий, начало которым положил исторический материализм. А поскольку "экономическое и социальное" не имеет никаких преимуществ, например, перед "политическим и социальным" или "религиозным и социальным" и т. п., он предложил называть журнал короче: "Анналы социальной истории"¹⁵⁵.

Можно согласиться с Л. Февром, что название журнала — это не догма, что главное не в названии. Правда, однако, и то, что во всех этих изменениях нашли отражение некоторые поворотные моменты в истории самой школы "Анналов". В первом случае изменение названия, видимо, отразило стремление М. Блока и Л. Февра к исследованию не столько экономической области,

* См. примечание на с. 11.

сколько истории чувств и образа мышления — их "заповедных угодий". Последнее название — "Анналы. Экономики. Общества. Цивилизации", как можно заметить, отвечало основным положениям исторической концепции Ф. Броделя, а также, очевидно, отражало его намерение сплотить вокруг "Анналов" все гуманитарные науки.

Характерна и еще одна деталь в оформлении журнала. После 1946 г. на его обложке появилось изображение Гермеса. Греческая мифология, как известно, объединяла два божества — Гермеса и Гестию, хотя и не приписывала им ни родственных, ни супружеских отношений. Согласно представлениям древних греков, Гермес, обладатель крылатых сандалий и волшебного жезла, — олицетворение движения, изменений, перехода. Его место — у порога жилища, у ворот города, у границ государства. Гермес — бог торговли, проводник путешественников, послов, покровитель бродяг и воров, изобретатель флейты и лиры, открыватель земных богатств. Гестия — это не только имя богини, но и символ домашнего очага. Гестия олицетворяет замкнутое пространство, покой, постоянство, неизменяемость. В свете всего сказанного выше о философско-исторических взглядах Броделя понятно, почему именно эти два божества, объединенные в пару, стали символом для "Анналов". Историческая действительность для историков этой школы — это изменение и постоянство, мобильность и неподвижность, события и структуры.

По сравнению с довоенным периодом содержание журнала существенно изменилось. Многие из проблем, которые в то время лишь наметились, были подвергнуты углубленному анализу, получили всестороннее освещение. Естественно, этим преемственным развитием не исчерпывалась деятельность журнала в послевоенные годы; его научные горизонты значительно расширились, в центре внимания оказались и сюжеты, которых не касалась довоенная историография. Вся совокупность проблем, получивших в той или иной мере отражение в журнале, настолько обширна, что охарактеризовать их сколько-нибудь подробно не представляется возможным. Постараемся лишь выделить некоторые из этих проблем, взяв в качестве критерия отбора новые направления, по которым осуществлялись исследования и которые нашли отражение в отдельных публикациях историков школы "Анналов" в 40 — 60-х годах.

Прежде всего, однако, отметим два момента, выгодно отличавшие журнал "Анналы" от других буржуазных исторических изданий во Франции и одновременно подчеркивавшие

специфику "Анналов" как исторической школы: 1) открытость журнала для дискуссий, для сопоставлений иногда принципиально различных подходов к научным исследованиям, не прекращающийся на его страницах междисциплинарный диалог; 2) новаторский характер журнала, поиск нетрадиционных для буржуазной историографии сюжетов для научного исследования и оригинальных способов их интерпретации.

Что касается внутри- и междисциплинарных дискуссий, эта сторона деятельности журнала была представлена рубриками "Дискуссии и мнения", "Новые границы", "На стыке наук", которые периодически подкреплялись специальными публикациями типа "Хроника социальных наук", "История и социальные науки", "История и науки о человеке" и т. д. Уже сами названия статей, помещенных под указанными рубриками, свидетельствуют (если даже ограничиться лишь одним из направлений дискуссий) о постановочном характере целого ряда проблем: "За историю чувств", "Проблемы и методы истории коллективной психологии", "История и психология", "За психоаналитическую историю"¹⁵⁶.

Частыми в "Анналах" стали и публикации, призванные найти точки соприкосновения, пограничные зоны, а также методы и приемы исследований, общие для истории и других, обычно находящихся на дистанции от нее наук. К таким публикациям относятся, например, "История и климат", "История и лингвистика", "История и социология одежды"¹⁵⁷. Такой же характер носили многочисленные материалы, характеризующие отношение Л. Февра и Ф. Броделя к социологии Ж. Гурвича, М. Мосса, М. Хальбвакса, Э. Дюркгейма, о чем уже неоднократно говорилось выше. С различных сторон рассматривались проблемы прерывности и непрерывности в связи с историческим познанием¹⁵⁸, возможности применения структурных методов в истории, социологии, экономических науках, в различных философских исследованиях¹⁵⁹. 3-й и 4-й номера "Анналов" за 1967 г. были объединены одной проблемой — "Первобытное мышление", которой продолжительное время уделялось много внимания в журнале в связи с работами К. Леви-Стросса. Некоторые проблемы, вызвавшие особый интерес и наиболее оживленные дискуссии, подвергались затем более детальному разбору, для чего вводились новые рубрики в журнале, такие, например, как "Религия и общество", "Сущность и интерпретации (экономического) роста", "Внеевропейская история", "История и психоанализ", "Культура и общество" и др.

Приведенные примеры, которые можно было бы дополнить многими другими, призваны подчеркнуть следующую мысль: различные дискуссионные проблемы, вопросы междисциплинарных связей освещались в журнале представителями самых разных отраслей знания, и их голоса редко звучали в унисон с точки зрения методологической направленности, теоретико-познавательной рефлексии, идейно-политического содержания. И это не досадное недоразумение, а один из основополагающих принципов "Анналов", без которого сам журнал и стоящая за ним школа утратили бы едва ли не главную свою особенность. Сопоставление принципиально различных подходов, широкие дискуссии, систематическое освещение вопросов о предмете и методах всех наук о человеке, нахождение точек соприкосновения этих наук — все это рассматривалось в "Анналах" как главное условие развития исторической науки. Руководители журнала, разумеется, не оставались индифферентными к происходящему, выделяли наиболее актуальные проблемы, организовывали дискуссии и принимали в них самое активное участие. Это, как они полагали, создавало необходимые условия, с одной стороны, для определения специфики каждой из наук о человеке и для нахождения ими своей сферы в области истории, с другой — для самоутверждения самой исторической науки, обогащения ее за счет других наук новыми подходами, методами, для выявления общих для всех этих наук точек приложения усилий. В свете рассмотренных выше представлений Ф. Броделя об объекте исторического познания и о способах его научного исследования подобная ориентация журнала представляется глубоко обоснованной.

Новаторство журнала неразрывно связано (если не прямо вытекает) с дискуссионностью на стыке наук. Широта научного воображения, нахождение оригинальных сюжетов для исследования и разработка новых способов их интерпретации вряд ли были бы возможны в условиях корпоративной замкнутости, без живого интереса ко всему, что творится в соседних с историей "угодьях". Новаторство "Анналов" — тема также весьма обширная и достойная специального рассмотрения. Перечень одних лишь направлений, в пределах которых можно было бы установить целый ряд инициатив, принадлежавших "Анналам", выглядит весьма внушительно. Ограничимся лишь наиболее характерными из них. Это условия материальной жизни, история семьи, историческая демография, а также все, что объединяется понятием *mentalité*, — история умонастроений, чувств, психологии, история без письменности (устные сказания, легенды, саги),

новые типы исторических источников и совершенствование способов их анализа.

Но новаторство журнала связано не только с новой проблематикой. За новыми проблемами стояли живые историки. В публикациях А. Дюпрона, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Р. Мандру и других получило дальнейшее развитие и обоснование, например, весьма важное положение М. Блока и Л. Февра о том, что мысли, восприятия, переживания людей, живших в ушедших от нас в далекое прошлое эпохах, не должны восприниматься, оцениваться в современных категориях и привычных нам понятиях, не должны модернизироваться с позиций второй половины XX в. Нам представляется, что такой подход вполне научно обоснован, и было бы неправомерно отвергать его, проводя искусственную параллель между распространенными в начале XIX в. призывами о необходимости "вчувствоваться", "вживаться" в исследуемую эпоху и позицией школы "Анналов". В подходе "Анналов" заключен прямо противоположный смысл: мысли и чувства людей в любое время отражали степень овладения человека природой, они так же реальны, "действительны", как и любые другие факты, явления, события, и в силу этого должны постигаться не умозрительно, а строго эмпирически. Следовательно, историческая наука должна располагать соответствующим инструментарием для научного исследования этой области человеческого прошлого. В этом направлении журналом сделано многое. В качестве примера укажем на опубликованную в 1960 г. интересную статью Ж. Ле Гоффа "Время клирика и время купца"¹⁶⁰, в которой раскрывается способ решения трудной проблемы — дифференцированного в зависимости от социального положения людей воссоздания представлений о времени в период средневековья. На этой основе стали возможными более обобщенные выводы о продолжительном и сложном процессе перехода от "магического" способа мышления к рациональному. Ж. Дюби в 1958 г. опубликовал в "Анналах" статью с интригующим названием "Феодалный строй? — Средневековое мышление"¹⁶¹. И хотя эта статья спустя некоторое время была подвергнута обоснованной критике в тех же "Анналах", в ней также был поставлен сложный в научном отношении вопрос о соотношении умонастроений с социальными, экономическими и политическими условиями. К проблеме умонастроений в конкретную эпоху историки "Анналов" подходили и с других сторон: история мышления и искусство, чувственные восприятия и названия книг, издаваемых в определенную эпоху, и т. п.¹⁶²

Характерными для "Анналов" в рассматриваемый период стали специальные выпуски — два номера журнала, объединенные одной темой и издаваемые как одна книга. Один из специальных выпусков 1972 г., названный "Семья и общество", представляет большой интерес не только как типичный пример такого рода изданий; по нему можно составить определенное представление о журнале в целом, в том числе и о его нетрадиционном подходе к исследованию отдельных проблем¹⁶³. В общем введении к этому выпуску говорится о том, почему традиционная историография никогда не рассматривала семью как один из возможных способов генерализующего объяснения общества в целом, а видела в этом институте своего рода шлак исторической реальности, задерживающий движение и недоступный истории; если историки и обращались когда-либо к вопросам, касающимся семьи, то лишь затем, чтобы извлечь информацию анекдотического характера или в лучшем случае с целью создания биографических хроник. По мнению редакции журнала, это вовсе не означало, что традиционная историография, поглощенная историей государств и наций, была безразлична к той роли, которая принадлежала в государстве семье. Напротив, это можно объяснить лишь чрезмерным почтением к государству и нежеланием подвергать критическому анализу то, что имело непосредственное отношение к системе ценностей и функционированию буржуазного общества. Но жизнь есть жизнь, она обнажает постоянные столкновения интересов государства и семьи на протяжении всей эволюции общества. "Вот почему, — говорится во введении к выпуску, — мы хотели бы предоставить семье права гражданства в области исторических исследований. Не испытывая чувства стыда, мы послушаем, что говорят по поводу семьи наши соседи по научным изысканиям — этнологи, социологи, и предоставим им слово в этом выпуске. При этом главная цель нашего эксперимента — исторический поиск, экспериментальный материал. Он даст возможность историку рассмотреть проблему семьи как под микроскопом, клеточка за клеточкой, а в итоге составить общее представление о социальном полотне в целом". Семья подвергается историческому анализу в трех планах — биологическом, социальном, эмоциональном и в силу этого становится предметом для размышлений всех социальных наук. Весь последующий материал этого выпуска свидетельствует о том, что авторы и редакция журнала рассматривали семью как социальную систему внутри целостной системы всего общества, а историю семьи — как историю общества и его возможностей.

Весь этот специальный выпуск дает представление о семье как о тотальном социальном феномене со всеми проявляющимися в нем связями — производственными, социальными, бытовыми, моральными, психологическими и т. д.— и тем самым оказывается в русле традиций, идущих от М. Мосса и М. Блока. Социология и этнология оказались не в состоянии лишь доступными им способами дать исчерпывающий научный анализ проблемы семьи, однако потребовалось определенное обострение противоречия "общество — семья", чтобы историческая наука подключилась со всеми своими возможностями к исследованию этой области, рассчитывая внести свою лепту в решение проблемы функционирования общества в целом. Таков в общих чертах смысл этого специального выпуска.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну инициативу "Анналов". Уже в 50-х годах в журнале стали появляться публикации о так называемых личных документах — завещаниях, личных архивах, материалах бракоразводных процессов, актах венчания и т. п.— как о массовых исторических источниках, с помощью которых можно приоткрыть многие завесы и вплотную подойти к исследованию больших проблем сквозь призму повседневной жизни людей различных эпох¹⁶⁴. Затем очень многие историки стали осуществлять исследования на основе этих видов источников. Совершенствовалась и техника обработки массовых данных. Сначала широко использовался метод перфокарт с последующей их обработкой на электронно-вычислительных машинах, а потом и более современные методы. В 1969 г. М. Кутюрье опубликовал "Исследования о социальных структурах в Шатодэне, 1525 — 1789"¹⁶⁵. Почти половину этой книги составляет "эскиз механографической методологии" — описание способа формализации документов, метода использования "определителей", позволяющего избежать трудоемкого процесса числового кодирования массовых документов для последующей их машинной обработки. Многие наиболее интересные в научном отношении исторические исследования 60 — 70-х годов во Франции были осуществлены на основе привлечения новых типов источников и наиболее современных способов их обработки.

Наконец, еще об одном новшестве в журнале "Анналы" в послевоенный период. Оно касается рубрики, которая неизменно пребывала в журнале, начиная с первого номера, и в которой освещались различные аспекты проблемы "прошлое и настоящее". Сначала этот раздел назывался "От прошлого к настоящему". Он помещался в самом конце каждого номера, и речь в нем шла в основном о новых книгах или публикациях

в периодических изданиях; таким образом, этот раздел выполнял в первое время главным образом информационные функции. В послевоенный период положение изменилось. Разделом под новым названием "Настоящее время и история" стал теперь, как правило, открываться каждый номер журнала. Причина этой перестановки и неуклонного повышения удельного веса раздела во всем журнале заключается, по всей вероятности, в том, что в послевоенный период одна из основных идей М. Блока — "понять настоящее с помощью прошлого", превратить "познанное прошлое" в необходимый инструмент социального анализа настоящего и принятия практических решений* — получила уже конкретное воплощение в виде осуществленных исторических исследований. С каждым годом среди французских буржуазных обществоведов все больше укреплялась тенденция рассматривать историческую науку с точки зрения ее социального призвания, в связи с теми реальными функциями, которые она выполняет в современном обществе.

Перейдя теперь от характеристики содержания журнала в 40–60-х годах к книгам историков школы "Анналов", остановимся лишь на наиболее общих тенденциях.

Прежде всего о хронологии. Внимание историков было направлено преимущественно на период средних веков и особенно "нового времени" (согласно принятой во Франции хронологии, это XVI–XVIII вв.), реже в исследованиях затрагивался XIX в. и лишь в исключительных случаях — события XX в. Концентрация усилий на истории "нового времени" обусловлена вполне определенными соображениями. Если отвлечься от деталей и попытаться выделить главную, магистральную линию развития "Анналов" в послевоенный период, можно сказать, что во всей их деятельности просматривается стремление дать свою, отличную от марксистской, интерпретацию истории человечества вообще и основных рубежей исторического процесса в особенности. Переходя от одной работы к другой, можно встретить самую разнообразную периодизацию истории — в зависимости

* Наиболее полное развитие эта идея М. Блока получила в его выступлении в Политехническом центре экономических исследований в 1937 г. Стенограмма этого выступления под названием "О чем можно спрашивать историю?" помещена в изданном в 1963 г. двухтомнике его статей и выступлений "Исторические записки". Очевидно, специфический состав аудитории — предприниматели, озабоченные поиском способов решения современных проблем французской экономики, — заставил М. Блока сконцентрировать внимание на вопросах утилитарной значимости исторической науки в современном обществе, и он заговорил о роли этой науки в деле обеспечения бесперебойного функционирования буржуазных социальных и экономических институтов ¹⁶⁶.

от региона, экономического уклада, народонаселения, торгового общения, состояния техники, типа семьи, видов коммуникаций и т. д. и т. п. Но за всем этим кажущимся хронологическим хаосом скрываются вполне определенные попытки отыскать такие "главные повороты" в истории, за которыми бы не открывалась качественная грань между различными общественно-экономическими формациями.

Выделение Ф. Броделем и большинством других историков школы "Анналов" периода с конца XIV и до конца XVIII – начала XIX в. и стремление доказать, что этот период представлял собой (применительно к Западной Европе) цельную многовековую структуру, определили в конечном счете общие временные рамки научных интересов всех адептов "глобальной истории".

Характерной особенностью исследований историков "Анналов" в послевоенный период стало значительное расширение географии этих исследований. В орбите научных интересов оказались страны Азии, Африки, Южной Америки. Увеличилось количество работ по истории СССР и стран Восточной Европы. Труды некоторых историков (П. Шоню, Ф. Шевалье, Ф. Моро) были посвящены исследованию огромных пространств Атлантического, Тихоокеанского регионов¹⁶⁷. В этом тоже была своя логика. Узкие территориальные рамки не позволяют выявить и проследить эволюцию таких, например, явлений исторической действительности, как уровни экономического развития, миграции населения, распространение основных продовольственных культур, развитие техники. На ограниченном пространстве нельзя установить многие важные зависимости, например плотность населения и уровень производства, уровень культуры и развитие техники, закономерности распространения эпидемий и т. п. В то же время изучение всех этих явлений и зависимостей должно прояснить последовательность и логику освоения человечеством географического пространства, специфику отдельных регионов, взаимодействие крупных явлений, процессов, событий. Все эти моменты можно рассматривать как логическое продолжение отказа в рамках "Анналов" от идеи евроцентризма. Но если посмотреть на них с другой точки зрения, то можно в самом факте расширения географии научных исследований обнаружить проявление одной из самых важных тенденций развития всей французской буржуазной историографии, и прежде всего школы "Анналов", в период 40–60-х годов.

В 60-х годах во Франции во всех видах публикаций, начиная от научно-исследовательских и кончая школьными учебниками, была осуществлена определенная "реинтерпретация" истории

человечества. Всемирная история предстала перед читателем не как эволюционный процесс, выражающийся в последовательной смене эпох — античной, средневековой, нового и новейшего времени, что было характерным для предшествующих периодов в развитии буржуазной историографии, а в виде бесконечной вереницы встреч и взаимодействий во времени и в пространстве различных "цивилизаций" и "миров". Отказавшись от масштаба не только события, но и эпохи, эта "новая" история, повествуя о прошлом человечества, свободно обходила без таких понятий, как становление, развитие, прогресс. Они были вытеснены всевозможными абстракциями типа "многовековые постоянства", "живое прошлое", "медлительность". Время как носитель перемен было заменено "продолжительностью", а вместо деятельности людей на первом плане оказалась огромная неподвижная сцена с ее почти полным безразличием к тому, какие драматические действия на ней разыгрываются, да и происходят ли они вообще.

Не трудно догадаться, кто являлся вдохновителем такой "реинтерпретации" всемирной истории. Но Ф. Бродель не пребывал в одиночестве. У него нашлось много последователей. В 1953 — 1956 гг. вышла в свет "Всеобщая история цивилизаций" в семи томах под редакцией М. Крузе¹⁶⁸, в которой был сделан очередной шаг к всестороннему обоснованию и усовершенствованию общей "грамматики цивилизаций"¹⁶⁹. Затем на этой основе были изданы десятки школьных учебников, и миллионы учащихся на уроках истории и философии стали объясняться со своими преподавателями исключительно на языке "цивилизаций". Теперь можно было оценить концепцию Броделя не только с точки зрения ее научного значения, но и в плане ее результативности, "действенности". Это и сделали французские марксисты — историки и философы. В 1965 г. в рамках Центра марксистских исследований была создана рабочая группа по изучению понятия "цивилизация" в связи с современными программами по истории и философии для выпускных классов. (Эти программы были разработаны под непосредственным руководством М. Крузе, в то время генерального инспектора народного образования, и при активном участии Ф. Броделя.) На протяжении ряда лет в различных изданиях ФКП, и прежде всего в журнале "Пансэ", публиковались результаты исследований этой рабочей группы, а в 1969 г. вышла книга А. Пелетье и Ж.-Ж. Гобло "Исторический материализм и история цивилизаций", в которой были подведены итоги проделанной работы¹⁷⁰. Позиции авторов книги по вопросу о самом

понятии "цивилизация" не были идентичными. Ж.-Ж. Гобло усмотрел здесь больше рационального, нежели А. Пелетье, и попытался доказать, что это понятие имеет право на существование. В данном случае нет возможности рассмотреть существо расхождений между этими авторами. Можно лишь отметить, что многое в позиции Ж.-Ж. Гобло выглядит убедительным и заслуживающим внимания. Но главное в том, что оба автора были единодушны в общей оценке трактовки этого понятия во многих изданиях французской буржуазной историографии, и в том числе в большинстве школьных учебников, как научно несостоятельной и имеющей реакционную идейно-политическую направленность.

Для многих исследований историков школы "Анналов" 40–60-х годов стали характерны так называемые локальные темы. География этих исследований ограничена пределами одной провинции, города, деревни¹⁷¹. Казалось бы, эта тенденция прямо противоположна отмеченной выше. Действительно, цели в работах на локальные темы преследовались иные, и по форме эти работы существенно отличались от тех, в которых в качестве объекта исследования выступали сразу несколько цивилизаций. В то же время локальные темы — это не значит мелкие темы, и их разработка в указанный период была продиктована отнюдь не стремлением уйти от широких обобщений. Большинство исследований на локальные темы укладывалось в русло общей цели "Анналов" разработать "глобальную историю". Разнообразие подходов к решению этой задачи, осуществление целой серии различных по характеру исследований свидетельствуют в данном случае скорее о продуманности, целеустремленности, нежели о разобщенности действий.

Хронологические рамки исследований на локальные темы были, как правило, достаточно широкими, иногда до трех-четырех столетий, что позволяло на уровне провинции, города, деревни выявить структуры "большой продолжительности", зафиксировать те же "повороты" истории, которые с помощью других исследований выявлялись в масштабах континентов. Чаще всего локальные темы разрабатывались на основе первичных источников — кадастровых записей, завещаний, актов о рождении, бракосочетании и смерти, описей имущества, протоколов судебных заседаний, планов раздела земли на парцеллы и т. п. Ценность этих источников помимо того, что они первичны, еще и в массовости. В исследованиях на локальные темы обработке с помощью математических методов и вычислительной техники нередко подвергалось несколько миллионов таких

документов, что позволяло не только нарисовать поистине впечатляющие картины, отражающие реальности определенной эпохи, но и сделать данные работы комплексными, проблемными.

При всем разнообразии опубликованных в послевоенный период трудов среди них почти не оказалось таких, в которых главная идея Броделя о разработке "глобальной истории" нашла бы выражение в плане комплексного воссоздания истории Франции, других стран. Появилось лишь несколько обобщающих работ¹⁷², напоминающих по своему характеру "Феодальное общество" М. Блока. Казалось бы, достижения в разработке большого количества самых разнообразных проблем, равно как и субъективное намерение возглавлявшего в 40—60-х годах школу "Анналов" Ф. Броделя, вплотную подвели французскую буржуазную историографию к синтезу на более высоком уровне. Однако уже 60-е годы показали, что ее развитие пошло совершенно по иному пути.

Основные исследования историков школы "Анналов" в рассматриваемый период осуществлялись по следующим направлениям: социально-экономическая история, историческая география и демография, историческая и социальная психология.

Общая ориентация исследований в области социально-экономической истории¹⁷³ до 60-х годов во многом определялась трудами Ф. Броделя и Э. Лабрусса.

В области экономической истории большинство исследований было сконцентрировано вокруг одной крупной проблемы: общая эволюция экономики на отрезке времени с XIV по XIX в. Эта проблема долгие годы привлекала внимание по существу всей французской буржуазной историографии. Главная задача исследований состояла в том, чтобы разработать модели, соответствующие различным типам эволюции экономики так называемого "традиционного общества" и пришедшего ему на смену "общества экономического роста". Вторая задача, вытекающая из первой, сводилась к установлению (в зависимости от региона, отдельной страны или даже различных районов одной страны) моментов перехода (take-off) от одного типа экономики данного общества к другому.

Общими почти для всех работ, посвященных исследованию указанной проблемы, стали такие понятия, как "структура", "конъюнктура", "модель", "цикл". Все эти понятия в свою очередь выступают в роли главных составляющих той части броделевской концепции "глобальной истории", в которой тракуются "эшелонированность" исторической действительности

и циклический характер эволюции общества. Следует сказать, что в конкретных исследованиях, как правило, не дано обоснования названных понятий или развернутой их характеристики. Структура обусловлена безличными силами (география, климат, биосфера, плодородие почв) и так замкнута, что тысячелетиями не поддается изменениям. Структурой считается духовный склад или глубоко укоренившиеся обычаи, привычный образ мышления, этнические предрассудки и т. п. Под структурой иногда подразумеваются самые глубинные явления в экономике, обладающие такими свойствами, как устойчивость во времени, сопротивляемость изменениям. Такое понимание лежит, например, в основе утверждения, что в условиях Франции до 1860 г. бесспорно, а в определенном смысле и до 1880 – 1890 гг. сохранялись признаки экономики "старого типа"¹⁷⁴. В других случаях понятие "структура" употребляют применительно к обществу в целом, имея в виду "традиционное общество" или "общество экономического роста". Конъюнктура понимается как определенный период эволюции с характерным именно для этого периода сочетанием различных тенденций (совокупность демографических изменений, технология производства, движение цен и заработной платы и даже духовные и культурные сдвиги), на основе сопоставления которых устанавливается модель, соответствующая данному периоду. Понятие "цикл" употребляется применительно и к структуре, и к конъюнктуре. В зависимости от глубины залегания процессов, которые проявляются в этих циклах, последние могут продолжаться и несколько лет, и несколько столетий.

В области социальной истории особое внимание было сосредоточено на двух взаимосвязанных проблемах: история социальных групп общества в ее связи с экономической историей и принципы так называемой "социальной стратификации". Главная цель исследователей, работавших над этими проблемами, заключалась в выявлении механизмов связи между длительно действующими тенденциями, или структурами, различными типами циклов экономической конъюнктуры и всей совокупностью социальных явлений (качественные характеристики и материальное положение различных социальных групп, их устремления, отношения между ними). Общая социальная обстановка, социальный климат в каждый данный момент обусловлены одновременно и явлениями "большой продолжительности", и экономической конъюнктурой, свойственной лишь данному моменту. Какой из этих двух реальностей отдать предпочтение в историческом исследовании? Этот вопрос надолго

привлек внимание многих историков школы "Анналов". Вокруг него начиная еще с 30-х годов развернулись также острые методологические и идеологические дискуссии между буржуазными и марксистскими историками. Вначале в большинстве исследований анналовской школы предпочтение отдавалось сравнительно коротким периодам конъюнктурной динамики. Это явилось следствием того шокового состояния, в котором оказалась вся буржуазная историография после кризиса, поразившего экономику капиталистических стран в конце 20-х годов. Приемы и методы исследования экономической конъюнктуры, в условиях которой разразился мировой экономический кризис, распространились затем и на другие проблемы социально-экономической истории.

Исследование механизмов взаимодействия экономических и социальных явлений, обусловленных именно данной конъюнктурой, не лишено рационального содержания. На отдельного человека, на социальные группы, на взаимоотношения между людьми непосредственное влияние оказывают не столько долговременные противоречия, заложенные в столетних циклах, сколько кратковременные вспышки, в которых эти противоречия проявляются, катаклизмы, немедленно отражающиеся на заработной плате и прибылях, на питании и уровне жизни. Однако ограничение исследования социально-экономической действительности узкими рамками лишь данной конъюнктуры чревато серьезными методологическими изъянами. Даже самые масштабные события социальной истории, такие, например, как революции, оказываются в этом случае обусловленными эпизодическими экономическими факторами. Пожалуй, самой наглядной иллюстрацией методологической спорности такого подхода является доклад Э. Лабрусса "Как возникают революции" на конгрессе историков в Париже, посвященном 100-летию революции 1848 г. Революция 1789 г. была обусловлена, согласно Э. Лабруссу, "естественным катаклизмом" — последовавшими один за другим двумя неурожаями зерновых, повышением цен, снижением покупательной способности населения, кризисом в текстильной промышленности, безработицей. Такая же последовательность событий породила и революцию 1830 г.; экономический кризис и здесь нашел непосредственное продолжение в социальном кризисе. И лишь в причинах революции 1848 г. Э. Лабрусс усмотрел новый момент: к "естественным неуровновешенностям старой экономики зерновых и текстиля" (неурожай и т.д.) здесь добавилась "искусственная неуровновешенность новой металлургической экономики"¹⁷⁵.

Совершенно очевидно, что все противоречия, обусловившие данную кратковременную конъюнктуру, не могут быть в полной мере вскрыты, если исследование ограничено узкими временными рамками предреволюционного периода. Однако и в тех случаях, когда вместо конъюнктурной динамики на первый план выдвигались явления большой продолжительности, долговременные "структуры" Ф. Броделя, методологических изъянов не становилось меньше. Отсутствие диалектики по-прежнему не позволяло продвинуться вперед на пути познания истины. Дело в том, что в броделевской перспективе "большой продолжительности" самой кратковременной конъюнктуре, в которой проявляются различные взаимодействия экономического и социального, определяющие своеобразие данного момента, отводится роль незначительного события. Экономический или социальный кризис, революция на фоне многовекового цикла выглядят как эпизоды, случайные стечения обстоятельств, не затрагивающие глубинных экономических и социальных явлений. Следовательно, такие "события" и не должны обязательно попадать в поле зрения историка.

С общей ориентацией социально-экономических исследований оказались тесно связанными проблемы так называемой "социальной стратификации". Наиболее прогрессивные французские буржуазные историки, например Ж. Бувье, Ж. Ле Гофф и другие, не могли не считаться с серьезными достижениями марксистской историографии, и в частности с конкретными исследованиями П. Вилара и А. Соболя по социальной истории Франции. Так, во многих работах Ж. Бувье проводятся положения о том, что основой социальной структуры феодального и капиталистического обществ являются классы, а главным критерием принадлежности к классу — собственность на средства производства¹⁷⁶. Однако большинство историков школы "Анналов" не разделяли столь определенную точку зрения по этому вопросу. В их работах состав общества представляет более пеструю, по существу внесоциальную картину "групп", "категорий", профессий, возрастов, продолжительности жизни и т. д.* Весьма характерным в этом отношении является начатое еще в 1946 г. коллективное исследование с целью разработки социально-профессиональной кодификации французского общества XVIII, XIX и XX вв. В каждом веке было выделено по 10

* Тенденция рассмотрения социального состава населения изолированно от общественного производства наиболее отчетливо просматривается во многих работах по исторической демографии¹⁷⁷.

различных категорий, принадлежность к которым определялась родом занятий, занятостью в определенной отрасли экономики, профессиональным положением и т.п. В разработанной под руководством А. Домар кодификации не нашлось места лишь такой категории, как классы, и критериям принадлежности к ним¹⁷⁸. Многие историки анналовской школы, оперирующие в своих работах понятием "класс", считают невозможным точно его квалифицировать и используют для этого такие критерии, как уровень доходов, образование, престиж. С помощью различных комбинаций этих критериев даются такие, например, определения (Г.-Д. Голь): "Класс — это совокупность индивидуумов, расположенных вокруг центрального ядра таким образом, что за теми, кто находится близко к нему, можно с уверенностью признать принадлежность к этому классу, причем эта уверенность уменьшается по мере удаления от ядра"¹⁷⁹.

Французские историки-марксисты в теоретических работах и конкретных исследованиях убедительно показали научную несостоятельность такого подхода. "Социальные классы,— писал П. Вилар,—отличаются один от другого не потреблением и доходами, а своим положением в процессе производства. Богатые, бедные — это внешняя сторона дела. Она важна. Ею определяются психологии. Но эта внешняя сторона не является движущей силой изменений и борьбы. Вопрос не в том, чтобы знать, каков человек, беден или богат. Важно, как он таким становится. Обогащение, обнищание — вот главные вопросы социальной истории. Богатым или бедным человек становится в зависимости от того, каким образом он участвует в процессе производства, от того, какое положение по отношению к процессу производства он занимает"¹⁸⁰. П. Вилар и А. Собуль в своих трудах показали, что эти положения в полной мере относятся и к докапиталистическим обществам. Вся аграрную историю Западной Европы до антифеодальных революций невозможно понять и объяснить вне марксистских категорий способа производства и производственных отношений.

По вопросам социальной структуры докапиталистического общества у историков школы "Анналов" оказались довольно влиятельные противники и справа, позиции которых наиболее полно и определенно выразил Р. Мунье. По его мнению, французское общество до революции 1789 г. — это "сословное общество", а не классовое. В основе "социальной стратификации", утверждает он, должны быть не экономические критерии, а такие понятия, как достоинство, честь, отношение к власти, место человека в обществе. Постановку вопроса о классовой борьбе

применительно к обществу "старого порядка" Р. Мунье считает анахронизмом, а крестьянские движения той эпохи — лишеными какого бы то ни было позитивного социального содержания^{181*}. Аналогичные по существу, но более рафинированные по форме утверждения становятся в 60-х годах нормой для многих публикаций историков школы "Анналов".

В наиболее концентрированном виде проблемы социально-экономической истории, соотношения структурных процессов и конъюнктурной динамики, экономических и социальных факторов нашли отражение в опубликованной в "Анналах" в 1966 г. статье Ф. Крузе "Англия и Франция в XVIII веке. Попытка сравнительного анализа двух типов экономического роста"¹⁸⁴. Эта статья — не рядовая публикация, она была написана на основе лекций, прочитанных Ф. Крузе в лондонской школе экономических и политических наук, и напечатана в журнале после многочисленных консультаций автора с крупнейшими французскими историками и экономистами П. Дейоном, Д.-С. Ландом, П. Леоном, М. Леви Лебуайе, Ж. Мёврэ. Статья Ф. Крузе получила широкий отклик и вошла во многие библиографические указатели. В ней были учтены материалы исследований и основные выводы таких историков и экономистов, как П. Губер, Э. Лабрусс, Ж. Мёврэ, П. Леон, Р. Базрель, и других, поэтому можно считать, что она отражает общие для "Анналов" представления по многим затронутым в ней вопросам.

Ф. Крузе предпринял попытку дать свое решение сложной научной проблемы: на основе сравнительного анализа различных переменных величин социально-экономической действительности Англии и Франции XVIII в. определить присущие каждой из этих переменных удельный вес и степень влияния на экономическое развитие той или другой страны; на основе этого сравнения ответить на вопрос об истоках промышленной революции; объяснить опережающие темпы развития английской экономики в XVIII в. и ее техническое превосходство по сравнению с французской; четко выделить те факторы, которые были характерны только для Англии и определили собой уникальный феномен — промышленный переворот в Англии в XVIII в.¹⁸⁵

* Проблемы классов, классовой борьбы, народных восстаний во Франции XVI — XVII вв. стали предметом острой дискуссии между Р. Мунье и советским историком Б. Ф. Поршневым¹⁸². Принципы "социальной стратификации" Р. Мунье, его взгляды на вопрос о роли народных восстаний были подвергнуты обоснованной критике и во французской марксистской историографии¹⁸³.

Естественно было бы ожидать, что, поставив столь сложные вопросы, Ф. Крузе начнет свой сравнительный анализ с обоснования критериев, которыми он собирается руководствоваться. Лишь в этом случае у читателя его статьи могло бы сложиться убеждение, что, взвешивая различные переменные и перечисляя многочисленные факторы, Ф. Крузе выделяет именно те из них, которые действительно были характерны только для Англии и стали решающим условием начавшейся именно здесь промышленной революции. Однако ничего этого сделано не было. Опустив важнейшие моменты в истории обеих стран, ни разу не упомянув об английской буржуазной революции XVII в. — первой революции "европейского масштаба"¹⁸⁶, революции, которая, по мнению К. Маркса, выразила в гораздо большей степени потребности всего тогдашнего мира, чем самой Англии, где она происходила¹⁸⁷, отмечая, словно их не существовало в действительности, фундаментальные явления, определившие основные реальности XVI — XVII вв., — противоположно направленные процессы зарождения капитализма и разложения феодального общества, — опустив все это и тем самым оставив открытыми десятки вопросов "почему?", Ф. Крузе приступил к доказательству того, что с начала XVIII в. ритмы роста экономики во Франции и в Англии на какое-то время выравнялись, однако из-за разницы в уровнях, достигнутых к этому времени, ситуация в двух странах была не одинаковой: Англия оказалась страной более "развитой", более урбанизированной, с более высоким уровнем дохода на душу населения и т. п. Лишь после этого Ф. Крузе поставил вопрос о причинах превосходства Англии. Главную из них, по его мнению, нужно искать в области техники. Англия пережила "настоящий взрыв изобретательского духа", который почти полностью отсутствовал во Франции. В "естественной склонности к изобретательству" англичан он усматривает главный фактор и основную причину расхождения между структурами двух типов экономики — английской и французской второй половины XVIII в.^{188*}

* Среди других наиболее важных факторов более благоприятно сложившейся в Англии "окружающей среды" Ф. Крузе выделяет институционный — в Англии уже в XVII в. государство прекратило контролировать и регламентировать промышленное производство, а во Франции во времена Кольбера эта регламентация достигла своего апогея; социально-психологический — в Англии социальный престиж деловых людей был более высоким, во Франции все еще преобладал аристократический идеал "жить по-дворянски"; типы умонастроений деловых людей — в то время, когда во Франции среди них царил атмосфера "беспечности", в английских деловых кругах уже утвердился более "капиталистический"

Общий вывод Ф. Крузе таков: в Англии в результате совокупного действия всех перечисленных факторов образовалась та "критическая масса", которая вызвала "цепную реакцию" — промышленную революцию. В рамках французской действительности такой "критической массы" не образовалось, в силу чего здесь промышленная революция не могла произойти "спонтанно", для нее оказались необходимыми внешние стимулы, которые появились лишь к 80-м годам XVIII в. К этому времени превосходство Англии было уже очевидным, ее промышленность вошла в фазу быстрого роста всеохватывающих революционных преобразований. Тем не менее отставание Франции, полагает Ф. Крузе, не было столь уж губительным; промышленная революция и здесь взяла бы свой рубеж, разве что с разницей в несколько лет по сравнению с Англией. На этом месте Ф. Крузе ставит "но", за которым следует фраза, ясно показывающая, что, осуществляя сравнительный анализ двух типов экономики, он не оставался всецело во власти стихии цифр, фактов, графиков, схем "чисто экономического" порядка, а все-таки руководствовался вполне определенными критериями, или, точнее сказать, общими методологическими установками. "Но,— пишет он,— "национальная катастрофа", каковой стали для французской экономики революция 1789 г. и последовавшие за ней 20 лет войны, усугубила ее отставание от английской экономики и сделала его безвозвратным. В 1815 г. отставание стало еще более значительным, чем в 1789 г., так как в течение этой четверти века, несмотря на замедляющий фактор военных лет, в британской экономике продолжались рост и ускоренная трансформация"¹⁸⁹.

Не нужно прилагать больших усилий, чтобы убедиться в полной несостоятельности попыток Ф. Крузе ответить на сформулированные им вопросы об истоках промышленной революции в Англии, о причинах экономического отставания Франции и о различиях в типах экономики этих стран. Даже то обстоятельство, что Ф. Крузе подвергает сравнительному анализу явления, которые действительно сыграли важную роль в экономическом развитии обеих стран, ничуть не приближает его к истине, поскольку после всего уже сказанного ему можно предложить ряд вопросов, которые всегда вызывают затруднение у тех, кто

дух, более предприимчивый, приобретательский (это последнее обстоятельство Ф. Крузе объясняет тем, что предприимчивости более соответствовала протестантская религия, а беспечности — католицизм); географический фактор — Франция была более обширной страной, чем Англия, что затрудняло контакты между деловыми людьми и информацию об имевших место изобретениях.

пытается при объяснении причин и сути сложнейшего процесса, каковым было возникновение и утверждение капиталистических отношений (о чем Ф.Крузе, собственно, так и не сказал в своем сравнительном анализе), ограничиться простым описанием и перечислением фактов и событий¹⁹⁰.

Мы подробно остановились на статье Ф.Крузе, потому что она, как нам представляется, знаменовала переход от второго к третьему этапу эволюции "Анналов" в плане интерпретации ряда проблем социально-экономической истории, и прежде всего проблемы перехода от феодализма к капитализму, места и роли в этом процессе буржуазных революций XVII – XVIII вв. До середины 60-х годов Ф.Бродель и его ученики пытались просто не замечать этих революций. Все их усилия были сосредоточены на воссоздании многовековых "структур" и на выявлении конъюнктурной динамики по отдельным регионам, странам, провинциям. Все были заняты кривыми цен, доходов, валового продукта и т.п. В ходе всей этой кропотливой работы была "решена" главная проблема: период с конца XIV до начала XIX в. был объявлен многовековой структурой, непрерывным целым, в рамках которого происходило лишь чередование циклов высокой и низкой экономической конъюнктуры. Если речь и заходила, например в работах Ф.Броделя, о революциях, имевших место в рамках этого периода, то они безоговорочно относились к разряду "катастроф", но характеристики им, как правило, не давалось. Ф.Крузе назвал Великую французскую революцию "национальной катастрофой", заключив эти слова в кавычки. Вскоре в работах историков школы "Анналов" исчезнут и эти кавычки и будет дана "обоснованная реинтерпретация" французской буржуазной революции. А пока что разрабатывались основы для этого, возводился историографический фундамент путем воссоздания глубинных процессов экономики и умонастроений. Указанная статья Ф.Крузе – это один из вариантов интерпретации явлений социально-экономической действительности XVII – XVIII вв. на Европейском континенте без использования таких категорий, как "феодализм", "капитализм", "революция". В этой статье, правда, еще фигурирует "кризис XVII века", но вскоре и в это понятие будут внесены существенные поправки.

Во второй половине 60-х годов стали все чаще раздаваться голоса, что понятия "общий кризис XVII века", "трагический XVII век" несколько преждевременно были введены в оборот, что, возможно, они и пригодны, скажем, для Испании, но французская действительность не дает оснований для подобных

обобщений¹⁹¹. Одним из первых историков во Франции, поставивших под вопрос понятие "общий кризис XVII века", был Рэне Базрель. В 1961 г. он опубликовал работу о Нижнем Провансе, в которой на основе анализа данных о размерах церковной десятины, доходов, земельной ренты, налоговых обложений доказывал, что в этой провинции вплоть до 1680 г. имело место умеренное, но последовательное расширение производства и что депрессия здесь продолжалась лишь с 1680 по 1720 г.¹⁹² В 1966 г. вышла книга Э. Ле Руа Ладюри о провинции Лангедок, где также утверждается, что в условиях этой южной провинции, если рассматривать ее экономику в общей перспективе столетнего цикла, о надломе можно говорить лишь где-то около 1680 г.¹⁹³

Эти работы имеют непосредственное отношение к наметившемуся в середине 60-х годов повороту в общей эволюции школы "Анналов".

Очень важное место в работах историков школы "Анналов" отводится явлениям духовной жизни и развития общества: коллективным умонастроениям, представлениям людей различных эпох о мире, идеологиям, образу мыслей различных социальных групп, эмоциональным проявлениям массовой психологии. Расширение в послевоенные десятилетия научных исследований этих аспектов истории — еще одно подтверждение продолжения традиций, идущих от М. Блока и Л. Февра. Глобальная история общества складывается из единства всех его основных компонентов — экономического, социального и духовного. Один из самых видных во Франции специалистов по истории коллективной психологии, Ж. Дюби*, отметил, что широкое развитие в последние три десятилетия исторических исследований в области экономики, демографии, экологии стало стимулом и для социальной истории. Ясно, однако, что дальнейшее продвижение вперед исторической науки возможно лишь при условии постановки новых исследовательских проблем. Чтобы понять устройство общества и лучше распознать силы, приводящие его в движение, важно уделить равное внимание и всем психологическим феноменам. "Одна из главных задач, которая встает сегодня перед науками о человеке, — пишет Ж. Дюби, — заключается в том,

* Ж. Дюби — профессор Коллеж де Франс, крупнейший современный буржуазный историк, специализирующийся на проблемах европейского средневековья. Его докторская диссертация "Общественный строй Маконской области в XI — XII вв." получила самую широкую известность во французской историографии¹⁹⁴. Ж. Дюби опубликовал много других синтетических и проблемных исследований по истории средневековья¹⁹⁵.

чтобы соразмерить во всей неразрывной совокупности взаимодействий роль экономических условий и, с другой стороны, всего ансамбля привычек и моральных предписаний”¹⁹⁶.

На исследование проблем духовной жизни общества кроме основных положений исторической концепции ”Анналов” заметное влияние оказали и другие идейные течения и традиции гуманитарных наук.

Прежде всего здесь следует назвать французскую школу материалистической исторической психологии И. Мейерсона¹⁹⁷. Ученые, объединившиеся вокруг Мейерсона примерно с конца 40-х годов, в конкретных исследованиях, главным образом по античной истории и истории эпохи Возрождения, добились значительных результатов в обосновании принципа социальной обусловленности и исторической изменчивости всех психических функций людей¹⁹⁸.

Большую работу по популяризации среди историков результатов научных исследований французских психологов, и прежде всего Ш. Блонделя и А. Валлона, проделал Л. Февр. Он опубликовал несколько статей, ставших в некотором смысле программными для сотрудничества историков и психологов¹⁹⁹. В этих статьях Л. Февр всесторонне обосновал мысль о том, что без ознакомления историков с последними достижениями в области психологии не может быть и подлинной истории. ”Мы не имеем;— писал Л. Февр,— истории любви, как ее понимают. Мы не имеем истории смерти. Мы не имеем ни истории сострадания, ни истории жестокости. Мы не имеем истории радости”. При этом Л. Февр уточнял, что он выступает не за изолированное исследование истории любви или истории радости всех времен и цивилизаций. Он определял общие направления исследований эмоциональных и психологических факторов в их неразрывной связи со всеми остальными аспектами исторической действительности²⁰⁰.

Работа Л. Февра о судьбе Мартина Лютера²⁰¹ стала, по определению Ж. Дюби, своего рода моделью для биографических исследований, поскольку ”индивидуальная судьба” выступает здесь обусловленной одновременно и развитием самой личности, и ее ответной реакцией на воздействия, предложения, отказы интеллектуального и эмоционального окружения, тщательно проанализированного Л. Февром²⁰².

Все большее влияние на исследования в области исторической психологии оказывали философские и методологические концепции, основанные на структурной антропологии К. Леви-Стросса и структурной лингвистике М. Фуко. Изучение структуры

бессознательного путем построения моделей, рассмотрение многих исторических явлений, связанных с коллективной психологией, как замкнутых систем, содержащих внутри себя предпосылки и условия своего развития, стали весьма распространенными в современной французской буржуазной историографии.

Для некоторых трудов по истории основополагающими стали философские концепции и методы неофрейдизма. По мнению Р. Мандру, попытки распространения методов психоанализа индивида на коллектив оказались малоубедительными в научном отношении. "Мечты поклонников неофрейдизма превратить психоанализ в нечто вроде социальной терапии, — пишет он, — похожи скорее на желание воссоздать образ дьявола, нежели на стремление постичь истину"²⁰³. Тем не менее эти грезы нашли воплощение не только в фальсификаторских опусах А. Безансона*, но и в некоторых серьезных исследованиях.

Историки школы "Анналов" Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф, Ф. Ариес и другие главное внимание сосредоточили не на исторических аспектах психологии, а на психологических аспектах истории. История коллективных умонастроений, образа мыслей, мировосприятия людей эпохи средневековья и начала нового времени является для этих авторов предметом специального исследования²⁰⁷. Для многих других историков, группирующихся вокруг "Анналов", эти аспекты исторической действительности стали важной составной частью их научной проблематики.

В период 40 — 60-х годов как во французской историографии в целом, так и в рамках школы "Анналов" определились два основных направления в исследованиях исторической психологии.

* А. Безансон — один из наиболее реакционных французских буржуазных историков, специализирующийся по проблемам русской и советской литературы, культуры и истории. Все его работы основаны на психоаналитическом структурализме. В 1967 г. вышла его книга "Убиенный царевич. Символика закона в русской культуре", в которой с помощью таких категорий, как "структура физических бессознательных элементов", "эдипов комплекс" и т. д., фальсифицируются смысл и содержание творчества Гоголя, Достоевского, Блока и других русских писателей и поэтов, выстраиваются умозрительные схемы об "отношении русских к богу и монарху" и на этой основе делается попытка истолковать явления политической и социальной действительности²⁰⁴. Реакционными идеями пронизаны и другие его работы²⁰⁵. Свое политическое кредо А. Безансон наиболее полно выразил в книге "Краткий очерк советологии"²⁰⁶, которая выдержана в духе дремучего антисоветизма. Симптоматично, что предисловие к этой книге написал Р. Арон, с которым Безансон связывает многолетнее сотрудничество на ниве "советологии".

Первое развивалось по линии А. Валлон — И. Мейерсон — Ж. Вернан — Р. Мандру. Историки и психологи этого направления, из которых отдельные стоят на марксистских позициях, развивая принцип социальной обусловленности и исторической изменчивости всех психических функций людей, постоянно расширяли научную проблематику и углубляли материалистическую трактовку субъективной стороны общественных процессов. Для Р. Мандру, например, стало характерным последовательное проведение принципа историзма в исследовании психологических феноменов. В таких работах, как "Введение в историю Франции нового времени. 1500 — 1640", "Судьи и ведьмы во Франции XVII в.", он не ограничился воссозданием впечатляющей картины душевного состояния людей той эпохи, их эмоций, страстей, порывов и увлечений. Принципиальное отличие трудов Р. Мандру от работ в духе традиционной буржуазной историографии состоит в том, что он попытался осуществить дифференцированный по видам деятельности людей анализ социальной психологии феодального общества. Он сумел показать, что изменение мировосприятия людей зависит в конечном счете от условий материальной жизни, от складывающихся общественных отношений. "Попытка изолировать психологическую историю (даже под благовидным предлогом создания истории идей и чувств или же социальной истории идей), — пишет Р. Мандру, — это малоперспективное предприятие: история умонастроений в каждый момент является неотъемлемой частью тотальной истории, что должно пониматься не в духе идеальных и романтических мечтаний Мишле, а как методологическое требование каждого момента исследования"²⁰⁸.

Второе направление развивалось по линии Э. Дюркгейм — М. Блок — Ж. Дюби — А. Дюпрон. Многие ученые этого направления осуществили серьезные исследования в различных областях исторической психологии, сделали интересные и не лишённые научного значения выводы. Это касается, в частности, таких проблем, как взаимоотношения индивида и общества, обусловленность и изменчивость психологии человека, а также некоторых положений по истории семьи, идеологий, религий. Однако наиболее характерной чертой этого направления стало продолжение и после 40-х годов идущей от Э. Дюркгейма и М. Блока традиции, которая выразилась в идеалистическом понимании общества, в психологизации его.

Показательными в этом отношении являются взгляды Ж. Дюби. Как и М. Блок, он считает, что история умонастроений и идеологий невозможна без углубленного познания базовых

экономических, политических и социальных структур общества. Но "эти идеологии и умственные представления имеют свое собственное существование и их история не совпадает в точности с экономическими и социальными структурами". Именно через это несоответствие в развитии, по мнению Дюби, можно познать соотношение между материальными и духовными структурами²⁰⁹. Сами по себе эти высказывания Дюби не вызывают особых возражений. Все дело в том, как понимать эти базовые экономические и социальные структуры, о которых он упоминает. И здесь оказывается, что они для Дюби не есть объективные экономические, производственные отношения людей. За существование вещей он принимает возникающие на поверхности этих отношений вторичные взаимодействия психологических форм. По мнению Дюби, люди регулируют свое общественное поведение, исходя из тех представлений, которые у них складываются об экономических и социальных условиях. Сами же эти представления, или "поведенческие модели", "системы ценностей" являются продуктом определенной культуры и в ходе воспитания передаются без видимых изменений от одного поколения к другому. Каждое данное поколение старается каким-то образом приспособить эти "поведенческие модели" к материальным реальностям²¹⁰. Это приспособление выступает у Дюби главной движущей силой духовного развития общества. Идеалистическое понимание общества и сведение общественного бытия к общественному сознанию выразились в конечном счете в том, что феодализм у Дюби оказался "прежде всего склонностью ума"²¹¹.

Из двух указанных направлений более близким для школы "Анналов" в 60-х годах оказалось именно второе. Сфера психологических факторов, различных проявлений субъективного в истории для представителей этого направления, как и для многих буржуазных теорий личности, стала тем "окольным путем", с помощью которого "идеолог проводит свои буржуазные концепции, а идеалист пытается ревизовать в субъективистском духе исторический материализм и научный социализм"²¹².

Современные философствующие буржуазные историки пытаются доказать, что марксистское учение о материи и сознании якобы не подтверждается новыми данными, что исследование психологических, субъективных факторов исторических событий опровергает положение о том, что общественная жизнь и экономические отношения определяют сознание людей. Все это с неизбежностью уводит их все дальше от реализации принципа историзма в исследовании духовных аспектов общественного развития²¹³.

”АННАЛЫ” И РАЗДРОБЛЕННАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЯ БЕЗ ЛЮДЕЙ

1. ”Анналы” и некоторые направления методологической перестройки французской буржуазной историографии в 60 – 70-х годах

Первый номер ”Анналов” за 1959 г. открывается статьей Ф. Броделя, посвященной 30-летию журнала. В ней говорится о гуманистическом призвании исторической науки, о необходимости укрепления на этой основе сотрудничества всех французских исторических школ. За статьей Ф. Броделя следует публикация Э. Ле Руа Ладюри ”История и климат”, которая, как подчеркивает автор, носит методологический характер и также призвана наметить пути решения конкретных задач, стоящих перед исторической наукой¹. Соседство этих двух публикаций в юбилейном номере ”Анналов” скорее всего дело случая. В то время вряд ли кто мог предположить, что гуманистические идеи, преимущественно развивавшиеся Ф. Броделем после М. Блока и Л. Февра, вскоре будут рассматриваться как вчерашний день школы ”Анналов”, а олицетворением ее будущего станет Э. Ле Руа Ладюри, который через несколько лет уже четко обозначит линию дегуманизации буржуазной исторической науки и выразит краткой формулой новую сферу Клио: ”История без людей”².

В конце 60-х – начале 70-х годов в ряде публикаций таких, например, историков третьего поколения ”Анналов”, как Ф. Фюре³, П. Шоню⁴, М. де Серто⁵, довольно ясно обозначился еще один демарш – решительный отказ от идеи ”глобальной истории”, идеи, которой во многом определялись плодотворность и оригинальность этого направления французской буржуазной историографии в предшествующий период.

Два взаимосвязанных явления – дегуманизация и парцелляция исторической науки – представляют собой главную отличительную особенность современного, третьего этапа эволюции ”Анналов”. Они затронули проблематику научных исследований, повлияли на характер научной интерпретации наиболее важных процессов и событий в истории. Оба этих явления сопровождались углублением специализации внутри исторической науки,

разработкой новых теоретических схем, сосредоточением внимания на общих проблемах методологии.

Прежде чем приступить к анализу указанных явлений во французской буржуазной историографии, остановимся на некоторых реальностях социально-политической жизни Франции 60-х годов, которые в значительной мере определили поворот в умонастроениях и общей идеологической ориентации буржуазной научной интеллигенции.

В различных областях жизни французской нации в это время стали все более сказываться результаты господства монополий и развернувшейся научно-технической революции. Изменилась социальная структура населения страны, резко сократился удельный вес традиционных мелкобуржуазных слоев, старых групп буржуазии⁶. Количественный рост так называемых "новых средних слоев" во французском, да и во всем западноевропейском, обществе, представленных в значительной мере и научно-технической интеллигенцией, сопровождался усилением их зависимости от правящей бюрократической верхушки, отстаивающей интересы монополистического капитала⁷. Это не могло не сказаться на социальной позиции "новых средних слоев". Для них стал очевидным утопический характер идеи "третьего пути" — ни с монополиями, ни с рабочим классом — в решении "французских проблем", идеологическим выразителем которой во Франции долгое время была университетская философия⁸. В условиях государственно-монополистического капитализма усилилась подчиненность науки практическим, утилитаристским целям, отчетливее проявилась ее ориентация на обеспечение "нормального" функционирования и "стабильности" буржуазного строя. На этой основе в 60-х годах в идеологической жизни Франции, в сфере гуманитарного и социального знания произошли существенные изменения. Традиционные философские системы умозрительного характера, гуманитарно-антропологические направления, в том числе и экзистенциалистская философия "третьего пути" Ж.-П. Сартра, были оттеснены более отвечающими духу времени сциентистскими течениями, среди которых на первом месте оказался структурализм. Во всех этих изменениях важная роль принадлежит французской буржуазной историографии и представителям других отраслей научного знания, непосредственно связанных с направлением "Анналов". Вот почему мы считаем необходимым начать анализ основных тенденций в современной французской буржуазной историографии с выяснения одной из наиболее сложных проблем общего характера: "Историческая наука и структурализм"⁹.

Большую работу в плане определения путей ее решения проделали французские ученые-марксисты Л. Сэв, М. Годелье, Л. Альтюссер, А. Казанова, П. Вилар и др.¹⁰ На протяжении ряда лет они ведут плодотворные дискуссии с буржуазными учеными по наиболее актуальным проблемам гуманитарного знания. обстоятельный и аргументированный критический анализ исходных позиций, методов, идеологических интерпретаций структуралистских течений осуществили марксистские журналы "Пансэ", "Нувель критик", "Кайе дю коммюнизм". Особенно широкий резонанс получили специальные выпуски журнала "Пансэ" — "Структурализм и марксизм" (1967, № 135) и "Этнология и марксизм" (1973, № 171 — 172), в которых структурализм анализируется как течение в различных конкретных науках: лингвистике, истории, этнографии. Рассматривая историческую науку как важный участок идеологической борьбы на современном этапе, журнал "Нувель критик" в 1968 — 1973 гг. опубликовал серию статей на тему "История и гуманитарные науки". Многие из этих статей вошли в изданный в 1974 г. сборник "История сегодня". Основная задача сборника, как ее определил главный редактор журнала "Нувель критик" А. Казанова, состояла в том, чтобы показать, насколько большое давление и сегодня оказывает на развитие буржуазной исторической науки позитивизм, разновидностью которого в теории познания является структурализм. Теория истории, по мнению А. Казановы, может быть окончательно сведена к формализму, если она не будет опираться на конкретные достижения исторических исследований и на марксизм. Одно из центральных мест в сборнике занимают проблемы "Субъект и структура", "История событий и история структур". В целом сборник "История сегодня" является большим достижением французской марксистской историографии. Его успех во многом определяется исходными принципами журнала "Нувель критик" в вопросе о современных тенденциях в буржуазных гуманитарных науках. В ходе обновления этих наук или даже их реконструирования, по мнению редакции журнала, осуществляется постоянное взаимодействие между научной разработкой и оправдательными идеологиями. "Это означает, — говорится в одной из статей, — что новые течения, возникающие в гуманитарных науках, требуют со стороны марксистов беспрестанного внимания и осторожных подходов. Не может быть речи о том, чтобы отбрасывать огромный вклад новых наук под предлогом борьбы против новых форм буржуазной идеологии, форм, чьи претензии на истинное знание не могут быть нами признаны. Эта большая

работа – внесение ясности, обогащение, анализ – предполагает... дискуссию между марксистами и представителями новых течений. Наш журнал постарается внести в это свой вклад”¹¹.

Обстоятельный анализ структурализма как сложного комплекса специально-научных и философских идей осуществлен советскими философами. В работах таких, например, авторов, как М. Н. Грецкий, Т. А. Сахарова, Н. Л. Филиппов, Н. С. Автономова, определены основные общеметодологические и мировоззренческие принципы отношения марксистской философии к структурализму, показано его место в идейной и социально-политической жизни Франции, выявлены его основные философско-методологические проблемы, осуществлен критический обзор методов и результатов структуралистского поиска некоторых инвариантных оснований человеческой культуры¹². Признавая большую важность и плодотворность осуществленных исследований, нельзя не отметить, что все они ограничиваются анализом преимущественно философских проблем структурализма и, как правило, не учитывают в этом анализе работ историков.

Из публикаций советских историков о структурализме¹³ хотелось бы особо выделить статью И. Д. Ковальченко и Н. В. Сивачева ”Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке”¹⁴. Подчеркивая актуальность данной проблемы, авторы обращают, в частности, внимание на то, что структурализм получил в современной буржуазной историографии весьма широкое распространение и претендует на роль методологии исторического познания, которая якобы способна вывести буржуазную историографию из глубокого кризиса и сделать ее подлинно научной. В этой связи советским историкам надо иметь ясное представление о существовании структуралистской методологии исторического познания, о том, каково ее место в буржуазной методологии истории, может ли она в действительности способствовать преодолению идейно-методологического кризиса буржуазной историографии, в каком соотношении она находится с марксистской методологией исторического познания. И. Д. Ковальченко и Н. В. Сивачев дали очень убедительные ответы на эти вопросы и, проанализировав некоторые работы американских историков, сделали важные выводы методологического характера о состоянии структуралистской историографии.

Разделяя эти выводы и все принципиальные оценки исторического структурализма, мы хотели бы вместе с тем обратить внимание на некоторые спорные суждения И. Д. Ковальченко

и Н. В. Сивачева, в частности на их оценки таких известных французских буржуазных ученых, как Э. Ле Руа Ладюри и Ф. Фюре. Отмечая воздействие марксизма на работы этих ученых, авторы, однако, не уточняют, что эти историки третьего поколения "Анналов" действительно в свое время прошли школу марксизма, но сочли нужным с ней расстаться и теперь выступают в роли наиболее активных противников марксизма. И еще одно спорное суждение: по мнению И. Д. Ковальченко и Н. В. Сивачева, структурализм лишь "со второй половины XX века начал проникать и в историческую науку". Однако, что касается французской историографии, то здесь, как показывает анализ конкретных работ историков школы "Анналов", наиболее важные общенаучные принципы, приписываемые в последнее время структурализму, и многие методы системного, структурно-функционального, количественного анализа прочно вошли в практику научных исследований задолго до указанного времени*. Наконец, и это, пожалуй, самое главное, нуждается в уточнении положение о "проникновении" структурализма в историческую науку. На это хотелось бы обратить особое внимание, поскольку и во многих других советских исследованиях проводится мысль о привнесении структурализма в историческую науку извне. По мнению их авторов, буржуазные историки не стали "изобретать велосипед", а просто заимствовали у структурализма концепции, модели, методы. При этом имеют место противоречивые, а иногда и прямо противоположные оценки степени "проникновения" структурализма во французскую буржуазную историографию. И. Д. Ковальченко и Н. В. Сивачев говорят о весьма широком распространении структурализма в современной буржуазной историографии¹⁷. Примерно такого же мнения придерживается и М. А. Барг, отмечающий, что "современный фазис методологического кризиса буржуазного историзма отмечен особой популярностью так называемых структуралистских концепций..."¹⁸. В то же время, например, М. Н. Соколова с уверенностью утверждает, что "структурный метод не получил широкого распространения в современной французской исторической науке"¹⁹.

* Об этом часто говорят и сами ученые школы "Анналов". "В течение почти полувека, — отмечает, например, Э. Ле Руа Ладюри, — лучшие французские историки — от Марка Блока до Пьера Губера — со знанием дела применяли структурализм в своих исследованиях, правда иногда не подозревая об этом"¹⁵. По мнению социолога Ж. Фридмана, большинство исследований ученых "Анналов" в 40–50-х годах были (сознавали или нет это сами ученые) функционалистскими в духе Леви-Стросса, но, как правило, дополненными критериями исторического измерения¹⁶.

Все это свидетельствует, что в проблеме "Французская буржуазная историография и структурализм" есть еще много нерешенных вопросов, среди которых можно выделить, например, такие: рассматривать ли французскую буржуазную историографию и структурализм как два параллельных явления или же следует оценивать структуралистские концепции как присущие целому ряду буржуазных гуманитарных наук, в том числе и истории? На каком основании можно отнести отдельную работу или целое направление в историографии к структурализму? Каково объективное содержание структуралистской историографии и как соотносятся в ней общенаучные принципы, методы и философско-идеологические концепции?

Решение этих и других вопросов, связанных с указанной проблемой, предполагает объединение усилий советских ученых различных гуманитарных специальностей для осуществления на основе марксистско-ленинской теории критического анализа всей совокупности буржуазных общественных наук во Франции на значительном отрезке времени. В данном же случае в порядке постановки вопроса обратим внимание лишь на некоторые аспекты этой проблемы.

Один из них касается структурализма в целом как метода, как исследовательского направления. Многие неточности и противоречивые суждения о структурализме в исторической науке обусловлены, очевидно, тем, что не в достаточной мере соблюдается историко-научный подход к этой проблеме. Так, например, зарождение французского структурализма как исследовательского направления нередко относят ко второй половине XX в.²⁰, а основоположником исторического структурализма называют, как правило, К. Леви-Стросса²¹, который, как справедливо отмечается, сыграл ведущую роль в разработке методологической программы структурного исследования²². Считается, что структурализм во Франции представлен кроме этнологии К. Леви-Стросса главным образом историей науки М. Фуко, психологией Ж. Лакана и литературоведением Р. Барта. Специально-научные истоки французского структурализма усматриваются в основном в области языкознания, в частности в структурной лингвистике швейцарского языковеда Ф. де Соссюра²³, а его идейные и философские предпосылки — в философии И. Канта и неокантианцев²⁴.

Многие из этих положений стали общепризнанными и зачастую звучат уже почти как аксиомы. Однако, если на них посмотреть в историко-научном плане, не исключено, что в них придется внести существенные уточнения. Сужение хронологических

рамки при рассмотрении вопроса о становлении французского структурализма, ограничение его научной проблематики лишь теми отраслями знания, которые представлены именами наиболее видных структуралистов второй половины XX в., сведение его научных истоков лишь к области языкознания — все это приводит иногда к тому, что в области методологии современному французскому структурализму приписывается то, что еще во второй половине XIX — начале XX в. стало общим достоянием науки и послужило для самого структурализма "питательной основой", теоретическим фундаментом. Кроме того, сужение хронологических рамок становления структурализма затрудняет вычленение тех специально-научных, методологических разработок, философских интерпретаций К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана и других, которые уже в 60-х годах и позже получили распространение и оказали влияние на многие отрасли буржуазного гуманитарного знания. Представляется более оправданным рассмотрение вопроса о структурализме как об исследовательском направлении на более широком фоне становления и развития системного и структурно-функционального принципов в естествознании, физике, математике, а также во всей совокупности гуманитарных наук. Такой подход позволил бы сделать необходимые уточнения, в частности, и в вопросе о соотношении структурализма и исторической науки.

Поясним это некоторыми примерами. В поисках новой методологии общественного познания представители французского структурализма исходили из стремления предельно устранить субъективный момент как в объекте познания общественных наук, так и в самом процессе познания. К числу проявлений общественной жизни, свободных от субъективного момента, относятся, по их мнению, структуры, и прежде всего категория бессознательных структур. Решение задачи предельно возможного исключения субъективного момента из процесса познания общественной жизни структуралисты усмотрели во внедрении в общественные науки, в том числе и в историческую, методов естественных и точных наук, главным из которых является для них метод моделирования²⁵. "Основные общенаучные моменты, определяющие структуралистскую проблематику в различных познавательных областях, — это примат отношений над элементами, синхронии над диахронией, стремление к выявлению инвариантов отношений и др."²⁶ В социальном познании структурализм видел свою главную задачу не в исследовании структуры исторического процесса — проблема, в которую уперлось развитие традиционного историзма, — а в изучении "синхронических"

структур, т. е. структур, взятых вне развития, вне исторического изменения²⁷.

Можно было бы продолжить перечень основных методологических положений, которые действительно определяют научную проблематику и исследовательские приемы французского структурализма второй половины XX в., но которые никак нельзя отнести к числу оригинальных и принадлежащих исключительно этому исследовательскому направлению.

Анализ развития "Анналов" за период с конца 20-х до середины 60-х годов дает достаточно оснований для утверждения, что по крайней мере все вышеперечисленные положения, равно как и многие другие методы системного и структурно-функционального анализа, не только нашли отражение, но стали основополагающими и получили всестороннюю разработку во французской географической школе, в социологии, антропологии и историографии. И в этом смысле вполне можно назвать "структуралистами" П. Видаля де Ла Блаша, Ф. Симиана, М. Мосса, М. Блока, Ж. Лефевра, Ж. Гурвича, Ф. Броделя, Ф. Крузе и многих других представителей различных областей научного знания, объединившихся вокруг "Анналов". Если учесть, какую роль во всей совокупности буржуазных общественных наук играли в период 40 – 60-х годов "Анналы" и VI Секция Практической школы высших исследований, где работал, в частности, и К. Леви-Стросс, то вполне правомерным мог бы быть и вопрос о влиянии "Анналов" на развитие таких дисциплин, как этнология, история науки, литературоведение, психология и др. Разумеется, сказанное не означает, что с работами К. Леви-Стросса, М. Фуко, Ж. Лакана, Р. Барта, Ж. Деррида и других структуралистов второй половины XX в. в гуманитарные науки, в том числе и в историческую, не пришло ничего нового, что они не затронули методологических основ этих наук. Выявление этих новых моментов призвано пролить дополнительный свет на вопросы о преемственности в развитии "Анналов" и об их восприимчивости к философско-теоретическим и идеологическим модификациям во всей совокупности буржуазных наук об обществе.

Чтобы подойти к решению этой задачи, выделим те методологические положения, на которые обращают особое внимание многие советские ученые и которые, как нам представляется, характерны собственно для структурализма второй половины XX в.

В своих исследованиях "примитивных обществ" К. Леви-Стросс использовал метод "двойных оппозиций". Суть центральной "оппозиции" этого метода – "природа – культура" – выражена

следующими словами Леви-Стросса: "Все, что есть в человеке универсального, зависит от порядка природы и характеризуется спонтанностью, а все, что подчинено норме, принадлежит культуре и представляет признаки рельефного и особенного". Из этого положения проистекает трактовка бессознательного как символической, специфически человеческой функции, которая у всех людей подчинена одинаковым законам. Отсюда же берет начало тенденция к сплошной интеллектуализации человеческой деятельности, сведению всей культуры к системе знаков и их интерпретации с помощью лингвистических моделей. Упразднение исторического измерения привело структурализм к тому, что сама реальность улетучилась из анализа, — к "структурализму без структур", по выражению французского психолога Ж. Пиаже²⁸. "В методологическом плане важнейшая черта структурализма состоит в том, что он предполагает переход от глобального рассмотрения объекта в целом к его расчленению и дифференцированному изучению его строения и функционирования"²⁹. Некоторые ученые-структуралисты вышли за рамки чисто научных областей и выдвинули ряд философских идей, представляющих собой абсолютизацию отдельных их конкретно-научных положений. Это, в частности, нашло выражение в мистификации противоречий современного капитализма как противоречий "человека вообще" и "структуры вообще"³⁰.

Если посмотреть с этих позиций на современную французскую буржуазную историографию, можно сказать, что и в этом смысле структуралистские тенденции в ней проявились довольно отчетливо.

Все сказанное выше имеет целью прежде всего подчеркнуть момент преемственности в развитии того направления буржуазной исторической науки, которое представлено "Анналами". Эта преемственность обусловлена свойственной буржуазному мышлению методологией и идеологией позитивизма, в рамках которого происходило становление и развитие системного и структурно-функционального методов; структурализм в данном случае можно рассматривать как один из способов конкретизации этих методов. Вместе с характерными особенностями позитивизма и неопозитивизма второй половины XX в., проявившимися, в частности, во французском структурализме, в буржуазной исторической науке стали утверждаться не только специально-научные, но и философско-идеологические концепции, определившие общее ее развитие в направлении к сциентизму с присущей этому способу буржуазного мышления апологетикой буржуазного общества.

Все это заставляет задуматься над более общим вопросом: почему структурализм получил широкое распространение в современной буржуазной историографии? Поиск ответа на этот вопрос показал, что для "очарования" структурализмом у историков школы "Анналов" было достаточно причин, к рассмотрению которых мы и переходим.

Майско-июньские события 1968 г. во Франции заставили Ф. Броделя прервать чтение курса лекций в Чикагском университете и вернуться в Париж. Вскоре после этих событий здесь была созвана довольно представительная экстренная сессия "друзей, сотрудников и директоров "Анналов" с целью глубоко обсудить ряд не терпящих отлагательства современных проблем и произвести переоценку ценностей"³¹. Результаты этой сессии сказались незамедлительно: Ф. Бродель был фактически отстранен от руководства журналом; был создан коллективный "директорат", в который вошли новые люди — М. Ферро, Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри. Покинул пост ответственного секретаря редакции журнала Р. Мандру — один из наиболее прогрессивных историков школы "Анналов"; его место занял А. Бюргийер. Через некоторое время Ф. Бродель был смещен и с поста заведующего кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс; на эту должность был назначен Э. Ле Руа Ладюри. Ровно через год после всех этих событий и перемещений Ф. Бродель направил руководству "обновленного" журнала короткое послание, в котором выразил надежду, что, несмотря на сложности, вытекающие из самих "новаций", журнал останется верным "духу Люсьена Февра и Марка Блока" и что "молодые директора" сохранят присущий журналу "ореол новых Анналов". Но все эти надежды были выражены как-то неуверенно, без присущего Броделю энтузиазма, а его упоминание о "смысле новых усилий, который станет очевидным уже с первых номеров" и который действительно обрисовался со всей определенностью уже в первые годы после экстренной сессии редакции журнала, свидетельствует о том, что в 1969 г. у Ф. Броделя было достаточно оснований воздержаться от проявления энтузиазма. Да и кому нужны были эти символы веры, выраженные в форме надежд? Разве не повторял Л. Февр, как заклинание, что история — это наука о человеке, а не о понятиях и вещах³², и разве он не передал этот принцип Ф. Броделю в качестве завещания "Анналам"? Но уже сам Бродель сделал первые шаги к тому, чтобы вытеснить из истории живых людей, заменив их вещами, структурами, хотя он все же не решился дойти в этом вопросе до логического конца и истории без людей не признавал. Точно так же, объявляя

себя структуралистом, Бродель делал оговорку: "но только по темпераменту", поясняя, что математические абстракции, если за ними исчезнет реальность, погубят историческую науку. А его ученики не остановились на полдороге — они пошли дальше, туда, куда Бродель их вести не хотел. Более того, новые директора "Анналов" повели атаку на его святая святых — на идею "глобальной истории". Выразив желание "осовременить" журнал, они начали с того, что отдалили его от живого прошлого, что еще больше подорвало его связь с настоящим.

Об общей программе "новых" "Анналов" лучше всего можно составить представление по новым рубрикам журнала и по специальным тематическим выпускам после 1968 г. Они как бы прочертили генеральную линию, запечатлев намерения редакции журнала привлечь внимание более широкого круга читателей, прежде всего за счет молодежи. В новой проблематике журнала просматривается поляризация сюжетов, их "симметричные" крайности. Одни темы как бы взывают: подальше от людей, от изменяющегося, непредвиденного к природе, к биологическому; другие, наоборот, сосредоточивают внимание на самом злободневном, на событии. Из тематических выпусков журнала можно выделить следующие: "Биологическая история и общество", "История и урбанизация", "История и структура", "Семья и общество", "История и окружающая среда", "История и другие науки", "Вокруг смерти", "Антропология Франции", "Медики, медицина и общество во Франции XVIII в.". Несколько "сквозных" тем "Анналов" были посвящены проблемам сексологии, религиозным проявлениям в форме ересей, символики, фольклористики и пр.

После невиданного в послевоенной Франции социально-политического кризиса весны 1968 г., потрясшего до основания всю структуру Пятой республики, ее новые политические руководители (особенно после смерти в 1974 г. преемника де Голля Жоржа Помпиду и явного падения авторитета "классического голлизма"³³) крайне нуждались в цельной идеологической концепции, которая, не отвергая прямо марксизм как доктрину, в то же время могла бы противостоять ему, увести бунтующую молодежь и вышедшие из-под контроля "средние слои" с дороги классовой борьбы на путь буржуазного "материального" реформизма, прикрытого обновленными этикетками "третьего пути". Роль такой концепции и призвана была сыграть далекая от текущей политики идея "глобальной истории" Ф. Броделя, но не в изначальном ее виде, а в варианте "новых" "Анналов".

С середины 70-х годов на "Анналы" полились щедрые правительственные субсидии. Увеличился формат журнала, улучшилась его полиграфическая база. Правительственная поддержка не ограничивалась одним лишь финансированием печатного органа "Анналов". Были приняты меры к организационному и материальному укреплению всего направления в науке, представляемого "обновленными" "Анналами". Важнейшей из этих мер явилось преобразование в 1975 г. VI Секции Практической школы высших исследований в самостоятельное научно-исследовательское, учебное и издательское учреждение, получившее название Школа высших исследований в области социальных наук. Отныне эта школа наряду с Сорбонной имела право присуждать научные степени и звания.

Пожалуй, наиболее рельефное выражение политическое кредо "новых" "Анналов" получило в двух специальных номерах. Первый из них, вышедший в 1971 г., нацелен на реинтерпретацию понятий "старый режим" и "французская буржуазная революция". В разделе "История и утопия" этого выпуска "разоблачается" "мифотворчество" просветителей Т. Мора, Ж.-Ж. Руссо, а открывающая номер статья Ф. Фюре "Революционный катехизис" дает такую интерпретацию Великой французской революции, после которой от этого события не остается ровным счетом ничего – ни великого, ни французского, ни революционного³⁴. С выпуском в 1976 г. специального номера "Анналов" под общим названием "Революция и тоталитаризм"³⁵ журнал впервые за всю его историю целиком и полностью погрузился в грязное болото антисоветизма. Вдохновителем, организатором и автором основных публикаций этого номера был один из новых директоров журнала – Марк Ферро.

Процесс дальнейшего "обновления" буржуазной исторической науки сопровождался пересмотром всего арсенала средств исторического познания: исходные принципы, предмет исторической науки, методы. В настоящее время, как и в начале века, во времена А. Берра, внешне главной мишенью критики со стороны "Анналов" продолжает оставаться так называемая "повествовательная" история. Для них это стало уже своеобразным ритуалом. Однако направленность и содержание этой критики с тех пор существенно изменились. Историография, против которой выступают "Анналы" 70-х годов, пожалуй, меньше всего воскрешает в их памяти времена Сеньюбоса. "Традиционными", т. е. устаревшими, для них становятся уже и сами основатели "Анналов" и даже Ф. Бродель, непременные реверансы в сторону которых также начали приобретать ритуальный характер.

Но главное размежевание сил во французской историографии происходит не по линии между прошлым и настоящим. Для нынешнего поколения "Анналов" "традиционной", устаревшей является прежде всего марксистская историография, которую Э. Ле Руа Ладюри именует "псевдореволюционной"³⁶.

Движение за очередное "обновление" буржуазной исторической науки во Франции приобрело поистине небывалый размах. Лишь теории этого вопроса посвящены десятки томов научной литературы. Результаты, достигнутые в деле перестройки исторической науки к середине 70-х годов, получили обобщение в трехтомном коллективном издании "Заниматься историей"³⁷. Теоретические проблемы истории находятся в центре внимания двух специальных выпусков: "Методология истории и гуманитарных наук"³⁸ — в честь Ф. Броделя и "Экономическая конъюнктура. Социальные структуры"³⁹ — в честь Э. Лабрусса. Кроме того, ряд видных историков школы "Анналов" опубликовали авторские труды по наиболее актуальным проблемам исторического знания, в числе которых можно назвать такие, как "Логика истории" Ш. Моразе, "Территория историка" Э. Ле Руа Ладюри, "История — социальная наука" П. Шоню⁴⁰. В этих работах затрагивается очень широкий круг вопросов, касающихся логико-методологической специфики истории, ее места в системе гуманитарных наук. По ним можно судить о достижениях французской буржуазной исторической науки, о существенных изменениях, происшедших в ней за последнее время.

Наиболее полно методологические проблемы современной буржуазной исторической науки представлены в коллективном труде "Заниматься историей". Составители этой работы — Ж. Ле Гофф и П. Нора считают, что во Франции утвердился новый тип истории, и выделяют следующие основные проблемы, вставшие перед ней.

Прежде всего вопрос об исходных принципах. Ж. Ле Гофф и П. Нора фактически отрицают существование единой теории познания. "Обновленная история", заявляют они, как никогда, решительно отвергает какую бы то ни было философию. В то же время она не может уже довольствоваться и позитивистскими иллюзиями по отношению к теории. В ней явно просматриваются тенденции к концептуализации: современный историк занят не только и не столько тем, что вскрывает взаимосвязь событий и фактов; его интересует эволюция социальных, экономических, психических структур, процессы, отношения. История нового типа — это история-проблема, а не история-рассказ. Отсюда первая сложность, которую Ж. Ле Гофф и П. Нора формулируют

так: вторгаясь в область теории, историческая наука рискует превратиться в нечто противоположное ей самой, т.е. в нечто вроде "марксистских предназначений", веберовских абстракций или структуралистских вневременных конструкций.

Второй вопрос о предмете исторической науки. В те области знания, где история как система объяснения общества во времени пребывала в одиночестве, начали вторгаться другие науки с нечетко определенными границами своего предмета, которые могут вобрать или растворить в себе историю. Особенно большой притягательной силой в этом отношении обладает этнология. Избавившись от примата письменного источника и тирании события, этнология тянет историческую науку к почти неподвижной, медленно протекающей истории, к броделевской "большой продолжительности". Расширение поля, которое вынуждена теперь обрабатывать история, поколебало самые, казалось бы, апробированные способы исторического объяснения. В истории социальных представлений, идеологий, умонастроений обнаружили сложная игра взаимодействий и такие смещения, научное объяснение которых, как полагают Ж. Ле Гофф и П. Нора, не под силу никому, в том числе и марксизму, обладающему наиболее глобальным и цельным видением мира. Сложные переплетения социального, идеологического, психологического оказалось невозможным упрощенно истолковать в рамках понятий структуры и суперструктуры. В этих условиях единая историческая наука уже перестает существовать. Образуются несколько историй — экономическая, демографическая, религиозная, политическая, — и каждая из них — со своим предметом, с претензией на тотальность.

Наиболее полно вопрос о предмете исторической науки в том виде, как его представляют себе составители сборника "Заниматься историей", раскрывается в статье М. де Серто "Историческая операция", которой открывается сборник. На точку зрения, изложенную в этой статье, следует обратить особое внимание, поскольку ее можно считать если не общепринятой в "Анналах", то во всяком случае получившей самое широкое отражение во многих исследованиях. Кроме того, в статье М. де Серто выражена позиция, которой, на наш взгляд, определяются и важный поворот в развитии всей современной французской буржуазной историографии, и соответствующие модификации в теоретических основах и методах исторических исследований.

Суть этой позиции сводится к следующему. На протяжении всего XIX в. и до середины XX в. "центральный сектором" исторической науки была социальная история, т.е. проблема

”отношения общества к самому себе”. Но наряду со становлением общества шел и другой процесс — становление природы, а это становление является одновременно ”данным” и ”творимым”. Социальный порядок, если его рассматривать в процессе становления природы, вписывается в этот процесс как одна из форм естественного порядка. Следовательно, предметом исторической науки должно быть становление природы, а познать это становление можно лишь путем различения на каждом этапе ”данного” и ”творимого”. Отсюда, по схеме М. де Серто, логически вытекает главная задача исторической науки: в каждом конкретном исследовании внимание должно быть сконцентрировано на отыскании пограничной зоны между ”данным” и ”творимым”, между природой и культурой.

Не трудно видеть, куда могут увлечь историческую науку такие ориентиры. Поскольку становление природы — это процесс, у него должны быть и точки неустойчивости, и, следуя по пути, обозначенному М. де Серто, их нужно искать в зоне пересечения природного и культурного. В результате проведенной М. де Серто ”исторической операции” осуществляется как бы двойное ”снятие” реально существующего противоречия, которое является источником развития любого общества, основанного на частной собственности на средства производства: на место противоречия ”класс — класс”, обусловленного в процессе преобразования природы противоречием ”производительные силы — производственные отношения”, выдвигается противоречие ”данное — творимое”, или ”природа вообще — общество вообще”^{*}.

Статью М. де Серто можно в известном смысле рассматривать как программную, но в то же время она является отражением ситуации, уже сложившейся в буржуазной исторической науке в конце 60-х — начале 70-х годов. Ориентация исторических исследований на изучение ”становления природы” обнаружилась в повышенном интересе к географии, к истории людей в их тесных отношениях с природой и дополнилась в последнее

^{*} Для специалистов по Франции, знакомых с литературой о ”красном мае” 1968 г., концепция М. де Серто не покажется слишком оригинальной. Многочисленные авторы — участники ”красного мая” из числа левых именно в таком духе интерпретировали события мая — июня 1968 г.: индустриальное общество ”вообще” (капитализм или социализм — неважно), борьба не между буржуазией и трудящимися, а между ”управляющими” (банкир, начальник цеха, бригадир, квалифицированный рабочий) и ”управляемыми” (чернорабочий, рабочий-иммигрант, батрак и т. д.). Наиболее концентрированное выражение этой политической концепции ”новых левых” дано в работе одного из их идеологических вождей Алена Турэна⁴¹.

время интересом к проблемам городского строительства⁴², изменения географии растений и их социально-экономических последствий⁴³, развития техники⁴⁴, проявлений сексуальности, истории медицины, заболеваний⁴⁵ и т. д.

Утверждению истории нового типа, по мнению составителей и авторов книги "Заниматься историей", способствует и то, что она обрела новые объекты исследования, которые ранее рассматривались мимоходом или не освещались вовсе. Этим новым объектам посвящен третий том книги, в котором "обновленная" историческая наука предстает буквально всеядной. Она "заглатывает" много такого, что, казалось бы, абсолютно не показано ее "пищеварению". Новые объекты рядом со словом "история" воспринимаются порой как настоящие парадоксы — то из-за вневременной своей сущности (история дождя и хорошей погоды, миф, праздник, смерть), то из-за своей неподвижности и явной принадлежности к другим областям знания (история детства, история подсознательного, эпизоды с проституткой в "Что делать?" Чернышевского и в "Подземелье" Достоевского), то из-за своей тривиальности (история французской кухни, меню XIX в.). Если учесть, что среди новых объектов исторической науки оказались еще и такие, как, например, аменорея и пятна на Солнце, то можно составить некоторое представление о широте ее размаха. Все эти "объекты" исторического наблюдения* являются не столько результатом произвольного выбора отдельных историков, сколько естественным следствием новых представлений о предмете исторической науки. Согласно этим представлениям, различие между "данным" и "творимым" якобы обнаруживается в пограничной зоне между ними, на грани природного и культурного, а эта грань наиболее резко прочерчивается в бессознательных структурах, которые удобнее всего исследовать на таких проявлениях, как колдовство, сумасшествие, народный праздник, фольклор.

Наконец, в рассматриваемом трехтомнике уделяется много места вопросам метода. Современный историк, заявляют его составители, перестал быть "мастером на все руки", который брался рассуждать обо всем с высоты неопределенности и универсальности своего предмета — истории. Теперь он должен сказать, что именно он ищет, какие материалы имеют отношение к данному

* М. Н. Соколова справедливо замечает, что расширение предмета исторических наблюдений за счет биологических факторов и стремление свести проблему человека, его поведение в прошлом и настоящем к этим факторам, к природной среде не являются чем-то принципиально новым в системе буржуазной философии⁴⁶.

вопросу. Он должен четко сформулировать свои гипотезы, полученные результаты, методы, доказательства и сомнения. Словом, история отказывается от импрессионизма в пользу строгой статистики, количественных данных. Приверженность измеримым величинам, по мнению Ж. Ле Гоффа и П. Нора, способна в равной мере и обеднить историческую науку, и укрепить ее позиции, обогатить ее.

Трехтомник "Заниматься историей" не относится к разряду "семейных" хроник "Анналов". Это скорее тот общий срез, по которому можно судить о тенденциях, присущих всей современной французской буржуазной историографии, о столкновении в ней различных подходов, оценок, точек зрения о настоящем и будущем исторической науки. Вместе с тем и к истории "Анналов" эта работа имеет непосредственное отношение. После ее прочтения сразу же возникают такие взаимосвязанные вопросы: в какой мере во всей французской буржуазной историографии 70-х годов просматривается та "классическая" концепция "Анналов", которая развивалась по линии М. Блок — Ф. Бродель? Можно ли сказать, что "Анналы" 70-х годов обладают какой-то цельной доктриной, которая выделяет их как школу или как специфическое направление в современной буржуазной историографии?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть основные установки и наиболее характерные работы тех историков, которые в настоящее время выступают от имени "Анналов".

2. Квантитативная, или серийная, историография. Ретроспективная клиометрия П. Шоню

В наиболее обобщенном виде основные проблемы теории, предмета и методов современной буржуазной исторической науки представлены в новейшей концепции "квантитативной", или "серийной", истории.

Сначала об этимологии этих терминов. Слово "квантитативный" (количественный) широко используется во французской буржуазной историографии по крайней мере со времени Ф. Симьяна. Но вначале им определялись лишь способы обработки количественных исторических данных или же соответствующий тип источников. Примерно с начала 60-х годов в некоторых трудах по экономической истории определение "квантитативный" употребляется уже применительно к истории. "Квантитативная

история, цели и методы” — так назвал Ж. Марчевский* введение к коллективной работе по истории экономики Франции, состоящей из 12 томов⁴⁷. Определение ”квантитативный” приобрело теперь уже иное содержание; квантитативная история — это нечто похожее на ретроспективную эконометрию^{**}: на основе современной модели баланса национальной экономики воссоздаются статистические данные, относящиеся к состоянию и функционированию всех отраслей экономики в определенный исторический период по схеме ”затраты — выпуск”^{***}. Квантитативная история может стать лишь при условии заполнения всех матриц модели баланса национальной экономики. Квантитативная история, по мнению ее сторонников, ограничивает до минимума субъективные суждения историка в процессе исследования исторической реальности; делает предметом исследования не отдельные, изолированные во времени и в пространстве факты и события, а ряды однородных единиц, позволяющие реконструировать связанное целое экономической действительности из одинаковых или сравнимых явлений на протяжении длительного периода; и наконец, это не история героев, а история масс. ”Квантитативная история, — пишет Ж. Марчевский, — может быть определена как метод экономической истории, который интегрирует все изучаемые факты в систему взаимозависимых расчетов и делает из них выводы в виде квантитативных совокупностей, определяемых полностью и исключительно данными этой системы расчетов”⁴⁹. По мнению таких видных сторонников квантитативной истории, как П. Шоню и Ф. Фюре, экономическая история не может быть в подлинном смысле этого слова квантитативной, поскольку вся историческая реальность не сводится к экономике; возможности основанной на статистических данных истории ограничены хронологически XIX — XX вв., а географически — лишь Европой и Северной Америкой, поскольку до этого времени и в других районах статистики в национальном

* Жан Марчевский в настоящее время является директором Института прикладной экономики (Institut de Science Economique Appliquée). Совместно с Т. Марковичем и Р. Тутэнном он разработал методы квантитативной истории. Непосредственного отношения к ”Анналам” Ж. Марчевский не имеет.

** Это определение квантитативной истории принадлежит П. Вилару⁴⁸.

*** Схема ”затраты — выпуск” представляет собой разработанный американским экономистом В. Леонтьевым (лауреат Нобелевской премии по экономике) метод исследования производственных связей между отдельными отраслями экономики. Анализ основан на использовании матриц, показывающих распределение продукта, произведенного в данной отрасли, между другими отраслями и количество сырья и услуг, необходимых для производства данного продукта определенной отрасли.

масштабе не существовало. Вместе с тем они отмечают, что значение экономической квантитативной истории не ограничивается возможностями исследования определенной сферы исторической реальности; она в то же время представляет собой совокупность методов, свойственный ей подход к изучению прошлого⁵⁰.

В более широком смысле определение "квантитативный" применяется к исследованию всей совокупности явлений экономической, социальной и духовной жизни на любом историческом отрезке времени. В этом случае, разумеется, уже не может быть речи об абсолютной квантификации в соответствии с требованиями Ж. Марчевского к исследованию национальной экономики, поскольку историк не располагает необходимыми данными для количественного выражения действительности во всех ее проявлениях. Однако и при историческом анализе оказывается возможным и необходимым отдавать предпочтение не изолированным фактам, а однородным элементам, поддающимся интеграции во временные серии. Отсюда — "серийная история", претендующая на определенную концептуализацию прошлого, при которой учитывается и такой специфический объект исторического исследования, каковым является время, т. е. диахроническое измерение явлений. Эта концептуализация "предполагает определение значимости любого исторического факта лишь во временных сериях однородных и сравнимых единиц и измерение его эволюции равными, как правило ежегодными, промежутками времени"⁵¹. В настоящее время во французской исторической литературе термины "квантитативный" и "серийный" употребляются во всех трех рассмотренных значениях, но применительно к историографии в целом, как правило, в третьем значении.

Сами сторонники квантитативной, или серийной, истории весьма категоричны в оценках ее значимости, возможностей и перспектив. "Это революция историографического сознания"⁵², — говорит Ф. Фюре. По мнению П. Шоню, история "сегодня по существу не может быть достойной этого названия, если она не является серийной"⁵³. "Квантитативная революция в нашей стране, — пишет Э. Ле Руа Ладюри, — полностью преобразовала профессию историка, а в будущем он или будет программистом или не будет историком"⁵⁴.

Главным исходным принципом серийной историографии провозглашается отказ от философии истории в пользу конкретного анализа однородных, сопоставимых на протяжении периода большой длительности серий исторических данных. (Заметим,

что этот отказ, являющийся своеобразной данью позитивизму, носит скорее декларативный характер, нежели выражает истинные намерения теоретиков серийной истории, поскольку, анализируя проблемы объективности исторического знания, возможностей и границ применения исходных научных принципов своих собственных и других теорий, они занимаются не чем иным, как философией.) По мнению сторонников серийной истории, истинно научными могут быть признаны только такие рабочая гипотеза и исходный принцип, которые основаны на чистой логике и предусматривают необходимость и возможность с математической точностью естественных наук через количественные характеристики, через квантифицированные индикаторы выразить состояние того или иного явления и определить его место в истории.

Аргументация этого сциентистского по своему существу тезиса такова. "Событийная" история определяется не тем, что она отдает предпочтение фактам политического порядка; ее нельзя рассматривать как простой рассказ о некоторых отобранных и нанизанных на ось времени "событиях"; эта история основана прежде всего на идее, что каждое из событий, о которых она повествует, является единственным в своем роде, что его невозможно интегрировать в статистическую раскладку и что именно эти единственные в своем роде события являются совершенным материалом истории. Этой основополагающей идеей "событийной" истории объясняется сосуществование в ней двух таких противоречивых моментов, как кратковременность и финалистская идеология. Поскольку событие как внезапное вторжение в цепь времени чего-то совершенно нового и единственного в своем роде не может быть сравнено с чем-либо подобным в прошлом, то единственный способ как-то его интегрировать в историю — это придать ему теологический смысл: если у события нет прошлого, у него должна быть будущность. В силу того, что начиная с XIX в. историческая наука развивалась на основе осознания и концептуализации идеи прогресса, "событие" чаще всего означало пришествие чего-то нового, этапного в политическом или философском плане. Идеологическое сознание историка, по мнению сторонников квантитативной истории, с неизбежностью вело к тому, что отсутствие научности компенсировалось философствованием: чтобы стать доступным пониманию, событие нуждается в некоей общей идее, в глобальной истории, которой дается определение помимо события и независимо от него. Отсюда и вытекает классическая концепция исторического времени как серии проявлений прерывностей в системе

непрерывного. Такая история совершенно естественно оказывается повествованием. "Серийная" же история, напротив, занимается проявлениями непрерывностей в системе прерывистого; это "проблемная" история в противоположность истории "повествовательной".

Широкое применение на практике методов квантитативной, или серийной, истории действительно могло бы стать более солидной основой исторического познания. Воссоздание целых серий однородных исторических данных, сопоставление этих серий на отрезках времени, исчисляемых веками, попытки с помощью выраженных количественно колебаний этих серий объяснить целые совокупности исторических движений имеют большие преимущества по сравнению с "импрессионистским мурлыканьем"* традиционной буржуазной историографии. Кроме того, обосновывая как одну из главных задач исторического исследования необходимость воссоздания экономических, социальных, психологических структур, квантитативная история предусматривает серьезные гарантии против исключительности, изолированности исторических фактов. Ограничение субъективного момента в процессе познания с помощью построения математических моделей и более жестких логических конструкций открывает дополнительные возможности для получения объективных знаний о прошлом.

Однако реальное значение всех этих возможностей квантитативной истории во многом сводится на нет довлеющим над ней огромным грузом позитивистской, структуралистской философии и идеологии. Исходный принцип серийной истории по своему характеру является всецело негативным. Он направлен прежде всего против идеи глобального общества, как идеи якобы донаучной, не вытекающей логически из конкретно-исторического анализа. Серийная история, пишет Ф. Фюре, "расчленяет любую предварительную концепцию глобальной истории, подвергая сомнению именно сам постулат об однородной и идентичной эволюции всех элементов общества"⁵⁶. По схеме серийной истории задача историка должна ограничиваться абстрактной, основанной на предварительной концептуализации, реконструкцией рассматриваемых объектов. "Современный анализ,— поясняет этот принцип М. де Серто,— вновь приобретает веру в абстракцию, что было характерно для классической эпохи, но в абстракцию, которая является формальным комплексом отношений,

* Это образное определение приемов традиционной буржуазной историографии принадлежит А. Казанове⁵⁵.

или структурой. Практическое применение этой абстракции заключается в конструировании "моделей", задуманных в разрешающем ключе, в замене исследования конкретного феномена исследованием объекта (серии данных.— Ю. А.), установленного определением историка,— отношение к реальности становится отношением между двумя членами операции"⁵⁷.

Выше уже говорилось, что для сторонников серийной истории "традиционными" являются как все существовавшие до них исторические концепции, так и любая современная, противопоставляющая их установкам. В этом смысле серийная история противопоставляется в какой-то мере и концепции глобальной истории Ф. Броделя. Однако главное направление борьбы серийной истории — это марксистское материалистическое понимание истории, и в первую очередь понятие социально-экономической формации, позволяющее рассматривать общество на каждой ступени его развития как целостную систему со всеми специфическими противоречиями, выяснять роль социального человека как объекта и субъекта истории. Практика исторических исследований, пишет, в частности, П. Шоню, вынуждает усомниться в экономическом монизме; это положение плохо применяется как к ранним, так и к более поздним обществам. "По мере того как удаляешься в глубь веков, различные секторы интеллектуальной деятельности, будучи, разумеется, связанными с условиями существования, которые несложно очертить, подчиняются тем не менее своей внутренней логике. Они составляют то, что мы предлагаем называть образованиями автономных структур"⁵⁸. На эти "образования автономных структур" следует обратить особое внимание, поскольку в интерпретации этого понятия сфокусирована едва ли не вся философия серийной истории.

Еще более откровенно противопоставляет серийную историю марксизму Ф. Фюре в статье "О некоторых проблемах, поставленных развитием квантитативной истории"⁵⁹. Заявляя, что история не может избежать проблемы, как ее определил К. Леви-Стросс, "мыслимого общества" и "общества переживаемого", Ф. Фюре отвергает как ненаучный такой способ решения этой проблемы, когда "постулируется наличие целостной структуры "глобального общества" и причинных взаимодействий между различными уровнями". "Начатая Марксом дискуссия,— пишет он,— относительно того, какой уровень социальных явлений определяет в конечном счете развитие общества в целом, дискуссия, можно сказать, о "системе систем" не может быть плодотворной до тех пор, пока историки не дадут исчерпывающего

перечня и описания частного вида систем по отношению к культурным или социокультурным измерениям исторического целого⁶⁰. По мнению Ф. Фюре, именно серийная история призвана "дополнить", "развить" марксизм при условии, что она "атомизирует историческую реальность на различные фрагменты"; что же касается "классического притязания" марксистской историографии — охватить весь исторический процесс, то оно, заявляет Фюре, представляет собой "теологическую иллюзию, предписанную сверху", и не должно поэтому приниматься за отправную точку исследования^{61*}.

Сторонники серийной истории, обосновывая ее преимущества по сравнению с историей "традиционной", порой настолько увлекаются, что уже не замечают, когда они переступают грань между рациональным — "подвергай все сомнению" — и вандалистским — "все рациональное начинается только с нас". Отказ от идеи всеобщего, на чем особенно настаивают поклонники серийной истории, с неизбежностью свел бы историческую науку на уровень примитивного эмпиризма времен Эпикура, об особенностях

* Чтобы представить, что может означать на практике "исчерпывающий перечень и описание частного вида систем по отношению к культурным и социокультурным измерениям исторического целого", сошлемся на английский историка Т. Стояновича, который в своей работе "Французский исторический метод", посвященной раскрытию смысла парадигмы "Анналов", предпринял попытку подсчитать, какое же количество подсистем необходимо рассмотреть, чтобы получить представление об обществе в целом. Если объединить интерпретации Леви-Стросса, Броделя, Холла, Андерсена, то можно прийти к заключению, констатирует Т. Стоянович, что системное рассмотрение отдельных типов исторических проблем требует построения общей концепции с учетом трех видов времени, трех видов пространства и десяти систем сообщения. Получается 90 подсистем. В свою очередь они существуют на двух уровнях — сознательном и бессознательном, следовательно, получается уже 180. Но и эти 180 подсистем могут быть выражены на трех уровнях — формальном, ситуационном и техническом. Получается 540 сочетаний (180 х 3). Если учесть еще и типы выражения — изоляторы (звуки), ряды (слова), модели (иерархически расположенные ряды), надо 540 умножить на 3, и будет 1620 подсистем. Надо еще принять в расчет момент взаимодействия между этими подсистемами, а количество взаимодействий между подсистемами должно равняться сумме их составляющих (десять систем сообщения, три вида времени, три вида пространства, два уровня сознания, т. е. $10 + 3 + 3 + 2 = 18$). Надо учесть также два варианта — взаимодействие существует и взаимодействия не существует, тогда число 2 надо возвести в 18-ю степень, и получается 262 144. Если объединить все варианты подсчетов с учетом других компонентов, окончательное количество подсистем, которые необходимо рассматривать, чтобы получить представление об обществе, будет равно 16 777 216⁶². Эти подсчеты, произведенные Т. Стояновичем, красноречиво свидетельствуют, что возможности парцелляции исторического целого, заложенные в современных концепциях буржуазной историографии, определяются величиной, близкой к бесконечности.

философии которого К. Маркс писал: "Точно так же как принципом является для него атом, так и способ познания у него атомистичен. Каждый момент развития тотчас же превращается у него в устойчивую действительность, как бы отделенную пустым пространством от связи с целым. Всякое определение принимает форму изолированной единичности"⁶³.

Отметая с порога таких идолов "традиционной" историографии, как "факт", "событие" и т. д., лишь на том основании, что они локализованы во времени и в пространстве и якобы не могут в силу этого быть объектом исторического изучения и объяснения, Ф. Фюре, П. Шоню и другие "обновленцы" из современных "Анналов" вместе со своей серийной историей снова оказываются в ловушке позитивизма, который всегда смещивал технику исторического исследования, установление факта с предметом истории. Долговременные серии, которым они курят фимиам, — это те же изолированные единичности, атомистическая сущность которых не меняется с увеличением их габаритов по сравнению с атомом-фактом.

К. Маркс и Ф. Энгельс научно доказали, что общество — не механическое, произвольное образование, а объективно существующая совокупность взаимосвязанных социальных феноменов. Этот вывод является результатом их конкретно-исторического анализа становления капиталистического общества, законов его функционирования и развития и критического переосмысления ими предшествующих теорий общественного развития.

Поборники серийной истории, отвергая научные достижения марксизма и, следовательно, объективные знания об обществе, полученные на их основе, оказываются в позиции такого естествоиспытателя, который, например, в наши дни решил бы отвергнуть теорию физики атомного ядра на том лишь основании, что ее разрабатывал член ФКП, и начал бы поиск искусственной радиоактивности с того же, с чего его начинали Фредерик и Мария Жолио-Кюри. Кроме того, объявляя достойным исторической науки лишь анализ и доказывая, что синтез на современном этапе ее развития сродни религиозной догме, Ф. Фюре ставит под сомнение не столько марксизм, сколько рационализм вообще.

Ф. Фюре, П. Шоню и другие теоретики серийной, количественной истории не случайно избрали для себя в качестве эвристической гипотезы отрицание идеи всеобщего. Расчленение исторической реальности на серии, уровни, подсистемы и обоснование ненужности для историка согласования, упорядочения отдельных элементов общества в целостную систему нацелены на то,

чтобы избавить историю от "религии прогресса". Последовательное применение научного метода с неизбежностью приводит историческое исследование к выводу, что общество — это динамичная, развивающаяся система с внутренне присущими ей источниками развития, что качественные изменения в обществе имеют прогрессивную направленность. Напротив, расчлененная историческая реальность как идеал и как высший смысл серийной истории открывает возможности для любых произвольных комбинаций отдельных общественных элементов и для различных спекуляций на этой основе в отношении идеи прогресса.

Наконец, говоря об исходных принципах серийной истории, следует отметить, что, выступая против "события" как предмета исторического исследования под предлогом, что научное исследование не может основываться на изолированном, эпизодическом, серийная история фактически сводит любое событие в истории до уровня случайного и даже мифического. Если учесть, что при обосновании исходных принципов серийной истории ее сторонники, как правило, уходят от сущностной характеристики исторического события, не трудно представить, что к разряду событий-эпизодов, событий-мифов, по их теории, вполне могут быть отнесены и такие, как войны, восстания, революции. На это обращают особое внимание французские историки-марксисты, подчеркивающие, что серийная история, сосредоточиваясь целиком на методологических абстракциях исторического исследования, по существу игнорирует именно то, что является главным в предмете исторической науки, — социальные отношения. Статистические методы в принципе необходимы для того, чтобы историческое исследование было гарантировано от случайностей и в большей мере основывалось на точных цифрах и сопоставимых данных продолжительных хронологических отрезков. Важно, однако, чтобы историк, имея перед собой кривые различных показателей, не забывал, что люди почти всегда испытывают на себе в гораздо большей степени внезапные пароксизмы событий, нежели воздействие столетних циклов⁶⁴. "Хорошо известная кривая национального дохода Франции после 1900 г., — пишет в этой связи П. Вилар, — уже давно доказала французам моего поколения, что их история, даже если это и экономическая история, была для них историей войн и кризисов, а не историей "самоподдерживающегося развития". Проблема заключается в хронологическом, количественном и качественном исследовании тех подлежащих воспроизведению механизмов, которые объединяли рост экономики, кризисы, войны, этапы эволюционного развития и революции"⁶⁵.

В соответствии с основными исходными принципами квантитативной, или серийной, истории предметом для нее становятся "образования автономных структур", а не общество в целом и как целое на каждом данном этапе его развития. "Прежде чем связать различные участки человеческой деятельности в каждый данный период в упрощенческие и мнимые конструкции, прежде чем установить то, что мы привыкли называть межструктурными взаимодействиями, очень важно, — пишет П. Шоню, — рассчитать глубокую независимость каждого участка и попытаться понять внутреннюю логику его эволюции. История, таким образом, состоит из рядом расположенных пучков всевозможных наличий, из очень автономных эволюций, степень автономности которых увеличивается по мере углубления в прошлое и по мере того, как в поле зрения историка оказываются все более многочисленные и сложные общества"⁶⁶.

Исходя из основополагающих установок и предмета серийной истории были сформулированы и ее главные исследовательские задачи. Ф. Фюре сводит их к тому, чтобы, во-первых, ревизовать "традиционную" глобальную периодизацию истории, представляющую собой, по его словам, идеологическое наследие XIX в. Эта "традиционная" периодизация, считает Фюре, основана на предположении, которое как раз и требуется еще доказать: в рамках рассматриваемого периода эволюция самых различных элементов определенной совокупности является совпадающей. Вместо того чтобы исходить из этого предположения при установлении периодизации, следует сначала поставить вопросы в отношении каждого из исследуемых элементов. Во-вторых, задача исторической науки, согласно Ф. Фюре, заключается в том, чтобы установить, каким элементам определенной совокупности свойственна ускоренная эволюция, какие из них оказывают воздействие на решающие трансформации и какие остаются наиболее инертными в пределах средней и большой продолжительности. Вовсе не является очевидным пишет, например, Ф. Фюре, что в основе динамизма истории Франции в XI — XII вв. лежала экономика; развитие школьного образования, культуры в широком смысле этого слова играло в то время значительно большую роль по сравнению с увеличением национального продукта^{67*}.

* В обоснование приведенного тезиса Ф. Фюре ссылается, в частности, на работу Ж. Дюби "Крестьяне и воины"⁶⁸. Эта работа получила широкий отклик во французской историографии. Многие выводы Ж. Дюби о причинах подъема европейской экономики в VII — XII вв. основательно аргументированы и представляют большой научный интерес. Вместе с тем

Таковы основополагающие принципы серийной истории и трактовка ее сторонниками вопроса о предмете исторической науки.

Посмотрим теперь, как эти "новые" теоретические постулаты реализуются в конкретно-исторических исследованиях современных представителей "Анналов". Отметим, что для подавляющего большинства этих исследований типичен отказ от единой теории познания, вместе с тем им присущ общий "исторический инструментарий" в духе рекомендаций теоретиков квантитативно-серийной истории. В большинстве из них на первом плане фигурируют "измерения", "синхрония", "проблемы", "цивилизации".

Формула "история без людей" нашла свое выражение в двух типах исторических исследований. К первому из них относятся работы, в центре внимания которых находится не конкретно-историческая действительность, а структурно-количественные методы. Люди здесь если и оказываются в поле зрения историка, то рассматриваются лишь как множества, как некие количества. В этих работах не учитывается, что объект исторической науки — это прежде всего сознательная, активная и целенаправленная деятельность людей, что историческая действительность есть "не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"⁶⁹. Второй тип исследований представлен работами, в которых формула "история без людей" воплощена в буквальном смысле. В этих работах объектами исторического анализа являются климат, биологические и физиологические факторы, технология, отдельные предметы материальной культуры.

Первый тип исторических исследований наглядно представлен, в частности, работами П. Шоню, занимающего видное место в современной французской буржуазной исторической науке. С 1964 г. он возглавляет в университете г. Кана Исследовательский центр квантитативной истории, который занимается историей сельскохозяйственного производства, городского строительства, проблемами исторической демографии. В настоящее время П. Шоню — профессор Сорбонны, сотрудник Школы высших исследований в области социальных наук. Он опубликовал несколько объемистых трудов, а также около 150 статей в научных журналах. Одна из первых работ П. Шоню (написанная в соавторстве с женой) — "Севиля и Атлантика"⁷⁰ — состоит из 12 томов (около 7,5 тыс. страниц). Предметом исследования

"Крестьяне и войны" — это типичный и наиболее красноречивый пример плюрифакторного подхода к анализу исторической действительности, своего рода манифест противников материалистического монизма.

в этой работе является торговля между Севильей и Америкой за период с 1504 по 1650 г. Шесть ее томов из 12 — это те самые непрерывные серии цифровых данных, которые и дали имя соответствующему типу исследований. На основе торговых бухгалтерских счетов П. Шоню воспроизводит отдельно по каждому году и в целом за весь период объем торговли в стоимостном, валовом и натуральном выражении. Главная задача этой работы, как ее определил автор, сделать измеримым испанское могущество XVI в. П. Шоню, ученик Ф. Броделя, и в книге "Севилья и Атлантика", и в других своих публикациях подчеркивает, что его воодушевил пример броделевского "Средиземноморья" и что он хотел на материале другого региона продемонстрировать столь же глобальный охват исторической действительности, как это имеет место в работе Ф. Броделя. Однако учитель Пьера Шоню, не дождавшись выхода в свет последнего, двенадцатого тома его работы, предпочел решительно отмежеваться от своего ученика. "Несмотря на очевидные сходства и преемственность, которые Пьер Шоню со свойственной ему слишком большой любезностью подчеркивает, я не считаю, — заявил Ф. Бродель, — что сеvilьская Атлантика, которую он нам представляет, может быть чем-то вроде возобновления или продолжения моей книги "Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II""⁷¹. Работа П. Шоню, пояснял свою мысль Ф. Бродель, "это, может быть, и полезный рассказ, но в нем нет ни той глобальной истории, которую я пытался представить и изложить в "Средиземноморье", ни того воодушевления, о котором я мечтал. Атлантика П. Шоню, ее европейские и американские берега, бахрома ее прибрежных островов, острова, расположенные в глубине океана, водные магистрали, соединяющие их, — это пустые пространства: человек здесь отсутствует или если изредка и присутствует, то бесполезно"⁷².

Ф. Бродель очень точно указал на главный пробел в работе П. Шоню "Севилья и Атлантика". В последующих публикациях П. Шоню основным кредо для него стала формула "люди — количества". Наиболее характерными в этом отношении являются его книги "История — социальная наука. Продолжительность, пространство и человек в эпоху нового времени"⁷³ и "От истории к взгляду на будущее"⁷⁴.

Эти работы П. Шоню представляют собой нечто вроде ретроспективной социометрии. Его исследования не связаны ни определенными хронологическими рамками, ни какими бы то ни было пространственными границами. В поле зрения П. Шоню находится вся ойкумена со времени появления человека и до

наших дней. Его цель — представить глобальную структуру земной цивилизации и окинуть взором весь путь, пройденный человечеством, на таком срезе, как взаимодействие человека и природы. В соответствии с этим грандиозным замыслом П. Шоню предпринимает попытку разработать принципиально новые подходы к периодизации всемирной истории. В потоках человеческого времени, считает он, нужно отыскивать главные течения на уровне обширных географических пространств, таких, как христианский мир, Европа, Китай, Атлантика; на уровне наиболее важных сфер человеческой деятельности — экономика, познание и, конечно же, на уровне количества людей и последовательной смены поколений — на всех этих уровнях необходимо находить поворотные моменты, перерывы, наиболее важные модификации. "Традиционные" подходы, по мнению П. Шоню, являются слишком куцыми для решения подобных проблем. Стоит ли, например, следуя укоренившимся среди историков предрассудкам, оперировать таким понятием, как "старый режим", когда речь идет об истории нового времени? "Мы решительно отбрасываем это понятие, — говорит П. Шоню. — Привязанное к такому событию, как французская революция, представляющая собой всего лишь второстепенный эпизод в сравнении с теми ориентирами, которые мы предлагаем, понятие "старый режим" неприемлемо для истории цивилизации, если ее рассматривать в потоке большой продолжительности"⁷⁵.

Что же это за поворотные моменты в истории, в сравнении с которыми Великая французская революция, знаменовавшая собой переход от феодализма к капитализму, всего лишь "второстепенный эпизод"? П. Шоню выделяет четыре момента, поворотное значение которых он считает неоспоримым.

Первый из них П. Шоню связывает с плотностью населения и относит к XIV в., когда эта плотность достигла такого уровня (дословно: "когда мир стал полным" — *monde plein*), при котором только и возможен "горизонтальный рост", или развитие, характеризующееся главным образом расширением осваиваемого человечеством географического пространства. Этот "горизонтальный рост", по мнению П. Шоню, продолжался до 30-х годов XX в.

Второй поворотный момент в истории человечества приходится, согласно П. Шоню, на 1482 — 1565 гг. и связан с разрывом замкнутости в мировом масштабе (*désenclavement planétaire*) отдельных систем, т.е. мира западного христианства и превосходящего его во много раз мира Азии, Африки и Америки.

Третий поворотный момент (1620—1650 гг.) — это математизация познания природы, или, как говорит П. Шоню, "революция структуры знания". Он связан с такими именами, как Декарт, Виет, Ферма, Кеплер, Ньютон.

Четвертый поворотный момент (конец XVIII — начало XIX в.) — это "взлет" (*décollage*) экономики и культуры. Он определяется таким уровнем формирования капитала, который обеспечивает ежегодное увеличение валового национального продукта на 10%. Взлет предшествует фазе непрерывного экономического роста. Глубинным фундаментом этого роста, который через одно или несколько опосредований влияет на все сферы деятельности, является увеличение населения⁷⁶.

Для П. Шоню выделить повороты в истории человечества — значит определить тот момент, когда во всей совокупности различных сфер человеческой деятельности одновременно происходят наиболее глубокие и существенные модификации. Основным критерием определения поворотных моментов в истории он считает соотношение таких факторов, как численность населения, количество пищи, орудий труда, предметов потребления, коммуникаций, объем информации.

Из всех поворотных моментов, по мнению П. Шоню, самыми важными для всего человечества были первый и четвертый.

Для того чтобы дать читателю более полное представление о научном уровне работ П. Шоню, рассмотрим в качестве примера обоснование им первого "поворотного момента" всемирной истории⁷⁷. Этот поворот, по мнению П. Шоню, не только положил начало всей доиндустриальной современности, но и определил собой "структурные характеристики системы цивилизации" XIV—XVIII вв. Основные феномены этого поворота таковы. К началу XIV в. на территории западного (католического) христианского мира (немногим более 1 млн. кв. км) плотность населения впервые достигла более 40 человек на 1 кв. км. Правда, начиная с 1320 г., после нескольких эпидемий чумы, и в особенности "великой чумы" 1348 г., население значительно сократилось, и к 1400 г. в центре Западной Европы оно составляло всего лишь 60% от уровня 1320 г. Несмотря на то что этот уровень был превзойден лишь в XVIII в., поворотным моментом для всего человечества остается начало XIV в., ибо именно в это время началось "моделирование на многие века" всей системы цивилизации. Самая важная из всей совокупности модификаций, связанных с достижением высокого уровня плотности населения, — это значительное сокращение средних размеров семьи, что объясняется отделением женатых сыновей и более поздними

браками — примерно в 25 лет. Окончательным результатом сокращения размеров семьи явился переход от одной системы — большая патриархальная семья (*la famille lignagère polynucléaire*) к другой системе — семья, состоящая из одной супружеской пары (*la famille mononucléaire*). Это изменение, считает П. Шоню, в очень большой степени определило развитие современной цивилизации. Увеличение плотности населения повлекло за собой и другие модификации, в частности становление торгового капитализма, распространение грамотности. Основной формой связей между людьми стала церковно-приходская община, охватывающая примерно 500 жителей (100—120 дворов). "Границы" наивысшей плотности населения в XV в. расширились, достигнув юга Испании, Африканского континента, ряда островов Атлантики. С увеличением плотности населения становилась более эффективной система "коммуникации — информация", что в свою очередь стимулировало ряд микромодификаций: развитие техники судостроения, массовое использование компаса, усовершенствование рулевого устройства судна, увеличение количества мачт, типов парусов и т. п. Все это способствовало исследованию берегов Африки, открытию морского пути в Азию, открытию Америки. Вызванная к жизни "поворотным моментом" начала XIV в. структура цивилизации, которая оставалась господствующей до начала XIX в., характеризуется, согласно П. Шоню, следующими основными элементами: плотность сельского населения от 30 до 40 человек на 1 кв. км; постепенное увеличение уровня грамотности до 40%, что сделало возможным начало промышленной революции; обрабатываемые земли составляют около 50% от всей земельной площади; два основных типа социальных отношений: семья, состоящая из одной супружеской пары, и церковно-приходская община примерно из 500 душ; 80—95% всего населения — это крестьяне, 25—40% дохода которых поступает в пользу церкви, на "коллективные цели государства" и в пользу "классов, располагающих свободным временем" (*des classes de loisirs* — такое "нейтральное" определение П. Шоню подобрал для дворянства и представителей буржуазных слоев. — Ю. А.); постепенное увеличение национального дохода, темпы роста которого достигают к концу периода 10% в год. Все эти элементы являются устойчивыми, они существенно преобладают над преходящими элементами и обеспечивают стабильность всей цивилизации вплоть до начала XIX в.

Все эти рассуждения не стоило бы приводить, если бы, во-первых, не претензии самого автора чуть ли не на "последнее

слово” в исторической науке. Ничтоже сумняшеся, он утверждает, например, что до сих пор единство всех модификаций, являющихся главными в плане отношений человека с землей и с другими людьми, странным образом ускользало от историков⁷⁸. Во-вторых, социометрические выкладки П. Шоню являются сами по себе красноречивым свидетельством несостоятельности исходных теоретических и методологических посылок, ставших в последнее время особенно характерными для всей буржуазной историографии, выступающей все более активно против марксистско-ленинской теории исторического процесса.

Смысл этих теоретических посылок сводится к идее, что основа всемирной истории — это не внутренние закономерности развития, присущие человеческому обществу, а естественно-природные факторы, и прежде всего такие, как биологический и демографический — “время количества”, сбросить которое с себя человечество было не в состоянии и которым в конечном счете определялись технологические возможности освоения природы.

Вторая часть книги П. Шоню “История — социальная наука” и многие разделы его книги “От истории к взгляду на будущее” посвящены описанию последовательности освоения человечеством земного пространства. Древнейшая из всех существующих на Земле цивилизаций, которая достигла наивысшей плотности населения, пишет П. Шоню, — это район Средиземноморья. Затем район наивысшей плотности населения расширялся концентрическими кругами по оси северо-запад — юго-восток. Территория Европы заселялась быстрее остальных районов мира, потому что здесь сочетание климата, рельефа, естественных коммуникаций оказалось наиболее благоприятным. Очаги всех древнейших цивилизаций и последовательность освоения географического пространства точно совпадают с данными ботаники о местах с наилучшими условиями произрастания продовольственных культур.

“В истории пшеницы — история цивилизаций” — это образное выражение Ф. Броделя стало основополагающей идеей для П. Шоню.

Таким образом, если освоение человеком природы “вглубь” объясняется комбинациями количеств, то факторы ее освоения “вширь” — это, по П. Шоню, сочетание количеств с биологическими явлениями. Общества как такового со специфическими, только ему присущими качественными особенностями функционирования и развития и в том и в другом случае для П. Шоню не существует.

3. Натурализация социального в работах Э. Ле Руа Ладюри

Эммануэль Ле Руа Ладюри — один из наиболее известных сегодня историков во Франции. Его знают как автора книг по французской истории, пользующихся большой популярностью не только в академических кругах. Он активно публикуется в периодической печати; обладая даром превосходного рассказчика, ведет серию телевизионных передач по истории, которая именно благодаря ему стала весьма популярной во Франции. Некоторые периодические журналы посвятили этому историку специальные выпуски⁷⁹. Э. Ле Руа Ладюри читает лекции во многих университетах за пределами Франции. Он один из директоров журнала "Анналы", профессор и заведующий кафедрой современной цивилизации в Коллеж де Франс, руководитель научно-исследовательской группы "Биологическая история и общество" в Школе высших исследований в области социальных наук. Порвав с марксизмом, Э. Ле Руа Ладюри теперь завоевывает себе популярность откровенно антимакистскими выступлениями*.

Журнал "Арк", отмечая широту научных интересов и разнообразие сюжетов в исследовательской практике Э. Ле Руа Ладюри, с симпатией называет этого историка "бродягой". "Нулевый обсерватор" подчеркивает нестандартность способов решения научных проблем в его работах и задается вопросом: а может быть, это "браконьер Клио"? Со страниц периодической печати, в научных рецензиях Э. Ле Руа Ладюри предстает как "самый разнообразный, самый мобильный, самый неуловимый". Он не отдает предпочтения, не признает права на монополию ни за какой теорией; в зависимости от темы исследования, места и времени интересующего его явления он избирает в качестве рабочей гипотезы то броделевскую идею глобальной истории, то структуралистские абстракции и т. д. и т. п. — вплоть до Мальтузианства и фрейдизма. В его работах находят место и многовековые структуры, и самые, казалось бы, незначительные проявления повседневной крестьянской жизни. Э. Ле Руа Ладюри в одинаковой мере склонен и к сциентизму, и к антропологизму; его история предстает то в категориях политэкономии — производство, валовой продукт, заработная плата, рента, прибыль, экономический рост, концентрация, то становится всецело

* Э. Ле Руа Ладюри стал одним из лидеров и идеологов шумной кампании "новых философов", подписав их "манифест"⁸⁰.

этнографической, когда он повествует о смерти, системе родства, сексуальности, магических заклинаниях и т. п.*

Наиболее известные работы Э. Ле Руа Ладюри — это "Крестьяне Лангедока" (его докторская диссертация, опубликованная впервые в 1966 г.), "История климата с 1000 года", "Территория историка" (сборник его статей по теоретическим и конкретно-историческим проблемам истории, вышедший в 1973 г.), "Монтайу, окситанская деревня с 1294 по 1324 г.". Кроме того, он опубликовал много статей и несколько работ в соавторстве⁸².

Знакомство с этими работами приводит к выводу, что Э. Ле Руа Ладюри — действительно не однозначный и очень одаренный историк. В его трудах как бы в концентрированном виде представлены многие тенденции современной французской буржуазной историографии. В книге "Крестьяне Лангедока" нашли воплощение традиционные анналовские идеи глобальной истории, многие концепции Э. Лабрусса, фрейдистские идеи. Здесь же довольно отчетливо вырисовываются и отдельные положения, которые несколько позднее получили концептуализацию в виде квантитативной истории. В "Истории климата с 1000 года" Э. Ле Руа Ладюри выступает во многих отношениях в роли инициатора в разработке концепции "история без людей". "Монтайу, окситанская деревня с 1294 по 1324 г." — это антропологическое исследование, в котором на основе анализа этнографических данных воссоздается повседневная жизнь лишь одного поколения крестьян одной из провансальских деревень.

Широкий диапазон научной проблематики, большое разнообразие исследовательских методов, нестандартность теоретических положений — все это, с одной стороны, делает Э. Ле Руа Ладюри "открытым" историком, не сказавшим еще своего "последнего слова" в науке, а с другой — не позволяет жестко квалифицировать его работы, которые представляют собой своеобразный "переход" от "Анналов" времен Ф. Броделя к современным структуралистским "Анналам" с присущей им склонностью к биологизму, математическим абстракциям и раздроблению истории. Вместе с тем в трудах Э. Ле Руа Ладюри

* "Оригинальность" некоторых работ Э. Ле Руа Ладюри видна уже из самих названий. Первая часть его книги "Территория историка" называется "По направлению к счетно-вычислительной машине: квантитативная революция в исторической науке". В третьей части книги — "Бремя людей: между биологией и умонастроениями, историческая демография" — помещены статьи: "Демография и "пагубные секреты": Лангедок (конец XVIII — начало XIX в.)" — история противозачаточных средств; "Женская аменорея"; "Клио в аду" — представления о загробной жизни; "Шабаш и костер" — о колдовстве и инквизиции. Четвертая часть книги называется "История без людей: климат — новая область Клио"⁸¹.

просматриваются некоторые положения, которые можно оценить как господствующие и во многом определяющие все их содержание. Главное из этих положений, на наш взгляд, выражено его формулой "история без людей". У Э. Ле Руа Ладюри это положение находит воплощение и в буквальном смысле, когда он сосредоточивается на исторических проблемах биологии, физиологии, "чистой экономики" и т.п., и в сущностном — когда он в своей интерпретации истории лишает людей возможности активного влияния на ход событий, который подчиняется неподвластным им силам.

Общая научная и политическая направленность исследовательской практики Э. Ле Руа Ладюри с предельной ясностью выражена им самим во вводной лекции к общему курсу в Коллеж де Франс, который он назвал "Имобильная история". "Из последнего крика марксизма, — заявил Э. Ле Руа Ладюри, — мы извлекаем урок, которого в нем нет: двигатель всеобъемлющей истории надо искать в экономике, в социальных отношениях, но это лишь при первом приближении. Его следует искать даже еще глубже — в биологических факторах, а не в борьбе классов"⁸³.

Рассмотрим конкретно наиболее важные положения основных работ Э. Ле Руа Ладюри.

В последнее время осуществлено довольно много исследований (и не только во Франции) в области климатологии. Детально разработан ряд методов установления изменений климата в далеком прошлом, к числу которых относятся такие, как изучение закономерностей сложения годичных колец древесных пород (дендроклиматология), исследование периодических явлений в развитии живой природы, связанных с временами года (фенология), изучение движений ледников и снежного покрова (гляциология) и др. Благодаря использованию этих методов на сегодня имеются довольно исчерпывающие сведения по Европе и Северной Америке о температуре, количестве осадков, степени влажности по каждому году и по основным районам нескольких стран начиная с 1000 г. Кроме того, выявлены вековые колебания климата более чем за 2 тыс. лет. Все эти сведения представляют большой интерес не только для естественных, но и для общественных наук, поскольку влияние климатических условий на различные сферы жизни человека бесспорно. Однако в отношении исторической науки главная проблема заключается не в методах исследования истории климата и не в результатах, достигнутых в этой работе, сколь бы важными и необходимыми они ни были. Значительно более

важным является вопрос о целях исторических исследований по климатологии. Работы, в которых делались попытки объяснить крупные исторические события или явления климатическими условиями, расцениваются в настоящее время как явно спекулятивные. Так, Э. Ле Руа Ладюри относит к разряду анекдотических объяснения, например, падения Римской империи изменением циклонов, а миграций монголов в период раннего средневековья — засухой в районах Центральной Азии и т. п.⁸⁴

Одна из главных целей исторических исследований в области климатологии определяется в настоящее время задачами междисциплинарного сотрудничества. Историческая наука призвана путем воссоздания "космологической хронологии" обогатить метеорологию, гляциологию, геофизику и другие науки, занимающиеся исследованиями Земли и ее атмосферы. Полученные сведения о "перепадах" в истории климата могут, разумеется, представлять интерес и для тех, кто занимается исторической демографией, историей эпидемий, голода. Но главная цель исторической науки в данном случае — это воссоздание истории климата для использования ее в интересах естественных наук.

Сложности методологического характера возникают, когда история климата как одна из задач исторической науки трансформируется в проблему "Климат и история", т. е. когда появляется специфическая историография естественных условий существования людей в различных районах на каждом данном этапе истории. Четкой формулировки задач исторической науки в этой области, как и достаточно широких обобщений и выводов, пока еще нет. Но тенденции вырисовываются вполне определенные.

В первой своей публикации по климатологии Э. Ле Руа Ладюри ограничился самым общим замечанием, что история климата призвана придать совершенно конкретный вид и новую окраску экономической и социальной истории⁸⁵. В книге "История климата с 1000 года" он уже предпринял попытку доказать, что историческая наука должна заниматься не только социальным человеком, но и чисто физическими явлениями⁸⁶.

Оставив в стороне изучение всего человеческого, пишет П. Шоню, Э. Ле Руа Ладюри "подчинил человеческое чисто физическому измерению вещей и не поддавался искушению с крайней поспешностью вернуться от физического к человеческому, используя такую уловку, как историческая причинность"⁸⁷.

В работах буржуазных историков по климатологии подчинение человеческого "чисто физическому измерению вещей" чаще всего находит выражение, во-первых, в попытках установить

зависимость эволюции агрикультуры (сельскохозяйственные культуры, семеноводство, способы обработки почвы) от вековых климатических колебаний и, во-вторых, в объяснении экономической конъюнктуры (величина урожая, цены на сельскохозяйственные продукты, состояние торговли) благоприятными или неблагоприятными климатическими условиями данного года или нескольких лет. Причинные отношения между климатом и экономикой, опосредованные эволюцией агрикультуры, — это, по мнению современных буржуазных климатологов, отношения естественные, чисто физические, не зависящие ни от человека, ни от общества в целом. В то же время для них это отношения базисные, основополагающие⁸⁸. Усилия, направляемые на их выявление, "освобождают" историческую науку от примата материального производства, от производственных отношений. Именно в этом смысле П. Шоню и говорит о такой "уловке", как "историческая причинность", которой сумел "избежать" Э. Ле Руа Ладюри в своих работах по климатологии.

Обращает на себя внимание сходство методологических посылок этих исследований по климатологии и структурной антропологии К. Леви-Стросса. Как известно, К. Леви-Стросс всегда оставался верным идее "бесспорного примата базисов"⁸⁹. Однако базис для него — это вовсе не совокупность производительных сил и производственных отношений. Об этом он со всей ясностью говорит в работе "Первобытное мышление": "Итак, подтверждается в известном смысле примат базиса: география, климат, их отзвук в биологическом плане противопоставляются туземному мышлению в противоречивой ситуации..."⁹⁰

Методологический порок большинства исторических исследований по климатологии заключается не в том, что в них уделяется большое внимание изменяющимся климатическим условиям. В обществах со слабо развитыми производительными силами географические условия и климат играют важнейшую роль, и без учета этих факторов многие аспекты исторической реальности понять и объяснить невозможно. Не вызывает сомнений и то, что несколько лет, благоприятных или неблагоприятных с точки зрения климатических условий, могут существенно повлиять на состояние сельскохозяйственного производства. Методологический просчет исторического исследования начинается с того момента, когда любой из аспектов исторической реальности, любой из ее факторов начинает рассматриваться изолированно от всех остальных, и еще больше усугубляется, когда в качестве основы изменений в экономике вообще и технологии производства в частности берется природа, а не

”производительные силы и производственные отношения, которые по мере своего развития все больше и больше преобразуют географические данные в исторические результаты и утверждаются, таким образом, как настоящая основа общества”⁹¹.

Работа Э.Ле Руа Ладюри ”Крестьяне Лангедока” получила широкий резонанс в западной историографии. Ее оценивают как образец современного типа исторического исследования. Эта работа действительно во многих отношениях не лишена научного интереса, и прежде всего с точки зрения объема анализируемого в ней фактического материала. Сохранившиеся с 1300 г. кадастровые переписи земли и имущества и другие массовые источники позволили Э.Ле Руа Ладюри воссоздать в стоимостном и валовом выражении производство всех основных видов сельскохозяйственных продуктов на протяжении более чем трех столетий. В работе дается анализ движения земельной собственности, прослеживается эволюция распределения доходов и в денежном и в натуральном виде, приводятся графики изменения цен по сезонам, годам, столетиям. Владея методами анализа смежных с историей наук, Э.Ле Руа Ладюри включает в свою работу очень многие данные из области демографии, климатологии, этнографии, психологии, агрономии.

Ограничение исследования относительно небольшим районом между Роной и Пиренеями в сочетании с широкими хронологическими рамками — XV — XVIII вв. — позволило Э.Ле Руа Ладюри достичь определенного уровня тотальности при воссоздании явлений материальной жизни, культуры, коллективной психологии, а также значительной углубленности, вплоть до персоналий. Разнообразные факты из реальной жизни, а в книге их сотни, ее персонажи, вызванные из глубины веков, призваны как бы лично засвидетельствовать правильность суждений и основных выводов автора. Но сами эти выводы и суждения основаны не на подобного рода фактах. Основным методом научного анализа Э.Ле Руа Ладюри является реконструкция серий статистических данных, подчиненных требованиям внутренней связности и репрезентативности, а также сопоставление и анализ тенденций в этих многочисленных сериях переменных — население, производство, цены, доходы.

Что же касается крестьян Лангедока, то вопреки названию книги не они являются ее главными героями и основным объектом исследования Э.Ле Руа Ладюри. ”Большой аграрный цикл, охватывающий период с конца XV и до начала XVIII в., наблюдаемый во всей его тотальности, — вот центральный персонаж моей книги”⁹², — констатирует он.

Как в "Крестьянах Лангедока", так и в других работах Э. Ле Руа Ладюри этот "большой аграрный цикл" отождествляется со "стабильным обществом", с "неподвижной историей", с "обществом, не способным к изменению"⁹³, словом, с тем, что является главным предметом исторических исследований, в которых все внимание сосредоточивается не на проблемах перехода от одной социальной системы к другой, а лишь на описании переменных в пределах данной системы. Французское общество с 1330 по 1730 г., по мнению Э. Ле Руа Ладюри, в некотором смысле достойно называться стабильным обществом. "Стабильность эта, — пишет он, — разумеется, относительна: старая сельская стабильность постоянно испытывает на себе действие сильных и медленных колебаний, и время от времени она подвергается также жестоким конвульсиям. Но тем не менее ее отличительной чертой является неспособность к изменению, или, если хотите, необычайная способность к восстановлению. Даже будучи нарушенной, глубоко поврежденной, эта стабильность имеет непреодолимую тенденцию восстанавливаться и зарубцовываться по первоначальным линиям ее архитипа"⁹⁴.

Устойчивое равновесие, стабильность общества объясняются Э. Ле Руа Ладюри на основе мальтузианской модели. Аграрная экономика якобы всегда в прошлом определялась отношением сельскохозяйственного производства к количеству населения данного района. Чтобы подтвердить это положение, Э. Ле Руа Ладюри разрабатывает модель экономики "старого порядка", ее структуру. Далее он воспроизводит основные фазы колебательных движений, или "экономические конъюнктуры", во время которых различные элементы общей структуры — количество населения, объем производства, цены, доходы, земельная собственность — меняли свое отношение друг к другу. Эти основные фазы выглядят так⁹⁵.

Первая фаза — XV век: предварительные условия для подъема сельскохозяйственного производства. В это время население Лангедока малочисленно, оно уменьшилось после значительного роста в период XI — XIV вв. Множество необрабатываемых земель и лесные угодья составляют резерв для возможного расширения сельскохозяйственного производства. Укрепляется земельная собственность; перестраиваются, увеличиваясь, семьи, которые достигают размеров прежнего "рода". Снижение земельной ренты стимулирует распашку целины и введение в оборот заброшенных земель. Продукты питания дешевы; люди, хорошо питаются, более здоровы, менее подвержены эпидемиям. Все это подготавливает новый экономический взлет.

Вторая фаза – XVI век: взлет. Благоприятные факторы предшествующего периода обеспечивают рост населения. В то же время из-за технической неподвижности, отсутствия чувства инициативы и стремления к новшествам производительность сельскохозяйственного труда остается прежней. Рост населения сталкивается с "потолком" валового продукта, и начинается процесс пауперизации и дробления земельной собственности. Люди этого времени меньше всего были озабочены величиной валового продукта. Их волновали главным образом "дела небесные": после 1560 г. они с полной готовностью к самопожертвованию погружаются в религиозные войны.

Третья фаза начинается с 1600 г.: зрелость. Мальтузианские и рикардианские тупики останавливают рост населения. Из-за снижения уровня жизни проценты рождаемости и смертности опасно сближаются, и к середине века кривая роста населения принимает горизонтальное положение. Снижение прибылей от обработки земли препятствует инвестициям капитала в сельское хозяйство, и дух рантье вытесняет дух предпринимательства. Рента во всех ее формах доминирует в Лангедоке XVII в. над иными видами доходов. "Бодрый подъем" XVI в. закончился, появляется все больше признаков социальной и демографической зрелости.

Четвертая фаза – 1655 – 1675 гг.: начало длительного экономического упадка. Валовой продукт уменьшается, что влечет за собой снижение численности населения. В этом же направлении действует и увеличение налогового обложения.

Таков "большой аграрный цикл" Э. Ле Руа Ладюри. В 30-х годах XVIII в. начнется новый подъем экономики, который станет уже необратимым, поскольку будет преодолено проклятие мальтузианских "ножниц" и начнет набирать силу "новая экономическая структура".

Детальное знакомство с книгой "Крестьяне Лангедока", равно как и с последующими работами Э. Ле Руа Ладюри, приводит к убеждению, что эти работы действительно являются образцовыми, но не для современного исторического исследования вообще, а лишь для такого типа исследований, в которых сознательно игнорируются основополагающие принципы историзма.

Рассмотрим сначала вопрос об историческом развитии. Реконструкция основных фаз "большого аграрного цикла" потребовала от автора систематизации огромного фактического материала и применения самых современных методов анализа, включая электронно-вычислительную технику. В итоге эти фазы

представлены как явления, близкие к объективной реальности или находящиеся на грани реального. Установление функциональной зависимости таких элементов, как население, производство, потребление, и воссоздание основных этапов изменения соотношения этих элементов — все это является необходимым условием научного анализа. Но правомерно поставить вопрос: можно ли этим ограничить историческое исследование? Основные фазы длительного аграрного цикла у Э. Ле Руа Ладюри представлены как конъюнктурные пульсации, как конвульсии, хотя и жестокие, но тем не менее все-таки поверхностные. Сколь бы существенно эти фазы ни различались между собой, в них просматриваются лишь некоторые движения, но не качественные изменения, которые, собственно, и характеризуют любое развитие.

Единомысленники Э. Ле Руа Ладюри пытаются доказать, что, воссоздав основные фазы длительного аграрного цикла, он конкретно-исторически обосновал очень важное методологическое положение, которое может сказаться на итогах дискуссии между сторонниками синхронического подхода и подхода диахронического. Это методологическое положение сводится, по мнению Ф. Фюре, к тому, что "периодическое движение, охватывающее краткие или средние по длительности промежутки времени, т.е. то, что может быть названо событием на экономическом уровне, не обязательно противоречит теории общего равновесия. Напротив, изучение этого события может выявить различные элементы равновесия, показать, каким образом каждый из них эволюционирует в рамках целого"⁹⁶. Ф. Фюре был бы в какой-то мере прав в своих оценках достижений Э. Ле Руа Ладюри в области теории, если бы им совместными усилиями удалось доказать, что то "целое", в рамках которого эволюционируют различные элементы, не эволюционирует в свою очередь, а перманентно пребывает в состоянии мальтузианского равновесия. Очевидно, именно потому, что научных способов доказательства неспособности общества развиваться не существует, Э. Ле Руа Ладюри и его сторонникам пришлось строить свою концепцию стабильности на антинаучной доктрине английского священника. Двухсотлетнее наслоение пыли на этой поповщине не обескуражило ее современных почитателей. Э. Ле Руа Ладюри весьма своеобразно извлек ее на свет, объявив, что Мальтус является "светлым теоретиком традиционных обществ", но это "пророк прошлого; он слишком поздно появился в слишком новом для него мире"⁹⁷. Мальтузианские проклятия, поясняет Э. Ле Руа Ладюри, властвуют в наши дни лишь над странами

”третьего мира”. Что же касается Западной Европы, здесь они начали медленно стираться уже в XVIII в., т. е. еще до того, как они были сформулированы в 1798 г.

Как же смогло французское общество вырваться из мальтузианских объятий? Э. Ле Руа Ладюри специально не рассматривает этого вопроса, но очень много внимания уделяет обоснованию неспособности общества к изменению. Вместе с тем, говоря, что в начале XVIII в. на смену прежней экономической структуре пришла новая, он вынужден констатировать, что и те пружины, которые удерживали традиционную стабильность, перестали действовать и появление новой экономической структуры обусловлено соответствующими причинами. Каковы же эти причины?

Чтобы не оставлять Э. Ле Руа Ладюри в одиночестве перед этой сложной проблемой, призовем ему в союзники тех представителей квантитативной истории, которые многократно пытались дать теоретическое обоснование качественных изменений в историческом развитии. Квантитативная история, говорит, например, Ж. Марчевский, — это история множеств, рассматриваемых в их основной и непрерывной эволюции в пределах большой продолжительности. Эта история игнорирует исключительные личности и факты. С ее помощью можно обнаружить прерывности, вызываемые качественными изменениями, но она не способна выявить их первопричину. Поэтому квантитативная история не может дать полного объяснения эволюции, которую она рассматривает. Исключительные личности и факты, основные перерывы в непрерывности являются для этой истории экзогенными вариациями, которые она должна заимствовать у ”квалитативной” (качественной) истории. И если она этого не сделала, она в итоге придет к множеству цифровых данных и к серии объяснительных набросков, внутренне связанных, но почти непригодных для полного объяснения эволюции из-за отсутствия связи с истинной первопричиной любого развития в истории — появлением новых идей и неожиданных фактов⁹⁸.

Смысл высказывания Ж. Марчевского совершенно ясен: предмет квантитативной истории (а для него только она и достойна называться научной) — это тот механический мир, в котором все согласовано и в который какое бы то ни было изменение может прийти лишь извне. Таким образом, нас снова возвращают к наиболее ”традиционной” концепции истории, к той, в которой подлинными движущими силами являются идеи, герои, случайности. Такой же точки зрения на причины качественных изменений придерживается и Ф. Фюре. Задачей исторической науки, по его мнению, является реконструкция серий

статистических данных частного характера по отдельным периодам и различным аспектам экономики и разработка на их основе модели общего экономического равновесия. Но эта модель, уточняет Ф. Фюре, не решает проблемы перехода от одной экономической системы к другой. "Количественные ряды позволяют лишь идентифицировать момент перерыва постепенности, но они не объясняют его причин. Последние часто кроются в действии какого-либо внешнего фактора..."⁹⁹.

В том же русле рассматривает вопрос о причинах перехода от старой экономической структуры к новой и Э. Ле Руа Ладюри, с той лишь разницей, что, как это и свойственно конкретно-историческому исследованию, в его трактовке эта проблема приобретает менее абстрактное звучание. "На протяжении всей книги "Крестьяне Лангедока", — пишет Э. Ле Руа Ладюри, — и в особенности в той ее части, где речь идет о начале длительного экономического упадка, об этих судорогах старого общества, я пытался выявить определяющие, фактические причины этого явления. В результате воссоздания детальной хронологии по крайней мере одно соотношение с этой точки зрения представляется твердо установленным: именно технологическое бессилие общества, его неспособность поднять производительность, существенно и окончательно увеличить производство послужили тем препятствием, столкнувшись с которым в конце двухвекового периода потерпели крах и демографический подъем, и рост мелкой крестьянской собственности"¹⁰⁰.

Хотя в этой констатации превалируют экономические категории, она еще никак не раскрывает причин перехода от одной экономической структуры к другой. Если прежняя структура определялась "технологическим бессилием", то в чем причина этого бессилия и что привело к его преодолению? Э. Ле Руа Ладюри не уходит от ответа на эти вопросы. Технологическая неподвижность, пишет он, была окутана, обременена целой серией культурных торможений — это нравы и образ жизни, устроения, это целая совокупность, сформированная уровнем технических знаний, системой ценностей и теми возможностями, которые определялись преследуемыми целями. Силы, отклонявшие экономическую экспансию, тормозившие и в конце концов сокрушившие ее, — это не только экономические силы в строгом смысле этого слова, но и силы культуры в широком смысле и даже в какой-то мере силы духовные¹⁰¹.

Нельзя не согласиться с Э. Ле Руа Ладюри в том, что материальные аспекты жизни общества тесно связаны с уровнем культуры на данном этапе развития. Не подлежит сомнению и то,

что в период средневековья воззрения, нравы, обычаи, убеждения не только не способствовали техническому прогрессу, но и довольно часто становились мощным тормозом на его пути. Однако и после того, как эти положения еще задолго до Э. Ле Руа Ладюри перестали быть, употребляя выражение Ф. Броделя, "звонкой новостью" в исторической науке, ответ на вопрос: "Почему все складывалось именно так?" — можно получить лишь в результате конкретно-научного анализа. Почему, например, в XVI в., когда общество было достаточно экспансивным, капитал человеческой энергии, аккумулированный после Возрождения, как это констатирует Э. Ле Руа Ладюри, не был ни направлен на развитие экономики, ни сохранен для поддержания минимального благосостояния, а рассеян в огне религиозных войн? Почему во времена Кольбера сыновья из мелкобуржуазных семейств, точно так же как и дворянские отпрыски, все еще отдавали предпочтение карьере военного или священнослужителя, а не предпринимателя?

Э. Ле Руа Ладюри ограничился лишь констатацией этих и им подобных фактов, что и стало для него "потолком", выше которого он уже не смог или не захотел подняться. Свои рассуждения о причинах экономической стагнации он заканчивает категоричным, но бездоказательным утверждением: "Общество, демография и экономика не располагали для подлинного роста прогрессивной технологией. Но они тем более не обладали... сознанием, культурой, моралью, политикой, образованием, реформаторским духом, более свободными чаяниями благополучия, которые бы стимулировали техническую инициативу, дух предпринимательства и обеспечили бы экономический "взлет" (*décolage*)"¹⁰².

Так обстоит дело с вопросом о причинах качественных изменений в обществе в интерпретации Э. Ле Руа Ладюри. Интерпретация эта не блещет оригинальностью. По существу такая же трактовка вопроса о причинах перехода от общества "традиционного" к обществу "индустриальному" дается, например, и в работах У. Ростоу¹⁰³. Интерпретация эта далека и от подлинно научной. Апелляция к психологическим, духовным факторам, к явлениям культуры, образования потребовалась Э. Ле Руа Ладюри лишь для того, чтобы создать видимость всеобъемлющего охвата различных аспектов исторической действительности при объяснении "неспособности общества к развитию". Кроме того, примеры отрицательного воздействия моральных норм, предрассудков, обычаев, низкого уровня образованности и общей культуры на технический прогресс в период средневековья

занимают в книге Э. Ле Руа Ладюри так много места, что невольно возникает вопрос: не являются ли они своеобразной компенсацией того, что автор совершенно не затрагивает социальный аспект проблемы? В итоге его трактовка вопроса о причинах качественных изменений в обществе остается всецело субъективистской.

В работе Э. Ле Руа Ладюри "Крестьяне Лангедока", как и во многих его публикациях, значительное место отводится анализу крестьянских движений во Франции в период с XVI по XVIII в. В связи с этим Э. Ле Руа Ладюри затрагивает очень широкий круг проблем: материальное положение крестьян, их быт, питание, состояние здоровья, размеры десятины, налогов, сеньориальных платежей, эволюция крестьянских движений и характерные особенности отдельных периодов, районы наиболее активных выступлений, их причины и поводы, основные лозунги, форма организации, состав участников. Все эти проблемы рассматриваются не изолированно одна от другой и не абстрактно, а, как правило, раскрываются конкретно-исторически: локализация событий осуществляется вплоть до сельских общин, городских кварталов, улиц и отдельных домов; развитие их во времени дается по дням, а в отдельных случаях и по часам; наиболее важные выступления воссоздаются до мельчайших деталей — имена, прозвища, одежда предводителей и подробности их биографии, возраст, семейное положение, внешний вид участников выступлений, оружие, символика, музыкальные инструменты, ритуалы. Те страницы "Крестьян Лангедока", где речь идет, например, о восстании 1580 г. в Романе — так называемом "Романском карнавале", об отдельных эпизодах восстания камизаров в Севеннах в конце XVII — начале XVIII в., воспринимаются читателем как озвученная, цветная кинолента — зримо, образно, с гневными выкриками, с кровавой жесткостью, во всей своей пестрой мозаичности.

Внимание Э. Ле Руа Ладюри к детали, к единичному и особенному — это не дань безотчетной любознательности. Для него это метод, стиль и смысл исследования. Индивидуальные и коллективные проявления исторической действительности, органически интегрированные в многовековые экономические и духовные структуры, должны были по замыслу Э. Ле Руа Ладюри предстать в виде тотального социального феномена. Фактически же был представлен фатальный феномен, лишенный социального содержания. Причины крестьянских выступлений Э. Ле Руа Ладюри усматривает не в классовых противоречиях средневекового общества, а лишь в материальных тяготах и невзгодах широких

масс крестьян, которые в свою очередь он объясняет тем, что "увеличение количества людей не сопровождалось пропорциональным возрастанием богатств общества"¹⁰⁴. Форма крестьянских выступлений, их характер определяются у Э. Ле Руа Ладюри пределами общей культуры рассматриваемой эпохи, но культуры не в "узком" смысле этого слова, а понимаемой с учетом самых "глубинных ее основ" — до проявлений бессознательного¹⁰⁵.

Этой стороне проблемы Э. Ле Руа Ладюри отводит особенно много места во всех своих исследованиях. Крестьянские выступления на протяжении всего периода средневековья представлены им как "конвульсивные массовые истерии", "бунты", "брожения". "Бунты и шабаши,— пишет он,— имеют некоторые глубоко родственные черты на уровне психических структур и бессознательного. В обоих феноменах — в восстании и в колдовстве время от времени действительно обнаруживается схема инверсии, продолжение сна — эта мнимая резкая перемена в реальном мире, столь частая в мифической мысли и в "первобытном мышлении". Ничего удивительного, если эта инверсия связана с некоторыми типами восстаний, химерических, несбыточных или действительных и зачастую безнадежных, полных отчаяния, так как изменить порядок вещей в мире, перевернуть его вверх дном — это не означает революционизировать его, ни даже действительно преобразовать; тем не менее это значит элементарно оспаривать его, отрицать, провозглашать разногласие с ним"¹⁰⁶.

Понятно, почему Э. Ле Руа Ладюри часто ссылается на К. Леви-Стросса даже тогда, когда пытается объяснить смысл и характер крестьянских восстаний первой половины XVIII в.¹⁰⁷

Второй причиной "социальной инверсии", т. е. стремления крестьян не преобразовать мир, а увидеть его перевернутым "вверх ногами", и сопровождавших крестьянские выступления проявлений "истерии", "дикости", "насилий", "ошеломляющей агрессивности"¹⁰⁸ является, по Э. Ле Руа Ладюри, "сексуальное торможение", имевшее место вследствие строгих норм гугенотской и янсенистской этики, которых неукоснительно придерживались крестьяне, и поздних браков (25 лет для женщин и 29 лет для мужчин)^{109*}. В этой области самым подходящим советчиком для Э. Ле Руа Ладюри оказался Фрейд.

Очевидно, что в историческом исследовании такого сложного явления, как крестьянские движения различных периодов

* Чтобы доказать существование длительного периода сексуального воздержания, Э. Ле Руа Ладюри пришлось провести сложные изыскания в области медицины, психологии, этики и физиологии.

средневековья¹¹⁰, следует рассматривать всю совокупность фактов и обстоятельств, включая различные явления психологического и физиологического порядка. Однако повышенное внимание Э. Ле Руа Ладюри к явлениям подобного рода обусловлено, как это показывает анализ его работ, не только заботой о полноте исторического анализа. На конкретно-историческом материале он наглядно продемонстрировал теоретическое положение М. де Серто о переориентации буржуазной исторической науки с "отношения общества к самому себе", т.е. с проблем социальной истории как ее "центрального сектора" вплоть до середины XX в., на пограничные зоны между "природой и культурой". Не классовые антагонизмы, согласно концепции Э. Ле Руа Ладюри, лежат в основе крестьянских движений и определяют их содержание. Эти основы следует искать в климатических и биологических факторах, от которых зависит состояние агрикультуры, в технологии, определяющей собой пределы возможного в расширении производства, в демографии, в подсознательном — словом, в естественных условиях, которые немедленно дают себя знать, как только "общество вообще" перестает с ними считаться. Отсюда "бродяжничество" Э. Ле Руа Ладюри как историка в поисках границ между "данным" и "творимым" от гляциологии к дендроклиматологии, от медицины к этнологии и т.д.

Рассмотренные выше такие категории, как "большой аграрный цикл" Э. Ле Руа Ладюри и "структура цивилизации" XIV — XVIII вв. П. Шоню, являются убедительным свидетельством, что представленное "Анналами" направление в современной буржуазной историографии сводит все исторические изменения к колебательным, циклическим движениям в экономике и демографии, к конъюнктурным пульсациям, игнорируя их качественный характер. Последние работы по климатологии — это по существу еще одна попытка отыскать основу этих изменений не в противоречиях, присущих способу производства, а во внешних по отношению к обществу факторах. Если к этому добавить, что современная буржуазная историография нередко рассматривает и любые социальные институты, сознательную, целенаправленную деятельность людей в обществе как "временные модальности универсальных законов, в которых заключается подсознательная деятельность рассудка"¹¹¹, то можно представить степень проникновения биологии и натурализма в гуманитарные науки.

Если теперь с учетом вышесказанного об исходных принципах и основных тенденциях, присущих квантитативной, или

серийной, историографии, попытаться представить прошлое человечества, воссозданное в соответствии с этими принципами, получится довольно серая и безжизненная картина. Перед нами предстанет история раздробленная, без развития и без людей. После рассмотрения таких понятий, как предмет исторической науки, техника и методы исторического исследования, историческое развитие, в том виде, как они представлены в теории и на практике квантитативной, или серийной, историей, такой финал не будет выглядеть как некая случайность или недоразумение. Озабоченные совершенствованием методов исследования и стремлением получить знание о прошлом человечества которое бы по степени объективности, достоверности могло быть приравнено к естественнонаучным знаниям об органической и неорганической природе, представители квантитативной историографии не учитывают специфику предмета исторической науки. В результате этого основополагающие принципы историзма приносятся ими в жертву "квантифицируемым индикаторам отдельных элементов исторической реальности", и общество, исторический процесс, как таковые, остаются за пределами их научных интересов.

В одной из работ известного советского философа А. Ф. Лосева¹¹² дается убедительное обоснование невозможности изучения истории такого предмета, о котором неизвестно, что он собой представляет. Ясно, что предварительное представление о предмете неизбежно будет абстрактным; конкретным знанием оно может стать только в результате соответствующего исследования этого предмета в его историческом развитии. Тем не менее такое представление о предмете должно быть все же достаточно существенным, чтобы в процессе исторического исследования не терялся из виду сам этот предмет.

Необходимым условием успешного исторического исследования должно быть предварительное знание о том, что представляет собой общество и общественное развитие.

Давая определение таким понятиям историзма, как становление, движение и развитие, А. Ф. Лосев подчеркивает, что общественным развитие становится тогда, когда две различающиеся между собой категории объективного и субъективного сливаются в нечто единое, т. е. создается единство определенного рода противоположностей. Это единство представляет собой уже совершенно новое качество по сравнению с теми двумя противоположностями, из которых оно возникло. "Это новое качество вовсе не есть только объект, хотя бы и органический, и вовсе не есть только субъект, хотя бы даже ощущающий и мыслящий.

Здесь все субъективное и личностное подчиняется объективной и внеличностной закономерности, а все природное уже перестает быть только чем-то вне сознания и вне человека. Эта новая ступень категории развития есть не что иное, как категория *общества* или *общественности*... Общество есть такая качественная ступень, которая выше отдельных человеческих субъектов, не сводится к ним, не является их простой и механической суммой. Оно обладает уже самостоятельным бытием, которое определяет собою и всякую личность, и все природное, что втянуто в его область”¹¹³.

Теоретический просчет таких историков, как Ф. Фюре, П. Шоно, Э. Ле Руа Ладюри, и других, о которых говорилось выше, заключается прежде всего в непризнании ими той истины, что общество обладает самостоятельным бытием, специфическим качеством целого. Более того, в качестве исходного принципа они провозглашают необходимость предварительного раздробления совокупной исторической реальности на множество изолированных элементов. Иными словами, теоретические посылки, на которых основываются их исторические исследования, являются ложными. Отсюда вытекает и искаженное представление ими характера исторического развития. Поборники квантитативной, или серийной, историографии не усматривают в обществе ту область, где происходит и развивается единство и борьба противоположностей объекта и субъекта. В силу этого они оказываются не в состоянии адекватно выразить развитие ни отдельных элементов, ни общества в целом. ”Целое,— пишет А. Ф. Лосев,— всегда существует только в определенном соотношении со своими частями, а его части отражают на себе свое целое. Поэтому и весь исторический и весь историко-культурный процесс... с одной стороны, может пониматься в своем соотношении с образующими его элементами, т. е. его можно понимать и как природу, и как внутреннюю жизнь личности; а с другой стороны, этот исторический процесс может рассматриваться и в своем чистом историзме, именно в той своей новой качественности, которая является новой и в отношении втянутого в этот процесс природного или органического развития, и в отношении субъекта и личности”¹¹⁴.

Искаженное представление о характере исторического развития наиболее отчетливо проявилось в работах представителей квантитативной историографии в том, что они источник развития относят к числу экзогенных факторов. Усматривая основу любых общественных изменений, движений экономики и демографии в технологии, в биологических и физиологических факторах,

они не учитывают, что процесс освоения человеком природы предполагает не только наличие материально-технических средств, но и определенную социальную организацию общества, которая и определяет эффективность использования этих средств, регламентирует производственную деятельность. Видимо, этим и объясняется, что во всех рассмотренных работах оказалась старательно обойденной именно та область, в которой только и возможно обнаружить реальный источник общественного развития, — производительные силы и производственные отношения.

Наконец, игнорирование специфики предмета исторической науки, каковым является общество с присущими только ему закономерностями развития, приводит к тому, что многие работы представителей квантитативной историографии страдают архаизмами. В качестве примера можно еще раз сослаться на те из них, в которых выводы об экономике Франции, скажем XVII в., делаются на основе таких категорий, как национальный доход или социально-профессиональная кодификация. Не все явления исторической реальности поддаются моделированию, не каждое историческое явление или процесс можно выразить количественно. В этой связи представляет интерес мнение П. Виларма о квантитативной, или серийной, историографии. "Существовали, — пишет он, — объединения людей, законы воспроизводства которых и их приспособление к природе зависели от биологии. Будет еще существовать человечество (это менее очевидно, но все более постижимо), внутренняя структура которого, как и его приспособление к природе, станет результатом исчислений. В промежутке (который продлится, бесспорно, еще долго) размещается *историческое человечество*, разделенное, неодинаково развитое, находящееся в постоянной борьбе с самим собой, человечество, в котором нет ничего, что было бы полностью механическим или полностью своевольным, основанным на разуме... Это *историческое* человечество может и должно быть объектом *исторической* науки, которая определяется не столько техникой исследования, сколько *способом мышления*". Кризисное состояние многих областей гуманитарного знания во Франции объясняется, по мнению П. Вилара, попытками избавиться от такой специфической реальности, как история, путем то заимствования пригодных лишь для физики и биологии моделей, то приписывания фактам человеческой действительности свойств извечных структур, то использования таких технических приемов исследования, которые опережают имеющиеся в настоящее время возможности¹¹⁵.

4. От методологии социально-экономической истории к идеологии антиреволюционности

В пятидесятилетней истории представленного "Анналами" направления французской буржуазной историографии мы попытались выделить три основных этапа, в рамках которых происходили наиболее существенные изменения в представлениях о предмете исторической науки, в исследовательской проблематике и методах научного анализа. Общей тенденцией эволюции этого историографического направления стало последовательное отдаление от принципов целостности, закономерности и прогрессивной направленности исторического процесса. Производительная деятельность как стержень всех процессов становления и развития человеческого общества и как объект исторического наблюдения с каждым очередным этапом в развитии "Анналов" все в большей степени улетучивалась из поля зрения историков этой школы. Вследствие этого в их работах получили широкое распространение спекулятивные положения о причинах и характере социальных изменений, об основных рубежах в истории человеческого общества, о роли народных масс. Весьма показательным, что утверждение в анналовской исторической литературе апологетических концепций социальной эволюции, неспособности масс к революционному творчеству происходило параллельно расширению и углублению революционного процесса в мире, все более активному вовлечению в него широчайших масс. Уже сам по себе этот факт противоположной направленности развития историко-социальной реальности и ее теоретической интерпретации в трудах историков школы "Анналов" является красноречивым показателем реакционной сущности социальных функций буржуазной историографии в современном обществе. В наиболее концентрированном виде эта сущность проявилась в современной трактовке буржуазными историками вопроса о роли социальной революции в историческом процессе.

"Социология революции" уже давно стала одним из ведущих направлений буржуазного обществоведения¹¹⁶. Однако путь "Анналов" к этой теме был необычным. В ходе борьбы с "событийной", "повествовательной" историей, как об этом уже говорилось, они отнесли и революции к разряду кратковременных "событий", якобы недостойных специального изучения. В течение долгого времени внимание "Анналов" было сосредоточено на исследовании "глубинных" процессов социально-экономической и духовной жизни, на явлениях "большой продолжительности". Во всей анналовской научной продукции не оказалось

ни одной монографии, посвященной собственно революциям. Лишь в середине 60-х годов в "Анналах" заговорили о необходимости возврата к "событию" и проблемы социальной революции обрели здесь "права гражданства". Поворот этот объясняется, на наш взгляд, двумя основными причинами. Первая из них — это современная общественная практика: в эпоху бурных социальных потрясений стало уже невозможно ограничиваться лишь сооружением стратегических плащдармов, пришлось осуществлять и тактические маневры с целью повышения роли буржуазной исторической науки в сегодняшней политике. Вторая причина кроется в современном состоянии самой этой науки. Историки "Анналов", как им казалось, были уже способны "обуздать события", т.е. дать им такую интерпретацию с позиций "большой продолжительности", которая бы лишила эти события их социальной значимости и опасной для буржуазного общества революционной направленности. Характерна в этом отношении помещенная в трехтомнике "Заниматься историей" статья под названием "Возврат к событию". Ее автор П. Нора отмечает, что историки-позитивисты хотя и испытывали на себе давление современных событий, но были не в состоянии ими овладеть, поскольку не могли оценить их возможных последствий. В силу этого они, обосновывая возможности исторической науки, объявляли современность вообще не поддающейся научному объяснению. В наши же дни буржуазная историография, отрицая значительность "события" и растворяя его во "всеобъемлющей" истории, во всем многообразии глубинных процессов и явлений, возвращает "событие" как объект наблюдения исторической науки, но это уже другое, не самодовлеющее событие; вместе с этим становится возможной и собственно современная история¹¹⁷.

"Возврат к событию" в современных "Анналах" сопровождался выражением откровенной враждебности и крайнего раздражения в отношении фактов социальной активности и революционной борьбы народных масс. Это наглядно проявилось уже на примере реинтерпретации истории Великой французской революции.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

М. Блок и Л. Февр, как уже говорилось, непосредственно проблемами истории французской буржуазной революции не занимались. Тем не менее на всем протяжении первого периода "Анналов" эта тема в самом журнале была довольно широко представлена статьями Ж. Лефевра, учеников и последователей А. Матьеа, а также рецензиями Л. Февра и секретаря редакции

журнала П. Лейо на новейшую литературу по истории революции¹¹⁸. Во всех этих публикациях поддерживалась и развивалась социальная интерпретация французской революции, по определению А. Собуля, "классическая" концепция ее истории¹¹⁹. Революция рассматривалась как антифеодальная по своей направленности и буржуазная по характеру; признавалась выдающаяся роль народного движения в ее истории; позитивно оценивался якобинский этап революции.

В период с середины 50-х до середины 60-х годов в "Анналах" уже довольно четко определился поворот в оценке этого события от про- к антиреволюционности. Ф. Бродель в отличие от Л. Февра не уделил революции ни строчки на страницах руководимого им журнала. Он не скрывал, что его раздражают повышенное внимание отдельных исследователей к этой проблеме. "История не может постоянно обращаться к хронике французской революции"¹²⁰, — писал он. Для Броделя революции — это "фейерверки", "катастрофы"; не затрагивая глубинных явлений истории человечества, они способны произвести лишь временный и сугубо отрицательный эффект на судьбы людей. Вся история человечества воссоздавалась Броделем таким образом, что в ней просто-напросто не оставалось места для социальных революций. По существу в этом и заключалась его концепция революции, вернее антиреволюции: истинная история, согласно Ф. Броделю, — это эволюция многовековых экономических, социальных и духовных структур, она остается неподвластной таким кратковременным и поверхностным событиям, какими являются революции. Оставалось лишь довести эту концепцию до логического завершения — обратиться непосредственно к истории революций и показать феерический, негативный характер этих событий. Сам Ф. Бродель этим не стал заниматься; конкретно-историческое выражение антиреволюционной концепции получила в работах его учеников.

В начале 60-х годов такие историки "Анналов", как П. Шюно, Ф. Крузе, Ф. Моро, Ш. Моразе, Ф. Фюре и другие, с разных сторон вплотную подошли к полной реинтерпретации французской революции*. Они выступили против "традиционной"

* Наступление на "классическую" интерпретацию французской революции, которая последовательно развивалась в работах М. Мишле, Ж. Жореса, А. Матьеза, Ж. Лефевра, К. Мазорика, А. Собуля, развернулось еще в середине 50-х годов в англо-американской историографии. В 1954 г. вышли работы Р.-Р. Палмера "Мировая революция Запада" и А. Коббена "Миф о французской революции", в которых была предпринята попытка на примере французской революции отвергнуть всякую социальную интерпретацию революций вообще. По мнению А. Коббена, Великая французская

концепции, согласно которой эта революция явилась важнейшей вехой при переходе от феодального общественного строя к буржуазному, и положили начало "ревизионистскому", как его квалифицировали французские марксисты, направлению в буржуазной историографии, которое в настоящее время наиболее активно борется с марксистской концепцией революции.

Ревизия наиболее фундаментальных завоеваний всей прогрессивной историографии в области изучения истории французской революции началась с пересмотра отдельных проблем. В начале Ш. Моразе в одной из своих работ¹²² попытался дать "новую" трактовку вопроса о месте и роли буржуазии и дворянства в предреволюционном французском обществе. Он представил положение дел так, что в сфере экономики и идеологии "передовые" позиции якобы занимало дворянство, а буржуазия была "робкой и слабой". По существу такие же взгляды по этому вопросу отстаивал и Ф. Моро¹²³. В работах Ф. Фюре опровергалось положение о противоположности аристократической и буржуазной идеологий во Франции перед революцией¹²⁴, а также развивалась идея несовместимости с буржуазной революцией народного движения и его враждебности прогрессу¹²⁵. П. Шоню и Ф. Крузе сосредоточили внимание на экономических проблемах. Французская революция предстала в их публикациях как "гнусная авантюра", нарушившая ритм экономического роста во Франции, начавшегося в первые десятилетия XVIII в. Эти авторы противопоставили французской революции, которую они квалифицировали как "реакционное брожение мелкого люда", "технологическую революцию" — единственно достойную, по их мнению, называться революцией¹²⁶.

С 1965 г. на Великую французскую революцию развернулась атака по всему фронту, которая упорно продолжается и поныне. Начало было положено публикацией двухтомной работы Ф. Фюре и Д. Рише, которую они назвали "Революция"¹²⁷. Затем эти же авторы развили свои взгляды в ряде статей¹²⁸; их поддержали другие историки "Анналов"¹²⁹. К проблемам французской революции проявили повышенный интерес буржуазные философы, социологи¹³⁰.

Книга Ф. Фюре и Д. Рише — это первая за все время существования "Анналов" специальная работа по истории Великой

революция — это миф, она лишена какого бы то ни было позитивного содержания, ибо и без нее Франция якобы неизбежно развивалась бы в том же направлении, но не прибегая к насилию и без столь многочисленных жертв¹²¹.

французской революции. Она была широко разрекламирована во Франции и уже в 1972 г. переиздана. К настоящему времени эта работа переведена на английский и немецкий языки. Ф. Фюре и Д. Рише не являются специалистами в области истории французской революции, их работа не подкреплена специальными исследованиями; по своему характеру она представляет собой скорее публицистическое, нежели научное, произведение, основные идеи которого проистекают из общественных условий и политической борьбы в современной Франции. Главная цель этой работы остается всецело в русле основной задачи "Анналов": на основе познанного прошлого дать объяснение настоящему. Ф. Фюре и Д. Рише конкретизировали эту задачу в попытке дать такое объяснение революционным событиям во Франции конца XVIII в., которое бы укладывалось в современные анналовские концепции отрицания существования классов и классовой борьбы.

"Революция" Ф. Фюре и Д. Рише вызвала острую идеологическую дискуссию, в ходе которой были затронуты и многие историографические проблемы. С опровержением концепции Ф. Фюре и Д. Рише выступили крупные современные исследователи истории Великой французской революции — французские историки-марксисты А. Собуль и К. Мазорик¹³¹ и советские ученые А. З. Манфред и А. В. Адо¹³².

Основная идея работы Ф. Фюре и Д. Рише заключается в двух положениях: первое — это совпадение, или столкновение (*télescopage*), начиная с 1789 г. трех автономных и одновременных течений — революции "элиты", т. е. либеральных дворян и буржуа, крестьянской революции и революции городских санкюлотов; второе — отклонение, "занос" (*déravage*) революции, в особенности на ее якобинском этапе. Оба этих положения взаимосвязаны; первое из них если не прямо, то опосредованно затрагивает некоторые проблемы методологии исторического исследования, истоки второго всецело уходят в область идеологии и политики. Вряд ли нужно уточнять, какое из этих положений является главным, в конечном счете предопределившим и само появление работы Ф. Фюре и Д. Рише, и все их наиболее важные построения. Стремление авторов найти "новые" способы прочтения истории французской революции, их страстное желание во что бы то ни стало развенчать "якобинскую историографию" этого события настолько их увлекли, что они перестали уже замечать рамки рационального. Не исключено, однако, что их "поиск" был предопределен заранее. Во всяком случае, знакомство с работой Ф. Фюре и Д. Рише не дает оснований усомниться в оценках тех историков, которые сделали вывод об

антимарксистской, антикоммунистической и антинародной предвзятости этих авторов¹³³.

В чем же смысл и каково значение двух указанных положений? Согласно Ф. Фюре и Д. Рише, начиная с лета 1789 г. события во Франции развивались следующим образом. Начало было положено "революцией элиты". Эта революция либеральных дворян и буржуа подготавливалась в течение всего XVIII в. и свершилась в просвещенных умах, прежде чем она была перенесена на общественные отношения. "Революция 1789 г., — пишет Д. Рише, — явилась результатом появления у элиты сознания своей самостоятельности, независимости по отношению к политическому порядку и необходимости контроля над политической властью; сознание это было единодушным, роль инициатора в его распространении играло дворянство, затем это сознание захватило сферу собственности и талантов. Это была революция просветителей"¹³⁴. В работе Ф. Фюре и Д. Рише вершившая либеральную революцию элита представлена как внеклассовое образование. Она сформировалась из верхов "третьего сословия" на основе общности идей, образа жизни. Система ценностей этой элиты, состоявшая из таких категорий, как труд, усердие, компетентность, полезность, благотворительность, по своему характеру была буржуазной и способствовала выработке политических взглядов единой элиты, осуществлению "тактического объединения дворянства и буржуазии против абсолютизма", а также и против "анархии толпы". По оценке Ф. Фюре и Д. Рише, элита с ее "новаторской волей" — это в условиях Франции того времени носительница будущего, а "революция элиты" была единственной исторически закономерной и именно она заключала в себе позитивный смысл Великой французской революции в целом¹³⁵.

Однако либеральной революции 1789 г., которая определялась программой ее просвещенных руководителей, по мнению Ф. Фюре и Д. Рише, противостояла "неспособность монархии выступить арбитром и пойти на реформы". Кроме того, "вмешательство" народа вначале затормозило, а начиная с народного восстания в августе 1792 г. окончательно "отклонило от курса" рожденную XVIII в. либеральную революцию, ее "занесло", как автомобиль на крутом вираже. Авторы рассматриваемой работы изображают народное движение как ничего общего не имеющее с истинными задачами революции. Парижские санкюлоты, заявляют они, восстают не для защиты Национального собрания и его завоеваний; это выступление является лишь объективным следствием их "стремления защитить самих себя"¹³⁶. Что

касается революции крестьян, "громко стучащих в двери буржуазной революции, которая не решается им эти двери открыть"¹³⁷, то она якобы не была антифеодальной по своей направленности. Ф. Фюре и Д. Рише, как и многие другие современные историки "Анналов", утверждают, что в XVIII в. во французской деревне уже не существовало феодальных отношений, что дворяне в это время были передовой силой в экономической жизни — они основывали капиталистические предприятия, что сеньория уже почти полностью "обуржуазилась" и стала "колыбелью" аграрного капитализма, а феодальные повинности носили "остаточный характер". В такой интерпретации крестьянские движения в революционный период с их уравнительными требованиями выглядят как "экономически ретроградные"¹³⁸ и "политически реакционные"¹³⁹.

Утверждения об "отклонении", "заносе", случайном характере всего этапа революции с августа 1792 г. и до термидорианского переворота Ф. Фюре и Д. Рише аргументируют тем, что для "народного вмешательства" не было якобы никаких реальных оснований. "Уже к 1790 г., — пишут они, — Франция привилегий умирает. Рождается Франция предпринимательства"¹⁴⁰. Угроза контрреволюции — это всего лишь "психологическое заблуждение"¹⁴¹, что же касается войны, то она была вызвана якобы "безудержным экспансионизмом Франции"¹⁴². Обходя таким образом действительные причины широкого участия народных масс в революции, Ф. Фюре и Д. Рише представляют в ложном свете и характер народного движения, которое выглядит в их публикации не как революционное творчество, а как проявление "анархических" иллюзий невежественных масс. Будучи лишенными руководства со стороны "либеральной и просвещенной" буржуазии, народные массы якобы уверовали в магическую силу насилия, что и определило все содержание якобинского этапа революции. Террор и насилие, по мнению Ф. Фюре и Д. Рише, не были "необходимым следствием революции, а представляли собой ее злополучное извращение". Применение насилия они объясняют логикой развития "групповой психологии". В работе Ф. Фюре и Д. Рише руководители санкюлотов представлены как злобные карьеристы; характер крестьянских выступлений определяется обычаями, корни которых уходят в глубь веков, в традиции народной культуры; революционный патриотизм выступает как религия, у которой были свои мученики, своя инквизиция и свои костры. Иными словами, в революции имело место столкновение не только серий автономных событий, но и нескольких комплексов нравов, обычаев, культур. Этим

и объясняется глубина "отклонения" революции. Лишь после утверждения термидорианской Директории французская революция, согласно Ф. Фюре и Д. Рише, вновь возвращается к "великому пути, начертанному разумом и богатством XVIII в." ¹⁴³.

Итак, смысл "нового прочтения" Ф. Фюре и Д. Рише истории Великой французской революции сводится к опровержению ее оценки как революции буржуазной, как рубежа на пути перехода от феодализма к капитализму. Они отрицают решающую роль в революции народных масс, обеспечивших ее победу над контрреволюцией и интервенцией; рассматривают якобинскую диктатуру и якобинство в целом как "время величайших бед" ¹⁴⁴, как необоснованный разгул террора и насилия, а не как необходимый, высший этап в развитии революции, в ходе которого она ушла дальше своих непосредственных задач и тем самым обеспечила закрепление своих буржуазных завоеваний.

Подобное "прочтение" истории французской революции стало возможным лишь в результате рассмотрения революционного процесса вне связи с общественно-историческим процессом в целом, в отрыве от структуры французского общества "старого порядка". Видимо, именно этим объясняются в конце концов яростные атаки историков третьего поколения "Анналов" против идеи "глобальной истории" Ф. Броделя. Как мы уже не раз подчеркивали, в основе своей эта идея рациональна, она включает в себя научные представления об обществе в целом. Хотя у Ф. Броделя эта идея и не была последовательно реализована, она, однако, сохранялась как авторская цель, как ориентир для всей исторической школы "Анналов" и объективно вела к познанию истины. Поэтому по мере наполнения рациональным знанием идея "глобальной истории" становилась все более опасной, подрывающей идеологические основы буржуазного обществоведения. Установление в ходе исторических исследований проявления тесной многосторонней связи экономики, социального строя, политики и идеологии невольно наводило на размышления о закономерностях исторического процесса, о причинах качественных изменений в обществе. Идея "глобальной истории" становится тем более "рискованной", если ее придерживаться при исследовании революционных процессов. Она предполагает необходимость рассмотрения революции в неразрывной связи со всей структурой общества. В этом случае и сама революция с неизбежностью предстанет как проявление кризиса данной структуры.

Вот почему Ф. Фюре решительно выступал в теории против "постулирования наличия целостной структуры" "глобального

общества” и причин взаимодействия между различными его уровнями” и ратовал за ”исчерпывающий перечень и описание частного вида систем”. На практике это позволило ему вместе с Д. Рише искусственно обособить ”три революции”, ”концептуализировать и анализировать каждую автономную политическую и идеологическую динамику как таковую”¹⁴⁵, представить их столкновения как непредвиденные случайности, вызвавшие ”отклонение” от ”нормального” буржуазного течения либеральной революции 1789 г. Действия социальных групп в ходе революции, не будучи обусловленными законами развития общества, с легкостью объясняются Ф. Фюре и Д. Рише в одном случае мифическими представлениями, в другом — психологией толпы. Разумеется, при этом не остается никаких оснований для того, чтобы называть французскую революцию буржуазной, смотреть на нее как на важный рубеж в истории страны, как на разрез ”старое — новое”¹⁴⁶. Само понятие ”буржуазная революция” стало для Ф. Фюре ”мифом”, ”метафизическим чудовищем”¹⁴⁷. Нет нужды прибегать и к понятию исторической необходимости; оно рассматривается Ф. Фюре как одно из проявлений ”финалистской философии” и ”религии прогресса”¹⁴⁸. В любом предшествующем событии, считают Ф. Фюре и Д. Рише, будь оно даже случайным, всегда можно попытаться отыскать смысл настоящего и будущего. Так они снова водворяют в историю иррационализм и случайность.

Очевидна и политическая направленность работы Ф. Фюре и Д. Рише. В ней не просто противопоставляется реформистский путь развития общества — революционному, что давно уже стало нормой для всей буржуазной историографии. В условиях нарастания массовых революционных движений, нарушающих ”нормальное” функционирование буржуазного строя, Ф. Фюре и Д. Рише продемонстрировали способность этой историографии выполнять ”вахтенные” функции. На это ее качество обратил внимание еще Ж. Лефевр. ”Уместно задать вопрос, — писал он в 1956 г., — почему интерпретация революции или, скорее, некоторых революций как мифа встречает одобрение. Не приходится сомневаться в том, что это отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического натиска, и главное натиска русской революции; чувствуя себя в опасности, он отрекается от восстания предков, обеспечивших ему преобладание, потому что видит в нем опасный прецедент”¹⁴⁹. Сегодня атаки ведутся уже не только на некоторые из революций. Стратегия буржуазной историографии состоит в том, чтобы вообще изгнать ”демона революции” из сознания людей.

Хотя работа Ф. Фюре и Д. Рише направлена непосредственно против Великой французской революции, в ней преследуются более широкие цели. По их конструкциям, любое вмешательство масс в осуществление буржуазного проекта сверху бесполезно. Оно способно лишь затормозить реформаторскую деятельность просвещенных верхов и принести вред обществу в виде разрушений, необоснованного насилия и ненужных жертв. В конечном же счете буржуазия всегда останется абсолютной госпожой своей судьбы, поскольку только ей принадлежит видение будущего человечества. Таков антикоммунистический подтекст работы Ф. Фюре и Д. Рише "Революция". Есть в этой работе и прямые выпады против первой в мире социалистической революции. В отличие от "ясновидящей" французской буржуазии 1789 г., которая "знала историю, которую она делала", большевики изображаются здесь "утопистами" и утверждается, что практика построения реального социализма оказалась якобы прямой противоположностью их "утопиям"¹⁵⁰. Подобные разглагольствования звучат как предостережение всем, кто намерен связать свою судьбу с социалистическим будущим человечества.

Ретроградные выступления Ф. Фюре и Д. Рише и других современных историков "Анналов" вполне естественно влились в общее русло антикоммунистической пропаганды. В условиях усиления антикоммунизма и антисоветизма, которым характеризуется современная идеологическая обстановка во Франции, подобные выступления не остались бесследными. Прежде всего их активно поддержали так называемые "новые философы". Эта группа "разочарованных детей 1968 года" получила в последнее время широкую известность. "Новые философы" достаточно продуктивны¹⁵¹, их охотно печатают ведущие издательства, о них пишут статьи, с ними проводят телевстречи, отдельные их работы уже переведены на многие языки.

Большинство "новых философов" принимало участие в событиях 1968 г. во Франции, исповедуя в те дни гошистские идеи, представлявшие собой смесь маоистско-троцкистских и экзистенциалистских установок, анархизма и пр. Неудача "молодежного бунта" привел "новых философов" к пессимистическому выводу, что революция вообще невозможна, что мир всегда строился и будет строиться на зле и насилии, подавлении личности. В доказательстве этой идеи "новые философы" усмотрели свою главную задачу.

Для обоснования своей точки зрения они обратились к современным буржуазным наукам об обществе и без особого

труда нашли в ней достаточно обширный материал, созвучный их настроению. В целях доказательства того, что общественное бытие не несет в себе зерна перемен, "новые философы" активно, но вульгаризаторски использовали структуралистский метод, в результате чего была выработана категория *maître*, которой дается широкое толкование: это прежде всего "власть", а также "государство", "идеология", одним словом, все то, что, по их мнению, фатально противостоит индивиду и подавляет его. Помимо собственно философского обоснования этой концепции они довольно широко используют идеи, сформировавшиеся во французской буржуазной историографии и направленные против марксистского учения о социальной революции.

Так, например, А. Глюксманн — наиболее заметная фигура среди "новых философов" — прибегает порой к прямому пересказыванию "реинтерпретации" Ф. Фюре и Д. Рише истории Великой французской революции. Разделяя полностью позиции современных "анналовцев" по узловым пунктам этой проблемы, А. Глюксманн особо выделяет те их положения, которые дают ему возможность сделать "философские обобщения" в том плане, что еще в период французской революции правительства научились осуществлять "революционные реквизиции", "размахивать косою уравнильства", "бороться с эгоизмом масс" и что все это привело лишь к "борьбе всех против всех при недоверии и эгоизме каждого"¹⁵², что "террор со стороны государства революционизирует общество, а общество революционизирует само себя"¹⁵³, — все это, вместе взятое, и есть "вечный момент революции"¹⁵⁴, который определяет собой ее перманентную безысходность. По мнению А. Глюксманна, независимо от того, какая "политическая группа" приходит в тот или иной исторический момент к власти, ей всегда противостоит некий слой общества, который он нарекает "плебсом". Таким образом, общество постоянно разделено на "руководителей" и "руководимых" (*gouverneurs — gouvernés*) и извечное насилие (*maître*) сохраняется¹⁵⁵. Первое свое историческое воплощение, по Глюксманну, "плебс" нашел в лице "европейского крестьянина", но "плебс" продолжает существовать и поныне. Правда, А. Глюксманн делает здесь существенное уточнение: в настоящее время эта дихотомия ("власть — плебс") присуща уже не только обществу, но и каждой личности в отдельности, в каждом индивиду есть нечто от "власти" и одновременно от "плебса"; этот трагизм бытия выражается в том, что человек, следуя внешним установлениям, является "слепком" власти, когда же он ставит себя в оппозицию последней, то в нем проявляется нечто от

”плебса”¹⁵⁶. Подобный абстрактный, внеклассовый подход позволяет ”новым философам” утверждать, что человеческое бытие всегда однокачественно там, где существует ”власть”, т. е. и при капитализме, и при социализме¹⁵⁷.

Примерно на тех же позициях по проблемам революции стоит другой ”новый философ” — Бернар-Анри Леви. Так же исходя из идеи неизменности бытия, он поставил своей задачей опровергнуть концепцию ”оптимистического прогрессизма” и доказать, что ”мир не меняется и не изменится к лучшему”, так как *maître* — у Леви в этой роли выступает ”князь” (*prince*) — есть ”фатальность, подчиняющая историю своему закону”¹⁵⁸.

Таким образом, по мнению ”новых философов”, бытие *maître* по своей природе объективно, независимо от действий людей. Приобретая мистический облик, *maître* является как некий Рок, радикальное Зло, что не дает никакой надежды на перемены. Основная функция этой категории вполне ясна — доказать неизменность общественного бытия. И если буржуазные историки проводят эту идею, лишая человеческое общество объективных закономерностей развития, то ”новые философы” превращают ”неизменность” в Рок, стоящий над материальным бытием в форме Идеи.

У Ф. Фюре нашлись последователи не только среди философов, но и среди историков. Одним из них стал М. Ферро, который считает себя самым крупным во Франции специалистом по истории революции 1917 г. в России.

М. Ферро занимает видное место в ”Анналах”. Он является одним из директоров журнала, осуществляет руководство Центром по исследованию проблем СССР и славянских стран Школы высших исследований в области социальных наук. Кроме того, он активно сотрудничает в газете ”Монд” и на телевидении, выступая в качестве наиболее авторитетного буржуазного ”советолога”. В сфере исторической науки наибольшую известность М. Ферро принесли два тома его работы под общим названием ”Революция 1917 года”¹⁵⁹. Первый из них — ”Свержение царизма и истоки Октября” — вышел в 1967 г., второй — ”Октябрь: рождение одного общества” — в 1976 г. В том же 1976 г. М. Ферро защитил эту работу в качестве докторской диссертации в Сорбонне.

Прежде чем дать этой работе характеристику по существу, отметим, что в ней отчетливо просматриваются некоторые тенденции новейшей буржуазной историографии Октябрьской революции в целом¹⁶⁰. В первую очередь это касается проблематики публикаций. Современные буржуазные историки стали

уделять внимание таким аспектам социалистической революции в России, которые раньше буржуазная историография игнорировала. Во многих публикациях по истории Октября¹⁶¹ иногда целые разделы посвящаются таким вопросам, как содержание и характер первых декретов Советской власти, в них анализируются устремления различных социальных групп, классов, мотивы их действий, программные положения политических партий в России накануне и в ходе Октябрьской революции. Десятки и сотни страниц в книгах по истории Октября отводятся на "освещение" вопросов о Советах, рабочем контроле, профсоюзах, численности и составе рабочего класса, об экономических и политических предпосылках революции, о ее результатах.

Французских буржуазных историков занимают в первую очередь те проблемы истории Октябрьской революции, которые наиболее созвучны социально-политическим проблемам современной Франции; среди них на первом месте — "народ и революция", "массы и партия большевиков". Выбор именно этих проблем не случаен. Характерной особенностью общественной жизни современной Франции является нарастающее массовое движение, ставшее сегодня уже не отдаленной, а непосредственной, реальной угрозой господству монополий и самому существованию капиталистического строя. Изменения в соотношении классовых сил, все более широкое распространение идей социализма убедили буржуазных идеологов в том, что сохранить и упрочить свое влияние на массы невозможно, обходя такие важные проблемы, как народ, классы, партии, революция.

За последнее время существенно изменился и характер публикаций по истории Октября. Расширение проблематики, введение в исследовательскую сферу новых тем потребовали от буржуазных историков соответственного расширения историографической и документальной базы. Авторы книг, которые составляют основу "научной" продукции "советологии", оперируют довольно большим фактическим материалом, часто делают ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма, приводят цитаты из их работ, обращаются к выводам советской исторической науки, вступают в полемику¹⁶². В результате многие публикации внешне выглядят весьма внушительно, а их авторы предстают перед читателем как настоящие исследователи.

Одной из главных тенденций в развитии буржуазной историографии на современном этапе является более тонкая и изощренная маскировка под объективность. Следует, однако,

подчеркнуть, что распространение "модифицированных", "сбалансированных", "интеллектуализированных" и тому подобных концепций социалистической революции в России взамен примитивно антикоммунистических трактовок нельзя воспринимать как некий "прогресс" современной буржуазной исторической науки, как стремление к более или менее правдивому отображению событий. О некотором "превосходстве" последних публикаций по истории Октябрьской революции над работами предшествующих лет можно говорить лишь с точки зрения усиления опасности "модернизированного" антисоветизма по сравнению с антисоветизмом грубым, примитивным.

Все это в определенной мере относится к работам М. Ферро. Общая схема построения его "Революции 1917 года" та же, что и "Революции" Ф. Фюре и Д. Рише. Великая Октябрьская социалистическая революция для М. Ферро не историческая реальность, а миф. "Революция, — пишет он, — какой ее воображали революционеры до 1917 г., — это воображаемая революция"¹⁶³. После 1917 г. "победители в свою очередь хотели применить к настоящему видение будущего, которое сформировалось у них в прошлом"¹⁶⁴; к этому добавилось представление о революции 1917 г., которое выработала историография. Все это вместе взятое, согласно М. Ферро, — "представляемая" революция, столь же далекая от исторической реальности, как и революция "воображаемая"¹⁶⁵. Чтобы развеять "легенды" об Октябрьской революции, М. Ферро считает необходимым и единственно возможным такой способ рассмотрения событий 1917 г. в России, который бы исключал предположение, что эти события представляли собой единый и закономерный процесс. "Различные этнические группы, — пишет он, — другие общности, крестьяне данной деревни, рабочие завода — все имеют каждый свою Историю, со своей собственной хронологией, со своим дыханием, своими кризисами; эти Истории не обязательно соответствуют Великой Истории — борьбе за власть, становлению великих наций, подъему социализма"¹⁶⁶. Такая исходная установка в сочетании с рассмотрением отдельных событий 1917 г. вне связи с процессом общественно-исторического развития России в целом, в отрыве от анализа соотношения классовых сил и классово-вой борьбы дает М. Ферро безграничные возможности для произвольных комбинаций. Он считает допустимым автономизировать события в деревне, в городе, в армии, на национальных окраинах России. Кроме того, он рассматривает изолированно такие процессы, как изменение отношения различных социальных групп после Февральской революции к представителям

власти, к религии, к законам; образование и деятельность Советов, заводских комитетов, профсоюзов; большевизация Советов и т. п. В результате раздробления единого революционного процесса многие проблемы в работе М. Ферро получают ложное истолкование, имеет место необоснованное сосредоточение внимания на частных вопросах, в то время как о генеральных направлениях развития революции не упоминается вообще, в ряде случаев гипертрофируются некоторые стороны поведения социальных групп, отдельных личностей, локальные события. Так, например, без каких бы то ни было оснований М. Ферро утверждает, что русская деревня оставалась в изоляции во время и после революции¹⁶⁷, что крестьянское движение никак не было связано с Октябрьской революцией, что "в нем проявилась невоздержанность крестьян, разжигаемая более древней традицией — пугачевщиной"¹⁶⁸. "В общей веренице крестьянских мятежей Тамбовской губернии,— пишет он,— столь же многочисленных после 1917 г., как и до этого времени, Октябрь — это всего лишь один из многих эпизодов, который никак не затронул степень лояльности деревни по отношению к режиму, будь то царь до 1917 г. или большевики после Октября"¹⁶⁹. Освободившись от помещика в 1917 г., крестьянин снова оказался в состоянии конфликта с городом — с этим "вечным своим врагом"¹⁷⁰.

Один из принципов исторического наблюдения, которого М. Ферро неукоснительно придерживается в своей работе и который на первый взгляд не вызывает особых сомнений, заключается в следующем. Для того чтобы избавиться от "воображаемой" и "представляемой" истории революции, для того чтобы постичь собственно историческую реальность этого события, надо не наблюдать его со стороны, а попытаться проникнуть внутрь самого социального корпуса, сделать пунктом наблюдения один из заводов Петрограда, какую-то деревню в зоне крестьянских волнений, воинское подразделение, университет, один из дворовых комитетов. Это даст возможность посмотреть изнутри на процесс расчленения и трансформации социального корпуса, увидеть, каким образом движения, одушевляющие различные социальные группы, сходятся в одной точке, преобразовывают действия партий и политических организаций или же сами преобразуются этими организациями. Все это можно осуществить, считает М. Ферро, если вместо классического типа источников, исходящих от отдельных личностей, официальных организаций и т. п., сделать предметом анализа источники более скромного достоинства: написанные каракулями черновые тексты, оставшиеся не использованными и вовсе не предназначенные для

размножения рисунки и лозунги, всевозможные послания и решения низовых организаций, а также кадры документальных и художественных фильмов. "Невысказанное часто бывает важнее сказанного, подразумеваемое — явного, а воображаемое — реального"¹⁷¹.

Такая постановка вопроса, если ее рассматривать отвлеченно, вряд ли может вызвать особые возражения, тем более что из практики исторических исследований можно привести сколько угодно примеров, когда ученым удавалось проникнуть в самые глубинные процессы исторической реальности при ограничении научного исследования пределами истории одного завода, деревни. Разумеется, и источники можно и нужно привлекать самые разные. Многое зависит, однако, и от конкретного воплощения любого принципа исторического наблюдения. М. Ферро, как об этом свидетельствует вся его работа, не случайно настаивает на необходимости наблюдения отдельного, особенного, единичного. В его исследовательской практике это требование абсолютизируется и противопоставляется возможности и необходимости постижения исторической реальности с помощью таких категорий, как всеобщее, единое. М. Ферро постоянно уходит от вопроса о репрезентативности используемых им источников, как правило, ограничивается лишь иллюстративным методом при обосновании основных своих взглядов, а нередко вообще одними лишь декларациями. Например, он утверждает, что активное участие рабочих в апрельских, июньских и июльских событиях в Петрограде в 1917 г. — это якобы не реальность, а "догма, с помощью которой большевики доказывают законность взятия ими власти". Это утверждение М. Ферро пытается обосновать, опираясь на разработанный им метод "контранализа общества" с помощью кинофильмов*. В ходе просмотра кадров из художественных фильмов "Октябрь" С. М. Эйзенштейна (1927 г.) и "Конец Санкт-Петербурга" В. И. Пудовкина (1927 г.) он установил, что среди манифестантов на улицах Петрограда рабочие встречаются реже, чем "крестьяне в шинелях"¹⁷², и, очевидно, решил, что этого сомнительного "факта" достаточно для суждения по одной из кардинальных проблем революции. В другом месте с помощью того же метода "контранализа общества", на этот раз на основе фильмов

* Обоснованию метода "контранализа общества" с помощью кинофильмов М. Ферро посвятил несколько специальных статей, в которых речь идет, в частности, и о составе участников апрельских, июньских и июльских событий 1917 г. в Петрограде¹⁷³.

”Стачка” С. М. Эйзенштейна (1925 г.) и ”Мать” (по роману М. Горького) В. И. Пудовкина (1926 г.), в которых, как известно, речь идет о событиях конца XIX — начала XX в., М. Ферро делает вывод о существовании накануне Октябрьской революции антагонизмов среди рабочих, обусловленных не политическими убеждениями, а возрастными особенностями (разлад всегда вносят более пожилые, а вдохновителями забастовочного движения выступает молодежь), социальным происхождением (наиболее активно участвуют в забастовках выходцы из деревни, а в роли шпионов, штрейкбрехеров выступает городская молодежь). Здесь же М. Ферро делает и более широкие обобщения. По своему содержанию требования рабочих накануне Октября, заявляет он, не затрагивали основ существующего строя, они были направлены лишь на улучшение элементарных условий их жизни. Что же касается формы выражения требований, насилия, которым сопровождалась забастовка, то они были иррациональными по своему характеру. Таковыми же были, по мнению М. Ферро, и программы партий, ставивших вопрос об установлении социализма¹⁷⁴.

Автора рассматриваемой работы, как видно, не очень озадачивает то обстоятельство, что фильмы, содержание которых служит ему основанием для выводов (и которое, заметим, он интерпретировал произвольно), — это художественные произведения и, сколь бы реалистичными они ни были, какой бы выдающийся талант ни был в них воплощен, они все-таки не могут быть отнесены безоговорочно к числу исторических источников. Примеры, почерпнутые из такого киноматериала, выглядят малоубедительными в работе, претендующей называться научной. Но М. Ферро часто прибегает к еще более сомнительным примерам. Иногда ему достаточно одного-единственного лозунга, постановления одной из низовых организаций для самых широковещательных обобщений. Так, решение молодых рабочих Выборга, пожелавших создать молодежную организацию и выступить самостоятельно на одной из общих демонстраций, М. Ферро оценивает как одно из проявлений ”установленного” им общего процесса бюрократизации общества — процесса, который он отождествляет с установлением Советской власти. Почему? На каком основании? Потому, заявляет М. Ферро, что ”бюрократизация предполагает существование каких-то институтов”; ”второй элемент бюрократизации — это конференция молодежи, которую они (молодые рабочие. — Ю. А.) организовали”¹⁷⁵. И все. Если у читателя после столь ”веских” аргументов остаются какие-либо недоумения — тем хуже для читателя.

Основные методологические пороки исторического анализа событий 1917 г. в России — механическое раздробление единого революционного процесса и рассмотрение его вне связи с общественно-историческим развитием страны дополняются в работе М. Ферро еще и попыткой свести развитие революции к действию лишь психологических факторов и на этой основе дать психоаналитическое объяснение Октябрьской революции, ее исторической роли. Коллективная, групповая и индивидуальная психология — это для М. Ферро и главное в объекте исторического наблюдения, и наиболее предпочтительный метод, и основная цель исторического исследования. Такая направленность работы вполне объяснима. Это лишь одно из проявлений свойственной историкам "Анналов" психологизации общества, их попыток противопоставить психологическое объяснение истории марксистской концепции общественно-исторической обусловленности классовой борьбы и закономерности исторического процесса. Видимо, не случайно М. Ферро в самом начале своей работы выразил особую признательность таким, с его точки зрения, авторитетам в области психоаналитической истории, как А. Безансон, К. Мерло-Понти и П. Ренувэн¹⁷⁶.

Социально-психологическим факторам принадлежит важная роль в историческом процессе. Научный анализ событий и явлений прошлого с марксистско-ленинских позиций предполагает выявление всей совокупности условий, влияющих на формирование массового сознания, всесторонний учет особенностей каждой социальной общности, уровня ее материальной жизни, условий трудовой деятельности, места в существующих социальных отношениях, культуры, идеологии и многих других условий, определяющих психологию классов, наиболее важные повороты в развитии их умонастроений, чаяний и надежд. Советские историки постоянно обращают внимание на те богатейшие возможности для выявления закономерностей формирования общественной психологии, которые открываются в ходе изучения переломных периодов истории, и в частности революционных событий в России в 1917 г.¹⁷⁷ В работах И. И. Минца, Г. Н. Голикова, Г. Л. Соболева, З. В. Степанова, О. Н. Знаменского, П. В. Волобуева¹⁷⁸ и других советских историков получили развитие в теоретическом и конкретно-историческом плане ленинские идеи о роли социально-психологических факторов в революции. Советская историография пополнилась в последние годы новыми данными, относящимися к социально-психологической характеристике различных классов, групп и коллективов в период Великой Октябрьской революции, к вопросам

соотношения стихийности и сознательности в ходе классовой борьбы, психологии и идеологии пролетариата. Новейшую советскую литературу по истории Октября отличает стремление показать процесс изменения политических настроений на всех этапах революции, значительно глубже и полнее раскрыть роль политических партий в формировании общественной психологии, и прежде всего большевистской партии, которая, выражая самые насущные интересы трудящихся, указывала пути к их осуществлению, способствовала укреплению уверенности трудящихся в своих силах. Словом, уже сделано многое для того, чтобы глубже понять и осмыслить Октябрьскую революцию как событие, обусловленное всем комплексом не только объективных, но и субъективных факторов.

Вместе с тем советские историки обращают внимание на необходимость дальнейшего специального исследования социально-психологических аспектов истории революции, для того чтобы полнее раскрыть сознательность, энтузиазм, героизм народных масс, их солидарность, решимость бороться до конца.

Совсем иные цели преследует буржуазная историография, обращаясь к проблемам психологии в связи с исследованием революционных событий в истории¹⁷⁹. Прикрываясь рассуждениями о том, будто марксистская историческая мысль создает идеализированный "оптимистический и рационалистический образ человека" и "недооценивает сложность человеческих страстей", некоторые буржуазные историки хотели бы целиком погрузить науку о прошлом человеческого общества в "мир душевных глубин", в "коллективное подсознание", в "тайную игру иррациональной психики", превратить историю в "терапию социальных групп". Современная "психоистория" пополняется все новыми "теориями" о революционном мышлении, которому приписываются такие якобы постоянные свойства, как утопичность, оторванность от реальности. Неизбежно наталкиваясь на веками складывавшийся порядок, установившиеся образ жизни, обычаи, нравы людей и отвергая все это, революционеры будто бы создают вокруг себя "пустоту" и в силу этого вынуждены прибегать к "абсолютной организации сверху", что в конце концов ведет к установлению тоталитарных режимов и бюрократии. Разрабатываются "теории", имеющие целью "доказать", что любая революция сводится к насилию и террору, обусловленным будто бы врожденными животными инстинктами человека, "чувством безнадежности", которое испытывают победители.

Подобными антиреволюционными мотивами определяется и все содержание работы М. Ферро "Революция 1917 года".

В первом ее томе рассматриваются проблема соотношения войны и революции, содержание программ наиболее крупных политических партий и основные чаяния различных социальных слоев русского общества, выраженные в виде требований после Февральской революции. В разработке вопроса о войне и революции М.Ферро не оригинален. Он повторяет ставшие уже избитыми тезисы буржуазной историографии о том, что война прервала успешное развитие экономики России, вызвала общий хаос русского общества, что не будь войны, может быть, и не было бы никакой революции и Россия продолжала бы "нормально" следовать "западным образцам"¹⁸⁰. С постановкой вопроса о соотношении требований — экономических, социальных и политических — рабочих, крестьян, солдат, представителей различных наций и народностей России и программных положений основных политических партий М.Ферро надолго погружается в рассуждения о "законности" Советской власти. Утверждая, что после Февральской революции ни рабочий класс, ни крестьянство якобы даже не помышляли о каких бы то ни было социалистических идеалах, М.Ферро делает вывод об утопическом характере политики партии большевиков. По его логике — а она представляет собой логику буржуазного и отчасти оппортунистического мышления — получается, что, если массы сами в ходе стихийно развивающейся борьбы не выработали социалистического сознания, рабочее движение в целом должно отказаться от социалистических идей, а задачи политических партий должны быть ограничены решением тех требований, которые выдвигаются самими массами¹⁸¹.

Однако в условиях России 1917 г. даже эти требования, по мнению М.Ферро, не соответствовали экономическим возможностям и были "экстремистскими". "Чрезмерным требованиям" рабочего класса и его стремлению немедленно удовлетворить свои основные чаяния противостояла неуступчивость буржуазии, которая, согласно М.Ферро, не имела времени накопить больших капиталов, как в Великобритании или во Франции: она была ограничена в средствах, терпела убытки и контролировала лишь часть капиталов, которые использовала¹⁸². Но, как известно, вопрос об удовлетворении экономических требований российского рабочего класса в 1917 г. был не столько вопросом экономических возможностей, сколько социальной проблемой. Буржуазия вовсе не собиралась соглашаться на уменьшение "русских" сверхприбылей, которые, как подчеркивал В.И. Ленин, превышали в 2 — 3 раза прибыли европейской буржуазии в годы войны¹⁸³. Кроме того, если до Февральской революции

буржуазия вынуждена была делиться своими доходами с царской бюрократией, то после революции огромные военные прибыли стали поступать исключительно в ее собственный карман. Вместе с тем буржуазия, став у власти, глубоко запустила руку в государственную казну, которой она теперь почти полностью распоряжалась. Временное правительство предприняло ряд мер (государственное нормирование цен, выдача государственных субсидий и авансов широкому кругу предпринимателей, освобождение военных прибылей от налоговых обложений), которые способствовали дальнейшему обогащению капиталистов¹⁸⁴. Так что нежелание пойти на удовлетворение экономических требований рабочих проистекало не только из "неуступчивости" русской буржуазии. Здесь проявилась ее классовая политика, стремление использовать экономические рычаги как средство борьбы с революционным движением.

Далее М. Ферро приступает к анализу деятельности различных политических партий и причин их успехов или неудач накануне и в ходе Октябрьской революции. Критерием этой оценки здесь служит для него не объективное соотношение классовых сил, а "способность партий к маневрированию", которая в свою очередь ставится в зависимость от господствующего в них психологического климата, от субъективных качеств их лидеров. Из всех политических партий, группировок и организаций лишь та, пишет М. Ферро, могла добиться успеха, которая вопреки реальным возможностям согласилась бы выполнить народные требования, не сопротивлялась бы "спонтанному движению революции". В условиях разоренного войной хозяйства, когда "старые пружины государства и общества" больше не действуют, вполне допустимо, считает он, что "какая-то группа, даже небольшая, может приобрести влияние, непропорциональное ее реальной силе, если она будет действовать решительно"¹⁸⁵. Большевики и эсеры, по мнению М. Ферро, действовали нерешительно. Большевики же, внушает он, из чисто тактических соображений выступили в поддержку требований народа, и благодаря этому им удалось взмыть на гребне революционной волны и оказаться у власти¹⁸⁶. Именно к этому тезису, как легко убедиться, и сводятся в конечном счете все рассуждения М. Ферро.

Работы М. Ферро буквально пронизаны откровенной классовой неприязнью к народным массам. Народное движение в России в 1917 г. представлено в них как "разгул анархии", пробуждение в массах "врожденной жажды насилия и погромов", проявление якобы "векового инстинкта" русских к разрушению, ниспровержению любых порядков и авторитетов¹⁸⁷.

Такой бесспорный факт, как поддержка народом политики партии большевиков, М. Ферро пытается объяснить опять-таки "врожденным анархистским инстинктом русских". Извращая подлинный смысл многогранной деятельности партии, он утверждает, что эта деятельность всегда "шла в направлении дезинтеграции и именно в этом состояла тенденция живых сил революции". Этим и объясняется, по мнению М. Ферро, поддержка со стороны масс партии большевиков. Что же касается вопросов большой политики, конечных целей большевиков, то они не находили якобы отклика в народных массах, и даже события октября 1917 г. не вызвали у них никаких эмоций.

Как видим, М. Ферро пытается воскресить старые схемы и наиболее ходовые антибольшевистские мифы кадетов и меньшевиков. В частности, тезис об анархизме масс в 1917 г., о все-разрушающем характере их движения заимствован у кадетских профессоров, которых в свое время В. И. Ленин заклеил в работах "Победа кадетов и задачи рабочей партии" (1906 г.), "К истории вопроса о диктатуре" (1920 г.). В. И. Ленин отмечал тогда, что в представлении самодовольного буржуа, "когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — "вихрь", "поток", "исчезновение" всех "принципов и идей". Когда история движется с быстротой гужевой повозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простотой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно "принципы и теории", — тогда буржуа чувствует страх и вопит, что "разум отступает на задний план"...". Наоборот, говорил В. И. Ленин, в истории именно в такие моменты выступает разум масс, а не разум отдельных личностей, именно тогда массовый разум становится "живой, действенной, а не кабинетной силой..."¹⁸⁸.

В настоящее время советская историография Великой Октябрьской революции насчитывает значительное количество работ, в которых вопрос о характере и формах революционного творчества народных масс накануне и в ходе революции получил всестороннее и глубокое освещение¹⁸⁹. В свете последних достижений советской исторической науки особенно жалкими выглядят потуги буржуазных историков изобразить движение масс в России накануне революции в виде неуправляемой стихии, массового психоза, действий бессознательной толпы. То, что буржуазные историки именуют "анархией" и "хаосом", на самом деле было стремлением найти истину путем участия в митингах, манифестациях, заседаниях Советов, в продолжительных

спорах и дискуссиях, которые проходили повсеместно. Все это было поиском нового в общественной жизни, "необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс, — переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству"¹⁹⁰.

Во втором томе своей работы М. Ферро уже окончательно покидает область науки. Его итоговые оценки Октябрьской революции, ее причин, характера и результатов, попытки обоснования которых и составляют все содержание этого тома, выдержаны всецело в духе идеологии и пропаганды антикоммунизма и антисоветизма. М. Ферро исходит из представлений о реальном социализме как о тоталитарном бюрократическом обществе, основанном на насилии и терроре, и пытается доказать, что истоки этого общества следует искать в самом факте свершения Октябрьской революции и в практике осуществления ее целей¹⁹¹.

Провал политики Временного правительства, его неспособность предотвратить Октябрьскую революцию М. Ферро объясняет не тем, что политика этого правительства определялась классовыми целями и шла вразрез с интересами масс. По мнению М. Ферро, в поражении Временного правительства выразилось более общее банкротство всех тех, кто и после исторических кризисов традиционно пытается обеспечить постоянство социальных отношений и продолжает действовать, исходя из представления о непреходящем характере отношения к власти¹⁹².

Говоря о социальных отношениях и о власти, М. Ферро вовсе не имеет в виду отношения между основными классами русского общества, власть помещиков и капиталистов. Он рассуждает об обществе и о власти вообще. После Февральской революции, согласно М. Ферро, образовался "вакуум" власти, государство распалось. Имело место "распыление власти": спонтанно нарождались всевозможные комитеты, Советы, профсоюзы, которые никому не хотели подчиняться и, самоутверждаясь, соперничали между собой. Стремление к "самовластию", кощунствует М. Ферро, не было продиктовано какими бы то ни было политическими идеалами, в нем проявился "скрытый эгалитаризм", присущие русскому крестьянству плебейские умонастроения¹⁹³.

Одновременно с образованием сразу после Февральской революции всевозможных комитетов, Советов и т. п. начались, голословно заявляет М. Ферро, два параллельных процесса: их бюрократизация и борьба политических партий за контроль над

их аппаратами. Симбиоз этих двух процессов якобы играл в пользу партии большевиков¹⁹⁴. Этим М.Ферро объясняет и успех Октябрьского вооруженного восстания, и характер Октябрьской революции в целом. Потрясение 1917 г., пишет он, не сопровождалось реальным разрешением проблем русского общества, выгоды первых декретов Советской власти были иллюзорными. (Никто еще до М.Ферро, во всяком случае во французской буржуазной историографии Октябрьской революции, не осмеливался так безапелляционно отрицать значение этих исторических декретов. В деревне и в городе, заявляет он, места помещиков и предпринимателей заняли деревенские и заводские комитеты, но жизнь продолжалась, как и прежде¹⁹⁵. При этом Октябрьская революция, по утверждению М.Ферро, якобы "травмировала" русское общество, учредила и узаконила насилие¹⁹⁶.

Таким образом, М.Ферро наряду с несостоятельностью методов исторического исследования наглядно продемонстрировал свою классовую ненависть по отношению к рабочим и крестьянам, свершившим под руководством партии большевиков первую в мире социалистическую революцию. По существу все содержание его работы — это излияния высокомерного буржуа, напуганного социалистической перспективой, открывшейся перед человечеством вместе с победой Великого Октября. М.Ферро заканчивает свою работу фразой, которая, пожалуй, как нельзя лучше раскрывает и побуждения самого автора, и антиреволюционную сущность современных "Анналов". "Будучи призванной заполнить различные пробелы (в истории революции.— Ю. А.), эта работа,— самодовольно вещает о своей книге М.Ферро,— заставляет задуматься о нашей эпохе; история СССР нам представляется не как уникальное, чуждое, безвозвратное прошлое, но как один из вариантов модели развития, общей для стран, которые революционным способом, радикально меняют режим"¹⁹⁷. Очевидно, с той целью, чтобы у читателей работы М.Ферро не сложилось впечатления, будто изложенные в ней взгляды на Октябрьскую революцию и ее результаты — это всего лишь мнение одного из историков, был осуществлен специальный выпуск "Анналов" на ту же тему, о котором уже упоминалось выше. В этом выпуске наряду с изложением основных положений М.Ферро предпринята попытка очернить социализм в целом, представить в ложном свете всю историю социалистического строительства в СССР¹⁹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, перед нами прошла пятидесятилетняя история школы "Анналов" — сначала одного из направлений французской буржуазной историографии, затем направления преобладающего и, наконец, господствующего.

Становление этого направления происходило в обстановке общей методологической мутации в системе буржуазных гуманитарных наук, обусловленной, с одной стороны, грандиозными социальными изменениями в мире, и прежде всего победой Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — крутой ломкой основных мировоззренческих постулатов классической науки и выдвижением в ходе революции в естествознании на рубеже XIX — XX вв. новых принципов познания.

Основатели школы — Марк Блок и Люсьен Февр по-своему откликнулись на новые запросы времени, и разработанные ими способы обновления буржуазной исторической науки оказались во многом плодотворными. М. Блок и Л. Февр сумели понять, и это, безусловно, является их заслугой, что важнейшим условием прогресса французской исторической науки и усиления ее влияния на судьбы Франции является отказ от традиционной схемы буржуазного мышления, в том числе и от антикоммунистического варианта этой схемы. Это надолго и во многом определило оригинальность представляемого "Анналами" направления во всем западном обществоведении.

Свои "битвы за историю" М. Блок и Л. Февр начали с атак на традиционную позитивистскую ("событийную") историографию, но в отличие от большинства представителей германской, англосаксонской и итальянской буржуазной историографии не пошли в ходе этих атак в направлении неокантианства, иррационализма, безудержного субъективизма. Как и для многих других буржуазных обществоведов, для основателей "Анналов" стала очевидна несостоятельность позитивистского понимания исторического процесса как прямолинейного, синкретического восхождения. Но для М. Блока и Л. Февра столь же чуждым был и взгляд на прошлое человечества как на цепь бесконечного множества случайностей, хаос, нагромождение роковых ошибок и несбывшихся надежд. Они принадлежали к числу очень немногих буржуазных обществоведов, видевших назначение исторической науки в изучении глубинных процессов жизни общества с неизменным учетом социально-экономических факторов.

Именно в этом вопросе основатели "Анналов" особенно решительно разошлись с неокантианцами, считавшими, что историческая наука должна порвать всякую связь с позитивистской традицией XIX в., которая, по мнению, например, представителей баденской школы, якобы расчищала дорогу историческому материализму.

Становление М. Блока и Л. Февра как ученых, а вместе с ними и нового историографического направления происходило на стыке двух научных эпох — XIX века с его позитивизмом, с господством фактологии, механистического детерминизма, с поверхностным оптимизмом в отношении возможностей объективного знания и безразличием к роли личности ученого в процессе познания и XX века, который начался с утверждения релятивизма как одной из наиболее характерных черт буржуазного научного мышления и наряду с этим с углубленных раздумий о природе исторической науки, о роли личности историка. В этом противостоянии двух научных эпох "Анналы" заняли позицию, отличную от утвердившейся почти повсеместно в буржуазном обществоведении того времени. М. Блок и Л. Февр достаточно глубоко осознали, что понятия "случайность", "относительность", "вероятность" вошли в науку не как вспомогательные средства для изучения сложных процессов, а как понятия, выражающие саму природу объективной реальности. Но это осознание получило оригинальное преломление в их собственном научном поиске. Они и в данном случае не пошли за неокантианцами в сторону безбрежного релятивизма, а попытались использовать научные открытия XX в. для решения гносеологических и методологических проблем исторического знания. И хотя их поиски в этом направлении часто сопровождались издержками в пользу идеализма и субъективного релятивизма, магистральная линия этих поисков оставалась рациональной. Она определялась стремлением расширить и углубить познавательные возможности исторической науки, поставить ее на рельсы историзма, утвердить социальную значимость истории. Оптимизм, вера в историю как науку, поиски новых пластов для исследований (не случайно они назвали свой журнал "Анналы экономической и социальной истории"), стремление объединить вокруг себя способную научную молодежь и специалистов смежных дисциплин (географов, социологов, этнографов, экономистов и т. д.), наконец, значительная теоретическая работа по обоснованию новых приемов и методов исторического исследования (ретроспективный, сравнительно-исторический, метод количественного анализа и др.), расширение источниковой базы,

создание собственной исторической доктрины – все это к середине 30-х годов выдвинуло "страсбургских отшельников" на передовые рубежи французской исторической науки.

В плане позитивных результатов деятельности школы "Анналов" на первом, довоенном этапе ее развития можно было бы особо выделить научное обоснование принципа всеобъемлющей, глобальной истории, истории, охватывающей все стороны жизни людей как социальных общностей во времени. В ходе последовательной реализации этого принципа был расширен круг объектов исторического исследования, положено начало утверждению системно-функционального, синтетического метода исследования, практически осуществлена идея о междисциплинарных связях. На основе этого принципа была предпринята плодотворная попытка воссоздания целостной картины феодального общества как особой структуры. Следует также сказать о значительных достижениях в области исследований истории материальной культуры, умонастроений, социальной психологии, общего видения мира людьми разных эпох и разных социальных уровней.

Следующий этап развития школы "Анналов" связан с именем крупнейшего французского историка Фернана Броделя.

Стремление М. Блока и Л. Февра превратить историю в синтетическую науку, способную адекватно воспроизвести общую картину состояния и функционирования общества на определенном историческом этапе, имело следствием то, что среди всех методологических установок на первом плане оказалась идея холизма, или целостности, объекта исторического наблюдения. Это методологическое требование наиболее полно было реализовано в концепции "глобальной истории" Ф. Броделя, в которой нашло выражение видение объекта исторического наблюдения в форме системы связей и взаимодействий всех основных компонентов исторической действительности и стремление воссоздать эту действительность с учетом функциональных зависимостей и в ее динамическом состоянии. В русле воплощения этого основного методологического требования следует рассматривать и настойчивые усилия "Анналов" в 40 – 60-х годах осуществить широкую интеграцию "наук о человеке". В этом еще одна отличительная особенность представляемого "Анналами" научного направления. С реализацией выдвинутого еще в момент основания "Анналов" принципа междисциплинарных связей историческая наука стала превращаться из частной гуманитарной дисциплины, одной из многих, занимающихся человеком, во всеобъемлющую науку об общественном человеке. И если на французское буржуазное обществоведение сегодня нередко смотрят как

на некую "идеологическую лабораторию" Западной Европы, то заслуга в этом принадлежит в первую очередь "Анналам", которые выступили в качестве инициатора широкой интеграции социологии, экономических наук, географии, психологии, этнографии, лингвистики, истории науки и техники, а также ряда естественных наук с целью познания истины об общественном человеке в прошлом и в настоящем.

Осуществленный анализ общих представлений основателей и наиболее видных историков школы "Анналов" о социальных функциях и познавательных возможностях исторической науки, совокупности их суждений об исторических явлениях, событиях, процессах позволяет сделать заключение об общих итогах развития этого направления французской буржуазной историографии в период 30 – 60-х годов.

Наиболее важные мировоззренческие установки, которыми во многом определялись основные направления и характер исторических исследований "Анналов", формировались в русле традиций позитивистского мышления. Стремление М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя расширить социальные функции истории, вывести ее из области бесплодной эрудиции и превратить в научное знание, призванное стать важнейшим средством социального анализа современности в практических целях, их убежденность, что понять и объяснить настоящее можно лишь на основе научного знания прошлого, – все это привело их к необходимости искать способы разрешения противоречия между традиционной буржуазной картиной истории и историко-социальной реальностью. В ходе разрешения этого противоречия во французской буржуазной историографии произошло утверждение нового, структурного типа исторической рефлексии вместо основанного на эмпиризме эволюционистского способа исторического мышления. Окончательное утверждение структурного типа исторической рефлексии в период 40 – 60-х годов не означало абсолютного исключения всех остальных принципов, ранее существовавших в буржуазной историографии. Основные задачи исторического исследования включали отдельные элементы или стороны прагматического подхода, эрудиции, принципа "органического" развития, логического и диалектического методов. Однако главным и определяющим весь спектр вариаций и задач исторического исследования стал для "Анналов" структурный подход.

В результате значительного обогащения за счет всех гуманитарных наук, интеграции их наиболее рационалистических средств и методов научного познания, благодаря верности некоторым из лучших традиций французского Просвещения и отказу от

антикоммунистической схемы мышления французской историографии, представленной "Анналами", удалось приобрести довольно основательный теоретический и методологический фундамент, осуществить ряд ценных в научном отношении исследований, результатом которых стало реалистическое отображение отдельных сторон исторического процесса.

Очевидно, именно тем, что в "Анналах" оказались сконцентрированы все наиболее сильные стороны буржуазного обществоведения, и в то же время их общей реформистской позицией в отношении капитализма можно объяснить значительное воздействие этого историографического направления на методологические основы буржуазного исторического мышления в целом.

Было бы ошибочным считать, что во всех своих поисках М. Блок, Л. Февр и Ф. Бродель, как представители буржуазной исторической науки, сознательно выполняли определенный социальный заказ сильных мира сего. Нет, они по-своему, на других путях, нежели историки-марксисты, искали ответ на те грандиозные изменения в науке и обществе, которые произошли в первой половине XX в. И их поиски оказались далеко не бесплодными. По целому ряду конкретно-исторических позиций, объектам исследования, общей оптимистической вере в возможности исторической науки они объективно приближались к марксизму. Однако они так и не перешли ту принципиальную грань, которая отделяет буржуазный историзм, пусть даже и существенно обновленный, от марксизма.

В итоге историкам школы "Анналов" суждено было открыть только часть истины. Отказ от монистического, диалектико-материалистического подхода к исследованию исторического процесса не позволил им осуществить до конца принцип научного историзма, найти действительную основу целостности общества, вскрыть внутреннюю обусловленность его развития, научно объяснить принципы взаимодействия различных факторов и процессов. Концепция плюрифакторности, недооценка способа производства как основы любой социально-экономической формации, поиски "третьей позиции" (ни последовательный идеализм, ни последовательный материализм), отрицание необходимости генетического принципа при изучении процессов и явлений — вот те принципиальные моменты, которые определяли и определяют расхождения школы "Анналов" с марксизмом. В конечном счете даже самые талантливые, отличавшиеся поразительным трудолюбием и поистине фанатической преданностью науке историки школы "Анналов" объективно не вышли

за рамки эклектизма, так и не смогли при всех их усилиях создать целостную теорию исторического познания.

Отношение М. Блока и Л. Февра к марксизму было обусловлено их классовыми позициями, довлеющими над ними традициями буржуазной культуры, а также и тем, что знания о марксизме они получили большей частью из вторых рук. Представители либеральной французской интеллигенции радикального толка, воспитанной в антигерманском духе эпохи после франко-прусской войны 1870–1871 гг., они зачастую отзывались о марксизме пренебрежительно, как о "немецкой философии", что, по их понятиям, уже само по себе не могло быть предметом интереса.

Но, не принимая марксизма (это следует особо подчеркнуть), М. Блок и Л. Февр не стали воинствующими антимарксистами, и эта позиция с самого начала и вплоть до конца 60-х годов отличала школу "Анналов" от других направлений буржуазной историографии. Субъективно "отцы-основатели" "Анналов" молчаливо признали за марксистской концепцией исторического развития право на существование, что во французской науке межвоенного периода уже само по себе представляло серьезный вызов академической историографии.

"Броделевский этап" развития школы "Анналов" был отмечен более серьезным отношением к марксизму. Прежде всего Ф. Бродель гораздо более углубленно, нежели его учителя, протудировал К. Маркса, особенно его "Капитал". Более того, Ф. Бродель признал приоритет К. Маркса в конструировании "глобальной модели" развития человечества: "Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долгосрочной исторической перспективе"¹. Но Ф. Бродель искренне полагал, что Марксова "глобальная модель" — только точка отсчета, что следует пойти дальше и глубже — от анализа производительных сил и производственных отношений перейти к анализу того, что он считал основой основ, — взаимоотношений человека и природы на широком географическом ареале и длительных исторических отрезках времени. В итоге у Ф. Броделя марксистская концепция базиса оказалась второстепенной, "надстроечной" над его собственной концепцией "глобальной истории". Поскольку в число "микрособытий" этой "глобальной истории" попали и все революции ("локомотивы истории", по известному выражению К. Маркса), марксистская концепция развития человечества не вписывалась в нее и, объявленная Ф. Броделем интересной, но все же устаревшей "глобальной

моделью”, принадлежащей минувшему XIX в., была отвергнута.

Весьма знаменательно, однако, что все наиболее плодотворные результаты в деле обновления французской буржуазной исторической науки, предпринятого “Анналами”, были достигнуты не в последнее десятилетие, прошедшее под знаком открытых выступлений против марксизма в целом, а в тот период, когда “Анналы” испытали на себе известное влияние марксизма. Об этом влиянии, как уже неоднократно подчеркивалось, нельзя говорить безотносительно. Французские буржуазные историки всегда, даже в тех случаях, когда они позитивно отзывались о марксизме, воспринимали его как одну из разновидностей “академической” социальной науки. Они готовы были принять из марксизма все, по их мнению, “историко-научное”, заимствовать некоторые эвристические схемы, но никогда не воспринимали марксизма во всей его целостности, отбрасывая революционную суть и общие социально-политические концепции марксистского учения. Кроме того, и в те времена, когда “Анналы” в чем-то испытывали на себе позитивное влияние марксизма, общая направленность их развития объективно оставалась антимарксистской. Очевидно, этим и объясняется тот факт, что при всех имевших место вспышках научного озарения историкам этого направления не удалось последовательно развить и полностью воплотить в научно-исследовательскую практику многие разработанные ими же самими принципы методологического и конкретно-научного характера, не лишенные рационального содержания.

“Броделевский этап” характеризовался и еще одним важным моментом: руководимая в то время Ф. Броделем VI Секция Практической школы высших исследований выступила активной сторонницей научного сотрудничества французских и советских историков, и сам Ф. Бродель содействовал созданию постоянного франко-советского симпозиума, который с 1958 г. регулярно, раз в два года, собирается поочередно в СССР или во Франции и активными участниками которого уже более 20 лет являются историки школы “Анналов”.

Иное отношение, нежели М. Блок и Л. Февр, более заинтересованное и даже дружественное, проявил Ф. Бродель к первому в мире социалистическому государству. В предисловии к первому номеру журнала “Cahiers du monde russe et soviétique” (май 1959 г.) он писал о чувствах “дружбы и интереса по отношению к многомиллионному народу, занятому решением огромных задач”, об огромном значении контактов историков различных школ: “... откровенно высказываться, видеться, слышать

друг друга, работать сообща — это значит лучше понять друг друга...”²

Общей характерной чертой М. Блока, Л. Февра и Ф. Броделя, определявшей и позицию школы “Анналов” в целом на первых двух этапах ее развития, было явное стремление держаться в стороне от буржуазного политиканства. Ни один из них не пытался выдвинуть свою кандидатуру в парламент, не разменивался, как их постоянный антипод Раймон Арон, на статейки в “Фигаро”, не вещал по радио и телевидению. Все они ратовали за “независимость науки от политики”. Но по крайней мере одному из них — Фернану Броделю довелось дожить до того времени, когда его “чистая наука”, его “глобальная история” стараниями его же учеников стала превращаться в “чистую” политику, в “глобальную” стратегию французского антикоммунизма.

И здесь мы подходим к наиболее сложному вопросу: почему же школа “Анналов”, столь много сделавшая для обновления буржуазной исторической науки, на современном этапе вернулась “на круги своя” — к апологетическому реформизму типа дюркгеймовского и, начав с изучения социально-экономической истории, завершила отрицанием главного в ней — отрицанием исторической обусловленности и плодотворности всех революций?

В советской исторической литературе 70-х годов уже были предприняты попытки объяснить эту метаморфозу “Анналов” (А. В. Адо, А. З. Манфред, М. Н. Соколова). Правда, при этом делался акцент на хотя и чрезвычайно важный, но все же только один аспект проблемы — на реинтерпретацию истории французской буржуазной революции конца XVIII в. в направлении полного отрицания ее исторического значения (Ф. Фюре, Д. Рише). Гораздо меньше говорилось о том, что “молодые директора” новых “Анналов” с конца 60-х годов стали “отрицать” не только французскую, но и американскую буржуазную революцию конца XVIII в. (Э. Ле Руа Ладюри*), а с середины 70-х годов с позиций “серийной истории” перешли к “отрицанию” Великой Октябрьской социалистической революции (М. Ферро).

На третьем этапе “Анналов” историки этой школы, постоянно повторяя, что они идут по пути, указанному М. Блоком, Л. Февром и Ф. Броделем, на деле начали с отступлений от их “святая святых” — концепции “глобальной истории”. Прогрессивный французский историк Ж. Бувье, например, оценил этот демарш как отказ от “классической концепции” “Анналов”⁴,

* Имеется в виду статья Э. Ле Руа Ладюри “Имобильная история”, в которой речь идет и об американской революции³.

и в этом — немалая доля истины. Но не вся истина. Будучи рациональной в своей основе, концепция "глобальной истории" по мере наполнения объективным знанием, независимо от того, стремились к этому сами историки или нет, могла способствовать установлению закономерностей исторического процесса, навести на размышления о причинах качественных изменений в обществе. Дальнейшее углубление в этом направлении объективно означало бы продвижение в сторону марксизма. "Обновленцы" из современных "Анналов" усмотрели в этом серьезную опасность. С середины 60-х годов они начали фронтальную атаку одновременно и на концепцию "глобальной истории" Ф. Броделя, и на марксизм.

Мы имели возможность увидеть, какими последствиями этот демарш обернулся для представляемого "Анналами" историографического направления. Сначала наблюдалось топтание на месте, а в последние годы обозначилось и движение вспять: усилился скепсис в отношении познавательных возможностей исторической науки; оказались отброшенными многие из тех принципов, на основе которых были созданы превосходные работы по экономической, социальной истории, по демографии, по истории материальной культуры, общественной психологии; история как наука оказалась парцелированной, раздробленной на отдельные частные истории; предмет исторической науки — человек в обществе — искусственно расчленяется на *homo religiosus*, *homo economicus*, *homo politicus* и т. п.; люди, существа, "состоящие из плоти и костей, которые работают на подлинных полях, испытывают настоящие трудности" (М. Блок), превращаются в современных исследованиях в "пустые фантомы", в безвольные количества — идет активный процесс дегуманизации истории; отчетливо просматривается возрождение того самого эмпиризма, против которого с таким энтузиазмом боролись М. Блок и Л. Февр.

Хотя современный эмпиризм — это не бесхитростный эмпиризм Ш. Сеньобоса, а эмпиризм эпохи НТР, "структурный", "серийный", "биологический" и т. п., сущность его не изменилась: он по-прежнему является антиподом синтетического, монистического видения исторического процесса в целом.

Теоретическая эволюция школы "Анналов" за истекшие 50 лет еще раз подтвердила справедливость ленинского вывода: буржуазная идеология не способна дать цельную картину нашей действительности, точную формулировку действительных процессов, удовлетворять научным требованиям⁵.

Характерным для современного этапа школы "Анналов" стало быстрое выдвижение ее адептов не только на передовые рубежи "теоретического" антикоммунизма, но и на авансцену повседневной политико-пропагандистской антикоммунистической кампании — в кино и прессе, на радио и телевидении. Наиболее примечательной в этом отношении является карьера двух бывших учеников Ф. Броделя, чьи имена сегодня на Западе больше всего связывают со школой "Анналов", — Эммануэля Ле Руа Ладюри и Марка Ферро.

Первый из них — не только заведующий кафедрой в Коллеж де Франс, руководитель сектора Биологическая история и общество в Школе высших исследований в области социальных наук, член директората журнала "Анналы", но еще и активный антикоммунистический публицист-идеолог (один из авторов "Манифеста" 1978 г. так называемых "новых философов"), постоянный комментатор влиятельной буржуазной газеты "Монд", автор-ведущий популяризаторской телевизионной программы по истории, выдержанной в духе антимарксистского кредо современных "Анналов". Второй занял прочные позиции во французском документальном кино (особенно в старейшей фирме "Патэ"*), он частый гость на страницах "Монд", "Нуфель обсерватор", разного рода левацких изданий (в 1969 и 1974 гг. М. Ферро поддерживал кандидатуру троцкистского кандидата в президенты А. Кривина), его подпись стоит под многими петициями "в защиту диссидентов" в СССР и т. п.

Столь необычная для Франции "деятельность" университетской профессуры, которую обычно знают в лицо лишь студенты лекционного потока, но отнюдь не многомиллионная телевизионная аудитория, также далеко не случайна.

Общий кризис капитализма принял во Франции после майско-июньских событий 1968 г. особенно острые формы. Как отмечалось в решениях XX съезда ФКП, "это не просто конъюнктурный кризис... На карту поставлено само функционирование системы, в конечном счете сам капитализм на его нынешней стадии..."⁶. В то же время для решающей атаки на крупный капитал еще не созрели необходимые условия. "В ряде капиталистических стран, — отмечал академик Б. Н. Пономарев, — обнаруживается все больше признаков такого состояния, когда

* В частности, в 1970 г. по французскому телевидению был показан "документальный" фильм М. Ферро "Ленин", явившийся своеобразной политической рекламой к первому тому его книги "Революция 1917 года".

господствующий класс уже не в силах полностью контролировать развитие событий, а рабочий класс и его союзники еще недостаточно объединились и организовались, им еще недостает необходимой сознательности и целеустремленности для решительных совместных действий”⁷.

Изменение соотношения классовых сил во Франции проявилось прежде всего в том, что крупной буржуазии после ухода де Голля и смерти Ж. Помпиду с большим трудом удавалось проводить в президенты и депутаты парламента своих политических представителей (в 1974 г. победа В. Жискара д’Эстэна на президентских выборах была достигнута большинством всего в 1,6% голосов, а в 1978 г. на парламентских выборах правящая коалиция с трудом сумела обойти левую оппозицию на 1% голосов).

В этих условиях резко обострилась идеологическая борьба левых и правых сил. Один из воздыхателей по старым добрым временам Олара и Сеньбоса панически восклицал: ”Кажется, что у нас идет более непримиримая политическая борьба, чем где-либо еще, существует более резкая грань между правыми и левыми. Все это напоминает гражданскую войну, только без выстрелов”⁸.

В этой ”идеологической войне” старые, проверенные временем антикоммунисты начали давать ”осечку”. Прежние борбники ”технотронного общества” с его политической надстройкой в виде конвергенции капитализма и социализма как панaceи от всех социальных бурь (Д. Белл, Р. Арон, М. Дюверже) забили отбой. Р. Арон в отличие от прежнего панегирика индустриальному обществу⁹ теперь пишет: ”... я больше не верю в идею конвергенции”¹⁰, поскольку ”ни революция, ни техника не обновляют условия человеческого существования”¹¹. Ему вторит М. Дюверже¹². Сам новый президент поначалу растерян: у него нет за спиной, как у де Голля, сильной партии, нет сколько-нибудь стройной политической доктрины, адекватной хотя бы голлизму. В одном из интервью через полгода после своего избрания В. Жискара д’Эстэн с пессимизмом говорил: ”Мир несчастен. Он несчастен потому, что не знает, куда идет. Но если бы он и знал это, то ему было бы ясно, что он движется к катастрофе”¹³.

Как справедливо отмечает советский исследователь современного буржуазного реформизма во Франции Т. М. Фадеева, ”правящая коалиция в еще большей степени, чем раньше, вынуждена приспособливаться к изменившейся обстановке, идя на дальнейшие модификации тактико-стратегической линии...”¹⁴. Такая линия начинает срочно разрабатываться. Сначала формируется

практически-политическая надстройка: новый президент опирается не на конкретные партии, а на "президентское большинство" (правда, в 1978 г. создается "президентская" центристская партия Союз за французскую демократию). Затем по радио и телевидению сторонники президента призывают к созданию широкого движения демократов "по ту сторону" деления на правых и левых, стремясь возродить традиционный центризм Третьей и Четвертой республик и опираясь при этом на аполитичную французскую "глубинку" с ее житейской мудростью: "Сердце у меня слева, а бумажник – справа" .

Параллельно предпринимаются меры по "перехвату" основных требований левых сил. В 1974 г. новый министр-центрист в первом правительстве В. Жискара д'Эстэна – Ж. Леканюэ широкообъявил: "Мы отнимем у левых их программу. Мы им оставим только этатизм и коллективизм, которые нас всегда разделяют. Но в остальном, что касается благородных целей левых, я считаю их своими. Более того, я принадлежу к правительству, которое может осуществить их на деле"¹⁵.

Нельзя не признать, что массированная политическая атака 70-х годов на левые силы Франции дала определенные результаты. На призывы пойти "третьим путем" – между "классическим" капитализмом и реальным социализмом – первыми откликнулись лидеры социалистической партии. Они также начали ратовать за "идеологическую разрядку" и, подобно секретарю СФИО Ж.-П. Шевенману, заявлять: "Диалектикой единства я называю одновременный отказ от так называемой ленинской проблематики... и от старых схем социал-демократии"¹⁶. Нашлись сторонники этой линии и в рядах ФКП, в частности небезызвестный Ж. Элленштейн – историк, близкий к "обновленным" "Анналам"¹⁷.

Следует отметить, что в "теоретическое обоснование" всей этой новой по форме, но старой по содержанию антикоммунистической и антимарксистской кампании значительную лепту внесли "молодые директора" школы "Анналов". Именно они с их дегуманизированной "серийной", "квантитативной" клиометрией, биологизацией и климатологией дали этой кампании тот наукообразный "фундамент", которого так не хватало французской буржуазии середины 70-х годов.

Именно на типичном для "Анналов" тезисе об "отставании" любой идеологической системы от "серийного" развития истории основана книга В. Жискара д'Эстэна "Французская демократия", где в число "традиционных" (и стало быть, устаревших) заносится и буржуазный либерализм, и марксизм¹⁸.

Разумеется, было бы преувеличением делать вывод, что весь современный антикоммунизм во Франции базируется на теоретических построениях третьего поколения школы "Анналов". Но знаменательна сама мозаика этих антикоммунистических концепций, целиком укладывающаяся в анналовскую методичку плюрифакторности, типичную для философии эклектизма.

Если теперь посмотреть на весь пятидесятилетний путь рассматриваемого историографического направления, становится особенно очевидным, что все наиболее важные методологические мутации здесь были обусловлены, сознавали ли это сами историки или нет, необходимостью отреагировать на новую историческую реальность, возникшую после 1917 г. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, мировой революционный процесс в целом заставили буржуазную историографию постоянно пересматривать все важнейшие проблемы теории исторического знания: познавательные возможности исторической науки, ее предмет, методы научного анализа. Вполне естественно, что по мере подтверждения самой социальной практикой марксистско-ленинской концепции исторического процесса усиливается противоборство буржуазной историографии с марксизмом-ленинизмом. Так же естественно, что по мере усиления этого противоборства уменьшаются познавательные возможности буржуазной исторической науки. Марксистско-ленинская концепция исторического процесса исходит из объективных законов общественного развития, в ней воплотились величайшие достижения человеческой мысли, и в силу этого любые попытки опровергнуть ее являются несостоятельными.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Введение

1 См. Я р о ш е в с к и й М. Г. Логика развития науки и научная школа. — В кн.: "Школы в науке". М., 1977, с. 6, 28, 33, 42 — 43.

2 См. Л е Г о ф ф Ж. Существовала ли французская историческая школа "Annales". — В кн.: "Французский ежегодник 1968". М., 1970, с. 347.

3 См., например: S e w e l l W. Marc Bloch and the logic of comparative history. — "History and theory", 1967; Q u a n t i M. Il Mediterraneo tra geografia e storia nell'opera di Fernand Braudel. — "Revista Geografica", 1968, N 75; T r e v o r - R o p e r. H. R. L. Febvre. Pour une histoire à part entière. — "English Historical Review", 1964, N 79; M a n n H.-D. Lucien Febvre: La Pensée vivante d'un historien. Paris, 1971; W a g n e r F. Der historiographie Ansatz Fernand Braudels und die gegenwärtige Krise der Geschichtswissenschaft. München, 1971.

4 V o l t e s B o u P. Tendencias actuales de la historiografía. Valladolid, 1957; H a l k i n L. Eléments de critique historique. Paris, 1966; H u g h e s H. S t u a r t. The Obstructed Path: French Social Thought in the Years of Desperation, 1930 — 1960. New-York, 1968; S t o i a n o v i c h T. French Historical Method. The "Annales" Paradigm. London, 1976.

5 M a r t i n i G. Una "Geohistoria" del Mediterraneo. — "Rassegna di varia umanità", VI, Belgator, janvier 31, 1951, p. 70 — 80; S t o i a n o v i c h T. Op. cit., p. 19, 236; A n d r e w s R i c h a r d M o w e r y. The Mediterranean. — "New York Times Book Review", 1975, N 18, p. 1 — 3, 42 — 45; С е с т а н Э. История событий и история структур. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970, с. 12.

6 См. Б е р т о л ь д В. "... Голодать и повиноваться". М., 1964, с. 260, 263 — 264.

7 S i e b u r g N. O. Literaturbericht über französische Geschichte der Neuzeit. Veröffentlichungen, 1945 — 1963. — "Historische Zeitschrift", Sonderheft 2. München, 1965; S c h i e d e r T. Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung, 2. Auflage. München — Wien, 1968.

8 A r o n R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Essai sur les limites de l'objectivité historique. Paris, 1938, p. 147. В советской литературе критику философских и политических взглядов Р. Арона см., в частности: К о н И. С. Опium для интеллигенции, или Философия истории Раймона Арона. — "Вопросы философии", 1957, № 3; Ф л и т Ю. Я. Раймон Арон — социолог антикоммунизма. — "Вопросы истории", 1962, № 7; З у е в А. П. Вопреки духу времени. Некоторые проблемы теории и тактики международных отношений в работах Раймона Арона. М., 1979.

9 A r o n R. Plaidoyer pour L'Europe décadente. Paris, 1977, p. 18, 26.

10 R é v e l J.-F. La tentation totalitaire. Paris, 1976; I d e m. Ni Marx, ni Jesus. Paris, 1970.

11 M a r r o u H.-L. De la connaissance historique. Paris, 1954.

12 Les nouvelles conceptions de l'histoire. Paris, 1955.

13 R i c o e u r P. Histoire et vérité. Paris, 1955; V e y n e P. Comment on écrit l'histoire. Paris, 1971; C e r t e a u M. de. L'Absent de l'histoire. Paris, 1973.

14 B r u h a t J. Destin de l'histoire. Essai sur l'apport du marxisme aux études historiques. Paris, 1949.

15 Sève L. Méthode structurale et méthode dialectique.— "La Pensée", 1967, N 135; Godelier M. Horizons, trajets marxistes en anthropologie. Paris, 1973; Casanova A., Hincker F. Introduction.— In: Aujourd'hui, l'histoire. Paris, 1974; Vilar P. Histoire sociale et philosophie de l'histoire.— "La Pensée", 1964, N 118; Soboul A. La civilisation et la Révolution française, t. I. La crise de l'Ancien régime. Paris, 1970, p. 33 — 34.

16 Mazauric C. Sur la Révolution française. Paris, 1970; Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française.— "La Pensée", 1974, N 177.

17 Altusser L. Esquisse du concept d'histoire.— "La Pensée", 1965, N 121, p. 3 — 21.

18 Vilar P. Histoire marxiste, histoire en construction.— In: "Faire de l'histoire", t. 1. Paris, 1974, p. 194 — 199; Idem. Histoire après Marx.— "Revue de l'enseignement supérieur", 1969, N 44 — 45, p. 18 — 19; Idem. Histoire sociale et philosophie de l'histoire.— "La Pensée", 1964, N 118, p. 66.

19 Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957 (Предисловие А. Д. Люблинской); е го же. Апология истории, или Ремесло историка (далее: Апология истории). М., 1973 (Послесловие А. Я. Гуревича); Ле Руа Ладюри Эммануэль. История климата с 1000 года. Л., 1971 (Предисловие Т. В. Покровской).

20 Философия и методология истории. Сборник статей. М., 1977 (Вступительная статья и общ. ред. И. С. Кона). В книге опубл. статьи: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность; Ариес Ф. Возрасты жизни; Фюре Ф. О некоторых проблемах, поставленных развитием количественной истории.

21 См., в частности: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли (Критические очерки философии истории эпохи империализма). М., 1959; Барг М. А. Проблемы социальной истории. М., 1973; Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972; Критика современной буржуазной и реформистской историографии. Сборник статей. М., 1974; Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; Гобозов И. А. Современная французская буржуазная философия истории. М., 1978; Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979.

22 См. Барг М. А., Черняк Е. Б. Структура и развитие классово антагонистических формаций.— "Вопросы философии", 1967, № 6; Сенокосов Ю. П. Дискуссия о структурализме во Франции.— "Вопросы философии", 1968, № 6; Грецкий М. Н. Французский структурализм. М., 1971; Сахарова Т. А. От философии существования к структурализму. Критические очерки современной буржуазной философии. М., 1974; Филиппов Л. Н. Структурализм (философские аспекты).— В кн.: "Буржуазная философия XX века". М., 1974; Автормонов Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977; Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке.— "История СССР", 1976, № 5.

23 См. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979; Розовская И. И. Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX в.— "Вопросы философии", 1972, № 7; Шибтани Т. Социальная психология. М., 1969; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

24 См. Александровская О. А. Французская географическая школа конца XIX – начала XX века. М., 1972.

25 См. Хмылев Н. Н. К вопросу о соотношении историзма и структурно-функционального анализа как методов исторического познания. – В кн.: "Вопросы методологии истории и историографии", вып. 3. Томск, 1974; Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977.

26 См., в частности: Атласов Г. В. К характеристике некоторых тенденций в современной французской историографии. – В кн.: "Методологические и историографические вопросы исторической науки", вып. 1. Томск, 1967; Адо А. В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII века. – "Вопросы истории", 1973, № 4; е го же. Французская буржуазная революция и современная идеологическая борьба. – "Вопросы истории", 1973, № 5; е го же. Современные споры о Великой французской революции (историографический обзор). – В кн.: "Вопросы методологии и истории исторической науки". М., 1977; Манфред А. З. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции. – В кн.: "Французский ежегодник 1976". М., 1978; Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Афанасьев Ю. Н. Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции. – В кн.: "История и историки. Историографический ежегодник 1974". М., 1976.

27 См., например: Дилленский Г. Г. "Annales. Economies – sociétés – civilisations". Paris (Обзор французского исторического журнала). – "Вопросы истории", 1962, № 7; Атласов Г. В. К вопросу о теоретико-методологических основах современной французской историографии. – В кн.: "Вопросы историографии всеобщей истории", вып. 2. Казань, 1967; Блумену С. Ф. "Анналы" и проблемы Французской буржуазной революции конца XVIII века. – "Вестник Московского университета. История", 1978, № 3.

28 Барг М. А. Концепция феодализма в современной буржуазной историографии. – "Вопросы истории", 1965, № 1; Бессмертный Ю. Л. Изучение раннего средневековья и современность. – "Вопросы истории", 1967, № 12; Люблинская А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма. – В кн.: "Критика новейшей буржуазной историографии". Сборник статей. Л., 1967; Гутнова Е. В. Классовая борьба средневекового крестьянства (XI – XV вв.) в освещении современной французской, английской и американской медиевистики. – "Средние века", вып. 41. М., 1977.

29 Соколова М. Н. Проблемы "глобальной истории" во французской историографии. – "Вестник Академии наук СССР", 1978, № 2; е с же. Современная французская историография утопического социализма во Франции. – В кн.: "История социалистических учений". М., 1977.

30 Соколова М. Н. От попыток создания глобальной истории и субъективизму и индетерминизму (О некоторых тенденциях развития современной французской буржуазной историографии). – В кн.: "Критика современной буржуазной и реформистской историографии"; Манфред А. Некоторые тенденции зарубежной историографии. – "Коммунист", 1977, № 10.

31 См. Кон И. С., Люблинская А. Д. Труды французского историка Марка Блока. – "Вопросы истории", 1955, № 8; Иванов В. В. К характеристике идейно-методологических взглядов Марка Блока. – В кн.: "Методологические и исторические вопросы исторической науки",

вып. 3. Томск, 1965; В и д а л ь В. (Д а л и н В. М.). Люсьен Февр.— "Вестник истории мировой культуры", 1957, № 1; С о к о л о в а М. Н. Историческая теория Фернана Броделя.— В кн.: "Французский ежегодник 1972". М., 1974.

32 С м. А д о А. В., С м и р н о в В. П. Французская историография.— В кн.: "Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки" (под ред. А. В. Адо, И. С. Галкина и др.). М., 1977.

33 С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979.

34 С м. там же, с. 30, 81.

Глава первая

1 Б л о к М. Апология истории, с. 3.

2 Там же, с. 12.

3 Библиографию работ М. Блока см.: В л о с х М. *Mélanges historiques*, t. II. Paris, 1963, p. 1029 – 1108. Основные работы М. Блока: *L'Île de France: (Les Pays autour de Paris)*. Paris, 1913; *Pois et serfs: un chapitre d'histoire sarétiennne*. Paris, 1920; *Les Pois thaumaturges*. Paris, 1924; *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*. Paris, 1931; *La société féodale*, t. I – II. Paris, 1939 – 1940; *L'étrange défaite. Temoignage écrit en 1940*. Paris, 1946; *Apologie pour l'histoire ou métier d'historien*. Paris, 1949.

4 Библиография работ Л. Февра (в которую, однако, не вошли очень многие из опубликованных им рецензий, заметок и т. п.) насчитывает более 400 названий, в том числе 11 книг (см. F e b v r e L. *Combats pour l'histoire. Bibliographie choisie et méthodique*. Paris, 1953 (далее: *Combats...*), p. 439 – 518. Основные работы Л. Февра: *La Franche-Comté*. Paris, 1905; *La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire. Avec le concours de Lionel Bataillon*. Paris, 1922; *Un destin, Martin Luther*. Paris, 1928; *Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. La religion de Rabelais*. Paris, 1942; *Combats pour l'histoire*. Paris, 1953; *Pour une histoire à part entière*. Paris, 1962.

5 *Eventail de l'histoire vivante. Hommage à Lucien Febvre*, t. 1 – 2. Paris, 1953.

6 С м. Б л о к М. Апология истории, с. 7.

7 Подробнее о кризисе буржуазной исторической мысли см.: К о н И. С. *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* и др.

8 F e b v r e L. *Combats...*, p. 56.

9 F e b v r e L. *Pour une histoire à part entière*, p. 844 – 845.

10 F e b v r e L. *Combats...*, p. 56.

11 Б л о к М. Апология истории, с. 15.

12 С м., например: F e b v r e L. *Combats pour l'histoire*, p. 25.

13 F e b v r e L. *Face au vent. Manifeste des "Annales"*, nouvelles. — "Annales...", 1946, N 1.

14 Г е й н е Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 6. Л., 1958, с. 191.

15 F e b v r e L. *Combats...*, p. 29.

16 Общий обзор основных проблем революции в естествознании сделан Л. Февром, в частности, в статье "Да здравствует история" (F e b v r e L. *Combats...*, p. 11 – 33).

17 Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

18 Б л о к М. Апология истории, с. 12.

- 19 Там же, с. 29.
- 20 Febvre L. Combats., p. 27.
- 21 Ibid., p. 28 – 30.
- 22 Ibid., p. 29.
- 23 Блок М. Апология истории, с. 103.
- 24 Там же, с. 12, 14.
- 25 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 139.
- 26 Критику идеалистических философских воззрений А. Пуанкаре см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 170, 266 – 267, 308 – 310 и др.
- 27 Febvre L. Combats., p. 30 – 31.
- 28 Блок М. Характерные черты французской аграрной истории, с. 29 – 30.
- 29 Febvre L. Combats., p. 33.
- 30 См. об этом: Vila R. La Catalogne dans l'Espagne moderne. Paris, 1962, p. 12.
- 31 При характеристике французской географической школы автор опирается на работу: Александровская О.А. Указ. соч.
- 32 "Annales...", 1947, p. 374.
- 33 Febvre L. La terre et l'évolution humaine..., p. 12 – 13.
- 34 Vidal de La Blache P. Principes de géographie humaine. Paris, 1948, p. 3 – 19.
- 35 Цит. по: Александровская О.А. Указ. соч., с. 74.
- 36 См. там же, с. 74.– 75.
- 37 См. там же, с. 70.
- 38 L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961, p. 71 – 72.
- 39 При характеристике взглядов А. Берра и Э. Дюркгейма учтены, в частности, следующие работы: Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли; Таран Л. Теория "исторического синтеза" Анри Берра. – В кн.: "Французский ежегодник 1968"; Осипова Е.В. Указ. соч.; Graudel F. Hommage à Henri Berr. – "Revue de synthèse", 1964, N 35; Манн Н.-Д. Op. cit.; Duvignaud J. Durkheim. Sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie. Paris, 1965.
- 40 См. Осипова Е.В. Указ. соч., с. 28 – 29.
- 41 См. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, с. 303.
- 42 "Revue de synthèse", 3e série, 1966, N 35, p. 23.
- 43 "Annales...", 1954, p. 524.
- 44 Блок М. Апология истории, с. 13.
- 45 "Annales...", 1954, p. 524.
- 46 Верг Н. La synthèse des connaissances de l'histoire. Essai sur l'avenir de la philosophie. Paris, 1898, p. 431.
- 47 См. Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, с. 300.
- 48 Febvre L. Combats., p. 4.
- 49 Слова Л. Февра, написанные им в августе 1956 г. (цит. по: Манн Н.-Д. Op. cit., p. 19).
- 50 Подробнее об этом см.: Осипова Е.В. Указ. соч., с. 141 – 145.
- 51 "Année sociologique", 1906, N 9, p. 129.
- 52 Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев – Харьков, 1899, с. 17.
- 53 Там же, с. 99.
- 54 Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1895.
- 55 Дюркгейм Э. Указ. соч., с. 104 – 105.

56 Цит. по: Ко н И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли, с. 303.

57 "Annales...", 1936, p. 507.

58 "Annales...", 1932, p. 381 – 384.

59 Ibid., p. 383 – 384.

60 Б л о к М. Апология истории, с. 16.

61 См. там же. с. 12.

62 О французской позитивистской историографии см.: А с м у с В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М., 1933; В а й н ш т е й н О. Л. Указ. соч.; S e i g n o b o s C h. La méthode historique appliquée aux sciences sociales. Paris, 1909; В е р г Н. La synthèse en histoire. Essai critique et théorique. Paris, 1911; G l é n i s s o n J. L' historiographie française contemporaine. Tendances et réalisations. – In: "La recherche historique en France de 1940 a 1965". Paris, 1965, и др.

63 H a l p h i n L. Introduction à l'histoire. Paris, 1946.

64 L a n g l o i s C h.-V., S e i g n o b o s C h. Introduction aux études historiques. Paris, 1898 (рус. пер.: Введение в изучение истории. СПб., 1899).

65 V a l é r y P. Regards sur le monde actuel. Paris, 1931, p. 14, 27, 63 – 69.

66 См. Б л о к М. Апология истории, с. 11.

67 См. там же, с. 12.

68 Там же.

69 О развитии французской исторической мысли в XIX в. см., например: П л е х а н о в Г. В. Эстетика и социология искусства, т. 1. М., 1978; К а р е е в Н. М. Французские историки первой половины XIX века, т. 1. Л., 1924; е г о ж е. Французские историки второй половины XIX и начала XX веков, т. 2. Л., 1924; Д а л и н В. М. Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970; К у ч е р е н к о Г. С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.

70 См., например., об этом: Б о р о д а й Ю. М., К е л л е В. Ж., П л и м а к Е. Г. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. – В кн.: "Принцип историзма в познании социальных явлений"; С а л о в В. И. Указ. соч.

71 См. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки, с. 43 – 47.

72 L a n g l o i s C h.-V., S e i g n o b o s C h. Op. cit., p. 253.

73 S é e H. La division de l'histoire en périodes. – "Revue de synthèse historique", 1926, t. 62, p. 66.

74 С е н ь о б о с Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, с. 111 – 112.

75 Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 232.

76 "Revue historique", 1876, t. 1, p. 328.

77 См. Т э н И. Происхождение общественного строя современной Франции. т. 2. Новый порядок. СПб., 1907.

78 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 4, с. 296.

79 F e b v r e L. Combats..., p. 117.

80 Эти слова принадлежат Л. Февру. См. L e u i l l i o t P. Aux origines des "Annales" d'histoire économique et sociale" (1928). – In: Méthodologie de l'histoire et sciences humaines. Paris, 1971, p. 317.

81 "Annales...", 1929, p. 1.

82 F e b v r e L. Combats..., p. 402.

83 См., например: А у ж о у д ь х у и l'histoire, p. 338; L'histoire et ses méthodes, p. 850; В r a u d e l F. Écrits sur l'histoire. Paris, 1969, p. 32 – 34.

84 Из очень обширной литературы о М. Блоке и Л. Февре, изданной во Франции, назовем лишь некоторые работы: *Hommage à Marc Bloch.* — "Annales...", 1945, t. I — II; *Perrin Ch.-E. L'oeuvre historique de Marc Bloch.* — "Revue historique", 1948, t. 199, p. 199; *Stengers J. Mars Bloch et l'histoire.* — "Annales...", 1953, N 3; *Lefebvre G. Apologie pour l'histoire de Marc Bloch.* — "Revue historique", 1953, t. 210; *Eventail de l'histoire vivante. Hommage à Lucien Febvre*, t. 1 — 2. Paris, 1953; *Morazé Ch. L. Febvre et l'histoire vivante.* — "Revue historique", 1957, t. 217; *Mann H.-D. Op. cit.*; *Glénisson J. L'historiographie française contemporaine, tendances et réalisations.* — In: *La recherche historique en France de 1940 à 1965.*

85 Блок М. Апология истории, с. 14.

86 Febvre L. *La terre et l'évolution humaine...*, p. 201.

87 Febvre L. *Combats...*, p. 15.

88 *Ibid.*, p. 21.

89 *Ibid.*, p. 99 — 100.

90 Блок М. Апология истории, с. 18.

91 Febvre L. *Combats...*, p. 21.

92 Блок М. Апология истории, с. 85.

93 "Annales...", 1929, p. 58 — 59.

94 "Annales...", 1935, p. 531 — 534.

95 "Annales...", 1935, p. 538 — 563.

96 "Annales...", 1935, p. 634 — 643.

97 "Annales...", 1936, p. 44 — 48.

98 "Вопросы истории", 1965, № 1, с. 86.

99 См. Бессмертный Ю. Л. *Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII — XIII веков. По северофранцузским и западнонемецким материалам.* М., 1969, с. 321 — 322.

100 См., например, об этом: Гуревич А. Я. *Марк Блок и "Апология истории"* (Послесловие). — В кн.: Блок М. *Апология истории*, с. 203; *Люблинская Ф. Д. Предисловие к русскому изданию.* — В кн.: Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*, с. 21.

101 См. Блок М. *Апология истории*, с. 103.

102 См. там же, с. 84.

103 *Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*, t. 1 — 2. Paris, 1932; *idem. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien régime et au début de la Révolution.* Paris, 1944.

104 *Lefebvre G. La Grande Peur de 1789.* Paris, 1932.

105 Блок М. *Апология истории*, с. 104.

106 Febvre L. *Combats...*, p. 347.

107 Блок М. *Апология истории*, с. 26.

108 *Blotch M. Mélanges historiques*, t. 1. Paris, 1963, p. 14 — 15.

109 *Ibid.*, p. 12.

110 Блок М. *Апология истории*, с. 84.

111 *Le Goff J. Существовала ли французская историческая школа "Annales".* — В кн.: "Французский ежегодник 1968", с. 356.

112 Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*, с. 30.

113 Блок М. *Апология истории*, с. 19 — 20.

114 Там же, с. 20.

115 Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*, с. 30.

116 Блок М. *Апология истории*, с. 20 — 21.

117 *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 3, с. 37.

118 Б л о к М. Апология истории, с. 23.

119 Из работ советских историков по вопросам генезиса феодализма в Западной Европе см., например: материалы научной сессии "Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе". — "Средние века, вып. 31. М., 1968; У д а л ь ц о в З. В., Г у т н о в а Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970; Н е у с ы х и н А. И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. М., 1974, и др.

120 Б л о к М. Апология истории, с. 23.

121 F e b v r e L. Combats..., p. 428.

122 Наиболее важные положения "глобальной социологии" М. Мосса, и в частности концепция "тотальных социальных феноменов", изложены в его работах: Le Don. Paris, 1926; Fragment d'un plan de sociologie générale descriptive. Paris, 1934; Sociologie et anthropologie. Paris, 1950.

123 M a u s s M. Sociologie et anthropologie, p. 147.

124 L e u i l l i o t P. Op. cit., p. 318.

125 Ibidem.

126 Ibidem.

127 "Annales...", 1929, p. 73.

128 L e u i l l i o t P. Op. cit., p. 323 — 324.

129 Ibid., p. 318.

130 "Annales...", 1930, p. 67.

131 Б л о к М. Характерные черты французской аграрной истории, с. 230.

132 "Annales...", 1929, N 4.

133 "Annales...", 1948, N 3.

134 "Annales...", 1935, N 36.

135 "Annales...", 1932, N 4.

136 F r i e d m a n n G. La crise du progrès. Paris, 1936.

137 "Annales...", 1937, p. 89 — 90.

138 Histoire de la Russie des origines à 1918, t. 1 — 3. Paris, 1932.

139 F e b v r e L. Combats..., p. 70 — 74.

140 Ibid., 119 — 129.

141 C h a u n u P. Conjoncture, structure, systèmes de civilisations. — In: Conjoncture économique. Structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse. Paris, 1974, p. 26.

142 См., например: S o b o u l A. Description et mesure en histoire sociale. — In: L'histoire sociale. Paris, 1967, p. 12 — 13; V i l a r P. L'histoire après Marx. — "Revue de l'enseignement supérieur", 1969, N 44 — 45, p. 25 — 26.

143 Conjoncture économique. Structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse, p. 26.

144 F e b v r e L. Pour une histoire à part entière, p. 259 — 260.

145 S i m i a n d F. Le salaire, l'évolution sociale et la monnaie, t. 1. Paris, 1932, p. XX.

146 V i l a r P. L'histoire après Marx. — "Revue de l'enseignement supérieur", 1969, N 44 — 45, p. 25.

147 S i m i a n d F. Méthode historique et science sociale. — "Revue de synthèse historique", 1903, p. 154.

148 V i l a r P. La Catalogne dans l'Espagne moderne, p. 17.

149 Критический анализ взглядов Э. Лабрусса по этим вопросам см.: З а с т е н к е р Н. Е. Новый труд французских историков по экономической истории революции 1848 года. — "Вопросы истории", 1957, № 8.

150 L a b r o u s s e E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien régime et au début de la Révolution, t. 1; I d e m. 1848 – 1830 – 1789. Comment naissent les révolutions. – In: Actes du Congrès historique du centenaire de la Révolution de 1848. Paris, 1940; Aspects de la crise et de la dépression de l'économie française au milieu du XIXe siècle, 1848 – 1851. Etudes sous la direction de E. Labrousse. Paris, 1956.

151 См. З а с т е н к е р Н. Е. Новый труд французских историков по экономической истории революции 1848 года. – "Вопросы истории", 1957, № 8; А д о А. В., С м и р н о в В. П. Послевоенная французская историография новой и новейшей истории Франции. – "Новая и новейшая история", 1977, № 6.

152 См. S o b o u l A. Préface. G. Lefebvre (1874 – 1959). – In: L e f e b v r e G. Réflexions sur l'histoire. Paris, 1978, p. 11.

153 См. об этом: Щ е г о л е в П. Вступительная статья. – В кн.: Л е ф е в р Ж. Аграрный вопрос в эпоху террора (1793 – 1794). Л., 1936; А д о А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

154 L e f e b v r e G. Les Paysans du Nord pendant la Révolution française. Lille, 1924.

155 L e f e b v r e G. Réflexions sur l'histoire, p. 181 – 182.

156 Ibid., p. 123.

157 Ibidem.

158 См. S o b o u l A. La civilisation et la Révolution française. p. 23.

159 "Annales...", 1935, p. 621.

160 См., например: A la lumière du marxisme. Paris, 1935, p. 303; Aujourd'hui l'histoire, p. 9 – 10; B r u h a t J. Op. cit., p. 47.

161 La recherche historique en France de 1940 à 1965, p. XXII.

162 Л ю б л и н с к а я А. Д. Предисловие к русскому изданию. – В кн.: Б л о к М. Характерные черты французской аграрной истории, с. 6.

163 См. об этом мнение французских историков-марксистов: Aujourd'hui l'histoire, p. 9 – 10.

164 См. Л ю б л и н с к а я А. Д. Предисловие к русскому изданию. – В кн.: Б л о к М. Характерные черты французской аграрной истории, с. 9, 21.

165 A la lumière du marxisme.

166 Ibidem. Note de l'éditeur.

167 "Annales...", 1935, N 38.

168 "Annales...", 1935, p. 622.

169 Ibid., p. 621 – 622.

170 "Annales...", 1936, p. 507.

171 "Annales...", 1937, p. 91.

172 Karl Marx et la pensée moderne. Paris, 1937.

173 "Annales...", 1937, p. 310.

174 B l o c h M. L'étrange défaite, p. 170.

175 "Annales...", 1935, p. 620 – 621.

Глава вторая

1 См., например: К о н И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли; Д и л ь г е н с к и й Г. Г. "Annales. Economies – société – civilisations". Paris (Обзор французского исторического журнала). –

"Вопросы истории", 1962, № 7; С и р о т к и н В. Г. Новый французский журнал по истории СССР. — "История СССР", 1961, № 4.

2 См. А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч., с. 19 — 31.

3 Цит. по: Б е р т о л ь д В. Указ. соч., с. 260.

4 См. там же, с. 263.

5 См. там же, с. 375.

6 S i e b u r g Н. О. Literaturbericht über französische Geschichte der Neuzeit. Veröffentlichungen, 1945 — 1963. — "Historische Zeitschrift", Sonderheft 2. München, 1965, S. 277 — 427; S c h i e d e r T. Geschichte als Wissenschaft.

7 А г о н R. Introduction à la philosophie de l'histoire.

8 А г о н R. Introduction à la philosophie de l'histoire. Nouv. éd. Paris, 1948, p. 208 — 209, 282, 299, 362.

9 М а р р о у Н.-И. Op. cit., p. 51.

10 С h â t e l e t F. Non, l'histoire n'est pas insaisissable. — "La Nouvelle critique", 1955, N 65, p. 56 — 72.

11 Les nouvelles conceptions de l'histoire.

12 См., например: L'Histoire et ses interprétations. Entretiens autour de Arnold Toynbee. Sous la direction de Raymond Aron. Paris, 1961.

13 R i c o e u r P. Op. cit.; V e u n e P. Op. cit.; С е р т е а u M. de. Op. cit.

14 V e u n e P. Op. cit., p. 111 — 114.

15 Ibid., p. 118.

16 Подробнее о VI Секции см: П о р т а л ь Р. Изучение истории СССР во Франции. — "История СССР", 1959, № 1; Б о й ц о в В. С., С и р о т к и н В. Г. Вопросы истории советского общества в седьмом томе "Всеобщей истории цивилизации" (Париж, 1957). — "История СССР", 1959, № 6; La recherche historique en France de 1940 à 1965, p. 55 — 57.

17 См. об этом: F e b v r e L. Vingt ans après. — "Annales...", 1949, p. 3.

18 G l é n i s s o n J. L'historiographie française contemporaine. Tendances et réalisations. — In: La recherche historique en France de 1940 à 1965, p. XXII — XXV, XL.

19 С е р т е а u M. de. L'opération historique. — In: "Faire de l'histoire", t. 1.

20 Ibid., p. 9.

21 Ibid., p. 10.

22 См. М а р у ш к и н Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 20 — 23.

23 "Saturday Evening post" (Philadelphia), 1947, October, 4, p. 172.

24 "The American Historical Review" (Washington), 1958, N 3.

25 S a l o m o n J.-J., D e s m a r a i s A., D o r s t J. L'engagement social du scientifique. Montreal, 1971, p. 17 — 22.

26 "Annales...", 1958, p. 99.

27 Le Monde en devenir. Encyclopédie française, t. XX. Histoire, evolution, prospective. Paris, 1959.

28 L'histoire et ses méthodes.

29 La recherche historique en France de 1940 à 1965.

30 См. Б е р т о л ь д В. Указ. соч., с. 269.

31 В г р а u d e l F., R e n o u v i n P., S c h n e i d e r J. Les orientations de la recherche historique. — "La Revue historique", t. CCXXII, 1959.

32 S c h n e i d e r J., V i g i e r Ph. L'orientation des travaux universitaires en France. — "La Revue historique", t. CCXXV, 1961, p. 403.

33 V o l t e s B o u P. Tendencias actuales de la historiografía; H a l k i n L. Eléments de la critique historique; Q u a i n i M. Il Mediterraneo tra geografia e storia nell'opera di Fernand Braudel. — "Revista Geografica", 1968, N 75.

34 См., например: В о r n К. Е. Neue Wege der Wirtschafts- und Sozialgeschichte in Frankreich: Die Historikergruppe der K. Bosl. Der Mensch und sein Werke. Eine anthropologisch.-humanistische Deutung der Geschichte. — In: "Wego und Forschungen der Agrargeschichte. Festschrift Günther Franz. Frankfurt, 1967; W a g n e r F. Op. cit.

35 М а н n Н. -D. Op. cit.

36 См., например: S t u o r t H u g h e s H. Op. cit. T r e v o r -R o p e r H. R. L. Febvre. Pour une histoire à part entière. — "English Historical Review", 1964, N 79.

37 См. об этом: S t o i a n o v i c h Т. Op. cit., p. 42.

38 См., например: С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 66.

39 В r u h a t J. Op. cit.

40 G l é n i s s o n J. Op. cit., p. LXIII — LXIV.

41 См. С о к о л о в а М. Н. Историческая теория Фернана Броделя. — В кн.: "Французский ежегодник 1972".

42 См., например, об этом: Т о р о l s k i J. Metodologia historii. Warszawa, 1973, s. 60 — 190; S t o i a n o v i c h Т. Op. cit., p. 25 — 40.

43 S c h m i d t J. Op. cit., S. 7.

44 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 116.

45 Ibid., p. 17.

46 Ibidem.

47 B r a u d e l F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II (далее: B r a u d e l F. La Méditerranée...). Paris, 1949, p. XI.

48 Ibid, p. XV.

49 B r a u d e l F. La Méditerranée... Seconde édition revue et augmentée. Paris, 1966, t. I, p. 11.

50 B r a u d e l F. La Méditerranée... (1949), p. XII.

51 B r a u d e l F. La Méditerranée... (1966), t. II, p. 520.

52 C h a u n u P. Histoire science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. Paris, 1974, p. 57.

53 "La Pensée", 1973, N 169, p. 142 — 144.

54 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 108.

55 Ibid., p. 118.

56 D u v e r g e r M. Méthodes des sciences sociales. Paris, 1964, p. 15, 17, 343.

57 Цит по: С a l l o t E. Ambiguïtés et antinomies de l'histoire et de sa philosophie. Paris, 1962, p. 9.

58 Ibid., p. 9 — 10.

59 Traité de sociologie. Publié sous la direction de G. Gurvitch, t. 1 — 2. Paris, 1959 — 1960.

60 D u v e r g e r M. Op. cit., p. 343 — 344.

61 См., например: "La Revue française de Sociologie", 1966, N VII, p. 3 — 13; "La Pensée", 1973, N 169, p. 144.

62 G u r v i t c h G. La vocation actuelle de la sociologie. Paris, 1968, p. 12 — 13.

63 Ibid., p. 73 — 117.

64 Ibid., p. 70.

65 Ibid., p. 71 — 72.

- 66 G u r v i t c h G. Déterminismes sociaux et liberté humaine. Paris, 1955, p. 37.
- 67 G u r v i t c h G. La vocation actuelle de la sociologie, p. 57 – 58.
- 68 G u r v i t c h G. Déterminismes sociaux et liberté humaine, p. 42.
- 69 C u r v i t c h G. La vocation actuelle de la sociologie, p. 61.
- 70 Ibid., p. 10.
- 71 При анализе взглядов Ф. Броделя на предмет исторической науки учтены главным образом следующие его работы: *La Méditerranée...* Paris, 1949 (2-е éd. revue et augmentée, t. 1 – 2. Paris, 1966); *Position de l'histoire en 1950. Leçon inaugurale au Collège de France.* – In: "Écrits sur l'histoire"; *Histoire et sciences sociales. La longue durée.* – "Annales...", 1958, N 4; G u r v i t c h G. *Histoire et sociologie.* – In: "Traité de Sociologie", t. 1; *L'apport de l'histoire des civilisations.* – In: "Le Monde en devenir". *Encyclopédie française...*, t. XX, Paris, 1959.
- 72 Б л о к М. Апология истории, с. 16.
- 73 F e b v r e L. Combats., p. 424 – 425.
- 74 B r a u d e l F. Pour une histoire sérielle. Séville et Atlantique (1504 – 1650). – "Annales...", 1963, p. 543.
- 75 B r a u d e l F. *La Méditerranée...* (1966), t. 1, p. 12.
- 76 B r a u d e l F. *Écrits sur l'histoire*, p. 102.
- 77 Ibidem.
- 78 B r a u d e l F. *Civilisation matérielle et capitalisme (XV-e – XVIIIe siècle)*, t. I. Paris, 1967, p. 437.
- 79 B r a u d e l F. Introduction générale à la collection "Destins du monde". – In: V a r a g a s A. *L'Homme avant l'Écriture*. Paris, 1959, p. IX.
- 80 Ibid., p. X.
- 81 B r a u d e l F. *Écrits sur l'histoire*, p. 30.
- 82 Ibid., p. 105.
- 83 Ibid., p. 23.
- 84 Ibid., p. 24.
- 85 Б л о к М. Апология истории, с. 82.
- 86 B r a u d e l F. *La Méditerranée...* (1966), t. II, p. 519.
- 87 См. А с м у с А. Ф. Маркс и буржуазный историзм, с. 108 – 109.
- 88 B r a u d e l F. *Écrits sur l'histoire*, p. 21.
- 89 G u r v i t c h G. Déterminismes sociaux et liberté humaine, p. 39.
- 90 B r a u d e l F. *Écrits sur l'histoire*, p. 78 – 79.
- 91 См. об этом, например: Б а р г М. Н. Вопросы метода в современной буржуазной историографии. – "Вопросы истории", 1972, № 9, с. 72 – 73. Иную по сравнению с М. Н. Баргом оценку теории "социального времени" дает М. Н. Соколова (см. С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 109).
- 92 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 4, с. 134.
- 93 См. B r a u d e l F. *La Méditerranée...* (1949), p. 1093 – 1094.
- 94 B r a u d e l F. *La Méditerranée...* (1960), t. II, p. 518.
- 95 B r a u d e l F. *L'apport de l'histoire des civilisations.* – In: "Le Monde en devenir. *Encyclopédie française*", t. XX, p. 20, 12, 10.
- 96 Ibid., p. 20. 10. 15. – 20. 12. 4; 20. 12. 6.
- 97 Ibid., p. 20. 12. 7.
- 98 Ibidem.
- 99 Ibidem.
- 100 B r a u d e l F. *La Méditerranée...* (1966), t. II, p. 517 – 518.
- 101 B r a u d e l F. *Le monde contemporain*. Paris – Berlin, 1963, p. 165.

- 102 G o b l o t J.-J., P e l l e t i e r A. Matérialisme historique et histoire des civilisations. Paris, 1969.
- 103 B r a u d e l F. L'apport de l'histoire des civilisations. — In: "Le Monde en devenir. Encyclopédie française", p. 20. 12. 10.
- 104 B r a u d e l F. Le temps de l'histoire. — In: "Écrits sur l'histoire", p. 24.
- 105 B r a u d e l F. L'apport de l'histoire des civilisations. — In: "Le Monde en devenir. Encyclopédie française", p. 20. 12. 10. — 20. 12. 11.
- 106 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 52.
- 107 Histoire et sciences sociales. La longue durée. — "Annales...", 1958, N 4.
- 108 См. *Философия и методология истории*.
- 109 P e l l e t i e r A. La notion de civilisation. — "La Pensée", 1966, N 125, p. 32.
- 110 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 107.
- 111 Ibid., p. 99.
- 112 См. *Б а р г М. А. Освещение межформационных кризисов в современной западной историографии*. — В кн.: "Критика современной буржуазной и реформистской историографии", с. 23 — 49.
- 113 М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 1, с. 416.
- 114 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 99 — 101.
- 115 Ibid., p. 114.
- 116 Ibid., p. 108.
- 117 Ibid., p. 109.
- 118 Ibidem.
- 119 B r a u d e l F. La Méditerranée... (1966), t. II, p. 515.
- 120 См. *С е с т а н Э. Указ. соч.*, с. 11 — 12.
- 121 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 20 — 21.
- 122 B r a u d e l F. Civilisation matérielle et capitalisme, p. 12.
- 123 См. *П о р ш н е в Б. Ф. Феодализм и народные массы*. М., 1964; *С к а з к и н С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века*. М., 1968; *Б о р о д а й Ю. М., К е л е В. Ж., П л и м а к Е. Г. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма*. — В кн.: "Принцип историзма в познании социальных явлений"; *Ч и с т о з в о н о в А. Н. Историческое место XVI века в процессе генезиса капитализма в Европе*. — "Средние века", вып. 38. М., 1975.
- 124 B r a u d e l F. Civilisation matérielle et capitalisme, p. 436.
- 125 Ibid., p. 437.
- 126 Ibid., p. 436.
- 127 Ibid., p. 137.
- 128 B r a u d e l F. Écrits sur l'histoire, p. 80. См. также: *С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография*, с. 105.
- 129 A l t h u s s e r L. Esquisse du concept d'histoire. — "La Pensée", 1965, N 121, p. 3 — 21.
- 130 См., например, об этом: *П о р ш н е в Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVIII в.* М., 1970; *е г о ж е. Исторические интересы Маркса в последние годы жизни и работа над "Хронологическими выписками"*. — В кн.: "Маркс-историк". М., 1968.
- 131 См. *Г а л а к т и о н о в И. В., Э п ш т е й н А. Д. О синхронизации как методе исторического познания*. — В кн.: "Исторический сборник", вып. 6. Саратов, 1977.
- 132 B r a u d e l F. Civilisation matérielle et capitalisme, p. 435.

- 133 B r a u d e l F. Ecrits sur l'histoire, p. 26 – 31.
- 134 Ibid., p. 29.
- 135 Ibid., p. 53, 54; i d e m. Civilisation matérielle et capitalisme, p. 434.
- 136 Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 636 (примечание).
- 137 С э в Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976, с. 216.
- 138 См. С е с т а н Э. Указ. соч., с. 11, 18 – 19.
- 139 Там же, с. 12.
- 140 См. там же.
- 141 L e f o r t C. Histoire et sociologie dans l'oeuvre de Fernand Braudel. – "Cahiers Internationaux de sociologie", vol. XIII, 1952, p. 123 – 124.
- 142 V i l a r P. Histoire marxiste, histoire en construction. – In: "Faire de l'histoire", t. 1, p. 194 – 199; i d e m. Histoire après Marx. – "Revue de l'enseignement supérieur", 1969, N 44 – 45, p. 18 – 19; i d e m. Histoire sociale et philosophie de l'histoire. – "La Pensée", 1964, N 118, p. 66.
- 143 S o b o u l A. La civilisation et la Révolution française, t. 1, p. 33 – 34.
- 144 P e l l e t i e r A. La notion de civilisation. – "La Pensée", 1966, N 125, p. 27 – 28, 30 – 33.
- 145 См. А д о А. В., С м и р н о в В. П. Послевоенная французская историография новой и новейшей истории Франции. – "Новая и новейшая история", 1977, № 6, с. 153.
- 146 F e b v r e L. Pour une histoire à part entière, p. 350 – 366.
- 147 Об отношении Ф. Броделя к марксизму см. также: С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 106 – 107.
- 148 См. М а н ф р е д А. Некоторые тенденции зарубежной историографии. – "Коммунист", 1977, № 10.
- 149 V i l a r P. Problèmes théoriques de l'histoire économique. – In: Aujourd'hui l'histoire, p. 121.
- 150 См., например: Б а р г М. А. Проблемы социальной истории, с. 19 – 22; А д о А. В., С м и р н о в В. П. Послевоенная историография новой и новейшей истории Франции. – "Новая и новейшая история", 1977, № 6, с. 153; С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 106 – 107.
- 151 С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 105.
- 152 Там же, с. 81.
- 153 A r o n R. La philosophie de l'histoire. – In: "L'activité philosophique contemporaine", t. 2. Paris, 1950, p. 339 – 340.
- 154 См. "Вопросы истории", 1962, № 7.
- 155 F e b v r e L. Combats..., p. 19 – 20.
- 156 M a n d r o u R. Pour une histoire de la sensibilité. – "Annales...", 1959, N 3; D u p r o n t A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. – "Annales...", 1961, N 1; L e v y - V a l e n s i. Histoire et Psychologie. – "Annales...", 1965, N 5; B e s a n ç o n A. Vers une histoire psychanalytique. – "Annales...", 1962, N 3, 4.
- 157 L e R o y L a d u r i e E. Histoire et climat. – "Annales...", 1959, N 1; G r e m a s H. J. Histoire et linguistique. – "Annales...", 1958, N 1; B a r t h e s R. Histoire et sociologie de vêtement. – "Annales...", 1957, N 3.
- 158 G u r v i t c h G. Continuité et discontinuité en histoire et en sociologie. – "Annales...", 1957, N 1.
- 159 L a n é t r i - L a u r a B. Y. Histoire et structure dans la connaissance de l'homme. – "Annales...", 1967, N 4.
- 160 L e G o f f J. Temps de l'église et temps du marchand. – "Annales...", 1960, N 3.

161 D u b y G. La féodalité? Une mentalité médiévale.— "Annales...", 1959, N 4.

162 F l a n d r i n J.-L. Sentiments et civilisations: Sondage au niveau des titres d'ouvrages.— "Annales...", 1965, N 5.

163 "Annales...", 1972, N 4 — 5.

164 См., например: "Annales...", 1957, p. 442 — 454.

165 C o u t u r i e r M. Recherches sur les structures sociales de Châteaundun. 1525 — 1789. Paris, 1969.

166 B l o c h M. Mélanges historiques, t. I, p. 3 — 15.

167 C h a u n u H u g u e t t e et P i e r r e. Séville et l'Atlantique, 1504 a 1650, t. 1 — 12. Paris, 1955 — 1960; C h a u n u P. Le Pacifique des Ibériques, t. 1 — 2. Paris, 1960 — 1966; C h e v a l i e r F. La formation des grands domaines du Mexique. Terre et Société aux XVI et XVII siècles. Paris. 1952; M a u r o F. Le Portugal et l'Atlantique au XVII siècle (1570 — 1670). Paris, 1960.

168 Histoire générale des civilisations, t. 1 — 7. Paris, 1952 — 1956.

169 См. Общее предисловие к изданию "Всеобщей истории цивилизаций", написанное М. Крузе (C r o u z e t M. Préface générale à l'histoire générale des civilisations.— In: "L'Orient et la Grèce antique, t. 1. Paris, 1953). Рецензию на VII том этого издания см.: "История СССР", 1959, № 6.

170 P e l l e t i e r A., G o b l o t J.-J. Matérialisme historique et histoire des civilisations. Paris, 1969.

171 В качестве примеров исследований на локальные темы можно назвать следующие работы: D u b y G. La société aux XIe et XIIe siècles dans le région mâconnaise. Paris, 1953; G o u b e r t P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle. Paris, 1960; B a e h r e l R. Une croissance: la Basse Provence rurale (fin XVIe siècle — 1789). Paris, 1961, D u p e u x G. Aspects de l'histoire sociale et politique du Loir-et-Cher. 1848 — 1914. Paris, 1962; L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1 — 2. Paris, 1966; C o u t u r i e r M. Op. cit.

172 L e G o f f J. La civilisation de l'Occident médiéval. Paris, 1965; Histoire économique et sociale de la France. Dirigée par F. Braudel et L. Labrousse. Paris, 1970; Histoire de la France rurale. Sous la direction de G. Duby et A. Wallon, t. 1 — 3. Paris, 1975.

173 Кроме тех работ по социально-экономической истории, которые уже были названы в связи с исследованиями на региональные и локальные темы, укажем дополнительно на следующие: D i o n R. Histoire de la vigne et du vin en France, des origines au XIXe siècle. Paris, 1959; G o u b e r t P. Familles marchandes sous l'Ancien régime: Les Danses et les Mottes de Beauvais. Paris, 1959; M e u v r e t J., B a u l a n t M. Prix des céréales extraits de la Mercuriale de Paris (1520 — 1698), t. 1 — 2. Paris, 1960 — 1962; i d e m. Etudes d'histoire économique. Paris, 1971; V o v e l l e M. Problèmes méthodologiques posés par l'utilisation des sources de l'Enregistrement, dans une étude de structure sociale.— In: "Bulletin de la section d'Histoire moderne et contemporaine (depuis 1610)". Paris, 1961; D a u m a r d A. Les relations sociales à l'époque de la Monarchie constitutionnelle d'après les registres de mariage. Paris, 1957; D a u m a r d A., F u r e t F. Structures et relations sociales à Paris au milieu du XVIIIe siècle. Paris, 1961; D u b y G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval, t. 1 — 2. Paris, 1962; B o u v i e r J., F u r e t F., G i l l e t M. Le mouvement du profit en France au XIXe siècle. Paris, 1965.

174 C h a u n u P. Conjoncture, structure, systèmes de civilisations.— In: "Conjoncture économique. Structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse", p. 27 — 28.

175 L a b r o u s s e E. 1848 – 1830 – 1879. Comment naissent les révolutions.— In: Actes du Congrès historique du centenaire de la Révolution de 1848, p. 4 – 8. См. также рецензию Н. Е. Застенкера на это издание: "Вопросы истории", 1957, № 8.

176 B o u v i e r J. Histoire sociale et histoire économique.— In: "L'histoire sociale", p. 242 – 244.

177 G o u b e r t P. Op. cit.; R e i n h a r d M., A r m e n g a u d A. Histoire générale de la population mondiale. Paris, 1961; C o u t u r i e r M. Op. cit.; A r i è s P h. Histoire de la population française. Paris, 1971; B u r g u i è r e A. L'Ancien régime démographique: Un modèle? Nue stratégie?— In: "Méthodologie de l'Histoire et des sciences humaines. Mélanges en l'honneur de F. Braudel". Paris, 1972.

178 L'histoire sociale, p. 156 – 167.

179 Le Monde en devenir. Encyclopédie française, t. XX, p. 20, 18, 1.

180 V i l a r P. Histoire sociale et philosophie de l'histoire.— "La Pensée", 1964, 118, p. 70.

181 M o u s n i e r R., L a b a t u t J.-P., D u r a n d Y. Problèmes de stratification sociale. Deux cahiers de la noblesse. 1649 – 1651. Paris, 1965, p. 7 – 9; L'histoire sociale, p. 26 – 30.

182 См. об этом: P o r c h n e v B. Le vrai "Grand siècle"; Les soulèvements populaires en France avant la Fronde.— "La Pensée", 1952, N 40 – 41; M o u s n i e r R. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde.— "Revue d'histoire moderne et contemporaine", avril – juin 1958; Л ю б л и н с к а я А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма.— В кн.: "Критика новейшей буржуазной историографии".

183 См., например, об этом: S o b o u l A. Description et mesure en histoire sociale.— In: "L'histoire sociale"; M a n d r o u D. Les soulèvements populaires et la société française du XVIIe siècle.— "Annales...", 1959, N 4.

184 C r o u z e t F. Croissances comparées de l'Angleterre et de France au XVIIIe siècle.— "Annales...", 1966, p. 254 – 299.

185 "Annales...", 1966, p. 254 – 255.

186 См. M а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 6, с. 115.

187 См. там же.

188 "Annales...", 1966, p. 172.

189 "Annales...", 1966, p. 291.

190 См., например, об этом: Принцип историзма в познании социальных явлений, с. 84 – 90.

191 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien. Paris, 1973, p. 29.

192 B a e h r e l R. Op. cit.

193 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1.

194 См. рецензию Я. Д. Серовайского на эту книгу: Средние века, вып. XVIII. М., 1960.

195 См., например: D u b y G. Le temps des cathédrales. L'art et la société 980 – 1420. Paris, 1976; i d e m. Guerriers et paysans. VII – XIIe siècles. Premier essor de l'économie européenne. Paris, 1973.

196 D u b y G. Histoire sociale et idéologie des sociétés.— In: "Faire de l'histoire", t. 1, p. 148.

197 M e y e r s o n I. Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris, 1948; V e r n a n t J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. Etudes de psychologie. Paris, 1965.

198 См. об этом: А н ц ы ф е р о в а Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974, с. 190 – 219.

199 См., например: F e b v r e L. Méthodes et solutions pratiques. Henri Wallon et la psychologie appliquée.— "Annales...", 1931, N 3; i d e m. Une gigantesque fausse nouvelle: la Grande Peur de juillet 89.— "Revue de synthèse", 1933, N 1; i d e m. Une vue d'ensemble. Histoire et psychologie.— In.: Encyclopédie française, t. VIII. Paris, 1938; i d e m. Un psychologue: Charles Blondel.— In: F e b v r e L. Combats...

200 F e b v r e L. Combats..., p. 236.

201 F e b v r e L. Un destin, Martin Luther.

202 L'histoire et ses méthodes, p. 941.

203 Aujourd'hui l'histoire, p. 230.

204 B e s a n ç o n A. Le tsarevitch immolé. La sytbolique de la loi dans la culture russe. Paris, 1967.

205 См., например: B e s a n ç o n L. L'inconscient: l'épisode de la prostituée dans Que faire? et dans le Sous-sol.— In: "Faire de l'histoire", t. 3.

206 B e s a n ç o n A. Le court Traité de soviétologie à l'usage de autorités civiles, militaires et religieuses. Paris, 1976.

207 D u b y G. Histoire des mentalités.— In: "L'histoire et ses méthodes", M a n d r o u R. Introduction à la France moderne (1500 — 1640). Essai de psychologie historique. Paris, 1961; i d e m. Magistrat et sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie historique. Paris, 1968; L e G o f f J. La civilisation de l'Occident médiéval; A r i è s Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1960.

208 M a n d r o u R. Introduction à la France moderne, p. 366.

209 Aujourd'hui l'histoire, p. 211.

210 D u b y G. Histoire sociale et idéologie des sociétés.— In: "Faire de l'histoire", t. 1, p. 147 — 149.

211 См. Л е Г о ф ф Ж. Существовала ли французская историческая школа "Annales".— В кн.: "Французский ежегодник 1968", с. 357.

212 С э в Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 39.

213 О взглядах советских историков и психологов по этим вопросам — см., например: П а р ы г и н Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1965; История и психология (под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой). М., 1971; П о р ш н е в Б. Ф. Социальная психология и история.

Глава третья

1 * "Annales...", 1959, N 1.

2 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien, p. 417.

3 F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique.— "Annales...", 1971, N 1, p. 71.

4 C h a u n u P. Histoire science sociale, p. 82.

5 S e r t a u M. d e. L'opération historique.— In: "Faire de l'histoire", p. 27.

6 Подробнее об этом см.: Б у н и н И. М. Буржуазия в современном французском обществе. Структура, психология, политические позиции. М., 1978.

7 См. Городские средние слои современного капиталистического общества. М., 1963; П е с ч а н с к и й В. В. Служащие в буржуазном обществе (на примере Англии). М., 1975; Западная Европа в современном мире, т. 1 — 2. М., 1979.

8 См. С э в Л. О структурализме. — "Проблемы мира и социализма", 1971, № 5, с. 84; А р с е н ь е в Э. А. Франция: проблемы и политика. Очерки о социально-политической жизни. М., 1978.

9 Из многочисленных публикаций по проблемам структурализма в исторической науке, появившихся во Франции в 60-х годах, укажем на следующие: Sens et usage du terme "structure" dans les sciences humaines et sociales. S.-Gravenage, 1962; Problèmes du structuralisme. — "Les Temps modernes", 1966, N 246; K r i e g e l A. Structuralisme et histoire. — "Annales...", 1964, N 2; P i a g e t J. Le structuralisme. Paris, 1968.

10 S è v e L. Méthode structurale et méthode dialectique. — "La Pensée", 1967, N 135; G o d e l i e r M. Op. cit.; A l t h u s s e r L. Esquisse du concept d'histoire. — "La Pensée", 1965, N 121; C a s a n o v a A., H i n c k e r F. Introduction. — In: "Aujourd'hui, l'histoire"; V i l a r P. Histoire sociale et Philosophie de l'histoire". — "La Pensée", 1964, N 118.

11 Цит. по: Г р е ц к и й М. Н. Марксистская философская мысль во Франции. М., 1977, с. 123.

12 См. Г р е ц к и й М. Н. Французский структурализм; С а х а р о в а Т. А. Указ. соч.; Ф и л и п п о в Н. Л. Структурализм. — В кн.: "Буржуазная философия XX века"; А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч.

13 См., например: Б а р г М. А. Структурный анализ в историческом исследовании. — "Вопросы философии", 1964, № 10; Б а р г М. А., Ч е р н я к Е. Б. Структура и развитие классово антагонистических формаций. — "Вопросы философии", 1967, № 6; Д а н и л о в А. К вопросу о методологии исторической науки. — "Коммунист", 1969, № 5; Структурализм: "За" и "против". Сборник статей. М., 1975; И в а н о в В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976; Ж у к о в Е. М., Б а р г М. А., Ч е р н я к Е. Б., П а в л о в В. И. Указ. соч.

14 См. "История СССР", 1976, № 5.

15 L e R o y J a d u r i e E. L'histoire immobile. — "Annales...", 1974, p. 676.

16 F r i e d m a n n G. Sciences sociales et sociologie du travail. — "Annales...", 1961, p. XVI.

17 См. К о в а л ь ч е н к о И. Д., С и в а ч е в Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — "История СССР", 1976, № 5, с. 67.

18 См. Критика современной буржуазной и реформистской историографии, с. 26 — 27.

19 Там же, с. 191.

20 См. А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч., с. 18.

21 См. К о в а л ь ч е н к о И. Д., С и в а ч е в Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — "История СССР", 1976, № 5, с. 66.

22 См. А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч., с. 53.

23 См. Ф и л и п п о в Л. Н. Структурализм. — В кн.: "Буржуазная философия XX века", с. 136, 138.

24 См. А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч., с. 31 — 47; Ф и л и п п о в Л. Н. Структурализм. — В кн.: "Буржуазная философия XX века", с. 142 — 145.

25 См. К о в а л ь ч е н к о И. Д., С и в а ч е в Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке. — "История СССР", 1976, № 5, с. 66 — 68.

26 А в т о н о м о в а Н. С. Указ. соч., с. 9.

27 См. Б л а у б е р г И. В., Ю д и н Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 150 — 151.

- 28 См. Филиппов Л. Н. Структурализм.— В кн.: "Буржуазная философия XX века", с. 140 — 141, 148 — 152.
- 29 См. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Указ. соч., с. 150 — 151.
- 30 См. Грецкий М. Н. Марксистская философская мысль во Франции, с. 121 — 122.
- 31 Braudel F. Les "Nouvelles" Annales.— "Annales...", 1969, p. 1.
- 32 Fevrière L. Combats., p. 1213.
- 33 См. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972, с. 463 — 495; Rouanet P. Pompidou. Paris, 1969; Сироткин В. Г. Франция в середине 70-х годов. М., 1976.
- 34 "Annales...", 1971, N 2.
- 35 "Annales...", 1976, N 2.
- 36 Le Roy Ladurie E. L'histoire immobile.— "Annales...", 1974, N 3, p. 674.
- 37 Faire de l'histoire, t. 1 — 3.
- 38 Méthodologie de l'histoire et des sciences humaines. Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel, t. 1 — 2. Toulouse, 1973.
- 39 Conjoncture économique. Structures sociales. Hommage à Ernest Labrousse.
- 40 Morazé Ch. La logique de l'histoire. Paris, 1967; Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien; Chaunu P. Histoire science sociale.
- 41 Touraine A. La société post-industrielle (naissance d'une société). Paris, 1969.
- Критику философии "новых левых" (а некоторые из "молодых директоров" обновленных "Анналов" — Э. Ле Руа Ладюри, М. Ферро и др. — стояли в 1968 г. рядом с ними) см., в частности: Баталов Э. Я. Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М., 1973; Янаев Г. И., Поликанов А. А. Возмущение. Вопросы теории и практики современного международного молодежного движения. М., 1973; Салычев С. С. "Новые левые": с кем и против кого. М., 1972; "Левое студенческое движение в странах капитала". М., 1976.
- 42 Chouaу F. L'histoire et méthode en urbanisme.— "Annales...", 1970, N XXV; L'Enquête sur bâtiment, dirigée par P. Chaunu. Paris, 1971.
- 43 Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 53 — 76; La civilisation végétale. Paris, 1966.
- 44 Histoire générale des techniques. Sous la direction de M. Dumas, t. 1 — 4. Paris, 1963 — 1968; Gille B. Les Ingénieurs de la Renaissance. Paris, 1964; idem. Les Origines de la civilisation technique. Paris, 1968.
- 45 Foucault M. Naissance de la clinique. Paris, 1963; Pater J.-P. Le corps du délit.— "Nouvelle Revue de psychanalyse", 1971, N 3; Goubert P. Malades et médecins en Bretagne. 1770 — 1790. Paris, 1974; Giraud J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. Paris — La Haye, 1975.
- 46 См. Соколова М. Н. Современная буржуазная историография, с. 296.
- 47 Histoire quantitative de l'économie française. Publ. sous la direction de J. Marczewski, t. 1 — 12. Paris, 1961 — 1973.
- 48 Villar P. Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens.— "Histoire quantitative ou économétrie rétrospective? — "Revue historique", 1965, t. CCXXXIII.
- 49 Marczewski J. Introduction à l'histoire quantitative. Genève, 1965, p. 11 — 15, 29 — 33.

- 50 C h a u n u P. L'histoire sérielle. Bilan et perspectives. — "Revue roumaine d'histoire", 1970, N 3, p. 463; F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique. — "Annales...", 1971, p. 64.
- 51 F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique. — "Annales...", 1971, p. 65.
- 52 Ibid., p. 71.
- 53 C h a u n u P. L'histoire sérielle. Bilan et perspectives. — "Revue roumaine d'histoire", 1970, N 3, p. 472.
- 54 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien, p. 14 — 15.
- 55 Aujourd'hui, l'histoire, p. 12.
- 56 F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique. — "Annales...", 1971, p. 71.
- 57 Faire de l'histoire, t. 1, p. 23, 29.
- 58 C h a u n u P. Histoire science sociale, p. 81.
- 59 Ф ю р е Ф. О некоторых проблемах, поставленных развитием количественной истории. — В кн.: "Философия и методология истории". М., 1977.
- 60 F u r e t F. Sur quelques problèmes posés par le développement de l'histoire quantitative (цит. по: Философия и методология истории, с. 259).
- 61 F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique. — "Annales...", 1971, p. 72.
- 62 S t o i a n o v i c h T. French Historical Method. The Annales Paradigm, p. 97 — 100.
- 63 М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 52.
- 64 Aujourd'hui, l'histoire, p. 13.
- 65 V i l a r P. Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens. — "Revue historique", 1965, t. CCXXXIII, p. 308.
- 66 C h a u n u P. Histoire science sociale, p. 82.
- 67 F u r e t F. L'histoire quantitative et la construction du fait historique. — "Annales...", 1971, p. 75.
- 68 D u b y G. Guerriers et paysans. VII — XIIIe siècles. Premier essor de l'économie européenne.
- 69 М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 2, с. 102.
- 70 C h a u n u H u g u e t t e e t P i e r r e. Séville et l'Atlantique de 1504 à 1650, t. 1 — 12.
- Из других работ П. Шоню можно назвать: Les Philippines et le Pacifique des îles Ibériques XVI — XIIIe siècles. Paris, 1960; L'Amérique et les Amériques. Paris, 1964; La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1970; La civilisation de l'Europe des Lumières. Paris. 1971.
- 71 B r a d e l F. Pour une histoire sérielle. Séville et l'Atlantique. 1504 — 1650. — "Annales...", 1963, p. 542.
- 72 Ibid., p. 543 — 545.
- 73 C h a u n u P. Histoire science sociale.
- 74 C h a u n u P. De l'histoire à la prospective. Paris, 1975 (см. рецензию Г. Н. Новикова на эту книгу: "Вопросы истории", 1977, № 1).
- 75 C h a u n u P. Histoire science sociale, p. 95.
- 76 Ibid., p. 82 — 98.
- 77 Ibid., p. 83 — 84, 97 — 98; C h a u n u P. De l'histoire à la prospective, p. 42 — 43, 212, 286 — 324.
- 78 C h a u n u P. Histoire science sociale, p. 86.
- 79 См. "L'Arc", 1976, N 65; "Nouvell Observateur", 1973, N 473.
- 80 "Le Monde", 27 janvier 1978.

Отповедь группы советских ученых этому "манифесту" см.: "Литературная газета", 29 марта 1978 г. См. также: С о к о л о в а М. Н. Современная французская историография, с. 284 – 285.

81 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1 – 2; i d e m. L'Histoire du climat depuis l'an 1000. Paris, 1967; i d e m. Le territoire de l'historien; i d e m. Montailhou, village occitan, de 1924 à 1324. Paris, 1975.

82 Рецензии на отдельные работы Э. Ле Руа Ладюри см.: Л ю б л и н с к а я А. Д., М а л о в В. Н. Le Roy Ladurie. – "Les Paysans de Languedoc". – "Средние века", вып. 34. М., 1971; С h a u n u P. Le Climat et l'histoire. A propos d'un livre récent. – "Revue historique", 1967, t. CCXXXIII.

83 "Annales...", 1974, p. 677 – 678.

84 L e R o y L a d u r i e E. L'Histoire du climat depuis l'an 1000, p. 19.

85 L e R o y L a d u r i e E. L'Histoire et climat. – "Annales...", 1959, p. 34.

86 L e R o y L a d u r i e E. L'Histoire du climat depuis l'an 1000, p. 5.

87 С h a u n u P. Climat et histoire. – "Revue historique", t. CCXXXVIII, 1967, p. 368.

88 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien, p. 514.

89 L é v i - S t r a u s s C l. La pensée sauvage. Paris, 1962, p. 173.

90 Ibid., p. 124.

91 С э в Л. Марксизм и теория личности, с. 561.

92 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 633.

93 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien, p. 19, 31; i d e m. L'histoire immobile. – "Annales...", 1974, N 3.

94 L e R o y L a d u r i e E. Le territoire de l'historien, p. 19.

95 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 634 – 638.

96 F u r e t F. Histoire quantitative et la construction du fait historique. – "Annales...", p. 73.

97 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 654.

98 M a r c z e w s k i J. Histoire quantitative. Buts et méthodes. – "Cahiers de Science économique appliquée", 1961, N 115, p. XXXVI.

99 F u r e t F. Sur quelques problèmes posés par le développement de l'histoire quantitative (цит. по: Философия и методология истории, с. 252).

100 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 639.

101 Ibid., p. 639 – 640.

102 Ibid., p. 644.

103 R o s t o w W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge (Mass.), 1960, p. 2 – 17.

104 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 411.

105 Ibid., p. 643.

106 Ibid., p. 412.

107 С р. Л е в и - С т р о с с К. Структура мифов. – "Вопросы философии", 1970, № 7. См. также: М е л е т и н с к и й Е. М. Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа. – "Вопросы философии", 1970, № 7.

108 L e R o y L a d u r i e E. Les Paysans de Languedoc, t. 1, p. 643.

109 Ibid., p. 644.

110 См. работы советских историков по этой теме: П о р ш н е в Б. Ф. Феодализм и народные массы; Г у т н о в а Е. В. Средневековое крестьянство и ереси. – "Средние века", вып. 38; е е же. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья. – "Вопросы истории", 1966, № 4, и др.

111 L é v i - S t r a u s s C l. Anthropologie structurale. Paris, 1958, p. 75.

112 Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977.

113 Там же, с. 6.

114 Там же, с. 8–9.

115 Vilari P. Pour une meilleure compréhension entre économistes et historiens.— "Revue historique", 1965, t. CCXXX, p. 297–298.

116 См. об этом, например: Крассин Ю. А. Революцией устрешенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975.

117 Nora P. Le retour de l'élévation.— "Faire de l'histoire", t. 1, p. 227.

118 Об основных этапах эволюции взглядов руководителей журнала "Анналы" на проблемы французской буржуазной революции XVIII в. см.: Blumenau С. Ф. "Анналы" и проблемы французской буржуазной революции конца XVIII века.— "Вестник Московского университета. История", 1978, № 3.

119 Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française. Sur des controverses récentes.— "La Pensée", 1974, N 177.

120 Graudel F. Écrits sur l'histoire, p. IX.

121 См. об этом: Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française.— "La Pensée", 1974, N 177; Годшо Ж. Современное состояние изучения французской революции в странах Западной Европы и США.— В кн.: "Французский ежегодник 1970". М., 1972.

122 Morazé Ch. Les bourgeois conquérants. XIXe siècle. Paris, 1957.

123 Mauro F. La noblesse toulousaine au XVIIIe siècle.— "Annales...", 1964, N 5.

124 Furet F. Renouveau de l'étude des Lumières.— "Annales...", 1964, N 5.

125 Furet F. Pour une définition des classes inférieures à l'époque moderne.— "Annales...", 1963, N 3.

126 Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique; Croizet F. Croissances comparées de l'Angleterre et de la France au XVIIIe siècle.— "Annales...", 1966, N 2.

127 Furet F., Richet D. La Révolution, t. I–II. Paris, 1965–1966.

128 Richet D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme.— "Annales...", 1969, N 1; Furet F. Le catéchisme révolutionnaire.— "Annales...", 1971, N 2.

129 Livre et société dans la France au XVIIIe siècle, t. 1–2. Paris, 1966–1971; Chausinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIIIe siècle. Paris, 1972; idem. La noblesse au XVIIIe siècle. De féodalité aux lumières. Paris, 1976.

130 Domarçi J. Marx et l'histoire. Paris, 1972; Aron R. Histoire et dialectique de la violence. Paris, 1973; Glucksmann A. Les Maîtres penseurs. Paris, 1977.

131 Soboul A. L'historiographie classique de la Révolution française.— "La Pensée", 1974, N 177; Mazaugue C. Op. cit.

132 См. Манфред А. Некоторые тенденции зарубежной историографии.— "Коммунист", 1977, № 10; его же. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции.— В кн.: "Французский ежегодник 1976"; Адо А. В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII века.— "Вопросы истории", 1973, № 4; его же. Современные споры о Великой французской революции (историографический обзор).—

- В кн.: "Вопросы методологии и истории исторической науки". См. также: Соколова М. Н. Современная французская историография, гл. вторая.
- 133 M a z a u r i c C. Sur la Révolution française, p. 58 – 61.
- 134 R i c h e t D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: élites et despotisme.— "Annales...", 1969, N 1, p. 1.
- 135 F u r e t F., R i c h e t D. La Révolution, t. I, p. 1 – 10.
- 136 Ibid., p. 106.
- 137 Ibid., p. 120.
- 138 L e R o y L a d u r i e E. L'Histoire immobile.— "Annales...", 1974, N 3, p. 668.
- 139 F u r e t F., R i c h e t D. La Révolution, t. II, p. 207.
- 140 F u r e t F., R i c h e t D. La Révolution, t. I, p. 165.
- 141 Ibid., p. 294.
- 142 Ibid., p. 270.
- 143 Ibid., p. 358.
- 144 Ibid., p. 294.
- 145 F u r e t F. Le catéchisme révolutionnaire.— "Annales...", 1971, N 2, p. 288.
- 146 Ibid., p. 257.
- 147 Ibid., p. 282.
- 148 Ibid., p. 261. 263.
- 149 L e f e b v r e J. Le mythe de la Révolution française.— "Annales historiques de la Révolution française", 1965, p. 337.
- 150 F u r e t F., R i c h e t D. La Révolution, t. I, p. 137.
- 151 Назовем лишь некоторые из работ, которые принесли "новым философам" популярность: B e n o i s t J e a n - M a r i e. Marx est mort. Paris, 1970; D o l l e J e a n - P a u l. Le désir de révolution. Paris, 1972; L a r d r e a u G. Le singe d'or. Essai sur le concept d'étape du marxisme. Paris, 1973; G l u c k s m a n n A. La cuisinière et le mangeur d'hommes. Paris, 1975; J a m b e t C h., L a r d r e a u G. L'Ange. Paris, 1976; L e v y B.-H. La Barbarie à visage humain. Paris, 1977; C l a v e l M. Deux siècles chez Lucifer. Paris, 1978.
- 152 G l u c k s m a n n A. Les Maîtres penseurs. Paris, 1977, p. 295.
- 153 Ibid., p. 302.
- 154 Ibid., p. 297.
- 155 Ibid., p. 307.
- 156 Ibid., p. 309.
- 157 Ibidem.
- 158 L e v y B.-H. La Barbarie à visage humain, p. 16.
- 159 F e r r o M. La Révolution de 1917, t. I. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris, 1967; t. II. Octobre: naissance d'une société. Paris, 1976.
- 160 Об основных тенденциях современной французской историографии Великой Октябрьской революции см.: А ф а н а с ь е в Ю. Н. Современная французская буржуазная историография о предпосылках и характере Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: "Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков". М., 1971; е г о ж е. Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции.— В кн.: "История и историки. Историографический ежегодник 1974"; Н а у м о в Н. В. Указ. соч.
- 161 P o r t a l R. La Russie industrielle de 1880 à 1914. Paris, 1960; Les Slaves. Peuples et nations. Paris, 1965; S o r l i n P. La Société soviétique.

Paris, 1964; Chamber H. Union Soviétique et développement économique. Paris, 1967; Coquin F.-X. Le Révolution russe. Paris, 1967; Carbonell Ch.-O. La Grand Octobre russe de 1917. La révolution inimitable. Paris, 1967; Trotignon Y. Naissance et croissance de l'URSS. Paris, 1970; Carrère d'Encausse H. L'Union Soviétique de Lénine à Staline. 1917 – 1953. Paris, 1972; Laran M. Russie – URSS. 1870 – 1970. Paris, 1973.

162 Bettelheim Ch. Les luttes de classes en URSS. 1917 – 1923. Paris, 1973; Berger C. Marx, l'association, l'anti-Lénine. Vers l'abolition du salariat. Paris, 1974; Dallmagne J.-L. Construction du socialisme et révolution. Paris, 1975; Radjavi K. La dictature du prolétariat et le déperissement de l'Etat de Marx à Lénine. Paris, 1975.

163 Ferro M. Op. cit., t. II, p. 13.

164 Ibid., p. 17.

165 Ibid., p. 429 – 430.

166 Ibid., p. 5 – 6.

167 Ibid., p. 167.

168 Ibid., p. 215.

169 Ibid., p. 369.

170 Ibid., p. 221.

171 Ibid., p. 6.

172 Ibid., p. 37.

173 Ferro M. Le filme, une contre – analyse de la société. – "Annales...", 1973; idem. Fonction et réalité au cinéma une grève dans l'ancienne Russie. – In: "Méthodologie de l'histoire et des sciences humaines", t. II. Toulouse, 1973.

174 Ferro M. La Révolution de 1917, t. II, p. 232 – 236.

175 Ibid., p. 314.

176 Ferro M. La Révolution de 1917, t. I, p. 13.

177 См. об этом, например: "Вопросы истории", 1968, № 8 (интервью академика И. И. Минца); Соболев Г. Л. Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября. – В кн.: "История и психология".

178 Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968; Голиков Г. Н. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973; Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Август – октябрь 1917 г. М., 1965; Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М. – Л., 1964; Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия в 1917 году. М., 1964.

179 Более подробно об этом см.: Салов В. И. Указ. соч., с 109 – 134; Красин Ю. А. Указ. соч., с. 264 – 291.

180 Ferro M. La Révolution de 1917, t. I, p. 21 – 62.

181 Ibid., p. 170 – 185.

182 Ibid., p. 469.

183 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 62.

184 См. Минц И. И. История Великого Октября, т. 2, с. 163 – 177.

185 Ferro M. La Révolution de 1917, t. I, 468 – 477.

186 Ibid., p. 468 – 477.

187 Ferro M. La Révolution de 1917, t. I, p. 472.

188 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 389 – 390.

189 См., например: Минц И. И. История Великого Октября, т. 1 – 3.

М., 1967, 1968, 1973; Гапоненко Л. С. Решающая сила Великого Октября. М., 1977; Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917 – 1918 гг. М., 1965; Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март – октябрь 1917 г.). М., 1965; Кузин В. А. Народные массы и революция. Казань, 1966.

190 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 154.

191 Ferrо M. La Révolution de 1917, t. II, p. 363 – 372, 430.

192 Ibid., p. 434.

193 Ibid., p. 288.

194 Ibid., p. 435.

195 Ibid., p. 442.

196 Ibid., p. 439.

197 Ibid., p. 446.

198 Révolution et totalitarisme. – "Annales...", 1976, N 2.

Заключение

1 Graudel F. Écrits sur l'histoire, p. 80.

2 Цит. по: "История СССР", 1961, № 4, с. 210.

3 "Annales...", 1974, N 3.

4 Aujourd'hui l'histoire, p. 138.

5 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 307 – 308.

6 XX съезд Французской коммунистической партии. Сент-Уэн, 13 – 17 декабря 1972 г. М., 1972, с. 23.

7 Пономарев Б. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса. – "Коммунист", 1971, № 15, с. 49.

8 Priouret R. Les Français mistifiés. Paris, 1973, p. 9.

9 Agon R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris, 1962.

10 Quelle crise, quelle société? Paris, 1974, p. 40. См. также: Agon R. Plaidoyer pour l'Europe décadente.

11 Agon R. Les désillusions du progrès. Paris, 1969, p. 340.

12 Duverger M. Janus. Les deux faces de l'Occident. Paris, 1972, p. 265. Критику взглядов Р. Арона и М. Дюверже на политические системы Запада см.: Грацианский П. С. Политическая наука во Франции. Критические очерки. М., 1975; Зueva К. П. Указ. соч.

13 Цит. по: "L'Humanité", 25 novembre 1974.

14 Фадеева Т. М. Стратегия буржуазного реформизма в современной Франции. М., 1975, с. 158.

15 Цит. по: "Le Point", 26 août 1974, p. 34.

16 Chevènement J.-P. Les socialistes, les communistes et les autres. Paris, 1977, p. 186.

17 Критику "еврокоммунистических" взглядов некоторых французских коммунистов см.: Седов Ю. Назад, к Эдуарду Бернштейну? – "Новое время", 1978, № 22; Амбарцумов Е., Бурлацкий Ф., Красин Ю., Плетнев Э. Против искажения опыта реального социализма. – "Коммунист", 1978, № 18.

18 Giscard d'Estaing V. Démocratie française. Paris, 1976, p. 39.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Марк Блок и Люсьен Февр в поисках способов обновления исторической науки. Становление школы "Анналов"	10
1. Социально-политические и общенаучные условия формирования школы "Анналов"	10
2. М. Блок и Л. Февр: понимание истории как науки и как процесса исторического развития общества	45
3. Э. Лабрусс, Ж. Лефевр и школа "Анналов"	63
4. Формирование школы "Анналов" и марксизм	70
Глава вторая. "Анналы" и "глобальная история". История без развития	77
1. Некоторые черты социально-политической обстановки во Франции и школа "Анналов" в послевоенные годы	77
2. Историко-социологическая концепция Ф. Броделя	94
3. Исследовательская проблематика, характер основных публикаций историков школы "Анналов" в 40–60-х годах	139
Глава третья. "Анналы" и раздробленная история. История без людей	165
1. "Анналы" и некоторые направления методологической перестройки французской буржуазной историографии в 60–70-х годах	165
2. Квантитативная, или серийная, историография. Ретроспективная клиометрия П. Шоню	181
3. Натурализация социального в работах Э. Ле Руа Ладюри.	197
4. От методологии социально-экономической истории к идеологии антиреволюционности	215
Заключение	239
Литература и источники	252

ИБ 1254

АФАНАСЬЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Историзм против эклектики

**Французская историческая школа "Анналов"
в современной историографии**

Заведующий редакцией **Н. П. Микешин**

Редактор **Л. В. Рогова**

Младший редактор **З. В. Макарова**

Оформление художника **С. Н. Голубева**

Художественный редактор **И. А. Дутов**

Технический редактор **Е. А. Данилова**

Корректор **И. В. Равич-Щербо**

Оператор наборно-печатающего автомата **И. В. Ермолина**

Набор текста произведен в издательстве "Мысль" на наборно-печатающем автомате. Сдано в набор 25. 11. 79. Подписано в печать 16. 01. 80. Формат 84 x 108/32. Бумага офсетная. Гарнитура пресс-роман. Офсетная печать. Условно-печатных листов 14,70. Учетно-издательских листов 17,98. Тираж 4500. Заказ № 286 . Цена 1 р. 50 к.

Издательство "Мысль". 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Тульская типография "Союзполиграфпрома" при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

1 p. 50 к.

